This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

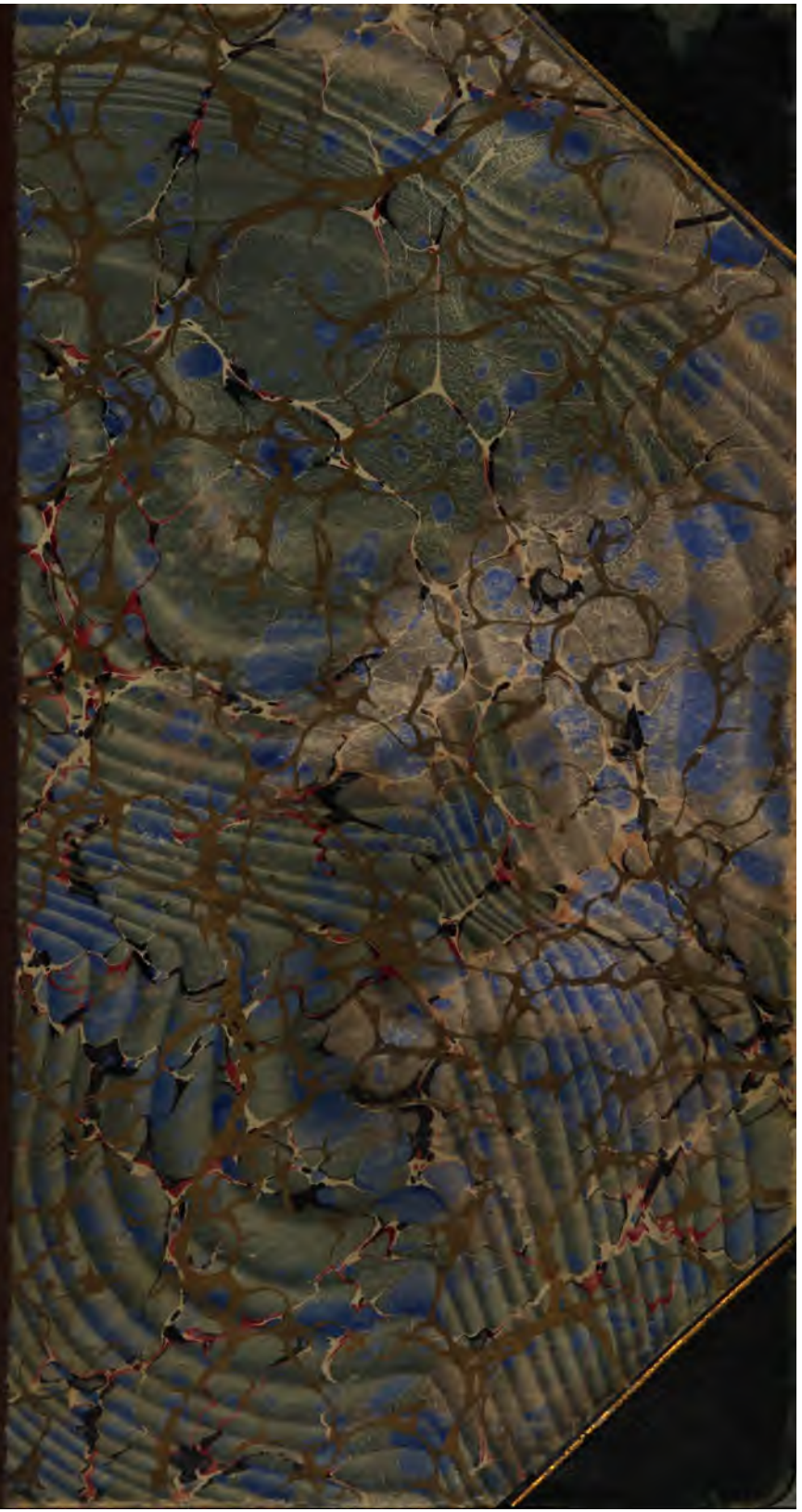
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

.X
1P B

2530 n/79

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

Markevich, B. M.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.
1885.

PG3467
M327
1885
v.8

FUMIGATED 5 18 0

Содержаніе

ВОСЬМАГО ТОМА:

СТРАН.

Бездна. (Часть первая). . . . . 1—297

БЕЗДНА.

БЕЗДНА.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ *).

Посвящается Еленѣ Сергѣевнѣ Рахмановой.

Tempora quibus nec vitia nostra,
nec remedia pati possumus.
Livius.

ПРОЛОГЪ.

I.

Предъ трономъ красоты тѣлесной
Святыхъ молитвъ не возжигай...
Н. Павловъ.

Глухой, словно осипшій отъ непогодъ и времени, колоколъ старинной каменной церкви села Буйносова, Юрьева-тожь, звонилъ ко всенощной. Въ воздухѣ начинало тянуть предвечернею свѣжестью на смѣну палившаго утромъ жара. Высоко подъ лазоревымъ небомъ рѣяли ласточки, бѣжали волокнисто-бѣлыя гряды веселыхъ лѣтнихъ облачковъ.

Церковь со своею полуобрушенною, какъ и сама она, оградой и пятью, шестью кругомъ нея старыми березами, Богъ вѣсть какимъ чудомъ уцѣлѣвшими отъ безпощаднаго мужицкаго топора, стояла особнякомъ у проѣзжей дороги, на по-

*) Впервые печаталась въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ 1, 2, 3, 4, 7, 9 и 11 книжкахъ за 1880 годъ и въ 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11 книжкахъ за 1884 г., и тѣмъ же наборомъ послѣдовательно перепечатывалась и въ началѣ 1885 г. выпущена отдѣльнымъ изданіемъ. Смерть застигла автора, прежде чѣмъ онъ успѣлъ довести „Бездну“ до конца. В. В. Крестовскій написалъ къ ней послѣсловіе, впервые напечатанное во 2 книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1885 годъ.

ловинѣ разстоянія между селомъ и усадьбой бывшихъ его господъ, принадлежавшихъ къ древнему, когда-то княжескому и боярскому роду Буйносовыхъ-Ростовскихъ. Когда-то верстъ на двадцать кругомъ сплошь раскидывались владѣнія этихъ господъ... Но времена тѣ были уже далеки...

Въ минуту, когда начинается нашъ разсказъ, у церковной ограды остановилась легонькая, на рессорахъ, телѣжка съ тройкой добрыхъ гнѣдыхъ лошадокъ въ наборной по-ямщицки сбруѣ. Молодой парень-кучеръ, стоя лицомъ къ кореннику, озабоченно и поспѣшно оправлялъ свернувшуюся на ѣздѣ нѣсколько на бокъ дугу. Чей-то запыленный, легкой лѣтней матеріи рагланъ лежалъ на обитомъ темнозеленымъ трипомъ сидѣніи телѣжки.

— Что̀ это, Григорія Павловича лошади? раздался за спиной кучера звучный гортанный голосъ молодой особы, медленно подходившей къ церкви со стороны пространнаго сада, за которымъ скрывалась усадьба.

Тотъ обернулся, узналъ знакомую „барышню", снялъ шляпу и поклонился:

— Точно такъ-съ, ихнія!

— Гдѣ же онъ?

— А сичасъ вотъ въ церковь прошли... ко всенощной сталобыть...

Какая-то странная усмѣшка пробѣжала по ея губамъ.

— Откуда ѣдете? коротко спросила она чрезъ мигъ.

— Изъ Всесвятскаго... Отъ генерала Троекурова, добавилъ онъ какъ бы уже съ важностью.

Она чуть-чуть усмѣхнулась еще разъ, вытащила изъ кармана юпки довольно объемистый кожаный портсигаръ, прошла за ограду и, замѣтивъ въ муравѣ растреснутую могильную плиту съ полустертыми слѣдами высѣченной надписи, усѣлась на ней, дымя закуренною тутъ же папироской.

Парень искоса повелъ на нее глазомъ и какъ бы одобрительно качнулъ головой. „Въ акуратѣ барышня!" говорило, казалось, его румяное, бойкое и самодовольное лицо.

„Барышня" была дѣйствительно очень красива въ своемъ простенькомъ, но изящно скроенномъ платьѣ изъ небѣленаго

холста, убранномъ *русскими* кружевами съ ободочками узора изъ красныхъ нитокъ, подъ которымъ вырисовывались пышно развитыя формы высокаго дѣвственнаго стана, и въ соломенной шляпѣ à la bergère, утыканной кругомъ полевыми цвѣтами, только-что нарванными ею въ полѣ. Изъ-подъ шляпы выбивались густыя пряди темныхъ, живописно растрепавшихся волосъ кругомъ правильнаго, строго-овальнаго и блѣднаго лица. Надъ большими, цвѣта aquae marinae глазами рѣзко выдѣлялись отъ этой блѣдности кожи тонкія, какъ говорится, въ ниточку, дуги почти совершенно черныхъ бровей... „Берегись женщины блѣдной, черноволосой и голубоглазой", говорятъ въ Испаніи...

Она курила и ждала, упершись взглядомъ въ растворенную дверь храма, откуда доносилось до нея уныло торопливое шамканье стараго дьячка.

Такъ прошло съ четверть часа.

Но вотъ на проросшую травой каменную паперть вышелъ изъ церкви бѣлокурый, статный молодой человѣкъ лѣтъ тридцати съ чѣмъ-то, съ пушистою свѣтлою бородкой и миловиднымъ выраженіемъ свѣжаго и нѣжнаго какъ у женщины лица. Онъ сразу замѣтилъ дѣвушку и, съ мгновенно засіявшимъ пламенемъ въ глазахъ, поспѣшно сбѣжалъ со ступенекъ къ ней.

— Что-жь это вы до богомольства уже дошли? съ какою-то холодною ѣдкостью насмѣшки спросила она его первымъ словомъ, не трогаясь съ мѣста.

Онъ покраснѣлъ, не находя отвѣта, смущенный не то вопросомъ, не то радостною неожиданностью встрѣчи съ нею.

— Да-съ, вотъ проѣзжали, зашли, возразилъ за него грубоватымъ тономъ вышедшій вслѣдъ за молодымъ человѣкомъ толстякъ среднихъ лѣтъ, въ черепаховыхъ очкахъ и просторномъ люстриновомъ пальто,—не мѣшало бы и вамъ, полагаю, зайти лобикъ перекрестить: завтра большой праздникъ, второй Спасъ...

— Ахъ, докторъ, это вы! перебила она его съ пренебрежительнымъ движеніемъ губъ, въ отвѣтъ на его замѣчаніе:— Вы къ намъ? Сестра посылала къ вамъ сегодня нарочно...

— Да-съ; посмотримъ вотъ на него, посмотримъ... Новые симптомы какіе-нибудь замѣтили?

— Все то же!... Возбужденъ очень былъ вчера вечеромъ, ночью никому спать не далъ...

Толстякъ скорчилъ гримасу:

— Ну, и требовалъ?..

— Само собою!

— И дали?... Сколько?

— Не знаю, спросите сестру... Я въ это не вмѣшиваюсь,— гадко! воскликнула она вдругъ съ отвращеніемъ, подымаясь со своей плиты и направляясь за ограду.

— А на чьей это могилкѣ изволили вы прохлажаться между прочимъ? спросилъ, оглянувъ покинутое ею сидѣніе, все съ тою же гримасой на толстыхъ губахъ, докторъ, въ которомъ читатель, смѣемъ надѣяться, успѣлъ узнать знакомаго ему Николая Ивановича Ѳирсова *).

— Не знаю, отвѣтила она черезъ плечо,—кого-нибудь изъ доблестныхъ предковъ, надо полагать...

Онъ быстро и значительно поглядѣлъ на молодаго человѣка, какъ бы говоря: „хороша, а?“ Тотъ подавилъ вырывавшійся изъ груди его вздохъ и опустилъ глаза.

— Прикажете, я васъ довезу, Антонина Дмитріевна? спросилъ ее Ѳирсовъ, когда они втроемъ вышли на дорогу, гдѣ стоялъ экипажъ пріѣзжихъ.

— А Григорій Павловичъ какъ же? Въ этой таратайкѣ третьему мѣста нѣтъ.

— А Григорій Павловичъ маленько подождетъ меня... Я къ вамъ вѣдь не на долго-съ. Мы вотъ спѣшимъ, чтобы засвѣтло къ нимъ въ Углы поспѣть: у Павла Григорьевича Юшкова опять подагра разыгралась.

Антонина Дмитріевна иронически прищурилась на него:

— А я предлагаю вамъ ѣхать одному. Это будетъ удобнѣе для васъ... и для меня. А мы васъ съ Григоріемъ Павловичемъ подождемъ въ саду... Пойдемте, Григорій Павловичъ,

---

*) *Переломъ*, часть IV.

проговорила она чуть не повелительно, двигаясь по краешку пыльной дороги.

Молодой человѣкъ послушно пошелъ за нею.

Докторъ досадливо поглядѣлъ ему во слѣдъ, но дѣлать было нечего: онъ крякнулъ, ввалился кое-какъ съ помощью кучера въ телѣжку и покатилъ въ усадьбу.

— Вамъ запрещено къ намъ ѣздить? не замедляя шага и не глядя на своего спутника, спросила его нежданно дѣвушка.

Ему точно кто плеснулъ водой въ лицо. Онъ вскинулъ на нее сверкавшіе глаза, но сдержался.

— Я не мальчикъ на помочахъ, Антонина Дмитріевна, выговорилъ онъ, насколько могъ спокойнѣе,—и вашъ вопросъ по меньшей мѣрѣ страненъ...

— И чтобы вы не вздумали ослушаться, къ вамъ даже менторъ приставленъ, продолжала она тѣмъ же тономъ, будто и не слышала вовсе его возраженія.

— Менторъ? кто это?..

— А вотъ этотъ Фальстафъ, который васъ по заутренямъ возитъ. Скажете—нѣтъ?

И она громко разсмѣялась:

— Какъ онъ это тонко придумалъ увезти меня, чтобы спасти своего Телемака отъ соблазна, и какъ, должно быть, бѣсится теперь, что это ему не удалось!.. Какой отвѣтъ въ самомъ дѣлѣ будетъ онъ теперь Троекуровымъ держать?..

Досадой и тоской отзывались эти *шпильки* въ душѣ молодаго человѣка. На лицѣ его сказывалось страданіе.

— Къ чему говорите вы мнѣ этотъ... вздоръ? вырвалось у него невольно.

— Не „вздоръ“,—это вы напрасно! Кому же не извѣстно, что вы состоите на положеніи любимчика у здѣшняго великаго *генерала*, насмѣшливо подчеркнула она,—и что вы имъ предназначаетесь въ мужья его Машеньки? Онъ поэтому, какъ дальновидный господинъ, и счелъ нужнымъ установить заранѣе наблюденіе за вашею moralité.

— Ничего подобнаго нѣтъ и не бывало! горячо протестовалъ Юшковъ: — Машенька Троекурова — пятнадцатилѣтняя

еще дѣвочка; родителямъ ея вѣроятно и въ голову до сихъ поръ не приходило думать о ея замужествѣ... И не такіе они люди вообще, чтобы загадывать объ этомъ заранѣе... Я эту семью глубоко уважаю и люблю, Антонина Дмитріевна, поспѣшилъ онъ прибавить вѣско, въ очевидномъ намѣреніи не допускать ее продолжать разговоръ въ этомъ тонѣ, — а Борису Васильевичу лично многимъ обязанъ...

— Какъ же, слышала, невозмутимо объяснила она:—отъ жандармовъ спасъ когда-то и нигилиста обратилъ въ вѣрноподданнаго и „блюстителя основъ", какъ говоритъ Щедринъ.

Юшковъ вспыхнулъ до самыхъ волосъ. Онъ разсердился не на шутку.

— Вы напрасно думаете уколоть меня вашими насмѣшками, проговорилъ онъ дрожащимъ отъ внутренняго возбужденія голосомъ, — я убѣжденія мои не почитаю нужнымъ оправдывать ни предъ кѣмъ.

Она обернулась къ нему и широко улыбнулась:

— Я васъ объ этомъ и не прошу. Какое мнѣ дѣло до вашихъ, да и до чьихъ бы ни было „убѣжденій"? У меня у самой ихъ никакихъ нѣтъ.

Улыбка у нея была прелестна, а низкій гортанный голосъ, мягкій и проницающій, такъ и просился въ душу молодаго человѣка. Гнѣвъ его стихъ мгновенно.

— Мнѣ никто не „запрещаетъ" и запретить не можетъ бывать у васъ, Антонина Дмитріевна, началъ онъ чрезъ минуту съ замѣтною уже робостью и прерываясь въ рѣчи,—но, признаюсь вамъ, я самъ... удерживаюсь, и если бы не встрѣтилъ васъ сейчасъ, я... дѣйствительно... я не вошелъ бы къ вамъ въ домъ, а дождался бы вотъ тутъ, у церкви, пока Николай Ивановичъ не вернулся бы отъ вашего батюшки...

— Очень любезно! Почему же это такъ, можете отвѣтить?

— Вы сами знаете...

— Что̀ я знаю?

— То, что вамъ до меня никакого дѣла нѣтъ.

— Нѣтъ, медленно промолвила она,—я люблю такихъ... *невинныхъ*, какъ вы.

Онъ готовъ былъ разсердиться опять...

— Это я вамъ не въ укоръ говорю, успокоительно добавила она:—напротивъ! Сама я, можетъ быть, чувствовала бы себя счастливѣе, если бы могла, вотъ какъ вы, во что-то вѣрить, чему-то *служить*...

— Да развѣ безъ этого, скажите, можно жить? съ оттѣнкомъ чуть не отчаянія перебилъ онъ ее.

— Вотъ какъ видите, засмѣялась она, выпрямляясь вся, словно для того, чтобы дать ему возможность оцѣнить весь безукоризненный складъ ея роскошнаго облика,—и даже желѣзнымъ здоровьемъ пользоваться при этомъ.

Онъ безсознательнымъ движеніемъ схватился за голову.

— Зачѣмъ напускаете вы на себя такой цинизмъ, Антонина Дмитріевна!

Она пожала плечами:

— Кто же вамъ сказалъ, что я „напускаю на себя", вопервыхъ; и почему правда, по-вашему,—„цинизмъ"?

— Да развѣ можно такъ думать въ ваши годы, съ вашею наружностью... при вашемъ умѣ, наконецъ? пылко воскликнулъ онъ:—неужели „ничего во всей природѣ", какъ сказалъ Пушкинъ, благословить вы не хотите?

— Ни кто и ни что „во всей природѣ" въ благословеніи моемъ не нуждается, иронически возразила она на это.

— Вѣдь это ужасно! продолжалъ онъ горячиться.—Я первую такую, какъ вы, дѣвушку—женщину вообще—встрѣчаю въ жизни. И я не хочу вѣрить, не вѣрю, чтобъ это было искренно... Нѣтъ въ мірѣ, даже въ животномъ мірѣ, существа, которое могло бы обойтись безъ привязанности, безъ ласки... безъ любви.

— На языкѣ науки то, что называете вы „любовью", имѣетъ другое имя, безпощадно отрѣзала она въ отвѣтъ:—вы напрасно о „животномъ мірѣ" упомянули. Физіологія не допускаетъ произвольныхъ фантазій вашей *эстетики*.

Онъ не отвѣчалъ: это было уже слишкомъ рѣзко, слишкомъ „цинично", дѣйствительно...

Они стояли теперь предъ рвомъ, окаймлявшимъ старый, пространный и запущенный садъ усадьбы ея отца. Ровъ успѣло уже почти до верху завалить отъ времени и неприсмотра.

Люди и животныя ближайшихъ деревень равно безпрепятственно проникали чрезъ него для всякой своей потребы въ этотъ „барскій“ садъ,—разбитый при Елисаветѣ искуснымъ въ своемъ дѣлѣ Французомъ, выписаннымъ изъ Версаля тогдашнимъ владѣльцемъ Юрьева, генералъ-поручикомъ Артеміемъ Ларіоновичемъ Буйносовымъ, сподвижникомъ Апраксина и Ласси въ Семилѣтней Войнѣ,—и распоряжались въ немъ на полной своей волюшкѣ: поѣдали и вытаптывали молодую поросль, сдирали кору съ липъ и березъ, рубили на вѣники сиреневые кусты... Слѣды старыхъ аллей давно исчезли; ихъ замѣнили змѣившіяся во всѣ стороны тропинки, проложенныя овцами и крестьянскими дѣтьми, бѣгавшими сюда, въ силу старой рутины, „по ягодки и орѣшки“, давно уже повыведенные здѣсь въ общемъ разорѣ... Угрюмо звенѣли посохлыя вершины, чернѣли пни поломанныхъ бурей или сваленныхъ наспѣхъ воровскимъ топоромъ вѣковыхъ деревьевъ; вытравленная скотомъ на луговинахъ трава выдавалась кое-гдѣ по низямъ приземистою, жидкою отавой...

Юшковъ вслѣдъ за Антониной Дмитріевной перепрыгнулъ черезъ ровъ и очутился съ нею въ саду. Она, молча, бережно и гадливо глядя себѣ подъ ноги, повела его извилистою тропинкой по направленію къ виднѣвшейся издали каменной скамьѣ, сѣрѣвшей подъ низкими вѣтвями коряваго стараго дуба.

— Знаете вы, какъ называлось это мѣсто въ старину? спросила она вдругъ, дойдя до него и оборачиваясь къ своему спутнику.

— Не знаю.

— *Храмъ утѣхъ.*

Онъ засмѣялся.

— Серіозно! Тутъ стояла, говорятъ, статуя Венеры, и напудренныя бабушки назначали здѣсь по ночамъ своимъ любезнымъ амурныя rendez-vous.

Молодаго человѣка снова покоробило отъ этихъ словъ.

Она замѣтила это и надменно повела губами:

— Что̀, не понравилось выраженіе? Mauvais genre находите?

— Нахожу некрасивымъ, да, твердо произнесъ онъ,—но меня еще болѣе возмущаетъ эта вѣчная злоба въ вашихъ рѣчахъ.

— Злоба! повторила она какъ бы невольно, опускаясь на скамью, глянула ему прямо въ лицо и проговорила отчеканивая:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть *).

Жуткое чувство охватило его вдругъ. Онъ точно въ первый разъ видѣлъ теперь эти глаза... Въ первый разъ, дѣйствительно, поражало его въ соединеніи съ тѣмъ, что̀ выговорено было ею сейчасъ, соотвѣтствующее выраженіе ея голубыхъ, съ мертвеннымъ блескомъ цвѣтнаго камня глазъ... „Тутъ все порѣшено и похоронено, тутъ ни пощады, ни возврата къ свѣту нѣтъ“, пронеслось у него въ мысли внезапно и скорбнымъ откровеніемъ... По тѣлу его пробѣжала нервная дрожь; онъ сѣлъ подлѣ нея, провелъ себѣ рукой по лицу:

— Вы рѣшительно желаете упорствовать въ своемъ человѣко- и мироненавидѣніи? сказалъ онъ насилованно-шутливымъ тономъ.

— А вамъ бы очень хотѣлось помирить меня съ ними?

Онъ быстро поднялъ голову:

— Да, я долго лелѣялъ въ душѣ эту надежду.

— А Троекуровъ, что̀ же... а ваши пуритане—отецъ и дядюшка—что̀ бы сказали?

Онъ готовился отвѣтить... Она остановила его движеніемъ руки:

— Нѣтъ, пожалуйста, безъ объясненій; я знаю заранѣе все, что̀ можете вы мнѣ сказать. Это потеря словъ была бы одна...

— Позвольте однако, Антонина Дмитріевна, всклинкнулъ онъ неудержимо, уносимый тѣмъ страннымъ, мучительнымъ обаяніемъ, которое, не смотря ни на что̀, производила она на него,—я хотѣлъ только заявить, что если бы вы захотѣли...

— Вы бы не остановились ни передъ какимъ препятствіемъ, договорила она за него:—знаю непередъ, я вамъ сказала. И

*) Некрасовъ.

я на это отвѣчу вамъ со свойственнымъ мнѣ „цинизмомъ“, какъ вы выражаетесь. Я бы со своей стороны ни на что̀ и ни на кого не поглядѣла, если бы выйти за васъ замужъ почитала для себя выгоднымъ. Но я этого не нахожу.

Онъ перемѣнился въ лицѣ, растерянно взглянулъ на нее...

Она обвела взглядомъ кругомъ:

— Вы видите это разореніе, нищету, мерзость? Мнѣ нужно по меньшей мѣрѣ полтораста тысячъ дохода, чтобы вознаградить себя за все то, что̀ выносила я до сихъ поръ среди этого.

— Я ихъ не могу вамъ дать! съ прорывавшимся въ голосѣ негодованіемъ выговорилъ Юшковъ.

— Я знаю, невозмутимо подтвердила она: —а Сусальцевъ повергаетъ ихъ къ моимъ ногамъ, промолвила она съ ироническимъ паѳосомъ.

— Вы думаете итти за Сусальцева? чуть не крикомъ крикнулъ молодой человѣкъ.

— А что̀?

— Вѣдь это купчина, человѣкъ инаго міра, инаго воспитанія!...

Она перебила его смѣхомъ:

— Сословные предразсудки en l'an du Christ dix huit cent *septante* six, какъ выражается мой маркизъ-папаша? Вы прелестны своею наивностью, Григорій Павловичъ!...

— Вы правы, воскликнулъ онъ опять, вскакивая съ мѣста,—я наивенъ, я глупъ,—я совсѣмъ глупъ, чувствую! Предъ вашею реальностью мнѣ остается только смиренно преклониться, подчеркнулъ онъ съ какимъ-то ребяческимъ намѣреніемъ уколоть ее въ свою очередь.

Она и бровью не моргнула на это.

— Какъ жаль, что сестра моя Настя не видитъ васъ въ этомъ прекрасномъ негодованіи, медленно проронила она; — она почитаетъ себя нигилисткой, но имѣетъ сердце чувствительное и питаетъ въ немъ тайное, но страстное обожаніе къ вамъ.

— Вашъ сарказмъ и сестру родную не щадитъ! возразилъ онъ досадливо, морщась и краснѣя невольно.

— Напротивъ, это я изъ участія къ ней. А что вы не послѣдовательны, въ этомъ я не виновата.

— Чѣмъ „не послѣдователенъ?“ недоумѣло спросилъ онъ.

— Вы такъ хлопочете о спасеніи, о примиреніи съ жизнью женскихъ душъ, погибающихъ въ „отрицаніи“. Отчего же относитесь вы неотступно съ этимъ ко мнѣ,— къ *неисцѣлимой*, вы знаете,—а не попробуете тамъ, гдѣ дѣйствительно, я вамъ отвѣчаю, „елей вашихъ рѣчей благоуханныхъ“ можетъ пойти въ прокъ... Или въ самомъ дѣлѣ, примолвила она, зорко остановивъ на немъ загадочный взглядъ, — олицетворяющееся во мнѣ *зло* имѣетъ такую неотразимую привлекательность для добродѣтельныхъ *эстетиковъ*, какъ вы?

Юшковъ растерянно взглянулъ на нее—и не нашелъ еще разъ отвѣта...

II.

Ed or, negletto e vilipeso, giace
In le sue case, pover, vecchio e ciecco...
Machiavelli.

Докторъ Ѳирсовъ, между тѣмъ, въѣхавъ на *красный* дворъ усадьбы, давно поросшій травой и на которомъ паслись теперь три стреноженныя чахлыя лошади, велѣлъ остановиться предъ крыльцомъ длиннаго, каменнаго дома, съ такимъ же надъ середкой его каменнымъ мезониномъ, построеннаго въ томъ казарменномъ стилѣ *ящикомъ*, въ какомъ строилось все и вся въ русскихъ городахъ и селахъ въ Александровскую и Николаевскую архитектурныя эпохи. Онъ осторожно спустилъ съ телѣжки свое громоздкое туловище и, приказавъ кучеру отъѣхать ждать его на большую дорогу позади сада, прошелъ въ открытыя настежь сѣни, не совсѣмъ довѣрчиво ступая подошвами по разсохшимся и разъѣхавшимся мѣстами половицамъ. Сѣни вели въ огромную, бывшую танцовальную залу съ безчисленнымъ количествомъ оконъ по длинѣ ея и ширинѣ, съ полуобвалившеюся штукатуркой расписаннаго букетами плафона и съ разбитыми стеклами взбухшихъ и загнившихъ рамъ, хлопавшихъ отъ сквознаго вѣтра съ трескомъ ружейнаго выстрѣла; вмѣсто всякой мебели стоялъ въ этой залѣ объемистый, нагруженный пудовыми булыжниками, катокъ для бѣлья и, отъ окна къ окну, подвязанныя концами къ задвижкамъ, тянулись веревки, на которыхъ просыхали какія-то женскія шемизетки. Двѣ, слѣдовавшія за залой, *гостиныя* представляли тотъ же видъ запущенности и разоре-

нія: окна безъ занавѣсей, надтреснувшій отъ мороза долго нетопленныхъ зимой комнатъ мраморъ подоконниковъ, выцвѣтшіе и порванные обои съ пробитыми въ обнаженномъ кирпичѣ дырьями гвоздей изъ-подъ висѣвшихъ когда-то на нихъ цѣнныхъ зеркалъ и картинъ, давно сбытыхъ или хищнически забранныхъ въ чужія руки... Сборная, недостаточная по объему покоевъ мебель, увѣчные столы и стулья всякихъ эпохъ и видовъ мизерно лѣпились здѣсь вдоль панелей или кучились по угламъ безпорядочнымъ и безобразнымъ хламомъ, покрытымъ чернымъ, сплошнымъ слоемъ пыли, къ которому годами не прикасалась человѣческая рука... Рядъ „пріемныхъ аппартаментовъ", въ которыхъ очевидно давно уже никто не *принимался*, замыкала „боскетная", служившая теперь жилищемъ владѣльцу этихъ развалинъ, — бывшему совѣтнику посольства, отставному камергеру и дѣйствительному статскому совѣтнику, Дмитрію Сергѣевичу Буйносову.

Здѣсь было нѣсколько чище и удобопомѣстительнѣе. Комната оправдывала свое названіе „боскетной" довольно хорошо сохранившимися на стѣнахъ ея старинными, теперь уже не находимыми болѣе нигдѣ обоями, изображавшими древне-греческій пейзажъ, во вкусѣ Первой Имперіи, съ оливковыми рощами, аттическими храмами, стадами бѣлорунныхъ овечекъ, пастушкàми и пастýшками, лежащими обнявшись на зеленыхъ берегахъ голубыхъ ручьевъ. Раздѣлена она была пополамъ грубо крашеною подъ красное дерево, домодѣльною сосновою перегородкой, на которой навѣшано было въ почернѣлыхъ рамахъ нѣсколько фамильныхъ портретовъ: суровыя или улыбающіяся лики пудреныхъ кавалеровъ съ лентами и звѣздами на форменныхъ, обшитыхъ галунами кафтанахъ... Такой же домодѣльный, длинный жесткій диванъ, крытый дешевымъ ковромъ, расположенъ былъ вдоль перегородки; продѣланная въ ней дверь вела въ заднюю, темную часть комнаты, уборную хозяина. Въ передней, кромѣ дивана, стояли старинный письменный столъ *Jacob* (краснаго дерева съ мѣдью), такое-же бюро со стоявшими на немъ англійскими часами Нортона, звонившими каждую четверть часа какимъ-то таинственно-серебристымъ звономъ, и два, три древнія, глу-

бокія кресла, обитыя порыжѣлымъ сафьяномъ. Темныя сторы завѣшивали на половину длинныя, въ четыре стекла вышины, окна, выходившія въ садъ.

У одного изъ этихъ оконъ сидѣлъ теперь самъ больной въ новенькомъ, изящномъ, о двухъ большихъ, легкихъ колесахъ, креслѣ-самокатѣ, обратившемъ первымъ дѣломъ вниманіе входившаго доктора.

— Съ обновкой! проговорилъ онъ веселымъ тономъ, останавливаясь на порогѣ комнаты:—давно-ли обзавелись?

— А, докторъ, здравствуйте! какъ бы нѣсколько свысока произнесъ Дмитрій Сергѣевичъ, уронилъ руки на колеса и двинулъ ими кресло свое шага на два впередъ;—да, вотъ видите, j'ai acquis le moyen de me remuer quelque peu.

— Изъ Москвы выписали?

— „Выписалъ!“ захихикалъ онъ вдругъ горькимъ смѣхомъ:—un gueux comme moi, на какія деньги мнѣ... „вы-писы-вать?“ повторилъ онъ такимъ же ироническимъ и не совсѣмъ твердымъ голосомъ:—милостивецъ одинъ, un bienfaiteur, преподнесъ мнѣ... въ даяніе...

— Кто такой? допытывался любопытный какъ женщина провинціальный эскулапъ.

— Ну, этотъ здѣшній... le Rothschild de l'endroit, vous savez...

— Совсѣмъ не *саве*, засмѣялся тотъ,—не знаю, про кого вы говорите.

— Ну, какъ же (и рука недужнаго невѣрнымъ движеніемъ махнула по воздуху)... Je ne puis jamais me mettre dans la tête ces fichus noms-là... Суз... Сусликовъ enfin! всклинкнулъ онъ чуть не радостно, словно поймавъ за хвостъ ускользавшее отъ него имя.

— Су-саль-цевъ, Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ, протяжно отчеканивая, поправилъ его изъ-за перегородки чей-то женскій голосъ.

— Суздальцевъ, c'est ça! закачалъ онъ утвердительно головой,—Провъ Ефимовичъ Суздальцевъ... Суздаль, une ville du gouvernement de Wladimir... *Провъ*, qui évidemment vient du latin: *probus*... Bien nommé du reste, très juste,—этакая, знае-

те, простая, честная русская душа... Il me revient tout à fait (то-есть онъ мнѣ совсѣмъ нравится) ce garçon-là! тономъ покровительственнаго одобренія примолвилъ онъ.

— Здравствуйте Настасья Дмитріевна! крикнулъ докторъ, не слушая его болѣе.

— Здравствуйте, отозвалась она, выступая изъ двери съ наволочкой въ рукѣ,—спасибо, что пріѣхали!..

Она была ниже ростомъ сестры, которую напоминала, впрочемъ, общимъ характеромъ чертъ, худа, или, какъ говорится, жидка на видъ. Густая масса темныхъ, довольно коротко остриженныхъ волосъ, собранныхъ подъ черную синелевую сѣтку, словно придавливала къ низу ея тонкій и легкій обликъ своимъ безполезнымъ для нея изобиліемъ. Но ея большіе, нисколько не похожіе на глаза Антонины, коричневые въ синемъ бѣлкѣ, слозно изъ-за какой-то чуть прозрачной дымки строго и спокойно глядѣвшіе глаза—были великолѣпны. На желтовато-блѣдномъ лицѣ явственно сказывались слѣды заботъ и безсонно проводимыхъ ночей... Одѣта она была въ длинную, синяго цвѣта, похожую покроемъ на рясу монастырскаго служки, холстинковую блузу, перетянутую въ таліи широкимъ кожанымъ кушакомъ на пряжкѣ.

Ѳирсовъ, сморщивъ брови, повелъ на нее искоса участливымъ взглядомъ.

Она подошла ко креслу отца, вытащила изъ-за спины его подушку, быстро смѣнила грязную наволочку принесенною ею свѣжею и, не глядя ни на кого, заговорила, обращая рѣчь къ доктору:

— Я васъ опять просила пріѣхать, Николай Иванычъ, потому что знаю васъ за порядочнаго человѣка и что вы не откажете, хотя мы не только не въ состояніи платить вамъ за визитъ, но еще...

— А вотъ и не пріѣду больше никогда, съ сердцемъ перебилъ онъ ее,—коли станете чушь городить!

Недужный въ свою очередь заметался въ своемъ креслѣ.

— Quel manque de goût, quelle absence de tact! восклицалъ онъ, хватаясь за голову и принимаясь качаться со стороны на сторону:— вѣдь они теперь ничего этого не понимаютъ,

докторъ... Дочь моя, *ma* fille, скорбно подчеркнулъ онъ, она не понимаетъ, что это ложное смиреніе, cette fausse humilité... что это всѣмъ обидно... и вамъ, и мнѣ... Ну да, я теперь нищій, un gueux... Я когда-то давалъ des dix pounds *) à Londres за докторскій визитъ... а теперь не могу... я ничего не могу... Но я—je suis un Буйносовъ... я не всѣмъ стану одолжаться... Я умѣю цѣнить ваши procédés... Вы порядочный человѣкъ, вы не требуете какъ лавочникъ... comme ce sacré кабатчикъ, mon ex-рабъ, который смѣетъ... отказывать... когда я умираю съ холода... Кровь моя стынетъ, докторъ, ледъ, у меня ледъ въ жилахъ... я согрѣться прошу... согрѣться... et ce misérable... ce misérа...

Языкъ у него путался; онъ оборвалъ, уткнулъ нежданно свою всклокоченную сѣдую голову въ уголъ подушки и всхлипнулъ жалобнымъ, ребяческимъ всхлипомъ.

Тяжелое впечатлѣніе производили эти жалкія и безполезныя какъ въ бреду слова его и слезы... Это былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти пяти, сухо сложенный и мускулистый, съ породисто-тонкими чертами гладко выбритаго лица и со сказывавшимися въ каждомъ его движеніи признаками тщательнаго, постаринному, прежде всего свѣтскаго, но несомнѣнно культурнаго воспитанія. Красиво изогнутый носъ, строго очерченныя, еще совершенно черныя брови и чрезвычайно изящная линія губъ, свидѣтельствовавшая о сильно развитомъ въ его природѣ чувствѣ *вкуса*, вызывали на первый взглядъ понятіе чего-то характерно-своеобразнаго и далеко не дюжиннаго. Но налитая кровью сѣть подкожныхъ жилокъ, бѣжавшихъ какъ нити паутины по этому оголенному лицу; но отекшіе, слезившіеся глаза, то тревожно бѣгавшіе по сторонамъ, какъ бы съ намѣреніемъ куда-то запрятаться, то нежданно и лихорадочно вскидывавшіе свои неестественно расширенные зрачки подъ безобразно приподнимавшіяся брови; но робкій, срывавшійся звукъ голоса, странно противорѣчившій иной разъ самоувѣренному и властному, по старой привычкѣ, пошибу его рѣчи, не оставляли сомнѣнія, что предъ

*) Pound—фунтъ стерлингъ.

вами находился давно порѣшенный, давно *отпѣтый* человѣкъ...

— Вы слышали? мрачно улыбаясь кривившимися губами, указала на него взглядомъ дочь:—изъ-за этого вотъ онъ въ прошлую ночь грозилъ мнѣ, что повѣсится... Мочи моей съ нимъ болѣе нѣтъ! вырвалось у нея чрезъ силу.

— Не хорошо, Дмитрій Сергѣичъ, не хорошо! произнесъ укорительнымъ тономъ Ѳирсовъ, грузно опускаясь въ кресло подлѣ его сидѣнія и отыскивая у него пульсъ подъ рукавомъ его затасканнаго, изъ больничнаго верблюжьяго сукна скроеннаго, по-домашнему, длиннымъ рединготомъ, халата.

Буйносовъ наклонился къ нему и заговорилъ порывистымъ и дребезжащимъ шопотомъ.

— Вы не вѣрьте... не вѣрьте всему, cher docteur... Ну да, c'est vrai, j'ai été un peu excité hier soir. Но я... мнѣ тоже „мочи нѣтъ"—со мной здѣсь поступаютъ, какъ... какъ дочери Лира avec leur pauvre père, „most savage and unnatural"... *) Elles ont beau jeu... я безъ ногъ, безъ силъ, безъ денегъ, un pauvre paria mis hors la loi... Moi, un Буйносовъ!

— Ну, конечно, словно прошипѣла дочь (чувствовалось, что она была раздражена до полной невозможности сдержаться),— въ день вѣнчанія на царство батюшки-*осударя* Алексѣя Михайловича „князь Юрій, княжъ Петровъ сынъ, Буйносовъ Ростовскій на обѣдѣ въ Грановитой палатѣ *въ большой столъ смотрѣлъ*". Не разъ слышала отъ васъ объ этомъ подвигѣ... Еще бы не гордиться послѣ этого!...

Старикъ замахалъ руками.

— „Смотрѣлъ", потому что онъ старшій стольникъ былъ, c'était son devoir, и въ тотъ же день въ бояре пожалованъ былъ. Я это сто разъ объяснялъ ей, докторъ, а она нарочно, elle le fait exprès...

— А есть у васъ еще тѣ капельки, которыя я ему намедни прописалъ? спросилъ Ѳирсовъ, оборачиваясь на дѣвушку.

— Есть.

---

*) Ужасно дико и неестественно. *Король Лиръ*, актъ III, сцена 3.

— Дайте ему!... Ему раздражаться вредно, примолвилъ онъ, замѣтно напирая на послѣднія слова.

Губы и брови ея сжались. Она молча направилась за перегородку.

— Вотъ моя жизнь, докторъ! тотчасъ же началъ опять больной. Онъ приподнялъ голову, глаза его заискрились болѣзненнымъ блескомъ: — „Таковъ-ли былъ я разцвѣтая“? comme a dit Пушкинъ.

— Ну, что̀ уже объ этомъ, Дмитрій Сергѣевичъ! Не вернешь! молвилъ Ѳирсовъ убаюкивающимъ голосомъ старой няни: „Ничего, молъ, свѣтикъ мой, зашибся,—пройдетъ“...

Но тотъ продолжалъ возбужденнымъ и обрывавшимся въ безсиліи своемъ языкомъ:

— Нѣтъ, вы не знаете, вы поймите только! J'ai reçu une éducation de prince, я говорю на пяти языкахъ... я былъ самымъ блестящимъ кавалеромъ моего времени. Въ двадцать лѣтъ maître de ma fortune... И какая фортуна! пять тысячъ душъ, не заложенныхъ, въ лучшихъ губерніяхъ... Il ne m'en reste plus rien que ce trou, эта Аракчеевская казарма, отъ одного вида которой у меня подъ ложечкой болитъ... Выстроилъ ее при отцѣ моемъ un triple coquin d'intendant, который тутъ былъ, Фамагантовъ...

Онъ засмѣялся вдругъ почти весело:

— Quel nom, ah? Фа-ма-гантовъ... C'était si comique, что я пятнадцать лѣтъ продержалъ его здѣсь изъ-за этого... изъ-за смѣха, который доставляла мнѣ каждый разъ эта подпись: „маіоръ Фамагантовъ“—подъ его рапортами... Онъ мнѣ *рапорты* писалъ, по-военному... C'était un майоръ въ отставкѣ. Et voleur avec cela!... Я сюда прежде никогда не ѣздилъ: видъ этого дома me soulevait le coeur. Когда мнѣ случалось пріѣзжать лѣтомъ въ Россію, я бывалъ въ моемъ Тамбовскомъ имѣніи, Зарѣчьи, qui me venait de ma mère, — она рожденная княжна Пужбольская была... Тамъ домъ—дворецъ, строенный по планамъ Растрелли... On me volait de tous les côtés, я зналъ, mais qu'y pouvais-je faire? Я служилъ за границей, при посольствахъ... le meilleur de mon existence y a passé... Я самимъ покойнымъ Государемъ былъ назначенъ по-

четнымъ кавалеромъ, chevalier d'honneur, при коронаціи de la reine Victoria... Первый секретарь въ Парижѣ, потомъ совѣтникъ въ Вѣнѣ aux plus beaux jours de l'aristocratie autrichienne... Des succès de femme en veux-tu—en voilà, et partout... Я съ именемъ моимъ и состояніемъ могъ жениться на знатнѣйшей невѣстѣ въ Европѣ et arriver à tout...

Докторъ счелъ нужнымъ вздохнуть и развести руками въ знакъ участія въ этой исповѣди.

— J'ai agi en gentilhomme... Я далъ имя мое бѣдной дворянкѣ—они мнѣ сосѣди были по Зарѣчью,—que j'avais eu la maladresse de séduire, проговорилъ онъ шопотомъ,—я женился на ней... On m'a toujours reproché cette bêtise... Съ такою женой, дѣйствительно,—elle ne savait même pas le français,—я не могъ уже болѣе думать о дипломатической карьерѣ... даже въ Петербургѣ не могъ жить... Но я всегда былъ un honnête homme: я какъ совѣсть мнѣ говорила, такъ и сдѣлалъ... Et puis c'était une si excellente et douce créature,—знаете, какъ по-русски говорится, *безотвѣтная* такая, m'adorant de toute son âme...

Онъ тихо заплакалъ и сталъ искать кругомъ выпавшій у него изъ рукъ платокъ—утереть глаза.

Фирсовъ поднялъ его съ полу и подалъ ему. Онъ продолжалъ, всхлипывая и разводя платкомъ по лицу дрожавшими пальцами:

— Она мнѣ говорила, умирая: „Безъ меня у тебя все прахомъ пойдетъ; ты слишкомъ баринъ большой, слишкомъ довѣрчивъ и простъ"... *Простъ*,—elle me l'a dit en toutes lettres, конечно не въ обиду мнѣ, pauvre femme... И она была права: послѣ ея смерти началась для меня la grande dégringolade... Я тогда жилъ въ отставкѣ, въ Москвѣ...

— А тамъ двухаршинныя стерляди, *инфернальная* Англійскаго клуба, Цыгане и прочая, усмѣхнулся и подмигнулъ отставной жуиръ-докторъ.

— А эманципацію вы забыли? воскликнулъ Дмитрій Сергѣевичъ,—l'émancipation qui m'a achevé?

— Ну да, конечно, согласился тотъ;—такъ вѣдь съ этимъ ничего не подѣлаешь, ваше превосходительство, помириться

надо... И слабость осилить постараться, добавилъ онъ вполголоса.

Старикъ заметался опять въ своемъ креслѣ, отворачиваясь отъ него:

— Oh, mon Dieu Seigneur, онѣ здѣсь pour un petit verre de plus готовы съѣсть меня!

— Вы вотъ изъ-за этихъ *птиверъ* безъ ногъ сидите, а будете продолжать — и того хуже будетъ, предваряю васъ серьезно.

Глаза сверкнули и туловище недужнаго быстро перевалило въ сторону говорившаго:

— Что̀ хуже, что̀ еще можетъ быть хуже? залепеталъ онъ трепетнымъ шопотомъ:—la mort?.. Я зову ее, какъ избавительницу. Я самъ... я самъ... (Онъ оборвалъ на полуфразѣ, испуганно оглядываясь кругомъ)... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!.. Все прошлое, все *мое* сокрушено̀ и попрано... Я родился бариномъ, такимъ и умру dans ma misère,—а они, ma descendance, вы слышали, они плюютъ... ils crachent avec délice на все, что̀ было свято̀ для меня и для отцовъ моихъ... Сынъ былъ—и нѣтъ его... Онъ ушелъ „народу служить"... учить мужиковъ господамъ горло рѣзать... Это *мой* сынъ... *первенецъ* мой, comme on dit!.. На что̀ же жить еще, для кого? Нищъ, старъ, безсиленъ, un fardeau et une honte pour tout ce qui m'entoure...

Онъ засмѣялся нежданно опять, какъ бы про себя, ѣдкимъ, надрывающимъ смѣхомъ:

— Avoir passé la moitié de sa vie à danser des cotillons avec des princesses du sang—и дойти до того, что какой-нибудь кабатчикъ...

— Да какой кабатчикъ? что̀ это онъ вамъ дался, Дмитрій Сергѣевичъ! перебилъ его Фирсовъ съ изумленіемъ.

— Я вамъ это скажу, отвѣтила вмѣсто него дочь, выходя изъ-за перегородки и протягивая доктору пузырекъ съ лѣкарственными каплями:—онъ (она кивнула на отца,) вчера, не довольствуясь тою порціей (она какъ бы не рѣшалась прибавить, чего,), которую вы дозволили ему давать, сталъ требовать отъ меня еще. У меня оставалось въ бутылкѣ на небольшую

рюмку. Я налила ему. Ему показалось мало. Начались крики, слезы, отчаяніе... Я ему говорю: „вамъ это вредно; запрещено, да и нѣтъ больше, все: въ цѣломъ домѣ ни капли болѣе не найдешь". Онъ и слушать не хочетъ: „посылай на село, къ Макару"!.. А съ чѣмъ послать? Мы забрали у Макара на двадцать рублей слишкомъ въ долгъ, и онъ, отпуская послѣдній штофъ, объявилъ рѣшительно Маврѣ, что не станетъ больше въ кредитъ давать... А у меня ни гроша не было,—я такъ и говорю *ему*, но онъ...

— Epargnez nous ces ignobles détails!

И Дмитрій Сергѣевичъ замахалъ руками... Но голосъ его звучалъ гораздо болѣе приниженіемъ, чѣмъ повелительностью:— доктору это нисколько не можетъ быть интересно...

— Я и не для „интереса", не для забавы его начала объ этомъ, возразила дѣвушка (она говорила теперь съ полнымъ самообладаніемъ, медленно и отчетливо): — я передаю ему *факты*, я не имѣю права скрывать ихъ отъ него... Вы сравниваете себя съ королемъ Лиромъ, жертвой безчеловѣчныхъ дочерей. Пусть докторъ, спеціалистъ, скажетъ, насколько вы правы, а я виновата, стараясь удержать васъ отъ того, что̀ вамъ вредно... Что̀ онъ дозволилъ, я вамъ даю,—вы и сегодня утромъ, и предъ обѣдомъ получили вашу порцію. Макаръ не давалъ больше въ кредитъ,—у меня кольцо съ изумрудомъ оставалось отъ покойной матери: я сегодня отправила его въ кабакъ въ обезпеченіе долга,—и вы свое получили... Что̀ же еще дѣлать, чтобы вы не почитали вашу „descendance" вашими злодѣями?...

Старикъ внезапно схватилъ себя за голову и залился истерическимъ плачемъ, встряхивавшимъ все его тѣло какъ въ жестокой лихорадкѣ:

— Кольцо, l'anneau de sa mère... въ кабакъ... она его въ кабакъ отдала... для... для меня!.. Я... je suis un monstre, docteur!.. Я довелъ дѣтей моихъ... до нищеты... до такого униженія... Настя, ma fille, прости... отца, несчастнаго твоего отца!.. Я... я обезумѣлъ отъ старости и страданій, ma pauvre tête s'en va... Я оклеветалъ ее, обидѣлъ, а она... C'est moi Antigone, docteur, она тутъ, всегда, при мнѣ, день и ночь,

ходитъ за мною, старается развлечь... Она мнѣ книги читаетъ... Elle m'a relu mon vieux Corneille, Shakespeare... и недавно, вотъ, комедію одну Островскаго... C'est horriblément vulgaire... Но у нея талантъ... не будь она Буйносова, изъ нея выйти бы могла une grande artiste... Elle a des infléxions de voix si touchantes, что я плачу... какъ ребенокъ... Какъ вотъ теперь... когда она... когда она отдала... à ce misérable Макаръ l'anneau de son infortunée mère.

— Ну успокойтесь, ну успокойтесь, ваше превосходительство! заговорилъ Ѳирсовъ, наклоняясь опять къ нему и вглядываясь ему въ лицо.—Накапайте-ка ему капелекъ двадцать пять, обернулся онъ къ дѣвушкѣ.

Она подошла къ отцу съ рюмкой, приставляя ее къ его губамъ. Онъ послушно выпилъ до дна, откидываясь назадъ, съ пригвожденнымъ къ ней взглядомъ, и, оторвавшись отъ стекла, прильнулъ къ ея рукѣ съ тихимъ всхлипываніемъ:

— Mon Antigone! прошепталъ онъ чуть слышно.

Все лицо ея дрогнуло; она отвернулась, отводя руку изъ-подъ его губъ.

— Что̀, спитъ какъ—плохо? поспѣшилъ спросить докторъ, морщась, чтобы не выдать защемившаго у него на сердцѣ чувства безконечной жалости къ обоимъ имъ...

— Всю ночь на пролетъ не спалъ сегодня, сказала Настасья Дмитріевна.

— Аппетитъ есть?

— Никакого.

— Мнѣ холодно, проговорилъ старикъ плачущимъ голосомъ, глядя искательнымъ взглядомъ на Ѳирсова.

— Ну, ну, не замерзнете! усмѣхнулся тотъ:—это вамъ отъ безсонницы кажетъ...

— Онъ поднялся съ мѣста и, обращаясь опять къ дѣвушкѣ:

— Чрезъ полчаса дайте ему ложку хлорала и затѣмъ каждые полчаса по ложкѣ, пока уснетъ. Сонъ абсолютно необходимъ вамъ, Дмитрій Сергѣевичъ: вы и согрѣетесь отъ него, и успокоитесь... Ну-съ, а теперь прощайте! На возвратномъ пути изъ Угловъ, денька черезъ два, заѣду къ вамъ опять.

— А вы въ Углы... Зачѣмъ? быстро спросила Настасья Дмитріевна.

— У Павла Григорьевича подагра разгулялась опять... Не молодъ человѣкъ, увѣченъ, серьезное можетъ разыграться. Пріѣхалъ за мною Григорій Павловичъ, мы вотъ съ нимъ и отправились.

— Григорій Павловичъ съ вами? Гдѣ же онъ?

— А мы тутъ у церкви встрѣтились съ вашею сестрой, отвѣчалъ Ѳирсовъ, хмурясь:—сидитъ съ ней у васъ въ саду, меня дожидаючись.

Словно искра блеснула и тутъ же померкла въ коричневыхъ глазахъ дѣвушки. Она быстро отвела ихъ.

— Ну-съ, сказалъ докторъ,—прощайте!.. А вы, ваше превосходительство, надѣюсь, будете умницей: ни себя волновать понапрасну, ни дочь огорчать не станете... Надо вамъ и ее пожалѣть, добавилъ онъ ему на ухо, протягивая руку на прощанье.

Старикъ ухватился за нее обѣими своими:

— Я знаю, докторъ, знаю, зашепталъ онъ, весь дрожа и ежась,—я ее измучилъ бѣдную, я... Mais soyez tranquille, я ничего не буду просить больше у нея, я послушенъ буду... Только теперь позвольте... мнѣ холодно... un petit verre, un tout petit verre... согрѣться... réchauffer mes veines glacées...

Ѳирсовъ пожалъ плечомъ:

— *Птиверъ*... опять! Не можете до ужина дождаться! Вѣдь этакъ мы никогда сна не добьемся. Извольте-ка хлоралу принять, а тамъ получите положенное въ свое время, промолвилъ онъ строгимъ тономъ.

Дмитрій Сергѣевичъ испуганно заморгалъ слезившимися глазками и словно ушелъ весь въ глубину своего сидѣнія.

— Мавра, посиди съ отцомъ! приказала между тѣмъ Настасья Дмитріевна вошедшей въ комнату приземистой и колодообразной бабѣ, повязанной платкомъ и съ передникомъ подъ мышками:—я доктора провожу...

И она вышла съ нимъ изъ комнаты.

III.

Изъ ближайшей гостиной выходила дверь на балконъ съ лѣстницей въ садъ.

— Держитесь ближе къ стѣнѣ, молвила дѣвушка Ѳирсову, спускаясь по ней:—доски посередкѣ всѣ прогнили, того гляди провалятся.

Толстякъ испуганно прижался къ сторонкѣ, медленно переступая ногами по краю ступенекъ.

— А вы бы поправить велѣли, пробормоталъ онъ, — не Богъ знаетъ, чего стòитъ.

Она уже сбѣжала внизъ и глядѣла на него оттуда невеселымъ взглядомъ.

— „Не Богъ знаетъ чего“, повторила она,—а откуда его взять? Живемъ-то всѣ мы, знаете, на какой доходъ? Чудомъ какимъ-то мельница осталась *у него* одна, свободная отъ долговъ. Четыреста рублей платитъ. Все остальное заложено въ банкѣ и по второй закладной у Сусальцева. Землю обрабатываютъ крестьяне изполу, и дохода отъ хлѣба и другихъ статей едва хватаетъ на уплату процентовъ... Я зарабатываю переводами въ журналѣ *Прогрессъ* рублей тридцать въ мѣсяцъ. Ну и считайте, сколько-то всего выйдетъ. А вѣдь всѣхъ накормить, напоить и одѣть надо, и на лѣкарство *ему* чтò идетъ... да чтò на однѣ тряпки свои сестрица моя, Антонина Дмитріевна, изъ общаго дохода издержитъ, добавила она со внезапнымъ раздраженіемъ въ голосѣ.

— Мое дѣло сторона, барышня, молвилъ на это докторъ, успѣвшій тѣмъ временемъ благополучно спуститься бочкомъ

съ ненадежной лѣстницы,—а только мнѣ извѣстно, что еще въ прошломъ году Борисъ Васильевичъ Троекуровъ предлагалъ вашему батюшкѣ...

Глаза у Настасьи Дмитріевны такъ и запылали; она перебила его.

— Ахъ, пожалуйста, не говорите объ этомъ!.. Милостыни мы отъ вашего большаго барина принимать не намѣрены... Онъ, дѣйствительно, присылалъ сюда прошлою зимой Григорія Павлыча со всякими *великодушными* предложеніями: уплатить Сусальцеву и перевести закладную на себя, причемъ хотѣлъ Юрьево взять въ аренду, изъ доходовъ его уплачивать проценты по всѣмъ долгамъ, а отцу моему обезпечить чистаго дохода двѣ тысячи четыреста рублей въ годъ.

— Такъ чего же вамъ лучше! воскликнулъ Ѳирсовъ.

— Онъ намъ подачку предлагалъ! съ сердцемъ возразила она:—я знаю, что̀ можетъ дать Юрьево: земля выпахана, луговъ мало, скота содержать нечѣмъ,—за уплатой процентовъ онъ „аренду“ выплачивалъ бы отцу изъ своего кармана... и тѣшился бы сознаніемъ, что онъ *содержитъ* насъ отъ щедротъ своихъ. А этому никогда не бывать!.. Господинъ благодѣтельствовать намъ вздумалъ, и въ то же время презираетъ насъ со всей высоты барства своего и денегъ...

— Съ чего это вы взяли?

Но она перебила опять:

— Не притворяйтесь незнайкой, сдѣлайте милость, меня вѣдь вы не проведете! Вы лучше меня знаете, какого мнѣнія во Всесвятскомъ о нашемъ „нигилистическомъ гнѣздѣ“, какъ они тамъ говорятъ... Когда мы поселились здѣсь, *онъ* (она разумѣла отца,) непремѣнно требовалъ, чтобы мы туда ѣздили... Я не могу безъ отвращенія вспомнить теперь объ этихъ поѣздкахъ! Когда мы пріѣзжали, весь домъ превращался въ окаменѣлость какую-то. *Сама* краснѣла, конфузилась и, если тутъ находилась дочь ея, спѣшила подъ разными глупыми предлогами выслать ее изъ комнаты... чтобъ она однимъ воздухомъ не дышала съ такими зачумленными, какъ мы. „Генералъ“ вашъ становился учтивъ до гадости,—тою грансеньорскою учтивостью учтивъ, которая въ намѣреніи своемъ рав-

няется пощечинѣ и на которую пощечиной же такъ и подмываетъ тебя отвѣтить... Съ *нимъ*, съ *несчастнымъ* нашимъ, были очень любезны,—но во всѣхъ глазахъ такъ и читался трепетъ, какъ бы онъ не сдѣлалъ чего-нибудь неприличнаго... Ну и дождались! Не доглядѣла я разъ какъ-то, онъ и показалъ себя имъ во всей прелести... Съ тѣхъ поръ мы туда ни ногой, а они, разумѣется, и тѣни не показали желанія продолжать съ нами знакомство... Такъ съ какого права, съ новымъ взрывомъ гнѣва заключила Настасья Дмитріевна,—осмѣливается господинъ Троекуровъ предлагать намъ милостыню!..

— Ну-съ, это ваше съ нимъ дѣло, какъ знаете! молвилъ на это Ѳирсовъ, нетерпѣливо дернувъ плечомъ (онъ съ видимымъ неодобреніемъ и неохотой слушалъ ея рѣчи), — а что̀ касается вашего больнаго, то я скажу вамъ-съ, что онъ плохъ... и что вамъ слѣдовало бы какъ-нибудь... помягче что-ли... обращаться съ нимъ. Что-жь понапрасну-то раздражать человѣка въ такомъ положеніи!.. Да-съ, помягче, повторилъ онъ, внезапно нахмуриваясь,—и присмотромъ не оставляйте. Онъ вотъ все о смерти толкуетъ... и такое словечко у него вырвалось: „Самъ я, говоритъ, самъ“... При его мозговомъ состояніи идейка-то эта легко въ манію превратиться можетъ... а тутъ и до грѣха не далеко... Такъ вы ужь поосторожнѣе съ нимъ какъ-нибудь!...

— Ахъ, болѣзненно вырвалось у дѣвушки въ отвѣтъ,—знаю я все это, знаю!... Сердце переворачивается у меня отъ жалости къ нему... А съ тѣмъ вмѣстѣ такое зло иногда на него беретъ!... Я справиться съ собой не могу. Сейчасъ бы, кажется, отдала всю себя за него на растерзаніе, а иной разъ сама готова, рада колоть его и мучить... Онъ добръ, да, мягокъ какъ ребенокъ, но въ сущности глубокій эгоистъ. Онъ въ сущности всю жизнь прожилъ „бариномъ“, то-есть ни о комъ не заботясь и ни о чемъ серьезно не думая.

— Такой ужь вѣкъ ихъ былъ, барышня, ничего съ этимъ не подѣлаешь, замѣтилъ примирительно докторъ.

Но она, не слушая его, продолжала съ возрастающею горячностью:

— Онъ жалуется на насъ, на брата... А какъ воспиталъ онъ насъ?... Матери мы лишились рано; онъ сдалъ насъ на руки глупой старой Француженкѣ, бывшей своей... любезной, которая весь день спала, или румянилась и ходила жаловаться ему на нашу непочтительность, а онъ при насъ же издѣвался надъ ней и называлъ „vieille ramollie"... Учились мы, Богъ знаетъ, какъ и чему. Пока были деньги, нанимали намъ учителей всякихъ наукъ, нужныхъ и ненужныхъ, потомъ и совсѣмъ никакихъ; сами мы ужь съ сестрой вздумали въ гимназію... Съ братомъ тоже: онъ былъ очень способенъ, но не усидчивъ, пылокъ, перебывалъ во всевозможныхъ заведеніяхъ, нигдѣ не упрочился, безцѣльно ходилъ вольнослушателемъ въ университетъ. Отецъ относился къ этому съ полнымъ равнодушіемъ... Если, какъ говоритъ онъ теперь, сынъ его „плюетъ на все то, чѣмъ жили и чему вѣровали *отцы*", и отдаетъ свою жизнь на... на другія цѣли, какъ бы черезъ силу выговорила дѣвушка, и черная тѣнь пробѣжала по ея лицу, — то кто же виноватъ въ этомъ? Что̀ посѣешь, то и пожнешь, не даромъ сказано...

„Дѣйствительно", молвилъ про себя Николай Ивановичъ Ѳирсовъ: „безобразіе сѣяло, безобразіе и взросло, только съ другаго конца, а какое лучше—ужь право не знаю"!..

— Скажите, спросилъ онъ громко своимъ добродушно-грубоватымъ тономъ:—давно сталъ онъ зашибать?

— Еще въ Москвѣ, отвѣтила она съ глубокимъ вздохомъ,— вотъ когда начался этотъ его разгромъ... Случилось это какъ-то вдругъ разомъ... Имѣнія наши, домъ въ Денежномъ переулкѣ, послѣдній стаканъ въ этомъ домѣ,—все было продано. Мы переѣхали во флигелекъ дома тетки, сестры его, графини Лахницкой, на Остоженкѣ. Сестру Тоню она вызвала жить къ себѣ въ Петербургъ, а мы тутъ, братъ Володя и я, провели съ нимъ полтора года въ четырехъ маленькихъ комнатахъ. Вотъ тутъ онъ съ отчаянія, полагаю, и отъ скуки... Въ Англійскій клубъ онъ пересталъ ѣздить: онъ не имѣлъ духа являться „нищимъ", какъ говорилъ онъ, предъ людьми, знавшими его въ другомъ положеніи, никого не хотѣлъ видѣть, не принималъ,—и цѣлые дни не выходилъ изъ комнаты...

Началось съ того, что онъ все больше и больше рому сталъ подливать въ чай свой вечеромъ... Я ему какъ-то разъ замѣтила; онъ засмѣялся и отвѣчалъ мнѣ, что „Англичане пьютъ каждый вечеръ, но что это не мѣшаетъ имъ быть владыками Океана“. Но послѣ этого онъ сталъ скрывать отъ насъ, пряталъ бутылки въ печь, подъ кровать... Въ это время умерла тетка Лахницкая, дѣти ея продали домъ какому-то купцу, Антонина Дмитріевна вернулась изъ Петербурга, никого тамъ не заполонивъ... и мы рѣшились переѣхать всѣ сюда, въ единственный уголъ, принадлежащій еще намъ на этомъ свѣтѣ... и то, съ горькою улыбкой договорила Настасья Дмитріевна,— благодаря исключительной любезности господина Сусальцева.

— Да, дѣйствительно, грузно засмѣялся толстякъ,—купчина этотъ, видно, самыхъ галантерейныхъ правилъ индивидуй: не то ужь, что подноситъ, на колесахъ подвозитъ дары свои.

Онъ подмигнулъ съ явнымъ намѣреніемъ лукавства:

— Его превосходительству на пользу; а въ угожденіе чье, можете мнѣ сказать?

— Не въ мое, конечно!

И она какъ бы презрительно поморщилась.

— Та-акъ-съ! комически протянулъ онъ:—сестрица Антонина Дмитріевна на сей разъ *заполонила?*... Ну, что-жь, и прекрасное это дѣло! не дождавшись отвѣта, воскликнулъ онъ чрезъ мигъ, весело потирая руки: — одно развѣ, что купецъ, да по нынѣшнимъ временамъ гдѣ же богачей дворянъ взять! На батюшкину фанаберію сестрица ваша, само собою, вниманія не обратитъ,—такъ я говорю, барышня?

— А вамъ этого очень хочется? нежданно выговорила Настасья Дмитріевна.

— Чего это? спросилъ онъ, нѣсколько огорошенный.

— Чтобы сестра вышла скорѣе за Сусальцева и отняла бы этимъ у васъ страхъ за Григорья Павловича Юшкова?

Толстякъ добродушно засмѣялся опять:

— А вѣдь вы въ точку попали, барышня, въ самую точку! Дай Богъ сестрицѣ вашей въ полное свое удовольствіе жить, въ золотѣ купаться, а что для Григорья Павловича она особа

совсѣмъ не подходящая, это точно, скажу вамъ, такъ!.. И не только не подходящая, примолвилъ онъ съ усиленнымъ выраженіемъ,—а даже опасная, можно сказать.

Ироническая, чтобы не сказать горькая, усмѣшка скользнула по губамъ дѣвушки:

— И, по-вашему, опасность эта для него минетъ, какъ только станетъ она женой другаго?

Онъ поднялъ разбѣжавшіеся глаза на нее, но она уже вскинулась съ мѣста и торопливо пошла впередъ по тропинкѣ, ведшей въ глубь сада, вглядываясь прищуреннымъ взглядомъ въ каждую прогалину, открывавшуюся межъ деревьевъ.

Ѳирсовъ, тяжело отдуваясь, засѣменилъ за нею на своихъ коротенькихъ и пухлыхъ ножкахъ.

IV.

Антонина Дмитріевна и Гриша (мы позволимъ себѣ для удобства называть его старымъ, знакомымъ читателю *) уменьшительнымъ его именемъ,) сидѣли на каменной скамьѣ бывшаго *Храма Утѣхъ*, о существованіи котораго здѣсь свидѣтельствовала дѣйствительно безобразная груда извести и камня,—обломки пьедестала давно кѣмъ-то и куда-то увезенной статуи Венеры. Разговоръ ихъ смолкъ. Въ полускучающей, полуусталой позѣ, закинувъ руку за затылокъ и прислонясь имъ къ стволу дуба, покачивавшаго надъ ними свои вырѣзные листья, дѣвушка недвижно и безцѣльно глядѣла вверхъ на проходящія облака, а Гриша, опустивъ слегка голову, съ ноющимъ сердцемъ и приливавшею къ головѣ кровью, пожиралъ искоса взглядомъ ея соблазнительный и надменный обликъ... Въ памяти его проносилось гдѣ-то давно читанное имъ сказаніе о таинственныхъ нимфахъ древней Эллады, обитавшихъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ, посвященныхъ Діанѣ; неисцѣлимымъ безуміемъ карали онѣ дерзновеннаго, рѣшавшагося проникнуть подъ ревниво хранившія ихъ отъ взора смертныхъ сѣни и узрѣть ихъ роковыя красы. „Любовь къ ней — гибель одна“, говорилъ себѣ молодой человѣкъ, „но отчего же неотразимо такъ влечется къ ней чувство?“... И онъ вздрагивалъ подъ впечатлѣніемъ какого-то мгновеннаго суевѣрнаго ужаса...

— А вотъ и Менторъ вашъ идетъ за вами, а съ нимъ и

---

*) *Переломъ*, части III и IV.

ваша жертва, услышалъ онъ, какъ сквозь сонъ, ея металлическій, насмѣшливый и невозмутимый голосъ.

Онъ быстро поднялъ глаза и невольно покраснѣлъ, увидя подходившую къ нему Настасью Дмитріевну.

— Здравствуйте, Григорій Павловичъ, протягивая ему руку, проговорила она, насколько могла спокойнѣе, но съ такою же невольною краской на лицѣ и съ мучительнымъ сознаніемъ смущенія своего въ душѣ.

Онъ, молча, съ глубокимъ поклономъ пожалъ ея холодные пальцы.

— А мы о тебѣ сейчасъ говорили, сказала ей сестра все тѣмъ же своимъ насмѣшливымъ тономъ:—Григорій Павловичъ питаетъ къ тебѣ большую симпатію.

Брови Настасьи Дмитріевны судорожно сжались:

— Я твоихъ шутокъ не прошу! отрѣзала она.

— Нѣтъ, право! Спроси его самого.

Выразительные глаза дѣвушки вскинулись на мигъ на Гришу, полные тревожнаго ожиданія, и тутъ же опустились, пока онъ учтивымъ и нѣсколько смущеннымъ голосомъ произносилъ вынужденный отвѣтъ свой:

— Я васъ дѣйствительно очень уважаю, Настасья Дмитріевна...

— Очень вамъ благодарна... Нѣзачто!

Она отодвинулась отъ него, но, какъ бы спохватившись, спросила тутъ же:—У васъ, говоритъ Николай Иванычъ, батюшка заболѣлъ?

Онъ не успѣлъ отвѣтить.

— Если бы не такой случай, мы бы конечно Григорія Павловича у себя въ Юрьевѣ не имѣли счастія видѣть, протянула Антонина Дмитріевна. И звукъ ея голоса былъ теперь почти нѣженъ и какимъ-то внезапнымъ задоромъ сверкнули остановившіеся на немъ глаза.

Его всего словно приподняло вдругъ; взглядъ его загорѣлся...

— Вы никогда особенно не цѣнили это „счастіе“, mademoiselle Antonine, произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ въ

видѣ шутливаго со своей стороны упрека, но Настасья Дмитріевна мгновенно поблѣднѣла отъ этихъ словъ.

Сестра поглядѣла на нее, улыбнулась побѣдною улыбкой и тутъ же, въ довершеніе торжества:

— Да, почти презрительно сказала она:—я цѣню только то, что̀ можетъ быть на что-нибудь полезно...

Губы молодаго человѣка побѣлѣли отъ досады и боли:

— Слова ваши даже не совсѣмъ учтивы, Антонина Дмитріевна!...

Она захохотала:

— Учтивость — вещь не современная; спросите у Насти: она у насъ по части *прогресса* сильна.

— Оставишь-ли ты меня когда-нибудь въ покоѣ! гнѣвно воскликнула та...

— Пора, Григорій Павловичъ, пора! послышался голосъ нагнавшаго компанію доктора.

Гриша снялъ шляпу и, какъ бы забывая въ-торопяхъ подать руку своимъ собесѣдницамъ, поклонился имъ общимъ поклономъ и тронулся было къ своему спутнику. Онъ чувствовалъ себя злымъ до-нельзя...

— Мы васъ проведемъ до дороги, молвила тѣмъ временемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, Антонина Дмитріевна, подымаясь со скамьи.

— Позвольте мнѣ въ такомъ случаѣ предложить вамъ руку, поспѣшилъ сказать Гриша сестрѣ ея, подвертывая локоть.

Антонина Дмитріевна, не удостоивая ихъ взглядомъ, прошла мимо и, продѣвъ руку свою подъ руку доктора, зашагала съ нимъ въ ногу.

— Васъ, конечно, не скоро теперь увидишь? порывисто и полушопотомъ спросила Настасья Дмитріевна Гришу, пройдя съ нимъ нѣсколько шаговъ.

— Это болѣе чѣмъ вѣроятно, отвѣтилъ онъ съ напускною небрежностью тона: — отъ меня здѣсь никакой и никому *пользы* ждать нельзя, иронически добавилъ онъ, намекая на только-что сказанныя ему сестрой ея слова.

Она окинула его быстрымъ взглядомъ и засмѣялась нервнымъ, глухимъ смѣхомъ:

— А пословицу знаете: отъ мила отстать, въ умѣ не устоять?

Онъ понялъ, поморщился и пожалъ плечами:

— Я отвѣчу вамъ другою: и крута гора, да миновать нельзя... Желаю отъ души вашей сестрицѣ исполненія всѣхъ ея желаній...

Они молча дошли до канавы, чрезъ которую, все также ведя подъ руку красавицу Антонину, осторожно перебирался теперь толстякъ докторъ.

— Я прощусь здѣсь съ вами, Григорій Павловичъ, сказала Настя, останавливаясь:—мнѣ пора къ моему больному... Надолго, значитъ, прощайте? вырвалось у нея помимо воли.

— Не знаю, Настасья Дмитріевна, но во всякомъ случаѣ, если бы... если-бъ я на что-либо могъ пригодиться вамъ, или кому изъ *вашихъ*, прошу не стѣсняясь располагать мною; я готовъ во всякое время.

— Спасибо!... Даже вѣрю, что съ вашей стороны это не одни слова... Вотъ, добавила она съ насилованнымъ смѣхомъ,— если удастся мнѣ когда-нибудь поступить на сцену, я напишу вамъ, чтобы вы непремѣнно пріѣхали на мой дебютъ.

— А развѣ вы собираетесь?

Но она, не отвѣчая, кивнула ему короткимъ кивкомъ и побѣжала стремглавъ по направленію къ дому. Нервы одолѣвали ее: еще мигъ, думалось ей, и она „разревется какъ дура,—очень нужно!“...

— А вы куда же мою романтическую сестрицу дѣвали? спросила Антонина Дмитріевна Гришу, когда онъ очутился подлѣ нея и доктора на большой дорогѣ, гдѣ ждали ихъ лошади.

— Достойная особа сестрица ваша! наставительно отчеканилъ вмѣсто него Ѳирсовъ, строго воззрясь въ нее сквозь очки.

— Чего же это именно *достойная?* насмѣшливо подчеркнула она.

— Извѣстно чего: всякой похвалы—и *подражанія*, да-съ,

подчеркнулъ онъ въ свою очередь, съ явнымъ уже намѣреніемъ укола.

— Ни того, ни другаго, презрительно уронила на это она,—потому что она никогда не достигаетъ того, чего ей хочется. Métier de dupe est un sot métier, говорятъ Французы.

Ѳирсовъ досадливо передернулъ очки свои, готовясь отвѣтить ей какою-нибудь рѣзкостью, но Гриша дернулъ его за рукавъ:

— Въ разговорахъ съ Антониной Дмитріевной послѣднее слово всегда остается за нею: это аксіома, проговорилъ онъ тономъ учтивой шутки:—намъ остается только преклониться и уѣхать.

— Воистину такъ! засмѣялся толстякъ, сдернулъ фуражку съ головы, низко опустилъ ее, надѣлъ опять и полѣзъ въ подъѣхавшую къ нимъ телѣжку.

Гриша отвѣсилъ дѣвушкѣ такой же почтительный поклонъ и прыгнулъ въ экипажъ вслѣдъ за своимъ спутникомъ.

Антонина Дмитріевна послала рукой поцѣлуй въ воздухъ:

— Передайте это отъ меня Машенькѣ Троекуровой! произнесла она съ насмѣшливымъ паѳосомъ, прищуренно глядя на молодаго человѣка.

— Пошелъ! крикнулъ онъ кучеру, надвигая на лобъ шляпу чуть не злобнымъ ударомъ по ея мягкой тульѣ.

— Экая вѣдь язва эта особа! заговорилъ докторъ, едва тронулись они съ мѣста.

Гриша не отвѣчалъ.

— А хороша, говорить нечего, чертовски хороша; гетера древняя, какъ выражается дядюшка вашъ Василій Григорьевичъ... Поразительный даже можно сказать женскій субъектъ, примолвилъ толстякъ, косясь на все такъ же безмолвнаго своего товарища.—А я вѣдь секретъ про нее знаю, выложилъ онъ чрезъ мигъ опять, подмигивая и хихикая съ самымъ лукавымъ видомъ.

— И я знаю, произнесъ спокойно Гриша.

— А ну-те-ка, ну-те, что вы знаете?

— Замужъ она выходитъ...

— За кого?

— За купца за этого, за Сусальцева.

— Въ точку! Неужто сама сказала?

— Сама.

— Ишь ты, шельма!...

И онъ всѣмъ грузнымъ туловищемъ своимъ повернулся къ Юшкову:

— Ну, а вы что-жь?

Гриша не могъ не улыбнуться.

— А я что̀? Я—ничего.

— Ни-че-го? протянулъ, покачивая сомнительно головой, тотъ:—смотрите вы, вамъ, можетъ, какъ вотъ раненымъ въ сраженіи, съ перваго раза и не кажетъ, а потомъ... рѣзать приходится...

— Я давно ее отъ себя отрѣзалъ, Николай Ивановичъ, повѣрьте! не далъ говорить ему далѣе молодой человѣкъ, подымая на него свои голубые, внезапно заискрившіеся глаза;— въ ней есть что-то демоническое, неотразимое... какое-то обаяніе бездны что-ли,—я сознавалъ это въ минуты самаго безумнаго увлеченія ею... Съ вами я буду говорить совершенно откровенно, какъ никогда не рѣшился бы, да и не имѣлъ случая говорить съ отцомъ или съ Борисомъ Васильевичемъ... Они оба ни единымъ словомъ никогда не проговорились о догадкахъ своихъ насчетъ отношеній моихъ къ ней, хотя я въ глазахъ ихъ постоянно читалъ, что̀ они объ этомъ думаютъ... Разъ только у Александры Павловны вырвалось: „Vous vous perdez, Гриша!“ когда, въ ея присутствіи, подали мнѣ во Всесвятскомъ записку, посланную туда на мое имя Антониной Дмитріевной и въ которой она просила меня просто о какой-то книгѣ. Я показалъ эту записку, вмѣсто отвѣта, Александрѣ Павловнѣ, но она только вздохнула, покачала головой и вышла изъ комнаты...

— Помню, при мнѣ было, сказалъ Ѳирсовъ;— извѣстно, каждому, кто васъ любитъ, радости мало видѣть, какъ васъ въ омутъ тянетъ... Ну, а съ наставленіями опять, да совѣтами къ вамъ лѣзть безъ спроса тоже вѣдь не приходится, потому вы не маленькій: самъ-молъ, скажете, знаю, что̀ мнѣ вредъ, а что̀ польза!...

— И знаю дѣйствительно, почти съ сердцемъ вскрикнулъ Гриша,—и давно знаю! Вы совершенно правы,—я не маленькій, мнѣ тридцать четвертый годъ,—давно пора самому умѣть отличать добро отъ зла... Я такъ и поступалъ: вы знаете, что я предъ нынѣшнимъ днемъ полтора мѣсяца сюда носу не казалъ, и не вздумалъ бы и сегодня... У насъ съ вами такъ и условлено было, что вы зайдете къ больному, а я буду васъ у церкви ждать... Я не виноватъ, что *она* тутъ очутилась, когда мы вышли на паперть...

Все это было такъ,— но онъ слишкомъ горячился, слишкомъ доказывалъ, и старый практикантъ не то недовѣрчиво, не то лукаво усмѣхался кончиками губъ, внимая его пылкимъ рѣчамъ.

— Знаю, знаю, молвилъ онъ,— собственнолично бичевочкой себя повязали, на хотѣніе свое намордничекъ надѣли — полные баллы за это заслуживаете... А только что скажу я вамъ на это одно...

— Что̀ еще? вырвалось нетерпѣливо у Гриши.

— А то, что искренно вамъ желаю я никогда болѣе не встрѣчаться съ нею.

Молодой человѣкъ усмѣхнулся черезъ силу:

— Она выходитъ замужъ,— гарантія, кажется, достаточная для вашего успокоенія.

Толстякъ вздохнулъ даже:

— Ну, батюшка, гарантіи этой два гроша цѣна... И даже напротивъ!

— Что̀ „напротивъ?“

Тотъ обернулся на спрашившаго, воззрился въ его недоумѣвающее лицо—и неожиданно фыркнулъ:

— Ахъ вы невинность, невинность!..

Онъ не договорилъ и, пыхтя отъ натуги, полѣзъ въ карманъ своего раглана за портсигаромъ...

V.

Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!
Пушкинъ. *Скупой Рыцарь.*

Красавица Антонина долго и недвижно слѣдила прищуренными глазами за удалявшимся экипажемъ. Обычная ей, не то злая, не то скучающая, улыбка блуждала по ея губамъ. Она чувствовала себя въ *ударѣ;* она еще бы потѣшилась надъ этимъ „Телемакомъ съ его Менторомъ", исчезавшими за облакомъ пыли, поднявшейся изъ-подъ колесъ ихъ телѣжки, словно говорила эта улыбка.

Солнце садилось. Большое крестьянское стадо, мыча и тѣснясь въ узкомъ прогонѣ межъ двухъ плетней, выбѣгало съ пароваго поля на дорогу къ селу; съ глухимъ звяканіемъ его колокольцевъ сливался въ гулкомъ воздухѣ визгливый гикъ погонявшихъ его босоногихъ мальчишекъ въ заплатанныхъ рубашкахъ, въ рваныхъ шапкахъ на затылкѣ. Лохматыя собаки неслись за ними, лѣниво полаивая, какъ бы во исполненіе девно надоѣвшей имъ обязанности...

Дѣвушка гадливо поморщилась: „русская идиллія", какъ выражалась она внутренно, была ей глубоко и какъ-то особенно ненавистна, — и отвернулась отъ поднявшейся опять изъ-подъ коровьихъ копытъ пыли, которую вѣтеръ несъ ей прямо въ лицо. Глаза ея въ ту же минуту остановились на подвигавшемся довольно быстрыми шагами съ этой стороны дороги по ея направленію какомъ-то прохожемъ.

Онъ былъ одѣтъ въ дырявый и длинный монашескій подрясникъ, перетянутый наборчатымъ ремнемъ, *) какъ любятъ

*) Онъ усаживается сплошнымъ рядомъ мѣдныхъ или посеребреныхъ пуговицъ.

носить у насъ деревенскіе коновалы и Цыгане-барышники, съ черною суконною фуражкой *фабричнаго фасона* на головѣ и узловатою палкой въ рукѣ. Высокій и тонкій, съ рѣденькою, короткою и свѣтлою бородкой, онъ, повидимому, былъ еще очень молодъ, не смотря на далеко не юношеское выраженіе испитаго лица его, истрескавшагося отъ солнца, вѣтра и наслоившейся на немъ нечистоты въ продолженіе очевидно дальняго пути.

Дѣвушка глядѣла все внимательнѣе по мѣрѣ его приближенія: изъ-подъ воспаленно-бурой коры, покрывавшей это лицо, все яснѣе для нея выступали какъ бы знакомыя ей черты. Въ глазахъ ея загорѣлось видимое любопытство...

Онъ также, и давно, узналъ ее. Поравнявшись съ мѣстомъ, на которомъ стояла она у канавы, онъ торопливо и какъ бы тревожно окинулъ взглядомъ кругомъ и, убѣдясь, что, кромѣ ихъ двоихъ, никого нѣтъ, поспѣшно перебѣжалъ раздѣлявшую ихъ ширину дороги и очутился подлѣ нея.

— Тоня! проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Такъ это ты въ самомъ дѣлѣ! воскликнула она:—гляжу издали, точно Володя... Что-жь это за костюмъ? Откуда ты?

Онъ сурово глянулъ на нее:

— Долго разсказывать—и не здѣсь конечно!.. Говори скорѣе: могу найти я у васъ убѣжище, дня на два, на три... Потомъ уйду опять...

— Травятъ,—а? коротко выговорила она, и пренебрежительная усмѣшка скользнула слегка по ея алымъ губамъ.

Его передернуло.

— Отвѣчай на то, что̀ спрашиваютъ, отрѣзалъ онъ:—никого у васъ?

— Никого. Былъ Юшковъ съ докторомъ; сейчасъ уѣхали.

— А чрезъ садъ пройти—не увидятъ?

Она пожала равнодушно плечами.

— Не знаю, а впрочемъ кому тамъ?

— Такъ идемъ скорѣе!

Онъ перебрался вслѣдъ за нею чрезъ канаву въ садъ.

— А что̀ старикъ? спрашивалъ онъ, шагая рядомъ съ нею подъ деревьями и поминутно оглядываясь.

— Все то же.

— То же? какъ бы уныло протянулъ онъ.

— Отъ хорошихъ привычекъ отставать къ чему же? отвѣтила она со злою усмѣшкой.

— По тебѣ вижу! такою же усмѣшкой ухмыльнулся и онъ.

— Что̀ по мнѣ?

— Та же ты все!

— Какая?

— Змѣя, извѣстно, объяснилъ онъ, вскидывая плечомъ.

Но она не сочла нужнымъ оскорбиться:

— По мудрости, засмѣялась она,—сравнительно съ тобою и Настей,—змѣя дѣйствительно!

— А Настя что̀, здравствуетъ? оживляясь вдругъ, спросилъ онъ.

— Твоими молитвами, — на сцену готовится, примолвила она, все такъ же смѣясь.

— Съ *нимъ* все возится?

— Какъ слѣдуетъ... Онъ вѣдь теперь совсѣмъ безъ ногъ, примолвила *Тоня* будто en passant,—съ того самаго дня, какъ ты исчезъ...

Что-то словно кольнуло молодаго человѣка подъ самое сердце; брови его болѣзненно сжались.

— Доигрался! проговорилъ онъ сквозь зубы по адресу отца, какъ бы съ намѣреніемъ осилить занывшее въ немъ чувство. И тутъ же перемѣняя разговоръ:

— А куда вы меня помѣстите? спросилъ онъ: — въ комнату мою, бывшую рядомъ съ *нимъ*, я полагаю, теперь не удобно... Да и показываться-ли мнѣ ему — не знаю, право, промолвилъ онъ, задумавшись.

— Комнату твою теперь занимаетъ Настя... а ты, пожалуй, можешь въ ея бывшую, въ мезонинѣ, небрежно объяснила Антонина Дмитріевна, — я тебя туда проведу и скажу Настѣ, она устроитъ какъ-нибудь...

— У меня, сказалъ помолчавъ Володя, — давно намѣчено одно мѣсто въ домѣ. Въ буфетѣ, въ углу за шкафомъ, люкъ есть, а подъ нимъ лѣсенка въ пустой подвалъ: тамъ вина да варенье хранились, должно быть, въ пору *барства*... Ну, а

теперь соломки охапку или сѣнца натаскать туда, и преотлично будетъ на этомъ царскомъ ложѣ *послѣднему изъ Буйносовыхъ*, подчеркнулъ онъ со злобною ироніей.—У васъ все одна Мавра слугой?

— Въ домѣ одна... Кухарка и прачка на кухнѣ живутъ...

— У Мавры дѣвочка дочь... Ну, эта не выдастъ—нѣмая! усмѣхнулся онъ. — Такъ я вотъ тамъ поселюсь... Въ случаѣ чего шкафъ стòитъ только на люкъ надвинуть — и ищи меня подъ землей! процѣдилъ онъ, кривя губы.

— А *искать* будутъ?

И она пытливо вскинула на брата свои красивые и холодные глаза.

— Ну, веди, веди! нетерпѣливо возгласилъ онъ вмѣсто отвѣта, кивая на выходившее въ тотъ же садъ „черное крыльцо" дома, къ которому подходили они въ эту минуту.

Она, не торопясь, все съ тѣмъ же пренебрежительнымъ выраженіемъ въ чертахъ, поднялась по ступенькамъ крылечка, прошла чрезъ пустую бывшую „дѣвичью" и вывела брата въ длинный и широкій корридоръ, освѣщенный съ противоположнаго конца его стеклянною дверью, выходившею въ „танцовальную залу", уже знакомую читателю. Прилѣпленная къ одной изъ стѣнъ этого корридора, крутая и почти совершенно темная лѣстница въ два колѣна подымалась въ мезонинъ, состоявшій изъ четырехъ весьма просторныхъ комнатъ, отдѣленныхъ одна отъ другой тонкими досчатыми перегородками (въ предположеніяхъ строителя дома, майора Фамагантова, мезонинъ этотъ долженъ былъ служить „запасною половиной", предназначавшеюся для пріѣзда гостей, или помѣщенія „гувернантокъ" и „учителей"; но *половина* эта такъ и осталась не отдѣланною ни имъ, ни его преемниками). Одна лишь изъ этихъ комнатъ, избранная себѣ въ жилище Антониной Дмитріевной, имѣла нѣсколько жилой видъ. Она нашла средство оклеить голое дерево чистенькими обоями, обить полъ дешевымъ сѣрымъ сукномъ, повѣсила ситцевыя занавѣси на окна и кисейныя надъ кроватью, и велѣла перенести сюда, отчистить и исправить все, что нашла еще годнаго въ мебельной рухляди дома. На стѣнахъ у нея выглядывали изъ золо-

тыхъ рамъ кое-какія хорошія гравюры, на столахъ и комодахъ разставлены были иныя цѣнныя bibelots, полученныя ею въ даръ въ пору пребыванія ея въ Петеряургѣ у тетки, графини Лахницкой, или поднесенные ей недавно „Ротшильдомъ de l'endroit", какъ выражался ея отецъ, Провомъ Ефремовичемъ Сусальцевымъ. Она теперь одна жила въ мезонинѣ — жила особнякомъ, выходя изъ своей комнаты лишь для прогулокъ и изрѣдка къ обѣду внизъ (ей „претила" грубая кухня деревенской кухарки, и она по цѣлымъ недѣлямъ иной разъ питалась шоколатомъ, конфетами и страсбургскими пирогами изъ дичи и foie gras, которые привозилъ ей вмѣстѣ съ массой новѣйшихъ французскихъ романовъ, буквально поглощавшихся ею за одинъ присѣстъ, все тотъ же очарованный ею Сусальцевъ). Къ отцу заходила она разъ въ день, по утрамъ, „когда", по выраженію ея, „онъ былъ еще возможенъ", здравствовалась съ нимъ, обмѣнивалась двумя, тремя словами (онъ самъ какъ бы смущался ея присутствіемъ, ежился и помалчивалъ,) и величественно удалялась въ свой „апартаментъ", гдѣ проводила цѣлые дни за чтеніемъ Габоріо, Зола e tutti quanti, и куда, кромѣ Сусальцева, котораго принимала она здѣсь „въ видѣ особой милости", имѣла доступъ лишь *Варюшка*, дочь Мавры, нѣмая, но шустрая дѣвчонка лѣтъ четырнадцати, спеціально забранная ею себѣ въ горничныя, и которую она весьма скоро отлично умѣла выдрессировать на эту должность.

„Непрезентабельнаго" брата, въ его „лохмотьяхъ и грязи", она, само собою, не сочла нужнымъ допустить въ это свое sanctum sanctorum, и повела его прямо въ отдаленнѣйшую отъ своей, выходившую на дворъ, бывшую Настину комнату. Мебель здѣсь состояла изъ какого-то криваго стула, двухъ стульевъ и стараго дивана съ вылѣзавшею изъ-подъ прорванной покрышки его мочалой.

Молодой человѣкъ такъ и повалился на этотъ диванъ, раскинувъ руки и упираясь затылкомъ въ его деревянную спину.

— Ну же и усталъ я! проговорилъ онъ, усиленно дыша и съ судорожнымъ подергиваніемъ лицевыхъ мускуловъ.

Онъ скинулъ фуражку; длинные, бѣлокурые волосы его,

влажные и спутанные, разсыпались жидкими косицами по плечамъ... Была пора, еще недавно—это былъ цвѣтущій красивый юноша, но цѣлый вѣкъ темныхъ дѣяній и смертельныхъ тревогъ успѣлъ пройти для него съ той поры...

Что-то похожее на жалость промелькнуло на ледяномъ лицѣ безмолвно взиравшей на него сестры:

— Я тебѣ сейчасъ Настю пошлю, сказала она и вышла изъ комнаты.

Онъ долго сидѣлъ такъ, порывисто и тяжело дыша, съ раскинутыми руками и ощущеніемъ глубокаго физическаго изнеможенія. Онъ словно теперь только, достигнувъ „убѣжища", сознавалъ, до какой степени доходила его усталость... „Вздумайся имъ арестовать меня теперь, я бы, кажется, и пальцемъ пошевельнуть не могъ", пробѣгало у него въ головѣ.

Но за этою мыслью пронеслась другая. Онъ привсталъ, приподнялъ свой подрясникъ и вытащилъ изъ-подъ него два, подвязанные къ перекрещивавшимся у него черезъ плечи бичевкамъ, довольно объемистые холщевые мѣшка съ какими-то повидимому бумагами или книгами.

„Куда бы припрятать это покамѣстъ?" думалъ онъ, окидывая взглядомъ кругомъ себя.

Гулъ быстро подымавшихся по лѣстницѣ ступеней донесся до его слуха... Онъ первымъ побужденіемъ готовъ былъ подкинуть мѣшки подъ диванъ, но тутъ же пріостановился:

— Это Настя!...

Это была дѣйствительно она, запыхавшаяся, съ тревожнымъ волненіемъ въ чертахъ, въ выраженіи широко раскрытыхъ глазъ...

— Володя! чрезъ силу воскликнула она, переступая черезъ порогъ комнаты и не чувствуя себя въ силахъ произнести другаго слова.

Она быстро направилась къ нему, протягивая на-ходу руку... Ее подмывало кинуться ему на шею, прижаться головой къ его груди... Но она знала: онъ не любилъ „нѣжничанья".

Онъ и точно удовольствовался короткимъ, товарищескимъ пожатіемъ этой сестриной руки и спокойно проговорилъ:

„Здравствуй, не ожидала?“ Но по блеснувшей на мигъ искрѣ подъ его вѣками она поняла, что онъ былъ радъ ее видѣть, радъ въ самой глубинѣ своего существа.

Она, удержавъ руку его въ своей и сжимая ее безсознательнымъ движеніемъ, тихо опустилась на диванъ подлѣ него.

— Чтò? выговорила она только шопотомъ, неотступно глядя ему въ лицо.

— Чтò! повторилъ онъ дрогнувшимъ вдругъ отъ злости голосомъ, воззрясь въ свою очередь въ ея коричневые глаза:—по всей Россіи какъ зайцевъ пошли ловить...

— Но ты...

— Я?... былъ, да весь вышелъ.

— Это чтò же? не поняла она.

— Очень просто: взяли, да уйти успѣлъ.

Она похолодѣла вся, выпустила его пальцы:

— Ахъ, Володя!...

Онъ чуть не сердито дернулъ плечомъ:

— Ты чтò же думала, будутъ *они* вѣкъ съ нами въ жмурки играть? Глупы они, глупы, а все же и у нихъ самолюбіе когда-нибудь должно заговорить...

Онъ машинально поднялся съ мѣста, по давней привычкѣ толковать „о серіозныхъ предметахъ“, расхаживая по комнатѣ, но тутъ же сѣлъ опять; ноги его дрожали и подкашивались.

Сердце сжалось у сестры его:

— Какъ ты утомился, Володя, тебѣ бы лечь, уснуть...

— Теперь не заснешь пожалуй отъ самой усталости этой... А поѣсть чего-нибудь да выпить, я бы съ удовольствіемъ... Съ утра ни маковой росинки...

Она вскочила:

— Ахъ, а я и не подумаю!... Сейчасъ!... У насъ сегодня баранина была, осталась... Выпить тебѣ чего же, квасу хочешь?

— А посущественнѣе не дашь? усмѣхнулся онъ:—для *него* вѣдь держишь, чай?...

— Ты ужь успѣлъ привыкнуть! вырвалось у нея со вздохомъ:—хорошо, я принесу...

Въ дверяхъ въ эту минуту показалась Антонина съ папиросой во рту:

— Ну, а въ чистый видъ не полагаешь ты его привести ужь встати? брезгливо кивая на Володю, спросила она сестру.

— У тебя тутъ въ комнатѣ умывальникъ, вода... Могла бы сама предложить! съ сердцемъ возразила Настя, поспѣшно выходя за дверь.

— Пожалуй!... Пошли мнѣ снизу Варюшу, я велю подать ему.

Братъ повелъ на нее недобрымъ взглядомъ. Губы его шевельнулись съ очевиднымъ намѣреніемъ „оборвать“ ее. Но онъ сдержался и проговорилъ обрывисто:

— Дай папиросу,—двое сутокъ не курилъ.

Она молча подошла къ дивану, высыпала на него всѣ папиросы изъ своего портсигара, поморщилась еще разъ съ видимымъ отвращеніемъ на лохмотья брата и все такъ же безмолвно и величественно повернулась и ушла къ себѣ.

VI.

La fiammo d'esto incendio non m'assale.
Dante. *Inferno.*

Она пришла опять чрезъ часъ времени. Ее весьма мало озабочивала судьба брата,—она давно разумѣла его какъ „tête fêlée“ и „неудачника“, которому „ничего въ жизни и не оставалось дѣлать, какъ гибнуть вмѣстѣ съ такими же, какъ самъ онъ, *шутами*“; но приключенія его могли, „должны“ были быть любопытны. Эти переодѣванія, скитальчества, бѣгства—„тотъ же Габоріо“, говорила она себѣ... И пришла *слушать*, какъ ѣздила въ Петербургъ на литературныя чтенія, устраиваемыя извѣстными господами въ пользу какой-нибудь отставной *гарибалдійки*“ (sic) или „студентовъ, не имѣющихъ возможности кончить курса въ университетѣ *по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ*“.

Володя,—мы будемъ продолжать называть его такъ,—умытый, въ статскомъ платьѣ (Настасья Дмитріевна добыла ему жакетку, брюки и сорочку изъ оставленныхъ имъ дома бѣлья и одежды) и сытый, сидѣлъ на своемъ диванѣ, рядомъ съ младшею сестрой и затягивался всласть оставленными ему *Тоней* папиросами, закуривая ихъ одну вслѣдъ за другой о пламя стоявшей на столѣ одинокой стеариновой свѣчи въ позеленѣломъ мѣдномъ шандалѣ. Онъ какъ бы просвѣтлѣлъ весь лицомъ и духомъ, облекшись въ это свѣжее бѣлье, насытивъ голодъ и подкрѣпивъ силы двумя большими рюмками *очищенной*. Какое-то на мигъ затишье слетѣло ему въ душу, а съ нимъ и иное что-то прежнее, лучшее...

Онъ уговаривался съ Настей „объ отцѣ“, когда Тоня вошла въ комнату: ему хотѣлось видѣть „несчастнаго“, но онъ и боялся этого,—онъ зналъ, что окончательный ударъ старику былъ нанесенъ имъ, Володей, его исчезновеніемъ изъ-подъ родительскаго крова, для цѣлей, которыхъ самъ онъ не скрылъ отъ отца. Старикъ, дѣйствительно, лишился ногъ въ тотъ самый день, полтора года назадъ, когда Володя подъ какимъ-то предлогомъ уѣхалъ на крестьянскихъ дровняхъ въ ближайшій уѣздный городъ и прислалъ ему оттуда письмо („и къ чему я это сдѣлалъ тогда? лучше было бы просто ничего не писать, пусть бы думалъ, что я въ Москву уѣхалъ попытаться что-ли опять въ университетъ поступить“, говорилъ теперь сестрѣ молодой человѣкъ, покусывая губы), письмо, въ которомъ говорилъ отцу, что онъ идетъ, что онъ „обязанъ итти въ народъ, помочь избавиться ему отъ тиранніи правительства и господъ“...

— Что̀ же бы ты теперь могъ сказать ему? тоскливо и тихо говорила въ свою очередь Настасья Дмитріевна:—вѣдь ты не отказался отъ своихъ убѣжденій?

— Конечно, нѣтъ! отвѣтилъ онъ съ какимъ-то намѣреннымъ жаромъ, взглянувъ искоса на подошедшую къ нимъ старшую сестру.

— Такъ чтобы хуже ему послѣ этого свиданія не сдѣлалось, Володя! Вѣдь онъ непремѣнно началъ бы говорить съ тобою объ этомъ,—это его idée fixe, главное, что̀ его гложетъ... Онъ еще сегодня: „Mon fils“, говоритъ, „un Буйносовъ, ennemi de son souverain et de sa caste“...

Володя слушалъ ее, раздумчиво покачивая головой.

— Феодалъ, молвилъ онъ какъ бы про себя,—наивный, убѣжденный феодалъ! Онъ и между своими-то ископаемое какое-то... Сравнительно съ остальною *консервативною* слякотью нѣкотораго съ этой стороны даже уваженія достоинъ.

— Отъ *васъ* это „уваженія“? презрительно отчеканила Тоня, скидывая ногтемъ мизинца пепелъ съ папироски.

Онъ не удостоилъ ее отвѣтомъ.

Она протянула руку къ столу, на которомъ лежали теперь его мѣшки съ бумагами:

— Что̀ это̀ ты съ собою притащилъ: прокламаціи?

— Оставь, пожалуйста! крикнулъ онъ, схватывая ихъ и закидывая себѣ за спину.

Настало общее молчаніе.

— Что̀, ты будешь, или нѣтъ, разсказывать свои aventures? заговорила она первая:—я для этого пришла сюда.

— И съ этимъ можешь отправляться восвояси, отрѣзалъ онъ:—никакими моими „aventures“ потѣшать я тебя не намѣренъ.

— И не нужно! *Le petit chose* Доде, по правдѣ сказать, гораздо интереснѣе того, что̀ ты можешь разсказать... Bonsoir, la compagnie! заключила она театрально-комическимъ поклономъ и удалилась.

— И что̀ это она изъ себя изображаетъ? злобно, едва исчезла она за дверью, спросилъ Володя Настасью Дмитріевну.

Та пожала плечомъ.

— Какъ всегда: презрѣніе ко всему, что̀ на нее не похоже.

— А у самой-то что̀ въ головѣ? воскликнулъ пылко молодой человѣкъ.

— Собственная персона и деньги.

— Которыхъ нѣтъ, хихикнулъ онъ.

— Но будутъ, и большія.

Онъ взглянулъ не нее вопросительно.

— Откуда?

— Про Сусальцева слышалъ?

— Это который Шастуновское Сицкое купилъ...

— И котораго мы состоимъ должниками;—онъ самый.

— Ну, такъ что̀ же?

— Она положила выйти за него замужъ.

— Такъ мало-ли что̀!..

— Нѣтъ, это у нихъ дня три какъ порѣшено.

— Что̀ ты!

— Я тебѣ говорю.

— А *онъ* знаетъ? спросилъ помолчавъ Володя:—вѣдь это *опять* ему ударъ будетъ: „дочь-молъ моя, Буйносова, за ар-

шинника, за пейзана", примолвилъ онъ, явно насилуя себя на иронію.

— Я ему не говорила и не скажу, поспѣшила сказать дѣвушка.

— А сама придетъ ему объявить—и того хуже, замѣтилъ онъ, морщась.

Настасья Дмитріевна взглянула на брата влажными глазами.

— Подождала бы хоть... Ему не долго, по словамъ доктора...

На мигъ настало опять молчаніе.

— Когда я ушла отъ него, онъ засыпалъ, начала она опять:—я ему дала хлоралу, онъ сегодня принялъ безъ отговорокъ. Если тебѣ хочется *видѣть* его, Володя, я тебя проведу потомъ къ нему, когда онъ будетъ крѣпко спать...

Но мысли брата ея были уже далеко отъ предмета ихъ разговора. Онъ, вставъ съ дивана, шагалъ теперь вдоль комнаты, опустивъ голову, и лицо его, казалось ей, становилось все мрачнѣе каждый разъ, когда онъ изъ темнаго угла выступалъ опять въ кругъ свѣта, падавшаго отъ свѣчи, стоявшей на столѣ... Собственная ея мысль съ новою тревогой словно побѣжала за нимъ.

— Володя! тихо проговорила она.

— Что?

Онъ остановился.

— Какъ же ты...

Она не имѣла духа досказать вопросъ свой.

Но онъ понялъ.

— Да вотъ какъ видишь, молвилъ онъ, силясь усмѣхнуться,—гдѣ день, гдѣ ночь, съ сѣвера на югъ, съ запада на востокъ... Россію-матушку вдоль и поперекъ исходилъ, всякія рукомесла и коммерціи произошелъ: во Псковской губерніи кузнечилъ, въ Саратовской наборщикомъ былъ, въ Кіевѣ въ Лаврѣ богомолкамъ финифтяные образки продавалъ... Да и мало-ли! махмулъ онъ рукой, не договоривъ и принимаясь опять съ нервнымъ подрагиваніемъ плечъ шагать по комнатѣ.

— Гдѣ же, вся холодѣя, спросила она, — гдѣ же тебя... взяли?

Онъ остановился опять и заговорилъ,—заговорилъ со внезапнымъ оживленіемъ, какъ бы ухватываясь инстинктивно за случай *выговориться*, „выложить душу“, предъ этою сестрой, единственнымъ существомъ, нѣжность котораго была ему обезпечена въ этомъ мірѣ.

— Подъ Нижнимъ, въ деревнѣ Мельниковѣ... Три дня сидѣлъ я тамъ въ кабакѣ, мужиковъ поилъ водкой, объяснялъ имъ, что пора скинуть имъ петлю, все туже съ каждымъ днемъ затягивающуюся кругомъ ихъ шеи, пора отказаться отъ податей, питающихъ правительственный деспотизмъ, пора наконецъ отнять у дворянъ и эксплуататоровъ землю, обрабатываемую мозолистыми руками обнищалаго народа... Объяснялъ, разумѣется, счелъ нужнымъ прибавить Володя въ отвѣтъ недоумѣло-вопрошавшему взору сестры,—объяснялъ понятнымъ, мужицкимъ ихъ языкомъ...

— И что̀ же? спросила она.

— Поддакивали, горько жаловались въ свою очередь на „тяготу“, на безземеліе, на полицію,—и пили, жестоко пили, благо подчивалъ я не щадя... Велъ я все къ тому, чтобъ они міромъ положили податей не платить и требовать прирѣзки отъ помѣщичьей земли...

— И согласны они были?

— Галдѣли во̀ всѣ голоса,—а ихъ тутъ чуть не вся деревня собралась,—одобряли: „не знаемъ-молъ, какъ тебя звать, а только спасибо тебѣ, что насъ, темныхъ людей, уму-разуму учишь, и безпремѣнно мы такъ, значитъ, міромъ всѣмъ положимъ... Что-жь молъ дармо платить-то!.. И насчетъ земли все это ты по истинѣ говоришь“...

— Чѣмъ же кончилось?

Саркастическая усмѣшка, словно помимо воли разсказчика, пробѣжала по его губамъ:

— Сидѣлъ, говорю, я съ ними тутъ три дня. Голова отъ дурмана разлетѣться готова, а въ карманѣ ни гроша ужь не осталось. „Ну, говорю, ребята, надо какой-нибудь конецъ сдѣлать, а то что̀ же такъ попусту намъ съ вами въ кабакѣ язы-

комъ ворочать; сходку собрать надо, говорю, теперь, порѣшить настоящимъ манеромъ, а то у меня и денегъ-то больше нѣту поить васъ"!.. „Нѣ-ѣ-ту"? протянули кругомъ. И за этимъ словомъ вся эта пьяная арава такъ и навалилась на меня: „Ребята, къ становому его"!.. И отвели.

Настасья Дмитріевна будто предвидѣла это заключеніе и только головой повела.

— Дальше что же?

— Становой, какъ слѣдуетъ, въ „темную" посадить велѣлъ, а становиха, сочувствующая намъ личность, уловчилась выпустить меня,— самъ-то онъ благо уѣхалъ въ другой конецъ уѣзда, гдѣ тоже одинъ изъ нашихъ орудовалъ; снабдила меня вотъ тѣмъ подрясникомъ, въ которомъ ты меня видѣла,—братъ у нея тутъ случился, послушникъ изъ Бабаевской пустыни,— и пять рублей на дорогу дала... Разлюбезная особа, усмѣхнулся Володя:—денегъ мнѣ ея до самой Москвы хватило, на пароходѣ до Твери, а оттуда на товарномъ поѣздѣ...

— А изъ Москвы какъ же ты?...

— Какъ видѣла, пѣшандрасомъ пятый день маршируютъ...

— И какъ же? дрогнулъ голосъ у спрашивавшей:— кормиться вѣдь чѣмъ-нибудь нужно было...

— Гроши!... Въ иномъ мѣстѣ даромъ кормили изъ-за этого самаго монашескаго подрясника... Да и перехватилъ къ тому же малую толику въ Москвѣ, у одного тамъ нашего, *легальнаго*.

— Долго оставался ты въ Москвѣ?

— Утромъ пріѣхалъ, къ ночи ушелъ.

— Развѣ негдѣ было тебѣ остановиться?...

— Ненадежно... Общая травля пошла, забираютъ одного за другимъ... Ловкій прокуроръ завелся у нихъ... Ну, и жандармерію подтянули, какъ видно... Весь клубокъ до конца размотаютъ, злобно пропустилъ онъ сквозь зубы.

Наступило молчаніе. Сестра съ поблѣднѣвшими губами, вся выпрямившись на диванѣ, слѣдила за нимъ глазами. И кто скажетъ, какою мукой исполнены были теперь голова ея и сердце! „Изъ-за чего, изъ-за чего обрекъ онъ себя на гибель!" стояло гвоздемъ въ ея помыслѣ.

— И у другихъ... та же неудача? пролепетала она.

Онъ вопросительно взглянулъ на нее...

— Народъ пропагандѣ вашей не сочувствуетъ? пояснила она.

Онъ только кивнулъ, закусивъ губу.

— Такъ что же тогда, Володя!...

Темною тучей обернулось на нее лицо брата.

— Наше дѣло правое, мы должны были итти—и пошли! промолвилъ онъ съ горячимъ взрывомъ, какъ бы оправдывая себя не только въ ея, но и въ собственныхъ глазахъ.

Она почуяла этотъ оттѣнокъ въ его выраженіи:

— Правое-ли, Володя, подумай! воскликнула она, безсознательно заламывая руки: — правое-ли, когда тѣ, для кого приносите вы себя въ жертву, не признаютъ, не принимаютъ васъ и выдаютъ врагу!...

— Все равно! возразилъ онъ нетерпѣливо: — вѣковое рабство отняло у этихъ людей всякое сознаніе ихъ гражданскихъ правъ: нашъ долгъ пробудить ихъ! Мы должны были итти, и пошли... и будемъ дѣйствовать, пока послѣдняго изъ насъ не забрали! повторялъ онъ съ лихорадочно прерывавшимся голосомъ и путаясь ногами на ходу; — революцію можно вызвать въ Россіи только въ *настоящее время*, — понимаешь? *Теперь*, или очень не скоро... быть можетъ, *никогда!* подчеркивалъ онъ: — *теперь* обстоятельства за насъ; чрезъ десять, двадцать лѣтъ они будутъ противъ насъ... Понимаешь ты это... понимаешь?

Она уныло закачала головой:

— Нѣтъ, Володя, не понимаю... То, что я вижу вокругъ себя, то, съ *чѣмъ* самъ ты вернулся теперь, все это, напротивъ...

Онъ махнулъ нетерпѣливо рукой, прерывая ее:

— Да, ты не понимаешь! Такъ слушай...

Онъ продолжалъ, какъ бы отчитывая выученный урокъ:

— Каждый день, каждый часъ, отдѣляющій насъ отъ революціи, стоитъ народу тысячи жертвъ и уменьшаетъ шансы на успѣхъ переворота... Это очень просто, пояснилъ онъ: — пока, теперь то-есть, самый сильный и могущественный врагъ, съ которымъ приходится намъ бороться, — это правительство,

Но врагъ этотъ стоитъ совершенно изолированный; между нимъ и народомъ не существуетъ еще никакой посредствующей силы, которая могла бы помочь врагу остановить и удержать народное движеніе, разъ бы оно началось. Дворянство сокрушено самимъ правительствомъ; tiers état еще не успѣло выработаться... Но пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и условія эти измѣнятся. Уже теперь существуютъ въ зародышѣ всѣ условія для образованія у насъ, съ одной стороны, весьма сильнаго консервативнаго элемента крестьянъ-собственниковъ, съ другой—капиталистской, торговой и промышленной, консервативной же буржуазіи. А чѣмъ сильнѣе будетъ это образовываться и укрѣпляться, тѣмъ возможность насильственнаго переворота станетъ болѣе проблематическою... Говори же, должны-ли мы были, или нѣтъ, итти въ народъ съ революціонною пропагандой именно въ настоящій моментъ, когда намъ благопріятствуютъ общественныя условія?...

— Да, медленно и тихо проговорила она,—вы и пошли, и чего же достигли?... Вѣдь дѣло ваше оказывается та же сказка про синицу, которая похвалялась, что море зажжетъ...

Онъ не ожидалъ этихъ словъ, этого обиднаго сравненія; изможденныя щеки его покрылись мгновеннымъ румянцемъ, глаза сверкнули.

— Давно-ли ты стала плевать на наши убѣжденія? крикнулъ онъ язвительно, закидывая назадъ свои длинные волосы машинальнымъ движеніемъ руки.

Но она не смутилась; она рѣшилась высказать ему *все:*

— Къ чему ты говоришь это, Володя? Вопросъ не въ „нашихъ убѣжденіяхъ“, а въ томъ пути, который вы избрали, чтобы помочь народу. Путь этотъ не вѣренъ, вы должны это видѣть теперь... То, что̀ ты мнѣ сейчасъ проповѣдывалъ, вы вычитали у вашихъ женевскихъ вожаковъ: вы могли обольщаться ихъ теоріями, пока *пропаганда* была еще у васъ только въ намѣреніи... Но теперь, теперь, когда вы испытали на дѣлѣ такое ужасное разочарованіе... Ты упорствуешь, ты хочешь доказать мнѣ и себѣ самому, что вы были правы... Но я тебѣ не вѣрю, ты не можешь этого серіозно думать!... Я не умнѣе тебя, но я предчувствовала, и съ каждымъ днемъ

становилось для меня яснѣе, что ничего, кромѣ того, съ чѣмъ ты вернулся теперь домой, не можетъ ожидать ваше *дѣло*.

— Откуда же этотъ даръ пророческаго предвидѣнія? спросилъ онъ съ неудачнымъ намѣреніемъ глумленія, затягиваясь во всю грудь и пуская дымъ къ потолку, чтобъ избѣгнуть невольно тревожившаго его блеска устремленныхъ на него зрачковъ ея.

— Оттого, пылко выговорила она, — что я хочу правдѣ прямо въ глаза смотрѣть, а не тѣшиться обманомъ, какъ бы любъ онъ для меня ни былъ... Народу не нужна ваша пропаганда, онъ ея не хочетъ!... Онъ совсѣмъ не то, что мы думали... Мы съ тобою въ Москвѣ читали Лассаля, изучали вопросъ о пролетаріатѣ. Но нашъ крестьянскій міръ, народъ, это совсѣмъ не то. Я теперь третій годъ вожусь съ крестьянами, бываю въ ихъ избахъ, лѣчу ихъ; я приглядѣлась къ нимъ, прислушалась, поняла... То, что ему нужно, этому народу, вы никогда не будете въ состояніи дать ему! Вы все на экономической почвѣ думаете строить, а у него въ мозгу и въ сердцѣ два крѣпкія слова засѣли, которыхъ топоромъ у него не вырубить: *Богъ на небѣ* и *Царь на землѣ*. И не вѣритъ онъ вамъ потому, что чуетъ въ васъ враговъ этихъ своихъ завѣтныхъ понятій.

— Да, силясь усмѣхнуться, возразилъ ей братъ,—пока не успѣли насчетъ сего научить его уму-разуму.

Она пожала плечами.

— Нѣтъ! Народъ нашъ гораздо умнѣе, гораздо проницательнѣе, чѣмъ мы это себѣ представляли, Володя... Онъ свою *правду*, ту правду, которую *мы* признать не хотимъ, держитъ неколебимо въ головѣ... Вспомни, напримѣръ, хоть исторію Герцена съ раскольниками, у которыхъ онъ думалъ найти ядро для революціи въ Россіи, и какъ онъ удивленъ былъ, что эти же раскольники, преслѣдуемые правительствомъ, оказались,—я еще недавно перечла разсказъ объ этомъ у Кельсіева,—самыми вѣрными подданными Царя...

Володя перебилъ ее гнѣвнымъ возраженіемъ:

— Кельсіевъ, развѣ это авторитетъ! Онъ предатель былъ и шпіонъ.

— Ахъ, опять эти слова! воскликнула Настасья Дмитріевна возмущеннымъ голосомъ,—шпіонъ, предатель!.. А если это неправда, если онъ дѣйствительно, вотъ какъ я теперь, мучительно, но неизбѣжно пришелъ... долженъ былъ притти къ этому разочарованію во всемъ, чему предъ этимъ вѣрилъ!.. Вѣдь и я, значитъ, по-твоему, тоже предательница, потому что не вѣрю больше въ революцію, не вѣрю тому, о чемъ мы съ тобой такъ пламенно мечтали, думая, что это такъ необходимо и такъ легко должно осуществиться... Но не могу же я вдругъ обратиться въ слѣпую и глухую, когда то, что̀ я вижу кругомъ, говоритъ мнѣ съ каждымъ днемъ все сильнѣе, что эти мечтанія наши—ложь была одна и призракъ, что ты... что всѣ вы губите себя напрасно, и мало того, что губите себя, совершаете еще величайшее преступленіе предъ тѣмъ же народомъ, во имя котораго вы будто бы дѣйствуете...

— Преступленіе! растерянно повторилъ Володя.

Страстная убѣжденность сестриной рѣчи пронимала его насквозь; она забирала его теперь за самые корни тѣхъ мучительныхъ сомнѣній, которыя не разъ охватывали его душу въ продолженіе его революціонной эпопеи и противъ которыхъ каждый разъ ратовала его воля съ тою же энергіей, съ какою выступали древніе отшельники на борьбу съ соблазнами искушавшаго ихъ духа тьмы.

— Да, преступленіе—и худшее изъ всѣхъ! подтвердила она съ какою-то неженскою силой выраженія:—вы подъ именемъ свободы хотите навязать ему деспотизмъ, въ тысячу разъ ненавистнѣйшій, чѣмъ тотъ, отъ котораго вызываетесь избавить его; вы насиловать совѣсть его хотите, снести съ лица земли то, что̀ искони ему дорого и свято—и замѣнить это... *Чѣмъ* замѣнить? воскликнула она зазвенѣвшимъ вдругъ какою-то безнадежностью голосомъ,—что̀ могли бы дать мы, ты подумай, этому народу вмѣсто боговъ, которымъ молится онъ до сихъ поръ?... Вѣдь у всѣхъ у васъ идеала никакого нѣтъ, кромѣ все той же революціи, во что̀ бы ни стало!... Развѣ этимъ можетъ быть *живъ* человѣкъ народа, выросшій на иныхъ...

Братъ перебилъ ее еще разъ (онъ видимо хватался за послѣдній аргументъ свой):

— Мы ничего не намѣрены „навязывать“; мы стремимся уничтожить тотъ старый, сгнившій до тла сословный и правительственный строй, который препятствуетъ свободному проявленію народной воли,—мы анархіи хотимъ!...

— Анархіи, да, знаю... Ну, хорошо! а тамъ что̀?

— Тамъ; молвилъ онъ, качнувъ головой снизу вверхъ,— тамъ сама жизнь покажетъ, что̀ нужно будетъ дѣлать *).

— А хочешь, я тебѣ скажу, чѣмъ бы выразилась эта народная воля, если бы вы какъ-нибудь, помимо ея, успѣли разнести „старый правительственный строй“ и замѣнить его вашею анархіей? Онъ, народъ, призвалъ бы того же Царя, противъ котораго вы идете, и чѣмъ безпощаднѣе сталъ бы расправляться Царь съ вами, „бунтовщиками“, тѣмъ выше поднялся бы онъ въ его глазахъ... Дико это, невѣжественно,— какъ хочешь разсуждай,—но для меня это такъ же неопровержимо теперь, какъ то, что предо мною эта свѣча горитъ!..

Молодой революціонеръ прыгнулъ съ мѣста, словно ужаленный.

— Такъ что̀ же изъ словъ твоихъ вывести слѣдуетъ? что мы не только не нужны, но еще и вредны тому самому, скованному по рукамъ и ногамъ, русскому человѣчеству, мужику и рабочему, на освобожденіе котораго обрекли мы свою жизнь,—что мы же, мы—злодѣи его и губители?...

— Не нужны ему и вредны для самихъ себя, да, молвила Настасья Дмитріевна, усиленно переводя дыханіе;—я чувствую, какъ это тяжело тебѣ слышать отъ меня, чувствую по той мучительной внутренней работѣ, чрезъ которую сама я прошла, пока дошла до того, что̀ ты теперь отъ меня слышишь... Вѣдь и мнѣ досталось это не легко, Володя, не легко было мнѣ отказаться отъ того, на чемъ воспитали мы себя съ тобою съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стали самостоятельно думать... Когда ты рѣшился итти тогда, полтора года назадъ, послѣ этого письма къ тебѣ отъ *Волка*, я уже прозрѣвала нашу фальшь, чуяла ошибку, но ничего не сказала тебѣ, не останавливала,— я еще не довѣряла вполнѣ своимъ впечатлѣніямъ... Ты для

*) Извѣстная теорія Бакунина.

меня, ты знаешь, былъ до сихъ поръ самое близкое существо на свѣтѣ,—но ты знаешь тоже, что я сумѣла бы пожертвовать всѣмъ, начиная съ себя самой, тому, что̀ для меня истина; я духомъ не робка и не слабонервна. Я понимала хорошо, на какую опасную игру ты шелъ тогда, и не отговаривала тебя ни единымъ словомъ потому, что ваше—*наше* еще тогда для меня—дѣло казалось еще мнѣ великимъ и необходимымъ... Если-бъ я продолжала въ него вѣрить, я, не моргнувъ глазомъ, приняла бы вѣсть о ссылкѣ твоей въ Сибирь; я видѣла бы въ тебѣ мученика святой идеи, которой покланялась всю жизнь... Но теперь, когда ты самъ на себѣ испыталъ весь этотъ обманъ, я не могу, я должна тебѣ все выговорить. Безсмысленно итти на каторгу и унести съ собою за это въ награду презрѣніе и проклятіе того самаго *народа*, который ты воображалъ себѣ облагодѣтельствовать... И ты самъ это чувствуешь, самъ понимаешь, Володя! горячо всклинкнула дѣвушка,—не можешь не понимать...

Она замолкла мгновенно, пораженная видомъ мучительнаго страданія, которое прочла теперь на его лицѣ. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно, губы его дрожали...

— Къ чему ты это мнѣ говоришь!... забормоталъ онъ прерывавшимся голосомъ:—если-бъ я и въ самомъ дѣлѣ... къ чему говорить!... Итти мнѣ назадъ — развѣ это возможно? Отказаться... отъ революціи значитъ не жить болѣе... Вѣдь это— ты вѣрно сказала,—одно, одно, что̀ у насъ есть!...

Она трепетно и безмовно прислушивалась къ его словамъ, опустивъ глаза, чтобы не смущать его ихъ выраженіемъ, чтобы дать ему полную волю выговорить все, что̀ лежало у него на днѣ души и неудержимо, чуяла она, просилось теперь наружу.

Онъ зашагалъ еще разъ по комнатѣ, сожмуривая вѣки какъ бы отъ какой-то внезапной физической боли.

— У насъ нѣтъ другихъ идеаловъ... задачъ другихъ нѣтъ, говорилъ онъ все такъ же обрывисто и глухо, — внѣ этого дѣла мы... мы ни на что̀ не годны, да!.. Вѣдь на этомъ, пойми ты, на этой абсолютной идеѣ революціи успѣло воспитаться уже цѣлое поколѣніе молодежи... поколѣніе, воспріявшее съ

дѣтства одни лишь чувства отрицанія и ненависти ко всему существующему строю...

Онъ вдругъ оборвалъ, подошелъ къ сестрѣ и заговорилъ мгновенно измѣнившимся, почти ласковымъ голосомъ:

— Скажи сама: ну что-бъ я сталъ дѣлать, переставъ быть революціонеромъ? Куда бы ты опредѣлила меня: въ сторожа, въ солдаты, въ надсмотрщики по акцизу?..

— Ахъ, Володя, неодолимо сказалось ею,—*все* лучше, чѣмъ твоя жизнь!..

Онъ горько усмѣхнулся.

— Но вѣдь для иной нужно то, чего у меня нѣтъ. Я ничему серіозно не учился, ни къ чему не приготовленъ... Да и не впряжешься въ другія оглобли. Когда мысль какъ по рельсамъ привыкла въ теченіе цѣлыхъ годовъ бѣжать все по одному и тому же направленію, не заставишь ты ее съ бухты-барахты повернуть въ другую сторону и начать на изнанку то, надъ чѣмъ изощряла она себя цѣлые годы... Ты женщина: у васъ эти переходы какъ-то легче и естественнѣе совершаются... Искреннѣе-ли вы, или беззастѣнчивѣе, не знаю... Но я...

Онъ вдругъ словно что-то вспомнилъ, вздрогнулъ,—и проговорилъ мрачно и вѣско:— Понимаешь-ли ты, чѣмъ пахнутъ эти слова: „ренегатъ“ и „предатель!“... Ты говоришь: „разочарованіе“; положимъ, я могу видѣть... Но до этого никому нѣтъ дѣла, я *долженъ* итти, подчеркнулъ онъ,—итти до конца...

— Куда: въ тюрьму, въ Сибирь?..

— Въ тюрьму, въ Сибирь, какъ бы безсознательно повторилъ онъ, встряхнувъ головой, и добавилъ съ насилованною веселостью:—у насъ, извѣстно, изъ Сибири прямая дорога—въ Женеву.

— А тамъ что: нищета, праздность, толченіе воды...

— Пошлютъ сюда опять, сказалъ онъ на это.

— И ты снова... не договорила она.

— Снова! кивнулъ онъ утвердительно.

— Вѣдь это безуміе, безуміе! могла только выговорить она.

Недобрымъ блескомъ сверкнули глаза брата въ отвѣтъ ей.

Духъ тьмы успѣлъ уже вполнѣ восторжествовать теперь надъ колебаніемъ его на мигъ смутившейся воли.

— Каждое положеніе въ жизни, заговорилъ онъ наставительнымъ тономъ,—влечетъ неизбѣжно за собою извѣстныя, истекающія изъ самой сути его послѣдствія въ ту или другую сторону. Медикъ можетъ заразиться въ своемъ госпиталѣ и умереть въ три дня отъ злокачественной жабы, но за то можетъ прославиться; солдату въ сраженіи предстоитъ или пуля въ лобъ, или Георгіевскій крестъ за отбитое знамя... Мы—тѣ же воины революціи, и шансы въ той же мѣрѣ у насъ: Нерчинскіе рудники, или перевернуть Россію и стать надъ нею главами... Кто же, скажи, изъ насъ, изъ проклинающей съ дѣтства весь существующій порядокъ молодежи,—а имя ей легіонъ,—откажется отъ этой игры?

— Вы проиграли ее, о чемъ же говорить еще! горячо возразила дѣвушка.

Онъ засмѣялся короткимъ, презрительнымъ смѣхомъ:

— Наше дѣло—та же тысячеглавая гидра древнихъ; оно безсмертно. Снесешь одну голову,—на мѣсто ея наростаютъ тутъ же три другія. Мы разбиты сегодня,—завтра мы воспрянемъ съ новыми, свѣжими силами на борьбу, на побѣду!...

— На побѣду! повторила она съ болѣзненнымъ звукомъ въ голосѣ.

— Да, сказалъ онъ, кривя губы,—ея по-твоему быть не можетъ, потому, что народъ не свободы, а все того же своего Царя-де хочетъ?

Она только головой повела...

Онъ подошелъ къ ней, низко наклонился, — лицо его вдругъ стало какимъ-то зеленовато-блѣднымъ,—и онъ процѣдилъ медленно и чуть слышно:

— Ну, а что, если мы его подымемъ не *противъ* Царя, а *изъ-за* Царя?

Она не поняла, но вздрогнула вся разомъ внезапнымъ лихорадочнымъ ознобомъ и широко раскрытыми зрачками вперилась испуганно въ это позеленѣвшееe братнино лицо...

Но онъ быстро откинулся отъ нея, отошелъ... И въ то же время догорѣвшая до конца свѣча въ шандалѣ вспыхнула въ послѣдній разъ и потухла. Настасья Дмитріевна вскочила на ноги и зашаталась... Ей сдѣлалось вдругъ невыразимо страшно.

VII.

Ночь была безлунная, тучи заволакивали небо...

— У Тони есть свѣчи; погоди, я сейчасъ... молвила дѣвушка, направляясь въ потьмахъ къ двери.

— Тсс!... послышался ей вдругъ въ этой тьмѣ встревоженный шопотъ брата.

Она остановилась какъ вкопаная, напрягая слухъ, притаивъ дыханіе...

Изъ корридора доносились подымавшіеся снизу по лѣстницѣ легкіе, но торопливые шаги.

— Идутъ! проговорилъ чуть слышно надъ самымъ ухомъ ея Володя.

— Нѣтъ, это... это Варюша... къ Тонѣ вѣрно за чѣмъ-нибудь...

Она ощупью добралась до перилъ лѣстницы, схватилась за нихъ, наклоняя голову внизъ:

— Варюша, ты?

Дѣвочка, услыхавъ голосъ, прыгнула черезъ три ступеньки на площадку, схватила ее за платье, взволнованно мыча что-то своимъ нѣмымъ языкомъ.

— Ты къ Тонѣ? спросила замирая Настасья Дмитріевна.

— Мм!... мм!... все также дергая ее судорожно за платье, отрицательно, какъ поняла Настасья Дмитріевна, отвѣтила та.

— Ахъ, Боже мой, тутъ какъ въ погребѣ, я не вижу тебя... Погоди!

И она кинулась на узкую полоску свѣта, выбивавшуюся изъ-подъ дверей у Антонины Дмитріевны на другомъ концѣ корридора, рванула замокъ, вбѣжала въ комнату...

Сестра ея, въ ночномъ бѣломъ пудермантелѣ, въ атласныхъ туфляхъ на босыхъ ногахъ, съ распущенными по плечамъ длинными, высыхавшими волосами (она только-что совершила свои омовенія предъ сномъ), сидѣла, протянувшись на кушеткѣ, и читала *Le petit chose* при свѣтѣ стоявшей подлѣ на столикѣ розовой спермацетовой свѣчи въ изящномъ бронзовомъ бужуарѣ, — подаркѣ все того же влюбленнаго Сусальцева.

Настасья Дмитріевна, не проронивъ слова, схватила этотъ бужуаръ и выбѣжала съ нимъ въ корридоръ.

— Это что̀ за̀ невѣжество! визгнула разъяренно Тоня, бросаясь за нею.

Но растерянное выраженіе сверкавшихъ глазъ брата, испуганный видъ Варюшки—оба стояли теперь тутъ, за порогомъ ея комнаты, озаренные пламенемъ свѣчи, которую держала въ рукѣ Настя,—обратили негодованіе ея въ изумленіе и чаяніе чего-то необычайнаго.

— Что̀ случилось? пробормотала она.—Ты что̀, Варюшка?..

Нѣмая дѣвочка разомъ вся обратилась въ движеніе; голова, плечи, руки, лицевые нервы—все заходило у нея. Она то приподымалась на цыпочки, будто намѣреваясь достигнуть какой-то высоты, то протягивала пальцы впередъ и загибала ихъ одинъ за другимъ, жалобно цыкала языкомъ, кивала въ сторону дома, обращенную на дворъ, не то вопросительно, не то испуганно поводя взглядомъ на Володю...

— Какіе-то люди, и много ихъ, проговорила Антонина Дмитріевна, привыкшая понимать ее.—Тебя ищутъ, скороговоркой примолвила она по адресу брата.

— Да, да, закивала утвердительно нѣмая.

— Ты была на дворѣ?

— Да.

— Для чего?

Дѣвочка какъ бы смущенно усмѣхнулась и поникла своею маленькою, худенькою головкой.

— Это ты ночью въ огородъ бѣгала огурцы воровать? строго проговорила Антонина Дмитріевна: — кого же ты видѣла?

Варюшка быстрымъ движеніемъ подняла руку къ уху.

— Разглядѣть не могла, темно, — но слышала разговоръ: такъ?

— Да, да!

— Что же ты слышала?

Дѣвочка такъ же быстро указала глазами на Володю и перехватила на-перекрестъ пальцами кисти своихъ рукъ.

— Выслѣдили, арестовать пріѣхали, процѣдилъ сквозь зубы Володя.

— Уходи, уходи скорѣе... чрезъ садъ можно! воскликнула черезъ силу Настя.

— Не уйдешь теперь... оцѣпили, должно быть...

— Да, да! закивала опять нѣмая.

— Лишь бы успѣть, вспомнилъ онъ вдругъ, — въ буфетѣ люкъ есть, въ подвалъ... я говорилъ Тонѣ... Если надвинуть шкафъ... не отыщутъ...

— Такъ скорѣе идемъ, идемъ! возгласила Настасья Дмитріевна и побѣжала къ лѣстницѣ.

— Отдай мнѣ мой бужуаръ! крикнула ей вслѣдъ сестра:— какъ же это ты туда съ огнемъ идешь? Вѣдь если домъ окружили, такъ со двора васъ какъ на сценѣ увидятъ... Въ буфетной даже и стекла въ окнахъ всѣ разбиты...

Та остановилась, растерянно обернулась на поспѣшавшаго за нею брата.

— Какъ же найти въ этой темнотѣ?... пролепетала она.

Глаза у нѣмой такъ и забѣгали. Она схватила молодаго человѣка за руку:—„я и въ потьмахъ найду мѣсто“, говорило все какъ бы радостно загорѣвшееся лицо ея, — и потащила его за собою.

— Она прячетъ въ этомъ подвалѣ все, что стащитъ въ огородѣ, объяснила смѣясь догадливая Тоня,—можете ей довѣриться!

Она взяла бужуаръ изъ рукъ сестры, посвѣтила имъ, пока они втроемъ спускались съ лѣстницы, и, вернувшись въ свой апартаментъ, закурила папироску и усѣлась опять за чтеніе *Le petit chose*.... Но строки и буквы прыгали у нея предъ глазами, и она досадливо кинула книгу на столикъ... „До-

рвался таки до послѣдняго, проносилось у нея скачками въ головѣ, — какъ глупо!... Переодѣванія, прятанія въ подвалѣ, точно въ старыхъ романахъ... И все равно отыщутъ, въ тюрьму посадятъ, сошлютъ... Да еще какія-то прокламаціи съ собою притащилъ, вспомнила она, — чтобъ и насъ всѣхъ заодно съ нимъ, пожалуй, затаскали". И брови ея сжались озабоченно и злобно.

А виновникъ ея докуки съ Настей и Варюшей, спустившись въ нижній этажъ (они, чтобы не отстать другъ отъ друга, держались за руки, — нѣмая впереди,), пробрались въ буфетную и направились къ лѣвой ея стѣнѣ, гдѣ, между дощатымъ кухоннымъ столомъ для мытья посуды и старымъ крашенымъ шкафомъ, въ которомъ до ближайшей стирки держала Мавра, мать Варюши, грязныя господскія скатерти и салфетки, прорѣзанъ былъ въ полу люкъ надъ пустымъ давно ни къ чему не служившимъ каменнымъ подваломъ, вышиной въ полтора человѣческаго роста, и пространствомъ шага въ четыре во всѣ стороны, съ двумя рѣшетчатыми отдушинами, выходившими на „красный дворъ" надъ самой землей.

Дѣвочка, присѣвъ на корточки, тотчасъ ощупала желѣзное кольцо, ввинченное въ люкъ, приподняла его и, удерживая одною рукой надъ головой своею, съ замѣчательною для своихъ лѣтъ силой юркнула подъ него, какъ змѣя, на узкую лѣсенку, спускавшуюся въ подвалъ, не выпуская руки Володы и какъ-то особенно дергая ее: „Спускайся-молъ скорѣе!"

— Придержи; Настя! шепнулъ онъ сестрѣ.

Она различила въ темнотѣ край приподнятаго люда, уцѣпилась за него обѣими руками... Спутники ея благополучно спустились въ подземелье...

Пронизывающею, могильною сыростью обдало тамъ сразу молодаго революціонера; онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, машинально шагнулъ къ отдушинамъ, откуда несло еще не успѣвшимъ остыть послѣ жаркаго дня воздухомъ...

А Варюша между тѣмъ совала ему въ пальцы что-то гладкое и хвостатое: это были двѣ длинныя морковки, оставшіяся у нея тутъ въ углу изъ запаса всякихъ съѣдобныхъ въ сы-

ромъ видѣ овощей, которыя она имѣла страсть похищать тайкомъ съ огорода.

— Спасибо, сказалъ онъ, невольно усмѣхаясь и сжимая ея руки,—я ѣсть не хочу...

Вдругъ онъ почувствовалъ, что ея губенки крѣпко прижались къ его рукѣ, и что-то влажное и теплое кануло въ то же время на нее...

— Ты добрая дѣвочка, Варя, вырвалось у него дрожащимъ звукомъ:—поцѣлуй меня!..

Но она уже карабкалась вверхъ по лѣстницѣ, словно ничего не слышала... Люкъ опустился.

— Ну, вотъ и погребли заживо! съ напускною шутливостью, чтобы не дать воли забиравшему его жуткому чувству, сказалъ себѣ чрезъ мигъ Буйносовъ, услыхавъ глухой скрипъ чего-то тяжело скользившаго надъ головой. Это Настя съ Варюшкой общими усиліями, напрягая мышцы и напирая руками, передвигали съ мѣста, на сколько могли беззвучно, къ счастію ихъ—въ эту минуту пустой и потому не особенно грузный сосновый на ножкахъ шкафъ, норовя наугадъ поставить его такъ, чтобы скрыть подъ нимъ кольцо и желѣзныя петли люка.

— Должно быть, довольно, прошептала наконецъ Настасья Дмитріевна; обшарь рукой, Варя!

Дѣвочка кинулась на земь, тщательно обвела ладонями кругомъ и подъ шкафомъ: дно его прикрывало теперь совершенно и кольцо, и петли... Она задергала утвердительнымъ движеніемъ *барышню* за платье.

— Вѣрно, Варя? спросила для большаго убѣжденія своего та.

— Мм!.. мм!.. промычала нѣмая и потянула ее за собою къ двери: „Нечего-молъ болѣе намъ дѣлать здѣсь“.

Онѣ, все также въ потемкахъ, поспѣшно поднялись вверхъ въ мезонинъ. Варюша побѣжала къ Антонинѣ Дмитріевнѣ. Настя осталась въ корридорѣ, прижавшись къ периламъ лѣстницы въ ожиданіи, „что будетъ далѣе“. Сердце у нея невыносимо билось, ноги подкашивались...

Братъ ея тѣмъ временемъ стоялъ у своей отдушины, на-

пряженно прислушиваясь къ долетавшимъ сквозь узкое отверстіе ея звукамъ: кто-то будто переступалъ подошвами по травѣ тутъ же, въ ближайшемъ отъ него разстояніи, и отъ времени до времени тяжело переводилъ дыханіе. Но, кромѣ стеблей росшаго у стѣны бурьяна, которые могъ онъ сквозь рѣшотку осязать рукой, Володя ничего во мракѣ различить не могъ... „Стоитъ тутъ кто подъ окномъ, или мнѣ это только представляется?“ какъ винтомъ сверлило у него въ головѣ,— и ничего мучительнѣе этого вопроса, казалось ему, не испытывалъ онъ еще съ самаго рожденія; въ его душѣ ныла злобная, невыносимая тоска...

Но вотъ уже совершенно явственно зашуршали въ бурьянѣ чьи-то ноги: кто-то торопливо подходилъ къ дому, къ тому самому окну буфетной, подъ которымъ находился подвалъ.

— Что̀? донесся до Володи короткій шепоткомъ вопросъ басоваго голоса.

Другой—„а, вотъ онъ, стоялъ-таки тутъ!“ пронеслось въ головѣ молодаго человѣка,—такой же низко-гортанный голосъ отвѣчалъ тѣмъ же шопотомъ:

— Приходили, кажись, сюда въ комнату, ваше всбла-родіе,—вѣрно это. Безъ огня, и разговору не слыхать было, а только ходили, стульями что-ль двигали... И съ опаской, надо быть, ваше .всбл... потому, чтобы шуму не было старались, это я вѣрно дослышалъ.

— Предварить успѣли! досадливо пробормоталъ первый изъ говорившихъ:—изъ-за плетня, я замѣтилъ тогда, выскользнула какая-то фигура... Гляди, если бы вздумалъ кто изъ окна, ты такъ и навались...

— Будьте покойны, ваше... пропуску не дадимъ.

— Да окно замѣть хорошенько...

— Замѣчено, съ угла четвертое.

— Ну, значитъ пропалъ я! проговорилъ мысленно Буйносовъ, стискивая зубы...

VIII.

Слѣдовавшія за возвращеніемъ ея наверхъ минуты показались вѣчностью Настасьѣ Дмитріевнѣ. Она все стояла на верхней площадкѣ лѣстницы, опершись о перила ея, устремивъ глаза внизъ и ожидая каждый мигъ, что „вотъ *они* сейчасъ, сейчасъ войдутъ, пойдутъ шарить по всѣмъ комнатамъ...“ „Они къ *нему* заберутся, разбудятъ!“ ударило ее внезапно словно камнемъ въ голову: вся поглощенная тревогой о братѣ, она забыла объ отцѣ „несчастномъ“...

Она кинулась внизъ, пробѣжала въ свою комнату, сосѣднюю съ покоемъ старика; осторожно потянула дверь къ нему, вошла на кончикахъ ногъ...

Онъ спалъ, уложенный подушками, у окна, въ глубокомъ вольтеровскомъ креслѣ, служившемъ ему обыкновенно ложемъ, (больныя его ноги не переносили лежачаго положенія,)—спалъ мирнымъ, рѣдко дававшимся ему сномъ. Маленькая керосиновая лампа подъ стеклянным колпакомъ, прикрытымъ зеленымъ бумажнымъ абажуромъ, поставленная на какой-то старинной тумбѣ изъ краснаго дерева, за спинкой кресла, освѣщала ободкомъ падавшаго отъ нея свѣта верхъ его черепа, его всклокоченные, густые и не совсѣмъ еще сѣдые волосы. Дыханія его почти не было слышно...

„Заснулъ какъ ребенокъ, послѣ столькихъ ночей, и если вдругъ теперь...“ И сердце нестерпимо заныло у дѣвушки.

— Мавра, наклонилась она къ толстой бабѣ, приставленной ею къ больному на время своего отсутствія и качавшейся теперь отъ одолѣвавшаго ее сна, сидя на стулѣ насупротивъ

его,—если будетъ шумъ въ домѣ... и его разбудитъ, скажи... скажи ему, повторила она прерывавшимся голосомъ,—чтобъ онъ не безпокоился... что гости... господинъ Сусальцевъ—знаешь?—Провъ Ефремовичъ... Ну, что онъ пріѣхалъ... понимаешь?..

— Провъ Е... А чего-жь этто онъ по ночамъ ѣздитъ?.. У насъ, барышня, сами знаете, про гостей бѣлья нѣтъ... Развѣ съ собою привезли... залепетала въ отвѣтъ, протирая глаза обѣими руками и зѣвая до ушей, мать Варюши.

— Тебя о бѣльѣ не спрашиваютъ, возразила ей чуть не плача Настасья Дмитріевна:—ты только скажи ему... если онъ услышитъ и спроситъ: кто... Успокой его, понимаешь? Скажи, что пріѣхали... ночевать, гости... И ни за что сама не отходи отъ него, пока я не вернусь!...

— Чего-жь уходить-то, сама знаю, не бросить ихъ недужнаго! пробурчала угрюмо Мавра, очевидно уколотая раздраженнымъ тономъ барышни.

Та, все такъ же поспѣшно и осторожно, выскользнула изъ комнаты и направилась опять въ корридоръ.

На противоположномъ концѣ его, за стеклянною дверью, ведшею въ залу, блеснулъ, показалось ей, свѣтъ—и въ тотъ же мигъ погасъ... Но вотъ опять вспыхнулъ онъ, все сильнѣе разгораясь... Тамъ были люди, до нея уже доносился гулъ двигавшихся ногъ... „Сѣни у насъ со двора никогда не запираются, тамъ и замокъ давно проржавѣлъ“, сообразила она,—„они прямо и взошли“.

Она безтрепетно направилась въ залу, отворила дверь...

— Кто тутъ, что нужно? громко и твердо выговорила она.

Только-что зажженный фонарь съ круглымъ мѣднымъ рефлекторомъ мгновенно приподнялся на уровень ея лица и ослѣпилъ ей въ первую минуту глаза. Но въ то же время раздался чей-то, будто уже слышанный ею голосъ, и кто-то быстро подошелъ къ ней:

— Mademoiselle, je vous prie, ne vous effrayez pas, nous ne sommes pas des brigands! говорилъ онъ, сопровождая эти слова какимъ-то слащаво-любезнымъ хихиканьемъ.

Она узнала не очень давно назначеннаго въ ихъ уѣздъ исправника, который, не далѣе какъ двѣ недѣли назадъ, пріѣзжалъ къ нимъ въ Юрьево „рекомендоваться“ и очень потѣшалъ ея сестру Тоню своею комическою особой. Это былъ худой, на длинныхъ ногахъ, господинъ лѣтъ тридцати шести, съ придурковатымъ выраженіемъ вытянутаго впередъ, какъ бы постоянно чему-то удивлявшагося лица и съ необыкновеннымъ апломбомъ размашистыхъ движеній и витіеватой французской рѣчи. Звали его Сливниковымъ. Бывшаго гвардейскаго кавалериста, „des revers de famille“—успѣлъ онъ объяснить въ тотъ же первый пріѣздъ свой,—„заставили его обратиться теперь въ одну изъ спицъ государственной колесницы, un des rayons du char de l'état“... Тоня, пронеслось нежданно тутъ же въ памяти Настасьи Дмитріевны, такъ и расхохоталась ему на это въ лицо, и когда онъ спросилъ ее, „чему она такъ весело смѣется“, она пресерьезно увѣрила его, что это отъ удовольствія, доставленнаго ей его „остроумнымъ сравненіемъ“...

— Mademoiselle Bouinossof, одна изъ двухъ дочерей здѣшняго владѣльца, съ церемоніймейстерскою важностью округляя руки и сжимая губы сердечкомъ, представлялъ онъ между тѣмъ Настасью Дмитріевну, двинувшемуся къ ней за нимъ военному въ голубомъ мундирѣ съ полковничьими погонами, державшему въ рукѣ освѣтившій ее потайной фонарь. Другой, довольно большаго объема, экипажный фонарь съ зажженною въ немъ свѣчей выступилъ въ то же время изъ сѣней, несомый здоровымъ, усатымъ жандармомъ, за которымъ слѣдовали какой-то мизернаго вида человѣчекъ въ сибиркѣ, подпоясанный краснымъ крестьянскимъ кушакомъ, и знакомый Настасьѣ Дмитріевнѣ мужикъ съ бляхою на кафтанѣ—полицейскій сотскій села Буйносова. Военный (она не ясно различала черты его немолодаго, обросшаго волосами лица,) подошелъ къ ней съ учтивымъ поклономъ:

— Долгъ службы, сударыня, заставляетъ насъ потревожить вашъ покой... произнесъ онъ какъ бы нѣсколько конфузливо, низкимъ и пріятнымъ голосомъ:—вы, впрочемъ, повидимому, не изволите рано ложиться спать? добавилъ онъ тотчасъ за

тѣмъ совершенно инымъ — „инквизиторскимъ“, сказала она себѣ,—тономъ.

— У меня старикъ-отецъ больной... я иногда всю ночь не раздѣваюсь, проговорила она поспѣшно. — Что же вамъ угодно... въ эту пору... ночью? сочла она нужнымъ спросить еще разъ, придавая, насколько позволяло это ей все сильнѣе разыгрывавшееся внутри ея волненіе, выраженіе недоумѣнія своему лицу.

— О болѣзненномъ состояніи вашего батюшки намъ извѣстно...

— Oh, mademoiselle, croyez bien que je me suis fait un devoir de le constater! вмѣшался, разводя руками и склоняя галантерейно голову, изящный исправникъ.

— Намъ извѣстно, повторилъ, хмурясь и неодобрительно взглянувъ на своего болтливаго спутника, полковникъ,—и мы постараемся, насколько это будетъ зависѣть отъ насъ, не безпокоить его...

Онъ примолкъ на мигъ и произнесъ затѣмъ будто нѣсколько смущенно опять:

— Мы имѣемъ порученіе арестовать брата вашего, сударыня... бывшаго студента Владиміра Буйносова...

— Брата! его здѣсь нѣтъ! крикнула она съ какою-то внезапною злостью.

Онъ съ видомъ сожалѣнія повелъ плечами и возразилъ тихо и не сейчасъ:

— Братецъ вашъ выслѣженъ шагъ за шагомъ отъ самой Москвы и прибылъ сюда въ седьмомъ часу вечера... Намъ очень тяжело, повѣрьте, сударыня, примолвилъ онъ съ выраженіемъ полной искренности въ интонаціи,—она почуяла это,— но мы обязаны исполнить наше порученіе.

— Le service de l'état, mademoiselle, счелъ опять нужнымъ присовокупить отъ себя исправникъ Сливниковъ, выкидывая впередъ обѣ руки и ловко вытягивая при этомъ кончиками пальцевъ безукоризненно выглаженные рукавчики сорочки изъ-подъ обшлаговъ своего полицейскаго сюртука.

— Это ваше дѣло! отрѣзала Настасья Дмитріевна замиравшимъ голосомъ,—но я предваряю васъ, что вы... никого не

найдете... и только перепугаете на смерть моего несчастнаго отца... Онъ теперь заснулъ послѣ многихъ ночей... страданія... Не входите по крайней мѣрѣ къ нему, ради Бога! вырвалось у нея безсознательнымъ стономъ изъ груди.

Голосъ у жандармскаго штабъ-офицера дрогнулъ въ свою очередь:

— Клянусь вамъ, сударыня, что мы войдемъ къ нему лишь въ крайнемъ случаѣ... Гдѣ его покой?

— На противоположномъ концѣ дома... Изъ этой залы направо, черезъ двѣ комнаты, *боскетная*,—такъ называли прежде,—это его спальня теперь...

Полковникъ кивнулъ головой и, приноднявъ фонарь свой, двинулся къ корридору:

— По лѣвой рукѣ что? спросилъ онъ.

— Рядъ необитаемымъ или пустыхъ комнатъ; бывшій кабинетъ, столовая... буфетная, словно проглотила она,—большая дѣвичья, въ которой спитъ единственная наша служанка въ домѣ, съ дѣвочкой-дочерью, и выходъ на черный дворъ...

— А братецъ вашъ гдѣ помѣщается? спросилъ опять полковникъ самымъ натуральнымъ тономъ.

Она была такъ озадачена этимъ вопросомъ, что осталась безъ языка въ первую минуту...

— Братъ, *когда жилъ съ нами*, рѣзко и подчеркивая проговорила она оправившись, не видя, но чувствуя „инквизиторскій взглядъ этого человѣка“, неотступно прикованный къ ней,— занималъ комнату рядомъ съ отцомъ, ту, въ которой живу я теперь... Но онъ уже полтора года какъ уѣхалъ отсюда... и мы съ тѣхъ поръ *не видали* его...

Полковникъ направилъ пламя своего фонаря въ глубь корридора:

— Эта лѣстница въ верхній этажъ ведетъ?

— Да, въ мезонинъ.

— Большое тамъ помѣщеніе?

— Четыре комнаты.

— Заняты кѣмъ-нибудь?

— Въ одной изъ нихъ живетъ сестра моя; другія тоже пусты... тамъ и не бываетъ никто: насъ всего вѣдь трое въ

этихъ *хоромахъ*, съ плохо выходившею у ней ироніей отвѣчала она, между тѣмъ какъ все сильнѣе и невыносимѣе разбирали ее страхъ и тоска.

— Прелестная сестрица ваша только-что започивала, надо полагать? молвилъ игриво господинъ Сливниковъ, улыбаясь и покручивая вытянутые въ нитку à la Napoléon III усы свои.

— Не знаю... я сидѣла внизу, у батюшки... Она давно спитъ, вѣроятно; теперь ужь поздно...

— Нѣтъ, мы видѣли сейчасъ свѣтъ на верху... mais un instant après огонь погасъ, tout est retombé dans l'ombre...

— Комната вашей сестрицы на дворъ выходитъ? спросилъ жандармскій полковникъ тѣмъ же своимъ неторопливымъ и естественнымъ тономъ.

— Нѣтъ... въ садъ, отвѣтила она, инстинктивно запинаясь...

— Значитъ, *не въ ея комнатѣ*, подчеркнулъ онъ,—видѣли мы сейчасъ со двора огонь?

Вся кровь прилила къ головѣ Насти. Въ той комнатѣ, откуда *они* со двора могли видѣть огонь, она сейчасъ была съ Володей, и тамъ—только теперь вспомнила она,—остались его мѣшки съ бумагами... съ бумагами, которыя все откроютъ, все *докажутъ*... А онъ забылъ о нихъ и она также... О, Господи!..

— Я сейчасъ узнаю, я у нея спрошу, пробормотала она растерянно, порываясь вдругъ бѣжать на верхъ.

Штабъ-офицеръ остановилъ ее движеніемъ руки:

— Я попрошу васъ, сударыня, позволить мнѣ сопровождать васъ... Фурсиковъ, обратился онъ къ не отстававшему отъ него маленькому человѣку въ сибиркѣ,—свѣту бы побольше!..

— Сею минутой! быстро отвѣтилъ тотъ, вытаскивая изъ кармана два стеариновые огарка и зажигая ихъ тутъ же о свѣчу фонаря у жандарма.

— Не угодно-ли, сударыня? промолвилъ полковникъ, кивая по направленію лѣстницы и въ то же время наклоняясь къ уху Фурсикова, которому прошепталъ нѣсколько словъ. — А ты бери свѣчу, свѣти намъ! приказалъ онъ стоявшему у дверей корридора сотскому.

Деревенскій полиціантъ, принявъ дрожавшими руками ога-

рокъ изъ рукъ Фурсикова, двинулся впередъ съ испуганнымъ лицомъ, немилосердно стуча своими смазными сапогами.

— Разуться бы ему, ваше... а то на весь домъ слыхать, шепнулъ полковнику, юркнувъ къ нему бочкомъ, человѣкъ въ сибиркѣ.

Съ сотскаго мигомъ стащили сапоги, причемъ онъ, по собственной уже иниціативѣ, поспѣшно скинулъ съ себя кафтанъ и, легкій теперь какъ птица, неся высоко надъ головой зажженный огарокъ и постоянно оборачиваясь на слѣдовавшихъ за нимъ „*жандарскаго* командира и барышню“, зашагалъ вверхъ по ступенямъ.

Дѣвушка едва волочила ноги; въ глазахъ у нея двоилось, ссохшіяся губы словно прилипли одна къ другой. „Въ головѣ ни одной мысли не осталось“, чувствовала она.

Не доходя двухъ ступенекъ до корридора въ мезонинѣ, она вдругъ дрогнула вся и чуть не опрокинулась навзничь... Спутникъ ея поспѣшно поддержалъ ее за спину. Она откинулась, словно ужаленная этимъ прикосновеніемъ, прижалась къ периламъ съ какимъ-то внезапнымъ, нервнымъ страхомъ, устремивъ глаза на пламя свѣчи въ рукахъ стоявшаго надъ нею, уже на самой площадкѣ, сотскаго...

И въ этотъ мигъ услышала она громкій, преувеличенно громкій, возгласъ сестры:

— Кто это, кто идетъ?... нельзя... я не одѣта!...

Настя вдругъ теперь, будто вскинутая рессорой, очутилась наверху и жадно устремила глаза впередъ...

Антонина Дмитріевна въ ночной кофтѣ, съ распущенными по плечамъ волосами и бужуаромъ въ рукѣ, стояла на порогѣ той роковой комнаты по правой сторонѣ корридора, гдѣ...

„О, Боже мой, если она только догадалась и успѣла спрятать, пронеслось въ головѣ ея сестры,—я ей все, все прощу и буду благословлять ее всю жизнь!“...

А та все съ тѣмъ же преувеличеннымъ выраженіемъ недоумѣнія, испуга и негодованія продолжала восклицать:

— Настя, кто это, зачѣмъ?... Ахъ!... визгнула она уже совсѣмъ отчаянно, увидавъ поднявшагося вслѣдъ за сестрой голубаго штабъ-офицера съ потайнымъ фонаремъ своимъ въ

рукѣ, дунула на свою свѣчу, подалась тѣломъ назадъ въ комнату и захлопнула предъ собою обѣ половинки двери.

— Прошу васъ, сударыня, не извольте безпокоиться... началъ было тотъ.

Но она не дала ему продолжать:

— Дайте мнѣ выйти, дайте пройти въ свою комнату!... Я сюда зашла нечаянно... Вы меня въ осадѣ держите! кричала она изъ-за двери не то сердитымъ, не то шутливымъ голосомъ.

— Сдѣлайте одолженіе, извольте пройти, мы вамъ не мѣшаемъ.

За дверями послышался ея смѣхъ:

— Какъ „не мѣшаете?“ Я вамъ говорю, я не одѣта, а у васъ цѣлая иллюминація... Отойдите хоть немножко отъ двери... я проскользну какъ тѣнь за вами.

Невольная улыбка пробѣжала подъ густыми усами пожилаго жандармскаго служаки: его подкупилъ на мигъ этотъ женскій молодой смѣхъ, звучавшій такъ искренно, казалось ему. „Веселаго темперамента особа“, подумалъ онъ.

— Извольте, сударыня, я глядѣть не буду.

И онъ подвинулся впередъ на нѣсколько шаговъ.

— Тоня, можешь пройти! крикнула ей сестра.

За спиной полковника послышался скрипъ раскрывшихся дверныхъ половинокъ, легкіе шаги быстро скользнули по половицамъ, и съ другой, лѣвой стороны корридора раздался голосъ: „Благодарствуйте, monsieur le gendarme“, и щелкъ замкнувшейся двери.

Штабъ-офицеръ поспѣшно обернулся и направилъ фонарь свой вслѣдъ этому голосу: чуткое ухо его различило въ немъ какую-то подозрительную ноту...

Но особа съ „веселымъ темпераментомъ“ успѣла уже исчезнуть за дверями, противоположными тѣмъ, изъ которыхъ она только-что выбѣжала.

Онъ поморщился съ выраженіемъ упрека по собственному адресу и, молча, въ сопровожденіи не отстававшаго отъ него сотскаго, вошелъ въ эту только-что оставленную ею комнату.

Настасья Дмитріевна, остановясь на порогѣ, такъ и вонзилась дальнозоркими глазами въ глубь ея.

Тамъ, на столѣ, еще не прибранные, стояли блюдо съ объѣденнымъ до кости бараньимъ ребромъ, приборъ, графинчикъ съ водкой... Сердце у нея захолонуло... А на диванѣ, на диванѣ—она помнила, какъ братъ, сидя на немъ, вырвалъ мѣшки свои у Тони изъ рукъ и кинулъ въ уголъ,— тамъ-ли еще они?... Нѣтъ, ихъ тамъ нѣтъ болѣе, нѣтъ!... „Тоня успѣла пронести ихъ за спиной этого *голубаго*,—умница, спасительница!"... А онъ, онъ, видимо, имѣлъ подозрѣніе и думалъ тутъ найти что-нибудь... Какъ онъ осматриваетъ все внимательно!... наклонился вотъ надъ диваномъ... даже руку, руку въ прорѣху подъ покрышку сунулъ... „Ищи, ищи, хитрѣе тебя нашлись!" говорила себѣ мысленно дѣвушка съ охватившимъ ее теперь мгновенно безумно-радостнымъ ощущеніемъ и отважно, съ *невиннымъ* выраженіемъ на лицѣ, глядя на обратившагося къ ней въ эту минуту штабъ-офицера.

— Это вашъ братецъ изволилъ здѣсь ужинать? иронически проговорилъ онъ, зорко въ свою очередь глядя ей въ глаза.

Она молча и пренебрежительно приподняла лишь на это плечи, какъ бы не находя даже нужнымъ отвѣтить словомъ на такой несообразный вопросъ, и тутъ же безсознательно обернула голову на шумъ раздавшихся за нею въ корридорѣ торопливыхъ шаговъ.

Мимо нея, напоминая собою ручнаго журавля, готовящагося взмахнуть со двора на кровлю птичника, пронесся на длинныхъ ногахъ своихъ исправникъ Сливниковъ, направляясь къ жандармскому штабъ-офицеру. Онъ наклонился къ его уху и зашепталъ о чемъ-то, возбуждавшемъ очевидно въ немъ необычайное волненіе. Его вытянутое впередъ, кувшиномъ, лицо изображало одновременно таинственность, усердіе и внутренній трепетъ...

— А-а! протянулъ въ отвѣтъ на это шептаніе штабъ-офицеръ съ мимолетною усмѣшкой.—Я васъ попрошу остаться здѣсь, сказалъ онъ ему, сжавъ вдумчиво брови,—и...

Онъ пріостановился, повелъ взглядомъ на дѣвушку:

— Если бы сестрицѣ вашей угодно было... одѣться и при-

нять господина исправника въ своемъ покоѣ, я былъ бы вамъ очень благодаренъ.

— Зачѣмъ это? вырвалось у нея невольно испуганнымъ тономъ.

Онъ продолжалъ, какъ бы не слыхавъ:

— Я бы и васъ попросилъ пробыть съ сестрицей и господиномъ Сливниковымъ... имѣющимъ честь быть вамъ лично знакомымъ, покамѣстъ я не вернусь сюда?

— Что же, это вы *насъ* теперь арестовать хотите? воскликнула Настасья Дмитріевна съ намѣренною запальчивостью.

Ее поразилъ тотъ оттѣнокъ чуть не женской мягкости, съ которымъ отвѣчалъ ей этотъ „инквизиторъ“:

— Не имѣю относительно этого никакого приказанія, а смѣю просить васъ остаться здѣсь, сударыня, изъ одного, повѣрьте, участія къ вамъ.

Она похолодѣла вся вдругъ: тайникъ брата ея отысканъ, поняла она какъ-то разомъ...

Полковникъ отвелъ между тѣмъ исправника въ уголъ:

— Постарайтесь непремѣнно, обрывисто и вполголоса молвилъ онъ ему,—войти къ этой барышнѣ... къ другой...

— Знаю, замигалъ тотъ, и сумракъ его лица внезапно смѣнило сіяніе удовольствія, которое обѣщало ему возлагаемое на него порученіе:—mademoiselle Antonine, персона необыкновенная!

— Чѣмъ-такъ?

— Красота... Une cariatide, mon colonel! И умъ... пирамидальній умъ!... Она воспитывалась въ Петербургѣ, въ домѣ тетки, извѣстной графини Лахницкой... въ салонѣ которой и я блисталъ когда-то! примолвилъ онъ нежданно и испустилъ глубокій вздохъ.

— Ну, такъ посмотрите, чтобъ она не провела васъ, эта умница!... Придется, можетъ быть, сдѣлать обыскъ въ ея комнатѣ, а до времени я буду васъ просить внимательно наблюдать за нею... да и за сестрой не мѣшаетъ... чтобы чего-нибудь не успѣли онѣ утаить или уничтожить...

Господинъ Сливниковъ усмѣхнулся самодовольно и игриво:

— Полковникъ, можете быть покойны; самыя коварныя

женщины въ свѣтѣ, могу сказать, не были въ состояніи провести меня; j'ai des yeux de lynx pour pénétrer leur astuce...

Но полковникъ не счелъ нужнымъ слушать далѣе. Онъ вышелъ въ корридоръ и, приказавъ сотскому оставаться со своимъ огаркомъ на площадкѣ лѣстницы „и никого не пускать внизъ до его возвращенія", самъ быстро спустился по ступенькамъ въ нижній этажъ.

XI.

„Что̀ же дѣлать, что̀ же дѣлать теперь?“ словно клещами рвало въ мозгу Настасьи Дмитріевны. За нѣсколько мгновеній предъ этимъ „ни одной мысли не оставалось у нея въ головѣ“, говорила себѣ она;—тысячи обрывочныхъ, путавшихся, противорѣчивыхъ, мучительныхъ мыслей одолѣвали ее теперь. „Бѣжать внизъ за этимъ голубымъ, или не бѣжать?...“ *Они*, очевидно, объясняла она себѣ, отыскали подвалъ подъ буфетомъ,—„онѣ съ Варюшкой въ темнотѣ не надвинули, вѣрно, шкафа такъ, чтобы прикрыть имъ весь квадратъ люка, и поперечная линія одной изъ сторонъ его могла обозначиться на глади некрашенаго пола,“ — *они* брата ея *берутъ* въ эту минуту... А если нѣтъ, перекидывало ее вдругъ въ противоположную сторону, — если она ложно истолковываетъ волненіе, замѣченное ею на лицѣ этого прибѣжавшаго снизу „глупаго исправника“, и его шушуканіе à parte съ *тѣмъ?*... Можетъ быть, напротивъ, „они тамъ въ отчаяніи, что ничего найти не могутъ...“ Бѣжать туда, показать, что этимъ интересуешься,—не усилитъ-ли она этимъ ихъ увѣренность, что тотъ, за кѣмъ пріѣхали они, спрятанъ въ домѣ?... Она и безъ того уже, казалось ей опять, „слишкомъ много *разговаривала* съ этимъ жандармомъ, недостаточно хорошо сыграла роль: ей слѣдовало не разговаривать, а показать самое рѣшительное негодованіе, что *смѣютъ* ночью врываться, изъ-за какихъ-то *безсмысленныхъ подозрѣній*, въ домъ *мирныхъ гражданъ*, къ больному старику и *беззащитнымъ женщинамъ*...“ Да, но *они* не приняли бы словъ ея въ уваженіе, и вышло бы хуже:

„они *безъ церемоніи ворвались бы* къ нему, къ *несчастному*...“ Нѣтъ, итти нельзя, — надо оставаться здѣсь „гордо и равнодушно“, спокойно ждать. А между тѣмъ, всплывало снова кипучею волной въ головѣ ея,—а между тѣмъ „*они* теперь его, Володю...“

— Съ чѣмъ это вы сейчасъ прибѣжали къ этому... господину жандарму? не выдержавъ, обратилась она со внезапнымъ вопросомъ къ исправнику, очутившись съ нимъ вдвоемъ въ корридорѣ, въ полутьмѣ.

Онъ тотчасъ же напустилъ на себя видъ необыкновенно таинственный, выкинулъ руки впередъ, вытягивая рукавчики свои изъ-подъ обшлаговъ, и отчеканилъ медленно и вѣско:

— Вы мнѣ позволите не отвѣчать вамъ на этотъ... *тенденціозный* вопросъ, si j'ose m'exprimer ainsi.

— Почему такъ и что̀ тутъ тен-ден-ціознаго? протянула она съ досадливою ироніей въ тонѣ.

— La discrétion est le premier devoir de mon état, mademoiselle, объяснилъ онъ, склоняя голову нѣсколько набокъ и быстро, старокавалерійскимъ пошибомъ, сдвигая въ то же время каблуки свои, на которыхъ, впрочемъ, увы! уже не звенѣло шпоръ.

— Это однѣ пошлыя французскія фразы—больше ничего! вскликнула Настя внѣ себя.

Господинъ Сливниковъ очень оскорбился.

— Позвольте, милостивая государыня, процѣдилъ онъ съ ядовитою учтивостью, — выразить вамъ мое удивленіе, слыша со стороны женской особы... такія... *странныя* опредѣленія!.. Я имѣлъ честь быть принятымъ у тетушки вашей, la comtesse Lachnitzki... и вообще dans les meilleurs salons de Pétersbourg... и никакъ не ожидалъ, чтобы изъ вашихъ... pour ainsi dire, устъ... Я, впрочемъ, не считаю себя въ правѣ, прервалъ онъ себя вдругъ, — заниматься моею... personnalité въ эту минуту. Обязанность моя заставляетъ меня просить вашу сестрицу... mademoiselle Antonine Bouinossof... сдѣлать мнѣ честь принять меня для... для нѣкоторыхъ... Гдѣ ея комната? отрѣзалъ онъ, никакъ не отыскавъ надлежащаго тер-

мина, чтобы выразить, для чего именно нужно было ему видѣть „mademoiselle Antonine“.

— Сестра моя ложится, если не совсѣмъ уже въ постели! съ неодолимымъ испугомъ въ голосѣ отвѣтила ему на это дѣвушка,—ея нельзя видѣть!

— Я не имѣю права въ этомъ сомнѣваться, возразилъ онъ на это съ оттѣнкомъ все той же нѣкоторой ядовитости: — часъ, дѣйствительно, нѣсколько поздній... Но, вы понимаете, le service de l'état avant tout, я вижу себя принужденнымъ...

— Но это не возможно, совершенно не возможно! громко, горячо, не давая ему продолжать, протестовала она.

— Съ кѣмъ это ты споришь, Настя? раздался голосъ Антонины изъ-за двери въ ея комнату („спорившіе“ стояли какъ разъ насупротивъ этой двери).

— Съ господиномъ исправникомъ... monsieur Сливниковъ, котораго ты знаешь... Онъ непремѣнно для чего-то хочетъ тебя видѣть... Развѣ можно этого требовать... отъ дѣвушки... въ такое время? растерянно залепетала ей въ отвѣтъ сестра.

— Pour service d'état, mademoiselle, жалобною фистулой, для вящшаго убѣжденія красавицы, счелъ нужнымъ пропѣть въ свою очередь исправникъ, — иначе, vous comprenez, я слишкомъ... je suis trop bien élevé, mademoiselle...

— Вы одни? спросила Антонина.

— То-есть, вдвоемъ, захихикалъ онъ:—mademoiselle votre soeur и я.

Она тоже засмѣялась за дверями:

— А тотъ же гдѣ, l'oiseau bleu?

— Онъ пошелъ внизъ... отвѣтила, не договоривъ того, что просилось ей на языкъ, Настя.

— А-а!.. Хорошо, погодите, я сейчасъ сдѣлаю себя презентабельною, къ страшному изумленію своему услышала она отвѣтъ сестры.

Сливниковъ вскинулъ побѣдно голову вверхъ и вытянулъ еще разъ изъ-подъ обшлаговъ свои безукоризненно свѣжіе рукавчики.

Минутъ черезъ пять ключъ щелкнулъ въ замкѣ, дверь отворилась, показалась щедушная фигурка Варюши, съ любопыт-

ствомъ устремившей свои большіе, черные глаза на незнакомаго ей господина, и изъ глубины только-что освѣщенной лампою, просторной, наполненной мебелью и представлявшей вообще весьма „комфортабельный“ видъ комнаты послышались слова хозяйки:

— Войдите!... Bonsoir, monsieur Сливниковъ!

Она полулежала на низкой кушеткѣ, словно вся потонувшая въ широкихъ и длинныхъ складкахъ облекавшей ее кашемировой блузы пунцоваго цвѣта съ бѣжавшимъ по всѣмъ краямъ ея широкимъ узоромъ à la turque; такого же цвѣта ленточный бантъ съ длинными концами перехватывалъ на затылкѣ ея распущенные волосы. Бѣлая, изящная, до локтя обнаженная рука свободно подымалась надъ опавшимъ вокругъ ея широкимъ рукавомъ блузы, упиралась на спальныя подушки, лежавшія подъ головой ея, и на ладонь этой руки опирался въ свою очередь ея чуть выдававшійся впередъ, словно выточенный подбородокъ... Она смотрѣла какою-то „восточною царицей“ въ этой лежачей, *нестѣсненной* позѣ, въ этихъ яркихъ цвѣтахъ и пышныхъ складкахъ: такъ, по крайней мѣрѣ, представилось восхищенному исправнику, „блиставшему когда-то“ въ салонѣ графини Лахницкой. „Клеопатра, принимающая Антонія“, пронеслось у него нѣсколько смутнымъ, но пріятно защекотавшимъ его вдругъ воспоминаніемъ.

Онъ быстро направился къ ней, расшаркиваясь отъ самаго порога и широко округляя руки.

— Mademoiselle, j'ai bien l'honneur...

— Mo-onsieur, протянула она преувеличеннымъ тономъ французской актрисы.

Она приподнялась слегка и медленно повела на него снизу вверхъ не то скучающимъ, не то насмѣшливымъ взглядомъ.

Онъ стоялъ теперь предъ нею и глядѣлъ на нее въ свою очередь не то восторженно, не то растерянно, съ высоты своего длиннаго туловища.

— Садитесь же, разъ вы здѣсь, уронила „Клеопатра“, видимо тѣшившаяся его замѣтнымъ смущеніемъ. — Вы желали

видѣть меня для какого-то... service d'état. Такъ вы, кажется, сказали?.. Что же вамъ угодно?

Бѣдный Сливниковъ окончательно растерялся: въ мозгу его никакъ не слагалось яснаго представленія, какая именно роль предлежала ему въ этомъ „service d'état".

— Mon Dieu, mademoiselle, промямлилъ онъ,—vous comprenez qu'il y a des circonstances...

— Говорите, пожалуйста, по-русски, перебила она его тономъ капризнаго ребенка:— мы вѣдь съ вами не мазурку на балѣ танцуемъ...

— Да, вы правы, Антонина Дмитріевна, воскликнулъ нежданно на это со вздохомъ, похожимъ на стонъ, бывшій кавалергардъ, встряхивая плечами, на которыхъ уже давно отсутствовали рогожки блестящихъ серебряныхъ эполетъ, — время счастливыхъ мазурокъ для меня навѣкъ миновало; я здѣсь по должности... je ne suis que l'esclave d'un triste devoir...

И, проведя себѣ рукой по волосамъ, онъ эффектно опустился прямо противъ нея на стулъ, стоявшій рядомъ съ валикомъ кушетки, въ который упирались ея, вдѣтыя въ крохотныя туфли, обнаженныя ноги, и такъ и замеръ вдругъ въ страстномъ созерцаніи ихъ. Глаза у него заискрились, какъ у стараго кота предъ кускомъ курятины.

Она, не смущаясь и не отдергивая этихъ выступавшихъ изъ-подъ края блузы нѣжно бѣлыхъ, узенькихъ, породистыхъ ногъ, чуть-чуть охваченныхъ кругомъ мѣховою темною оторочкой ея пунцово-атласныхъ „mules", застукала ими какъ бы нетерпѣливо по валику:

— Вы мнѣ все же не объяснили, въ чемъ состоитъ теперь этотъ вашъ „devoir?"

Онъ хотѣлъ отвѣтить... но только руками развелъ.

— Ваша свѣтскость не рѣшается выговорить роковаго слова, засмѣялась она своимъ холоднымъ, ироническимъ смѣхомъ; такъ я вамъ скажу сама. Вамъ нужно у меня... какъ это говорится?.. *обыскъ* сдѣлать?

Исправникъ прижалъ стремительно обѣ руки ко груди:

— Mais pas du tout, mademoiselle, вы ошибаетесь... Я, во всякомъ случаѣ... мнѣ ничего подобнаго не предписано...

— Пожалуйста, можете! молвила она на это, будто не слыхавъ его возраженія и все также лежа съ закинутыми за голову руками.—Варя вамъ дастъ мои ключи, ищите! Je vous défie найти что-нибудь у меня: я ни сама писать, ни получать писемъ терпѣть не могу, а когда получаю — рву, прочитавъ...

— Я вамъ вѣрю, Антонина Дмитріевна, вѣрю! поспѣшилъ заявить онъ, наклоняясь съ мѣста чуть не до самыхъ туфель ея („сейчасъ бы ихъ долой, а губами къ этой peau rose— и не оторвался бы, кажется, до смерти!“ проносилось въ головѣ господина Сливникова въ эту минуту).

Но вдругъ онъ невольно пріосанился и насторожилъ уши:

— А если-бъ у меня были... если-бы мнѣ вздумалось держать у себя... чьи-нибудь бумаги, говорила „Клеопатра“ съ какимъ-то загадочнымъ подчеркиваніемъ и разстановкой, — неужели вы думаете, что я... не успѣла бы ихъ скрыть, уничтожить... сжечь наконецъ, прежде чѣмъ вы или этотъ вашъ голубой господинъ догадались бы притти искать ихъ у меня?

— Сжечь? повторилъ совершенно безсознательно исправникъ,—гдѣ?

— А хоть бы вотъ тутъ! медленно проговорила она, лѣнивымъ движеніемъ руки указывая на печь со створчатыми мѣдными заслонками, подлѣ которой стояла ея кушетка.—Вы развѣ не слышите, что здѣсь гарью пахнетъ? спросила она его чрезъ мигъ съ тѣмъ же загадочнымъ выраженіемъ на подергивавшихся злою усмѣшкою губахъ.

Онъ недоумѣвая глядѣлъ на нее... Гарью, и даже именно жженою бумагой, пахло дѣйствительно, казалось ему, даже казалось, что онъ это почувствовалъ, какъ только вошелъ въ комнату... Но, „если-бъ это была правда, неужели бы она рѣшилась первая, такъ открыто и смѣло...“

Настасья Дмитріевна, вошедшая вслѣдъ за нимъ и съ мучительною тревогой прислушивавшаяся къ этому разговору изъ глубины комнаты, встрѣтилась въ эту минуту взглядомъ съ глазами Вари. Дѣвочка стояла въ углу, за спиной исправника, и указывая ей быстрымъ движеніемъ опущенныхъ вѣкъ на двѣ чугунныя вьюшки, вынутыя изъ трубы и лежавшія на полу

за выступомъ печки... Сомнѣнія не оставалось: Володины мѣшки сгорали въ эту минуту за этими притворенными мѣдными заслонками... Настасья Дмитріевна, со внезапнымъ порывомъ, подбѣжала къ сестрѣ, схватила ея руку и крѣпко, судорожно сжала ее.

Та мелькомъ оглянула ее, и въ мимолетной усмѣшкѣ, скользнувшей по ея губамъ, сказалось обычное ей высокомѣрное, чтобы не сказать презрительное, выраженіе.

— Вы видите, какъ сестра моя довольна мною, monsieur Сливниковъ? обратилась она тутъ же къ нему.

— Я вижу, что вы ужасно любите мистифировать вашего ближняго, широко засмѣялся онъ на это, рѣшивъ внутренно, что „прелестная красавица" тѣшится и даже нѣсколько кокетничаетъ съ нимъ.

— Вы думаете?..

И, не ожидая отвѣта, она, съ капризнымъ laisser aller свѣтской женщины, перекидывающейся отъ скуки съ предмета на предметъ въ бесѣдѣ съ *неинтереснымъ* гостемъ, перебила себя новымъ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, какъ могъ такой человѣкъ, какъ вы, попасть въ исправники?

Сливниковъ такъ и просіялъ (онъ, разумѣется, понялъ ея слова въ самомъ лестномъ для себя смыслѣ,) и, отблагодаривъ ее за *любезность* нѣжно умиленнымъ взглядомъ, взъерошилъ волосы нервною рукой и вдохнулъ изъ самой глубины легкихъ:

— Hélas, mademoiselle, я самъ часто дѣлаю себѣ этотъ вопросъ... Mais que voulez vous,—la fatalité! Я былъ молодъ, мое положеніе, чадъ нѣкотораго успѣха въ свѣтѣ, и... puisqu'il faut tout avouer, примолвилъ онъ съ неподражаемымъ паѳосомъ,—и... заблудшія женщины меня потеряли...

Антонина Дмитріевна привскочила на своей кушеткѣ, спустила ноги, подалась лицомъ прямо къ его лицу:

— Какъ вы сказали: *кто* васъ *потерялъ*, какія женщины?.. И, не выдержавъ, такъ и покатилась со смѣху...

Бывшій гвардеецъ чуть не свалился со своего сидѣнія. Онъ не ожидалъ этого безцеремоннаго, этого оскорбительнаго смѣха, — онъ такъ мало ожидалъ его въ эту минуту... Все лицо

его запылало, губы задрожали. Невѣдомо, что нашелъ бы онъ отвѣтить „дерзкой особѣ“, если бы въ этотъ самый мигъ гулъ выстрѣла, внезапно раздавшагося въ нижнемъ этажѣ дома, не поразилъ слуха всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ...

— А-а! безотчетно крикнули въ перепугѣ обѣ сестры...

Настя кинулась со всѣхъ ногъ въ корридоръ.

Исправникъ, опрокинувъ впопыхахъ два стула, сверкая не то злобно, не то растерянно блуждавшими глазами, понесся стремглавъ за нею.

— Куда вы, куда, сударыня?.. нельзя, я не могу позволить! кричалъ онъ, догоняя ее и схватывая за руку.

Она съ негодованіемъ вырвала ее.

— Пустите меня... пустите... вы съ ума сошли!..

— Нельзя, говорю вамъ, нельзя... я не дозволяю!... Сотскій! наскочилъ онъ въ азартѣ на злосчастнаго мужика съ бляхой, который ни живъ, ни мертвъ, съ поблѣднѣвшимъ какъ полотно лицомъ, продолжалъ все такъ же стоять у перилъ со своимъ огаркомъ, — ты мнѣ жизнью своей и дѣтей твоихъ отвѣтишь, если кто-нибудь выйдетъ отсюда безъ моего приказанія!...

И онъ чуть не кубаремъ, путаясь и цѣпляясь каблуками за ступени, полетѣлъ внизъ по лѣстницѣ.

X.

Настасья Дмитріевна не ошиблась въ первомъ предположеніи своемъ: тайникъ брата ея былъ открытъ маленькимъ человѣкомъ въ сибиркѣ (это былъ одинъ изъ самыхъ бойкихъ московскихъ „агентовъ“, дѣйствительно выслѣдившій нашего „пропагандиста“ отъ самой Москвы и успѣвшій о прибытіи его въ Юрьево дать знать верстъ за восемь въ уѣздный городъ находившемуся тамъ по случаю начавшихся въ губерніи арестовъ жандармскому полковнику,), — открытъ по слѣду, оставленному подошвами ея и Варюши на слоѣ пыли, покрывавшей полъ буфетной, и по продольной щели люка, выглядывавшей изъ-подъ шкафа... Объ этомъ обстоятельствѣ и прибѣжалъ наверхъ Сливниковъ извѣстить жандармскаго штабъ-офицера. Тотъ, осмотрѣвъ мѣсто, тотчасъ приступилъ къ дѣлу; велѣлъ отодвинуть шкафъ, поднять люкъ за открывшееся кольцо его и, наклонившись самъ надъ зачернѣвшею предъ нимъ глубиной подвала, направилъ въ нее свѣтъ своего фонаря... Изъ глубины этой въ тотъ же мигъ раздался выстрѣлъ...

Когда нашъ, глубоко уязвленный сестрами Буйносовыми, исправникъ влетѣлъ въ дверь буфетной, онъ въ первую минуту едва могъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что совершалось предъ нимъ. Со двора въ окно, съ грохотомъ сабли и звономъ стекла, посыпавшагося изъ сорванныхъ рамъ, стремительно влѣзалъ на звукъ выстрѣла оставленный тамъ для наблюденія жандармъ. Полковникъ, все также держа въ рукѣ свой простреленный, но не погасшій фонарь, стоялъ надъ

отверстіемъ подвала рядомъ съ Фурсиковымъ, свѣтившимъ кому-то внизъ большимъ экипажнымъ фонаремъ въ одной рукѣ и зажженнымъ огаркомъ въ другой. Снизу изъ темени подвала доносился гулъ какой-то борьбы, глухіе возгласы и тяжелый хрипъ ускоренныхъ дыханій.

— Гляди, чтобъ онъ въ тебя... коротко, не договаривая, остерегалъ сверху полковникъ.

— Не выпалитъ, ваше всбл... за руки держу, отвѣчалъ снизу голосъ.

— Держи! кричалъ Фурсиковъ, быстро передавая фонарь свой и огарокъ подоспѣвшему со двора жандарму и готовясь самъ спуститься въ подземелье съ развязаннымъ кушакомъ своимъ въ зубахъ.

— Оставь... сдаюсь! послышался изъ подвала другой голосъ.

— Какъ отняли, такъ и сдаешься, отвѣтилъ на это добродушный солдатскій смѣхъ. И изъ подвала поднялась до пояса по лѣстницѣ бравая фигура другаго служиваго въ жандармской формѣ, прыгнувшаго туда прямо, помимо этой лѣстницы, едва успѣлъ раздаться выстрѣлъ.

— Ривольверъ *ихній* извольте получить, ваше... доложилъ онъ, протягивая оружіе начальнику и принимая веревку изъ рукъ сыщика.—Связать прикажете? обрывисто и понижая голосъ спросилъ онъ чрезъ мигъ.

— Выходите! молвилъ вмѣсто отвѣта штабъ-офицеръ, наклоняясь къ отверстію.

Фигура служиваго исчезла, и вмѣсто него, медленно подымаясь по ступенькамъ, показался блѣдный какъ смерть „пропагандистъ“, порывисто переводя духъ сквозь судорожно стиснутые зубы, злобно сверкая глазами, неестественно бѣгавшими по сторонамъ.

— Обыскать... можетъ ножъ... или что... подшепнулъ какъ бы въ видѣ вопроса Фурсиковъ на ухо полковнику.

Онъ, не ожидая разрѣшенія, подскочилъ къ Буйносову и какъ-то очень быстро и ловко провелъ сзади руками по обѣимъ сторонамъ его туловища отъ плечъ и до сапожныхъ голенищъ, запустивъ по пути эти руки въ карманы (оказавші-

еся пустыми) его жакетки, плачевно изодранной въ пылу единоборства... и, также быстро выхвативъ переданный имъ въ руки жандарма зажженный огарокъ, кинулся съ нимъ свѣтить оставшемуся въ подвалѣ товарищу:

— Гляди, Лазаревъ, шепталъ онъ, ложась грудью на край люка и опуская свой свѣточъ въ отверстіе на всю длину руки,—не подкинулъ-ли онъ гдѣ чего... Кирпичъ ощупай... можетъ гдѣ вынутъ...

— Ваша фамилія? коротко, для формы, спрашивалъ между тѣмъ арестованнаго штабъ-офицеръ.

— Не желаю отвѣчать, рѣзко отвѣтилъ на это тотъ.

— Ахъ, батюшки-свѣты, баринъ нашъ молодой! визгнула въ то же время какая-то женщина у двери, выходившей въ корридоръ.

— Что̀ за особа? вскинулся съ мѣста безмолвный до сихъ поръ исправникъ Сливниковъ, находя нужнымъ заявить и о своемъ усердіи. Онъ кинулся было за нею...

Но „особа"—это была старуха Мавра, выбѣжавшая стремглавъ на шумъ выстрѣла изъ комнаты старика Буйносова,—успѣла уже исчезнуть во мракѣ корридора...

Охая и вздрагивая съ испуга, вбѣжала она теперь обратно въ „боскетную", гдѣ больной, разбуженный и встревоженный тѣмъ же выстрѣломъ, лихорадочно метался въ своемъ креслѣ.

— Qu'est ce qu'il y a?... что̀ за шумъ... кто стрѣлялъ тутъ? забормоталъ онъ;—вы оставили меня одного... Настя гдѣ, ma fille? говорилъ онъ озираясь,—гдѣ барышня?..

— Не знаю, батюшка, ничего не знаю, заголосила баба въ отвѣтъ,—не видала... Стало, и ихъ забрали...

— Кого?.. кого „забрали"?.. Что̀ ты говоришь? всклинулъ старикъ, затрясшись весь и ухватываясь костлявыми пальцами за ручки кресла.

— И ума не приложить, кормилецъ, что̀ у насъ тутъ дѣется! Народу понаѣхало—страсть! Полиція, жандары, видать... И съ барчукомъ съ нашимъ, съ Володимеромъ Митричемъ...

— Съ Вольдемаромъ, съ моимъ сыномъ! перебилъ ее баринъ:—жандармы, говоришь ты, привезли? Жандармы!...

Онъ тяжело, судорожно перевелъ дыханіе, примолкъ на мигъ, какъ бы соображая

— Ils l'ont pris,—c'est cela!... Такъ должно было кончиться, je l'avais prévu depuis longtemps...

Голосъ его оборвался. Онъ разсуждалъ громко съ самимъ собою, примѣшивая, по обыкновенію, французскія фразы къ русской рѣчи, болѣзненно мигая отяжелѣвшими вѣками и растерянно уставившись на свою толстую собесѣдницу...

— Доподлинно доказать этого не могу, батюшка, объясняла она ему тѣмъ временемъ:—привезли, стало, ихъ, аль сами они были тутъ попрятамшись, а только я *своимъ глазамъ* видѣла: они сами и есть, изъ подвала, что̀ подъ столомъ въ буфетной, изволите знать,—гляжу, по лѣстничкѣ оттедова подымаются, Володимеръ Митричъ нашъ, значитъ... А ихъ тутъ сичасъ жандаръ, аль какой тамъ другой изъ ихнихъ,—потому дымъ и тёмно, хоша фонари у нихъ, такъ комната-то глубокая, сдали не различить,—только онъ его, голубчика моего, за рученьки, за ноженьки... вязать знать хотѣлъ... Я тутъ сичасъ и убѣгла со страху, всхлипнула въ заключеніе Мавра, жалостливо качая головой.

Глаза стараго „кавалера посольства" мгновенно блеснули искрой:

— И онъ, Voldemar, выстрѣлилъ въ того, кто наложилъ на него руку?

— И, что̀ вы, баринъ, не стрѣляли они, нѣ, чего Бога гнѣвить!... Развѣ въ подвалѣ стрѣляли... потому оттедова дымъ шелъ... а чего не видала—не могу сказать...

— Il a voulu se tuer, le malheureux, лепеталъ про себя Дмитрій Сергѣевичъ,—il a songé à l'honneur de son nom... Un Буйносовъ „на скамьѣ подсудимыхъ", comme ils disent à présent! Смерть лучше, да,—cela aurait mieux valu... Онъ живъ? какъ бы безсознательно спросилъ онъ вслухъ.

— Живы, батюшка, живы, насчетъ этого не извольте безпоиться! Говорятъ. Сама слышала: „Не хочу, молъ, говорятъ, отвѣчать"!... Громко такъ выговорили, въ голосъ... А ужь что̀ имъ отвѣчать требуется—не могу доподлинно доложить, не дослышала...

Голова старика изнеможенно упала на грудь:

— Они привезли его теперь сюда pour le confronter avec sa soeur, съ Настей... Elle a toujours partagé ses idées subversives... Они и ее возьмутъ,—ils me la prendront... Ah! c'est le dernier coup!... вырвалось у него стономъ.

Мавра подбѣжала къ нему:

— Не извольте убиваться, батюшка-баринъ, можетъ Богъ дастъ...

Онъ повелительнымъ движеніемъ руки заставилъ ее замолчать и повелъ кругомъ себя долгимъ взглядомъ неестественно расширившихся вдругъ зрачковъ. Внутри его словно созрѣвало въ эту минуту какое-то важное, крупное рѣшеніе...

— Assez souffrir! проговорилъ онъ наконецъ чуть слышно, и, обращаясь къ Маврѣ:—ты ступай, ступай опять туда! сказалъ онъ,—и оставайся пока... ну, пока они тамъ совсѣмъ... Ты мнѣ не нужна, понимаешь?

Она недоумѣвая поглядѣла на него. Ее такъ и подмывало бѣжать опять на зрѣлище происходившаго въ буфетной, но она боялась „барышни", строго наказывавшей ей не покидать недужнаго.

— А какъ если вамъ что̀ потребуется, баринъ? нерѣшительно проговорила она.

— Ничего мнѣ не требуется; ступай! Я... я спать буду...

— Развѣ барышню отыскать пойду... Спросить ихъ...

Онъ замахалъ опять руками и чуть не плачущимъ голосомъ:

— Не нужно, крикнулъ онъ ей,—никого мнѣ не нужно, говорятъ тебѣ, ни тебя, ни барышни... Я, понимаешь, я покою... я спать хочу...

Баба помялась на мѣстѣ—и вдругъ широко осклабилась:

— Можетъ, *выкушаете*... на сонъ грядущій? не то лукаво, не то таинственно подчеркнула она.

Глаза его внезапно такъ и запрыгали, губы судорожно затряслись:

— А у тебя... есть? прошепталъ онъ, подмигивая.

— На шкаликъ осталось... Съ моимъ удовольствіемъ, примолвила она, выходя за перегородку и, повозившись тамъ съ минуту, вынесла на подносѣ большую рюмку свѣтлой влаги.

Онъ схватилъ ее дрожащими отъ жадности руками, пригубилъ, сморщившись, будто отъ какого-то гадливаго ощущенія, и торопливо опрокинулъ затѣмъ себѣ въ горло.

— Ну, вотъ... вотъ теперь и согрѣлся, заговорилъ онъ, гладя себя рукой по груди, съ блаженнымъ видомъ:—теперь я усну... крѣпко усну, засмѣялся онъ какимъ-то страннымъ смѣхомъ.—Прощай, Мавра, спасибо!...

Онъ приткнулся головой къ подушкѣ и закрылъ глаза.

Мавра постояла, постояла надъ нимъ,—онъ оставался недвижимъ.

„Должно, започивали въ самдѣлѣ", рѣшила она, „потому ежели теперича и сына у нихъ роднаго забрали, такъ это они вполнѣ чувствовать не могутъ; потому все, почитай, какъ не въ полномъ своемъ разсудкѣ,—и какъ если имъ, значитъ, во время свою плепорцію отпустить..."

Разсужденія своего она до конца не довела и, скинувъ для большей предосторожности стоптанные башмаки свои, которые сунула тутъ же подъ ближайшее кресло, поспѣшно понеслась босикомъ въ корридоръ, пугливо прижимаясь во мракѣ къ стѣнкѣ и со страстнымъ любопытствомъ направляясь на свѣтъ, слабо выбивавшійся изъ буфетной.

Туда только-что вошло теперь новое лицо: невысокаго роста молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати восьми, съ жиденькими бѣлокурыми волосиками на кругленькой головкѣ и золотымъ pince-nez на вздернутомъ къ верху пуговкой носикѣ. Это былъ товарищъ прокурора, Тарахъ-Таращанскій (товарищи по Училищу Правовѣдѣнія называли его „Трахъ-Тарарахъ",), заигравшійся въ ералашъ у предсѣдателя Управы, въ городѣ, и потому нѣсколько опоздавшій своимъ прибытіемъ (онъ вмѣстѣ съ жандармскимъ полковникомъ состоялъ членомъ той же особой коммиссіи по политическимъ дѣламъ и извѣщенъ былъ имъ своевременно объ имѣвшемъ быть въ Юрьевѣ арестованіи).

Онъ тѣмъ болѣе, казалось, старался придать внушительности своей наружности, чѣмъ менѣе дано ему было отъ природы. Онъ глядѣлъ надменно сквозь свои оптическія стекла,

и все лицо его имѣло такое выраженіе, будто онъ говорилъ себѣ въ это время: „Ахъ, какъ здѣсь скверно пахнетъ“!

Въ расположеніи духа онъ былъ сквернѣйшемъ: во-первыхъ, проигралъ у предсѣдателя пять робберовъ сряду, а, во-вторыхъ, выходя изъ тарантаса, запнулся высокимъ каблукомъ о подножку, упалъ и нѣсколько зашибъ себѣ колѣнку.

— Тутъ у васъ самъ чортъ ногу переломитъ, говорилъ онъ фальцетомъ, фыркая и морщась, Фурсикову, выбѣжавшему на шумъ его экипажа встрѣчать его въ сѣни съ огаркомъ въ рукѣ.—Что̀, *накрыли?* коротко и какъ бы презрительно кинулъ онъ ему вопросъ.

Агентъ передалъ ему обо всемъ происшедшемъ.

— Такъ!... Гдѣ-жь это у васъ тамъ? Проведите! произнесъ онъ повелительнымъ и скучливымъ голосомъ.

Онъ вошелъ, прихрамывая, въ буфетную, не протянулъ, а сунулъ, не размыкая пальцевъ, всю руку свою въ руку жандармскаго штабъ-офицера, тутъ же отдернулъ ее и проговорилъ сквозь зубы: „вы безъ меня уже все покончили, кажется“, закинулъ голову въ сторону арестанта, котораго одинъ изъ жандармовъ держалъ за локоть.

— Это что̀ за живыя кандалы! грозно крикнулъ онъ вдругъ:—прочь руки!

Ошеломленный служивый поспѣшно вытянулся, пристегнувъ по формѣ эти руки ко шву своихъ брюкъ, и вопросительно покосился въ сторону своего начальника.

Полковникъ только чуть-чуть поморщился.

— Господинъ Буйносовъ? спрашивалъ между тѣмъ арестанта, разглядывая его съ любезною, словно поощрительною улыбкой, товарищъ прокурора. И тутъ же:— Вы, впрочемъ, нисколько не обязаны отвѣчать, поспѣшилъ онъ прибавить,— дѣло слѣдствія уяснить и опредѣлить вашу личность.

Онъ отошелъ опять къ полковнику и проговорилъ скороговоркой:

— Ничего не нашли при немъ?

— Были, по всей вѣроятности, у него прокламаціи и эти ихъ книги, отвѣчалъ вполголоса тотъ досадливымъ тономъ,— но это, кажется, успѣли уничтожить... У него тутъ двѣ сестры,

пребойкія, повидимому, дѣвицы. Я просилъ господина исправника понаблюсти за ними, пока я тутъ... распоряжался. Но, кажется, поздно. Онъ сейчасъ передавалъ мнѣ: по его мнѣнію, онѣ все сожгли въ печкѣ предъ тѣмъ, какъ онъ вошелъ къ нимъ. Онъ слышалъ, входя туда, запахъ жженой бумаги...

Таращанскій разсмѣялся, словно ужасно обрадованный:

— Само собою! Что̀ же вы думаете, всѣ эти лица глупѣе насъ съ вами, полковникъ? проговорилъ онъ почти громко.

Сливниковъ, вертѣвшійся около разговаривавшихъ, поспѣшилъ заявить въ свою очередь, таинственно наклонясь къ его уху:

— Un petit обыскъ у этихъ дѣвицъ ne serait pas à dédaigner, monsieur le *substitut*, подчеркнулъ онъ, считая нужнымъ дать понять, что мнѣ-молъ, видите, извѣстно даже то, какъ называется во Франціи товарищъ прокурора: — ce sont des personnes fort délurées.. et même très insolentes, промолвилъ онъ, напирая (очень ужь онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ этими „дѣвицами").

— Вы же сами сейчасъ говорили полковнику, что эти „дѣвицы" успѣли уже все сжечь, пренебрежительно отвѣтилъ ему Таращанскій, не глядя на него и вертя вокругъ пальца шнуркомъ своего pince-nez,— чего же тамъ еще искать!.. И какъ это вы всѣ, господа, любите безполезно усердствовать! проговорилъ онъ вдругъ на манеръ сентенціи: — арестуютъ теперь эту молодежь десятками по всѣмъ угламъ Россіи, и у всѣхъ одно и то же находятъ: тѣ же прокламаціи, та же *Сказка о четырехъ братьяхъ*... Возы этого добра въ Москву навезли. Лишній экземпляръ вамъ что̀-ли нуженъ?..

Онъ пожалъ плечами, прищурился на молча внимавшее ему серьезное лицо пожилаго штабъ-офицера и пропустилъ какъ бы въ спеціальное назиданіе его:—Раздули все это юное фантазёрство въ государственный заговоръ и...

Громкій голосъ арестанта не далъ ему договорить:

— Что̀ же вы, долго меня на ногахъ держать будете? насилованно грубо говорилъ онъ:—я усталъ, спать хочу.

— Васъ отвезутъ сейчасъ спать въ городъ, строго проговорилъ ему на это жандармскій полковникъ.

— Оформить, дѣйствительно, можно будетъ тамъ, завтра, одобрительно кивнулъ на это товарищъ прокурора, разчитывавшій застать партнеровъ своихъ еще въ сборѣ у картежника-предсѣдателя.

Шумъ спора, торопливый топотъ чьихъ-то шаговъ за раскрытыми дверями буфетной прервали его еще разъ.

— Это онѣ, воскликнулъ Сливниковъ,—malgré ma consigne!..

Онъ кинулся въ корридоръ.

— Что̀ тамъ такое? досадливо уронилъ Таращанскій:—еще какой-нибудь избытокъ офиціальнаго усердія!..

И онъ, вздѣвъ на носъ pince-nez и вскинувъ голову вверхъ, отправился за исправникомъ.

Онъ увидѣлъ его, раскидывающаго въ волненіи руками, лицомъ къ лицу съ молодою особой, казавшеюся не менѣе взволнованною, чтобы не сказать раздраженною, чѣмъ онъ самъ. Мужикъ-сотскій, все съ тѣмъ же перепуганнымъ видомъ, освѣщалъ ея блѣдное лицо, держа высоко надъ головой своей облѣпившій ему всѣ пальцы стеариномъ огарокъ.

— Я не могу... я не хочу, наконецъ, говорила она внѣ себя,—оставаться тамъ долѣе подъ стражей... Я не арестантка, я у себя въ домѣ, имѣю право на полную свободу моихъ дѣйствій... Да, я насильно вырвалась оттуда, я оттолкнула вашего сторожа... и сбѣжала сюда... Что̀ же, вы за это меня колесовать будете? вскрикнула она въ заключеніе вызывающимъ тономъ и сверкая влажными отъ проступавшихъ на нихъ слезъ негодованія глазами.

— Mais permettez, mademoiselle, воскликцалъ въ свою очередь исправникъ, продолжая разводить руками, — вы понимаете, ma consigne...

— Позвольте! визгливо перебилъ его голосъ господина Тарахъ-Таращанскаго, и самъ онъ выступилъ впередъ. — Я имѣю честь видѣть одну изъ... изъ хозяекъ этого дома, не правда-ли? обратился онъ къ Настасьѣ Дмитріевнѣ;—я здѣсь представитель прокурорской власти, сударыня, и въ этомъ качествѣ обязанъ выслушать... и удовлетворить всякое ваше... законное требованіе. Что̀ вамъ желательно?

— Мнѣ желательно, все такъ же пылко отвѣтила она,—

свободно пройти къ больному отцу... къ себѣ въ комнату, наконецъ... А господинъ исправникъ поставилъ на верху у лѣстницы своего сотскаго и приказалъ никого не пускать оттуда...

— Mademoiselle, je ne fais pas de l'arbitraire, горячо протестовалъ Сливниковъ,—я только исполнялъ приказаніе, данное мнѣ господиномъ пол...

— Позвольте! не далъ ему договорить опять тотъ же фальцетъ. И низенькій „представитель прокурорскій власти" глянулъ снизу вверхъ на длиннаго исправника, какъ будто хотѣлъ его тутъ же спалить молніей своего взгляда.

Сливниковъ, дѣйствительно, какъ бы оторопѣлъ весь...

Видимо довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, Таращанскій отнесся снова къ дѣвушкѣ:

— Я не нахожу возможнымъ одобрить образъ дѣйствій господина исправника въ настоящемъ случаѣ, но, великодушно примолвилъ онъ, — смѣю думать, что онъ при этомъ руководился соображеніями гораздо болѣе гуманнаго, чѣмъ, такъ сказать, чисто *полицейскаго* свойства. Формальности службы заставили насъ всѣхъ съѣхаться сюда для арестованія одной личности... Я считаю безполезнымъ называть ее... И зрѣлище этой процедуры не могло, конечно, доставить вамъ особеннаго удовольствія...

— И ее арестовали... эту личность? поспѣшила и едва была въ силахъ проговорить она.

— Повидимому.

— Что̀ это значитъ? удивленно спросила она, глядя на него во всѣ глаза.

Онъ чуть-чуть усмѣхнулся:

— Арестованный назвать себя не пожелалъ.

„Я такъ и знала", пронеслось въ головѣ Насти: „онъ не сказалъ своей фамиліи; есть, можетъ быть, надежда"...

— Скажите, вдругъ вспомнила она,—кто стрѣлялъ здѣсь,— я слышала сверху,—*онъ?*

— Само собою, небрежно промолвилъ на это представитель юстиціи, оглянулся и, видя, что сконфуженный исправникъ ушелъ опять въ буфетную:—Это не должно безпокоить

васъ, добавилъ онъ, — выстрѣлъ не имѣлъ послѣдствій, и мы обойдемъ вѣроятно и вовсе этотъ эпизодъ въ нашемъ протоколѣ... А бумаги его вы сожгли? такъ и ошеломилъ онъ ее нежданнымъ вопросомъ.

Она вся въ лицѣ перемѣнилась, вздрогнула...

Онъ ухмыльнулся уже со всей высоты своего величія:

— Я, надо вамъ сказать, вообще всему этому не придаю никакого серьезнаго значенія!...

Вышедшій въ корридоръ въ эту минуту штабъ-офицеръ притронулся къ его локтю. Таращанскій обернулся и отошелъ съ нимъ въ сторону.

— Я свое кончилъ, Валеріанъ Петровичъ, сказалъ полковникъ,—и увожу сейчасъ арестанта. Если бы вы съ вашей стороны сочли нужнымъ произвести дальнѣйшее дознаніе въ этомъ домѣ...

— Никакого! отрѣзалъ тотъ:—я бы девять десятыхъ и тѣхъ, которые у насъ сидятъ, отпустилъ на всѣ четыре стороны, а не то чтобъ увеличивать ихъ число...

Штабъ-офицеръ мотнулъ головой, какъ бы говоря: „Это *ваше* дѣло“! и отправился распоряжаться *своимъ*...

XI.

Кто-то въ то же время дернулъ растерянную Настасью Дмитріевну сзади за платье.

Она быстро обернулась и увидала Мавру... Толстая баба вся тряслась, тяжело переводя духъ...

— Что̀ такое?... зачѣмъ ты здѣсь?... что̀ батюшка? пробормотала дѣвушка со внезапнымъ замираніемъ.

— Не знаю, барышня, что̀ и сказать, выговорила та чрезъ силу:—тёмно у нихъ... и голосу не подаютъ...

— Что̀ значитъ „не подаютъ“? Онъ спитъ?

— Не могу доподлинно сказать, матушка-барышня, потому вошла я къ нимъ сичасъ—тёмно, смотрю, а сами видѣли—лампа у нихъ горѣла... „Баринъ, говорю, а баринъ“!... а они голосу не подаютъ. Я тутъ очень спужалася и побѣгла васъ искать...

— Онъ спалъ, да, я видѣла... и у него горѣла лампа... Погасла какъ-нибудь, вѣрно... Я говорила тебѣ не оставлять его... зачѣмъ ты ушла?... обрывались слова у Насти, пока она, не теряя времени, бѣглымъ шагомъ неслась въ темную глубину корридора, по направленію къ дѣвичьей, чрезъ которую былъ ходъ въ спальню больнаго.

— Сами они послали меня сюда, матушка, объясняла Мавра, поспѣшая за нею,—потому, какъ здѣсь выпалили, они мнѣ: „Поди сичасъ, узнай“, говорятъ... И вдругорядь посылали опять, послѣ того, значитъ, когда я имъ про барчука, про Володиміра Митрича докладывала...

— Ты ему сказала про брата?.. Господи!.. Развѣ не могла ты понять, что не слѣдовало этого говорить ему!..

— А почемъ мнѣ понять, барышня! Кабы вы приказывали; али что, а то, сами знаете, баба я темная, гдѣ мнѣ разсудку занять... И ничего отъ эвтаго отъ самаго, что я сказала, вреда имъ не случилося, ей-же ей, говорю... „Ступай, говорятъ, опять туда, а я спать хочу,"—только всего и сказали они на этто...

Въ глубокой темнотѣ вошли онѣ въ дѣвичью.

— Тутъ на лежанкѣ коробка со спичками была, сказала дѣвушка,—сыщи скорѣй!.. Шандалъ у *него* за перегородкой на комодѣ стоитъ...

И съ нетерпѣливою тревогой, съ нестерпимо бившимся сердцемъ вошла сама, не ожидая, въ *его* комнату, добралась ощупью до этого комода, судорожно ухватилась за попавшійся какъ-то сразу подъ пальцы ей шандалъ и проговорила полугромко—не испугать бы, если спитъ:—„Папа"!..

Отзыва не послѣдовало.

Она сдержала дыханіе, судорожно насторожила ухо... „Папа"! крикнула уже она теперь...

— Мати Пресвятая Богородица, спаси насъ! визгнула въ свою очередь на этотъ крикъ Мавра, роняя изъ рукъ коробку спичекъ, съ которою пробиралась къ барышнѣ.

Она кинулась подымать ихъ съ полу... Но дрожавшіе пальцы только безсильно тыкались о шероховатыя половицы...

— Давай же, давай скорѣе огня! задыхающимся голосомъ взывала къ ней межъ тѣмъ Настасья Дмитріевна.

Она чиркнула объ полъ попавшуюся ей наконецъ подъ руки спичку, поднялась съ нею, приложила къ свѣтильнѣ, которую протягивала ей барышня...

Дѣвушка выбѣжала съ загорѣвшеюся свѣчей за перегородку.

Первымъ дѣломъ кинулись ей въ глаза блеснувшіе отъ свѣта чуть не подъ самыми ногами ея осколки стекляннаго матоваго колпака лампы, какимъ-то непонятнымъ въ первую минуту образомъ свалившейся съ довольно широкой деревянной колонки, на которую она была поставлена... Колонка эта, какъ уже было упомянуто нами, стояла въ одномъ изъ переднихъ угловъ комнаты, рядомъ съ окномъ, выходившимъ въ садъ, и за самымъ кресломъ больнаго, помѣщавшимся у этого окна.

Взглядъ дѣвушки устремился на уголъ спинки этого кресла, въ которомъ такъ привыкла видѣть она потонувшій въ глубинѣ большой подушки тонкій профиль старика-отца... Уголъ былъ пустъ теперь, подушка лежала на сидѣніи, наполовину свѣсившаяся внизъ,—а внизу, у ножки кресла...

— Папа! крикнула она еще разъ, бросаясь со свѣчей къ тому чему-то невообразимо страшному, что̀ увидѣла она тутъ, упала на колѣни, низко наклоняясь лицомъ къ полу, простирая руки впередъ...

— Мавра, ножницы... ножъ... скорѣе... разрѣзать! простонала она...

Баба метнулась къ ней, наклонилась въ свою очередь и отпрянула въ невыразимомъ ужасѣ:

— Царица Небесная, покончили себя!.. Матушка-барышня, чтобы намъ съ *вамъ* въ отвѣтъ не попасть! Полицея тутъ, жандары... Звать надо, людей звать скорѣе...

И, полоумная отъ объявшаго ее страха, она выскочила изъ комнаты въ корридоръ, голося:

— Кормильцы, родимые, спасите... со старымъ бариномъ несчастіе!..

Изъ буфетной въ эту минуту выводили арестанта.

Она прямо ринулась къ нему:

— Сердечный ты нашъ, голубчикъ сизый, ведутъ тебя въ темницу темную, за семь замковъ желѣзныихъ, хоша бы дали тебѣ, младу вьюношѣ, напослѣдяхъ съ отцомъ рѐдныимъ проститися!..

— Чего ты причитаешь, старая, что̀ тамъ случилось? перебилъ ее, быстро подходя, жандармскій полковникъ.

— Не моя вина, батюшка, ваше сіятельство, видитъ Царица Небесная, не моя! заголосила она въ новомъ перепугѣ,—сами они меня погнали...

— Кто погналъ, куда? говори толкомъ!

— Баринъ, генералъ нашъ, сюда послали, когда палить тутъ стали, значитъ...

— Ну, и что̀ же?

— А пока я тутъ въ колидорѣ стояла, они, остамшись одни...

— Ну?...

— И сказать не смогу, ба-атюшка... страшно! истерически зарыдала она: тамъ... надъ ними.... — барышня, Настасья Дмитріевна, убиваются...

Арестантъ, блѣдный какъ смерть, обернулся къ штабъ-офицеру; онъ сразу понялъ все:

— Слова ея значатъ, что отецъ мой лишилъ себя жизни, неестественно рѣзко зазвенѣлъ его голосъ:—я хочу взглянуть на него!...

— Извольте! качнулъ головою тотъ.

— Еще не поздно, можетъ быть, помочь можно, всклик-нулъ товарищъ прокурора, двигаясь первый съ мѣста:—куда итти? ведите! обратился онъ къ Маврѣ.—Да огня давайте сюда побольше!...

— Quel drâ-ame, monsieur le substitut! вскидывая длинныя руки свои вверхъ, трагически протянулъ, шагая за Таращанскимъ, исправникъ Сливниковъ; на немъ лица не было и губы его тряслись.

— Лазаревъ, ступай, можешь понадобиться! отдалъ полугромко приказаніе полковникъ одному изъ жандармовъ.

Всѣ быстро направились къ „мѣсту происшествія"...

Настасья Дмитріевна стояла на колѣняхъ, поддерживая приподнятую ею съ полу бездыханную голову отца. Онъ былъ еще совсѣмъ тепелъ, но надежды у нея не оставалось: жизнь—это было для нея очевидно,—безвозвратно покинула его... Съ перваго же взгляда стали ясны для всѣхъ условія, при которыхъ могъ онъ осуществить свое гибельное намѣреніе. На сторонѣ окна, ближайшей къ креслу, въ которомъ онъ проводилъ ночи, вбитъ былъ въ стѣну большой гвоздь, о который обматывался толстый снурокъ подъемной сторы, никогда не спускавшейся на этомъ окнѣ (недужный, просыпавшійся обыкновенно съ зарей, любилъ глядѣть на первую игру лучей солнца, восходившаго прямо противъ него, въ вершинахъ и прогалинахъ сада). Двойной конецъ этого снурка спускался до высоты ручки кресла и на разстояніи вершка отъ нея. Старикъ, по всѣмъ признакамъ, притянулъ къ себѣ этотъ конецъ, сложилъ его въ петлю, всунулъ въ нее голову

и рванулся всѣмъ тѣломъ со своего сидѣнія внизъ... Отъ размаха откатившееся назадъ кресло ударилось въ стоявшую за нимъ тумбу и свалило толчкомъ стоявшую на ней лампу, а снурокъ такъ оттянуло къ низу, что голова почти касалась пола... Когда, покинутая перепуганною Маврой, Настасья Дмитріевна, съ тою сверхъестественною мускульною силой, которая является у самыхъ слабыхъ существъ въ минуты великихъ опасностей и безумнаго отчаянія, приподнявъ на половину одною рукой рухнувшее наземь тѣло, вырвала другою изъ стѣны самый гвоздь, съ котораго спускался роковой снурокъ петли, и распустила ее, отецъ ея не подавалъ уже и признака жизни...

— Кончено! проговорила она теперь съ какимъ-то потрясающимъ спокойствіемъ, почти безсознательно обводя взглядомъ толпу собравшихся вокругъ нея пришлыхъ, чуждыхъ ей лицъ.

Никто изъ нихъ не нашелся отвѣтить въ первую минуту. Слишкомъ сильно было впечатлѣніе, слишкомъ поразительно это зрѣлище...

— Помогите... поднять, проговорила она, осиливая себя.

Служивый-жандармъ, котораго звали Лазаревымъ, выступилъ впередъ.

— Не трогай! повелительно крикнулъ раздраженный голосъ.

И Владиміръ Буйносовъ, съ перекошеннымъ лицомъ, кусая губы и сверкая взглядомъ, протѣснился къ сестрѣ:

— Держи крѣпче за затылокъ, обрывисто выговорилъ онъ, подходя къ мертвому и ухватывая самъ его подъ колѣни.

Но бодрость измѣнила дѣвушкѣ,—она пошатнулась...

Сливниковъ, забывая свои „обиды“, кинулся къ ней:

— Permettez-moi de vous remplacer, mademoiselle!..

Тѣло перенесли на диванъ.

Глубокое безмолвіе стояло кругомъ. Никто повидимому не зналъ, что ему дѣлать далѣе...

Товарищъ прокурора, какъ бы исполняя какую-то особую формальность, подошелъ къ трупу со свѣчей въ рукѣ, освѣщая деревенѣвшій уже ликъ и стеклянно-мутные, страшно выкатившіеся изъ-подъ вѣкъ яблоки глазъ...

— Глаза бы вы ему закрыли! шепнулъ словно сердито арестанту пожилой штабъ-офицеръ, морщась и оттягивая себѣ усы до боли.

Молодой человѣкъ, машинально повинуясь, наклонился надъ этимъ страшнымъ лицомъ, протягивая къ нему дрожавшую руку... Рука сестры предупредила его: она опустила вѣки мертвеца, прикрыла ихъ ладонью и какъ бы замерла вся при этомъ.

Она очнулась чрезъ мигъ, взглянула на брата безконечно-скорбнымъ взглядомъ и, въ неудержимомъ порывѣ, кинулась ему на грудь.

— Володя, прошептала она съ прорвавшимся рыданіемъ,— не забывай, на чью совѣсть должно пасть это!..

XII.

Да какъ же не любить-съ, сами изволите разсудить: Алимпіада Самсоновна—барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ...

Островскій. *Свои люди, сочтемся.*

На другой день послѣ переданнаго нами читателю, часу въ одиннадцатомъ утра, у Антонины Дмитріевны въ комнатѣ ея, въ мезонинѣ, шелъ живой разговоръ со стоявшимъ предъ нею рослымъ, чуть-чуть дороднымъ, красивой наружности мущиной лѣтъ тридцати двухъ, съ небольшою русою бородкой, подстриженною щеткой, и огромными, *мужицкими*, руками, выпиравшими изъ его лиловаго цвѣта шведскихъ перчатокъ. Одѣтъ онъ былъ безукоризненно, въ сплошной, темносѣрый лѣтній костюмъ; синій атласный галстукъ заколотъ былъ цѣнною черною жемчужиной величиною въ ноготь; вѣнскія ботинки изъ желтой юфти обували его огромныя, какъ и его длани, ноги... Стоялъ онъ по привычкѣ къ вѣчному движенію, не дозволявшей ему и четверти часа усидѣть на мѣстѣ...

— И, сдѣлайте милость, говорилъ онъ,—не безпокойтесь ни о чемъ. Все будетъ, можете повѣрить, сдѣлано прилично и хорошо... Если сестрицѣ вашей, Настасьѣ Дмитріевнѣ, ужь непремѣнно этого требуется, мы можемъ счесться съ нею послѣ... А теперь ужь позвольте мнѣ все это взять на себя... Почитаю, такъ сказать, своимъ долгомъ... *заранѣе*, подчеркнулъ онъ со страстнымъ взглядомъ по ея адресу, и тутъ же покраснѣлъ по самые волосы.

— Можете, протянула она въ отвѣтъ съ легкою усмѣшкой... Она полулежала въ креслѣ съ закинутыми за затылокъ

руками и глядѣла на него въ упоръ своими прекрасными *аквамариновыми* глазами.—Знаете что̀, Провъ Ефрем... Нѣтъ, перебила она себя, смѣясь,—я никогда не привыкну къ этому вашему имени!...

— Мудреное, дѣйствительно, усмѣхнулся и онъ, но брови его слегка повело: — на латинскомъ языкѣ значитъ хорошій человѣкъ... Такой я и есть, могу сказать по истинѣ, промолвилъ онъ уже совсѣмъ весело, — такимъ и здѣшній народъ меня прозвалъ, — можетъ, сами слышали: „строгъ, говорятъ, а справедливъ"...

— А вы бываете, и точно, „строги?" спросила она, прищурясь и пристально воззрясь въ него опять.

— Случается... Съ вами никогда не случится! воскликнулъ онъ неожиданно, съ сіяющимъ отъ внезапнаго прилива счастія лицомъ.

— Я и не позволю, медленно и холодно возразила она на это.

Профъ Ефремовичъ Сусальцевъ въ свою очередь теперь пристально устремилъ на нее свои большіе каріе глаза. „Посмотрѣлъ бы я, какъ бы ты не позволила, кабы мнѣ вздумалось!" словно сверкнуло на мгновеніе въ этихъ глазахъ. Но онъ какъ бы тутъ же устыдился своей мысли и нѣсколько смущенно промолвилъ:

— Вы, кажется, о чемъ-то начали было, Антонина Дмитріевна?

— Да, я хотѣла... Вы будете очень рады?

— Чему-съ? изумился онъ.

— Повезти меня съ собою въ городъ... Вѣдь вамъ туда нужно?...

— Нужно, какже... насчетъ гроба и прочее... И вы со мною желаете прокатиться? Прелесть вы моя неописанная!...

Онъ схватилъ ея руку и жадно прильнулъ къ ней губами.

— Да, къ похоронамъ нуженъ трауръ, а у меня ничего чернаго нѣтъ... А, главное, уѣхать хоть на нѣсколько часовъ ото всего этого, примолвила она со внезапнымъ выраженіемъ

отвращенія на лицѣ: — я мертвыхъ, какъ ребенокъ, боюсь... мнѣ вездѣ слышится будто запахъ трупа...

Она вздрогнула:—я заболѣю непремѣнно, если это должно продолжаться болѣе сутокъ...

— Къ чему же тянуть, помилуйте; завтра, въ одиннадцатомъ часу, свеземъ на кладбище.

— Затрудненія могутъ быть, говорятъ: вѣдь онъ не своею смертью умеръ...

— Будьте покойны: затрудненія — побоку; имѣлись въ виду — и устранены. Такой случай вышелъ благопріятный. Ночевалъ я въ городѣ, на фабрикѣ... На самомъ выѣздѣ она у меня, какъ знаете... Встаю я всегда рано, а тутъ такъ случилось, что, за счетами, да перепиской, и вовсе не ложился. Вышелъ на зарѣ голову нѣсколько освѣжить. Иду по шоссе, гляжу, въ городъ тарантасъ ѣдетъ. Знакомый господинъ, вижу, товарищъ прокурора Тарахъ-Таращанскій. „Откуда?“ спрашиваю. Онъ мнѣ тутъ и объяснилъ про вашъ здѣшній... камуфлетъ... Очень я, знаете, обезпокоился за васъ, и рѣшилъ тотчасъ же сюда ѣхать; а между тѣмъ, въ предвидѣніи непріятностей, выспросилъ у него все, что̀ и какъ, относительно вотъ этого самаго обстоятельства, что „неестественною смертью“, какъ вы говорите... Онъ, Тарахъ этотъ, баринъ, знаете, очень легонькій,—ужь такая, должно быть, у всѣхъ у нихъ порода, у этихъ судейскихъ теперешнихъ, съ добродушнымъ смѣхомъ ввернулъ говорившій, — за то съ нимъ, спасибо, все легко и оборудовать. Человѣкъ въ этомъ отношеніи самый, можно сказать, либеральный!.. Насчетъ исправника и говорить нечего: телячья голова изъ кавалеристовъ, порядковъ никакихъ не понимаетъ,— ну-съ, и крючковъ тоже отъ него никакихъ ожидать нельзя. Главная загвоздка тутъ — попъ здѣшній, онъ же и благочинный по этой мѣстности... Только съ этимъ народомъ извѣстно какой разговоръ!.. Имѣлъ я уже съ нимъ таковой: разстались мы вполнѣ довольные другъ другомъ... На всякій случай надлежащее свидѣтельство можно еще будетъ попросить у доктора, у Николая Иваныча, лѣчившаго покойнаго; онъ человѣкъ хорошій, конечно не откажетъ... Словомъ, заключилъ Сусальцевъ,—all right, какъ

говорятъ Джонъ-Були; проводимъ усопшаго до послѣдняго жилища, какъ слѣдуетъ по закону христіанскому, съ честью и поминовеніемъ.

Но Антонина Дмитріевна не слушала его и преслѣдовала свое въ головѣ:

— Я бы часу лишняго не хотѣла провести здѣсь послѣ похоронъ, сказала она:—придумайте, какъ это сдѣлать; вы человѣкъ практическій.

Онъ глянулъ стремительно ей въ лицо и покраснѣлъ опять по самыя уши.

— Очень просто, отвѣтилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ,— переѣзжайте въ Сицкое.

— Къ вамъ? Одна? воскликнула она, будто изумившись,— потому что сестра Настя ни за что не согласится...

— А хотя бы однѣ!.. Церковь у меня тутъ же въ домѣ, Антонина Дмитріевна, поспѣшилъ онъ прибавить, испугавшись вдругъ „неприличія", какъ подумалось ему, своего предложенія:—когда лишь захотите назначить... не гостьей, хозяйкой станете въ этомъ самомъ Сицкомъ жить...

Она, словно застыдившись вся, поспѣшно опустила глаза.

— Не мнѣ, а вамъ... назначить слѣдуетъ, пролепетала она невиннымъ голосомъ пятнадцатилѣтней дѣвочки.

Провъ Ефремовичъ нежданно всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ рухнулъ ей въ ноги:

— За это слово милліона мало! воскликнулъ онъ въ неописуемомъ восторгѣ:—впервой рѣшились вы наконецъ подарить меня имъ. А то было у насъ все будто кончено, а рѣшительнаго, послѣдняго,—вотъ этого самаго, — недоставало... Красавица вы моя желанная, женушка названная,—онъ безумно цѣловалъ ей колѣни,—такъ *отъ меня*, отъ *меня* зависитъ?.. Извольте! Чрезъ три дня,—дольше терпѣть душа не въ силахъ!..

— „Чрезъ три дня", повторила Антонина все тою же невинною интонаціей,—какой вы рѣшительный!.. Я впрочемъ такихъ люблю! усмѣхнулась она, и рука новой Далилы какъ бы невольнымъ порывомъ нѣжности пробѣжала по щетинѣ волосъ Самсоновой головы, преклоненной предъ нею. Алыя губы

ея коснулись уха Сусальцева и прошептали чуть слышно:— хорошо, я согласна!..

Онъ вскинулъ голову вверхъ, ухватилъ ее за станъ своею огромною рукой, привлекъ къ себѣ и такъ и впился губами въ ея губы.

Она оттолкнула его, вскрикнула отъ неожиданности и гнѣва:

— Мужикъ! вырвалось у нея... Но тотчасъ же, сдержавшись:—хоть бы позволенія попросилъ сначала! примолвила она мягко, съ капризною ноткой въ голосѣ, давая этимъ оброненному ею жесткому слову значеніе шутки.

Онъ между тѣмъ вскочилъ на ноги, ударилъ себя ладонью по широкой груди:

— Эхъ вы, кисейная барышня, мужики-то получше вашихъ бояръ умѣютъ любить!..

— Это я вижу, сказала она, и Провъ Ефремовитъ мгновенно, какъ ледъ подъ лучами весенняго полудня, растаялъ и расплылся весь предъ тою неотразимою улыбкой, съ которою она теперь взглянула на него:

— Нѣтъ у меня противу васъ ни воли, ни разсудка, вотъ что̀ я вамъ скажу-съ, проговорилъ онъ страстно и досадливо:—въ бичевку вы меня, чувствую, скрутить можете... а куда ужь я, кажись, на мягкую пряжу не похожъ! разсмѣялся онъ громко своему сравненію:—такъ ужь вы меня, барышня, поберегите сами немножко!

— А вотъ вы сядьте тутъ, противъ меня,—что̀ это у васъ за привычка вѣчно на ногахъ торчать, точно башня какая-то; затылокъ заболитъ глядѣть на васъ снизу! Садитесь и поговоримъ толкомъ...

— Сѣлъ-съ! возгласилъ онъ съ веселою покорностью, опускаясь на стулъ прямо противъ ея кресла и укладывая каждую изъ рукъ своихъ на каждое изъ своихъ колѣнъ.

Она продолжала улыбаться ему своею очаровательною улыбкой:

— Вы вотъ сказали: „чрезъ три дня“, и я согласилась. Но развѣ это можно?

— Почему не можно?

— Нужны формальности...

— Это точно, коли у кого въ карманѣ грошъ. А если деньги, такъ всю эту формальность не то въ три дни, въ три часа обдѣлать можно.

— Положимъ... Но мнѣ, напримѣръ, посаженые отецъ и мать нужны, шаферъ...

— Вопросъ, дѣйствительно!..

Онъ качнулъ головой:—Вы какъ желаете, чтобы пофорсистѣе было, или попроще?

Она невольно поморщилась:

— Что̀ это за выраженіе „пофорсистѣе“ и для чего вы меня спрашиваете?

— За выраженіе извините, дѣйствительно *мужицкое*, другой разъ не скажу. А спрашиваю потому, что если съ шикомъ справлять свадьбу, такъ вамъ Бориса Васильича Троекурова съ супругой въ посаженые пригласить надобно: первыя лица по здѣшнему мѣсту.

— Никакихъ Троекуровыхъ и никакого *шика!* пылко возразила она:—и никого на свадьбѣ, кромѣ необходимыхъ лицъ.

— Самъ я такъ полагалъ... особенно въ виду того, что только-что вотъ, скажутъ, отца похоронили... Хорошо-съ, перебилъ онъ себя:—въ такомъ случаѣ Николая Ивановича Ѳирсова, доктора, просите съ супругой: люди подходящіе, простые...

— Пожалуй, молвила Антонина съ легкою гримасой.

— All right! Ну-съ, а теперь на счетъ шафера... Имѣете кого въ примѣтѣ?

Словно какая-то змѣйка пробѣжала у нея въ глазахъ; она прищурилась, прикусила губу и чуть-чуть повела головой:

— Есть.

— Кто таковъ?

— Юшковъ, Григорій Павловичъ; вы его знаете?

— Предводителя старика сынъ, земецъ нашъ? Знаю! Что̀ же, малый отличный.

— Вы находите? сказала она насмѣшливо.

— Чего-жь не находить! Про него худа не слышно. Предсѣдателемъ въ управу думаемъ его даже выбрать.

Антонина Дмитріевна закачала головой.

— Только онъ не пойдетъ, сказала она.

— Куда это: въ предсѣдатели управы?

— Нѣтъ, ко мнѣ въ шафера.

— Во! Почему такъ?

— Потому, что я выхожу за васъ.

— За „мужика!“

У Сусальцева глаза засверкали.

Она лукаво значительнымъ взглядомъ глянула на него:

— Если бы вы даже были великій князь,—все равно.

Онъ понялъ и широко, добродушно осклабился:

— Ривалъ, значитъ, мнѣ былъ! Что-жь, губа-то у него не дура, сказать по правдѣ...

Онъ наклонился, протягивая руку къ ея рукѣ:— *Позволенія прошу*, подчеркнулъ онъ со смѣхомъ.

Она милостиво поднесла ему теперь сама эту руку свою подъ губы. Онъ съ преувеличенною почтительностью приложился къ ней и, удерживая ее въ своей:— А дозволено будетъ спросить, молвилъ онъ со внутреннею тревогой, которую она тотчасъ же угадала подъ его веселымъ тономъ, — почему у васъ съ этимъ самымъ Григоріемъ Павловичемъ Юшковымъ дѣло не вышло?

— То-есть, почему я не вышла за него замужъ?

— Вы сказали, красавица моя!

— Почему? повторила она—и такъ и погрузилась глазами въ его глаза: — потому, что сила силы ищетъ, а онъ тряпка!

Сусальцевъ прыгнулъ съ мѣста, ударяя себя ладонью о ладонь въ порывѣ восхищенія:

— Сказали-то вѣдь какъ мѣтко: „сила силы ищетъ“! Какъ свайкой въ самое кольцо хватили... Богатырь вы у меня просто, прелесть моя!...

Онъ сѣлъ опять, счастливый, польщенный, радостный...

— Ну, значитъ, и не нужно намъ Григорья Павловича! Поищемъ другаго... Прикажете, я вамъ моего Потемкина представить могу. Старенекъ, на ноги палъ маленько, а господинъ совсѣмъ приличный, холостой, шаферскую должность исправить еще можетъ отлично.

— Какой „Потемкинъ“? съ любопытствомъ спросила дѣвушка.

Онъ расхохотался:

— Потемкинъ, извѣстно, *фаворитъ* былъ, такъ я этимъ самымъ прозвищемъ барина этого и зову; фамилія ему Зяблинъ, штабсъ-капитанъ въ отставкѣ, аристократъ тоже,—потому онъ въ той же *фаворитской* должности вѣкъ свой провелъ, а теперь на подножномъ корму, такъ сказать, остался.

— Почему вы его *вашимъ* называете?

— А такъ, продолжалъ смѣяться Провъ Ефремовичъ,—что я его, почитай, съ имѣніемъ, съ этимъ самымъ Сицкимъ, пріобрѣлъ. Купилъ я его, какъ вамъ извѣстно, у одного князька безпутнаго, Шастуновъ по фамиліи, за полцѣны купилъ, сказать по истинѣ... Одинъ лѣсъ тамъ всѣхъ моихъ денегъ стоитъ, увидите!... Ну-съ, а какъ купилъ я, да въѣхалъ туда хозяиномъ, узнаю, старичекъ тамъ одинъ во флигелѣ обрѣтается на жительствѣ. Ни управитель, ни въ должности какой, а такъ, докладываютъ мнѣ, живетъ съ самой смерти княгини покойницы, матери, то-есть, моего продавца. А баба эта, слышно, кулакъ была, милліончика два сыну оставила; ну, а онъ, извѣстно, по дворянскому обычаю, живо, годиковъ въ пять, въ шесть, все это въ трубу спустилъ... Такъ у этой княгини, узналъ я, жилъ въ фаворитахъ лѣтъ двадцать сряду этотъ самый баринъ, Зяблинъ, и все, говорятъ, водила она его обѣщаніемъ выйти за него замужъ. Выйти не вышла, да и обезпечить его не подумала. Хватило ее въ одинъ прекрасный день ударомъ, какъ громомъ, пикнуть не успѣла. А онъ такъ и остался, какъ ракъ на мели: ни спереди, ни сзади ничего нѣтъ, и головы приклонить некуда... Такъ и застрялъ онъ тутъ въ своемъ флигелѣ, въ родѣ старой мебели. Князекъ, въ память матери, велѣлъ его не трогать и довольствіе ему отпускать. Ну, можете представить, какое ужь тутъ довольствіе, въ пустой усадьбѣ: щи, да баранины кусокъ носили отъ управляющаго,—а человѣкъ-то на серебрѣ, Французомъ-поваромъ изготовленное кушанье ѣсть привыкъ,—тяжело-съ!... Пожелалъ я съ нимъ познакомиться; вижу—человѣкъ воспитанный, деликатный: и робость-то въ немъ, и гоноръ барскій при нищетѣ,

все это, знаете, сразу видать... „Вы, говоритъ онъ мнѣ, сдѣлайте милость, не стѣсняйтесь, я могу сегодня же выѣхать отсюда“. — „Куда же вы, говорю, думаете?“ А онъ мнѣ на это: — „Все равно, говоритъ, и на улицѣ умереть можно“... Меня, скажу вамъ-съ, всего будто перевернуло отъ этихъ словъ, жалость такая взяла... „А я такъ думаю, говорю ему, что вамъ здѣсь все же покойнѣе, чѣмъ на улицѣ будетъ, и насчетъ смерти тоже повременить можно, а какъ если не побрезгуете моимъ обществомъ, такъ я очень радъ буду; вдвоемъ, говорю, извѣстно, позабавнѣе будетъ время волочить“... Такъ онъ у меня и живетъ четвертый годъ.

— Что же, онъ васъ въ самомъ дѣлѣ очень „забавляетъ“? уронила насмѣшливо Антонина.

Сусальцевъ поморщился:

— Да вы, какъ это, можетъ полагаете, что я его у себя въ родѣ шута держу? Очень ошибаетесь въ такомъ случаѣ. Не таковъ, во-первыхъ, у меня *характеръ*, да и шутовъ-то вообще въ нашемъ коммерческомъ мірѣ въ настоящее время встрѣтить можно развѣ только въ комедіяхъ господина Островскаго; мода на нихъ давно прошла, повѣрьте слову!.. А насчетъ Евгенія Владиміровича Зяблина, такъ если я въ шутку—и то не въ глаза ему,—Потемкинымъ его называю, такъ въ дѣйствительности-то я къ нему, скажу вамъ откровенно, какъ къ родному привязался. Баринъ, говорю, воспитанный, деликатный, и въ домѣ его не слышно... Одна слабость...

— „Слабость“, какъ бы испуганно повторила дочь покойнаго Дмитрія Сергѣевича Буйносова.

— Самая невинная, не безпокойтесь, разсмѣялся опять ея собесѣдникъ:—туалетъ. По цѣлымъ часамъ проводитъ старичекъ у зеркала, галстуки новенькіе повязываетъ, да ботинки примѣряетъ... Открылъ я ему кредитъ, до 800 рублей, у портнаго моего и сапожника въ Москвѣ,—онъ и блаженствуетъ... Такъ вотъ-съ, если вамъ угодно будетъ его себѣ въ шафера взять, онъ такимъ джентльменомъ выйдетъ вѣнецъ надъ вами держать, что лучше и не надо.

— Я очень рада буду, сказала Антонина Дмитріевна, по-

молчала и чрезъ минуту:—А послѣ свадьбы куда мы съ вами? спросила она небрежнымъ тономъ.

Сусальцевъ нѣсколько оторопѣлъ:

— Я полагалъ, поживемъ въ имѣніи... Вѣдь у меня въ Сицкомъ домъ дворецъ, Антонина Дмитріевна, добавилъ онъ въ видѣ убѣждающаго довода.

— Знаю... но я думала...

— Что̀ вы думали, красавица моя? Какъ прикажете, такъ и будетъ!

— Я полагаю, что такъ какъ мы думаемъ жениться тотчасъ послѣ... *этой смерти*, здѣсь кругомъ всякіе толки пойдутъ, вы сами сейчасъ упомянули объ этомъ. Я вообще глубоко равнодушна къ тому, что̀ про меня могутъ сказать; вы, не знаю!.. Во всякомъ случаѣ лучше, чтобы ни до васъ, ни до меня не доходили пока никакіе людскіе пересуды и сплетни. А для этого, по-моему, самое разумное уѣхать.

— И то дѣло, согласился онъ съ полувздохомъ.—Куда же прикажете?

— За границу.

— Можно!.. Въ мѣстечко Парижъ, первымъ дѣломъ, разумѣется? Могу послужить вамъ надежнѣйшимъ гидомъ. За науку много тамъ денегъ просадилъ...

— Вы говорите свободно по-французски? сочла нужнымъ справиться Антонина.

— Говорю... А по-англійски и совсѣмъ хорошо, отвѣчалъ Провъ Ефремовичъ:—отецъ покойный три года выдержалъ меня *на конторѣ* у мистера Броули и К° въ Лондонѣ... А для чего это вы меня спросили, говорю-ли я по-французски? молвилъ онъ черезъ мигъ.

— Хотѣла знать...

Не совсѣмъ искренняя усмѣшка пробѣжала по его губамъ:

— Боитесь, чтобъ я въ обществѣ держать себя прилично не умѣлъ?.. Будьте покойны, прелесть моя: не посрамимъ земли Русской и Богомъ данной намъ аристократки-женушки.

Онъ еще разъ наклонился къ ея рукѣ и поцѣловалъ ее съ тою преувеличенною галантерейностью, съ какою на французскихъ сценахъ изображаются маркизы и герцоги ancien

régime. Онъ все это очевидно отмѣтилъ въ памяти въ пору побывокъ своихъ въ Парижѣ, гдѣ онъ дѣйствительно въ молодые годы много денегъ „за науку просадилъ“ съ „артистками“ *Délassements comiques* и иныхъ подобныхъ бульварныхъ театровъ.

— Перестаньте вздоръ говорить, сказала Антонина, шутливо ударивъ его пальцами по рукѣ,—а распорядитесь лучше, чтобы коляску вашу подавали. Ѣхать въ городъ, такъ сейчасъ. Ступайте, а я одѣнусь и сойду къ вамъ на крыльцо.

— Повинуюсь моей повелительницѣ!...

Онъ все такъ же преувеличенно церемонно расшаркнулся предъ нею и вышелъ изъ комнаты своею увѣсистою, слегка вздрагивавшею, какъ бы отъ преизбытка силы, походкой.

„Повелительница“ его вдумчиво, нахмуреннымъ и долгимъ взглядомъ повела ему вслѣдъ, потянулась въ своемъ креслѣ, высоко поднявъ руки надъ головой, и, какъ бы отъ неодолимаго утомленія уронивъ ихъ разомъ на колѣни, прошептала:

— Уфъ, какъ съ нимъ трудно будетъ!...

XIII.

Quo vos vi, e quo vos vey!...
Изъ поэзіи трубадуровъ.

Sunt lacrymae rerum.

Борисъ Васильевичъ Троекуровъ часа полтора назадъ вернулся во Всесвятское изъ своего малороссійскаго имѣнія, куда онъ уѣхалъ только дней за десять предъ тѣмъ и гдѣ думалъ прожить съ мѣсяцъ времени, но откуда поспѣшно примчался назадъ, испуганный телеграммой жены, извѣщавшей его, что сынъ ихъ, тринадцатилѣтній Вася, заболѣлъ сильнымъ дифтеритомъ.

Опасенія оказались преувеличенными. Вернувшійся отецъ, прямо изъ коляски пробѣжавшій въ комнату мальчика, нашелъ его уже совершенно здоровымъ, и Николай Ивановичъ Ѳирсовъ, котораго онъ засталъ тутъ вмѣстѣ съ Александрой Павловной, воспользовался случаемъ сдѣлать „*при генералѣ* жесточайшую", какъ выражался онъ, „сцену *его барынѣ*" за ея „вѣчные, *безсмысленные* страхи" и за то, „какъ она *осмѣлилась*, безъ вѣдома его, врача, *отвѣчающаго за все*, послать мужу *лживую* телеграмму".

Громкій, веселый смѣхъ присутствующихъ — обычное во Всесвятскомъ послѣдствіе „грубостей" добряка-доктора—отвѣчалъ на его выходку. Но толстякъ долго не хотѣлъ успокоиться и, уйдя отъ Васи вслѣдъ за Троекуровымъ въ его кабинетъ, продолжалъ, расхаживая вдоль и поперекъ комнаты, язвить *невыносимый нравъ* Александры Павловны, у которой-де „букашка вѣчно выходитъ *Монбланъ, что въ Швейцаріи*".

Хозяинъ, слушавшій его и шутливо отъ времени до времени поддакивавшій ему изъ-за растворенной двери своей спальни, гдѣ онъ теперь совершалъ омовенія послѣ дороги и перемѣнялъ бѣлье, но которому это наконецъ начинало надоѣдать, счелъ нужнымъ перемѣнить разговоръ:

— А что у насъ новаго здѣсь? спросилъ онъ.

— „Новаго!“ повторилъ Ѳирсовъ, останавливаясь на-ходу и какъ бы весь встряхиваясь отъ удовольствія, доставленнаго ему этимъ вопросомъ (онъ былъ „живая мѣстная газета“, какъ называлъ его Троекуровъ): — коробъ цѣлый успѣли набрать, ваше превосходительство, за недѣлю вашего отсутствія.

— Вотъ какъ! Напримѣръ?

— Перво-наперво — поимка политическаго преступника, съ переодѣваньями, прятаньемъ въ подземелье, стрѣльбой и прочими бенгальскими огнями, какъ слѣдуетъ быть мелодрамѣ; второй актъ, самоубійство старца; третій, похороны и пиръ въ три этажа по этому случаю. Апоѳеозъ—неожиданная свадьба. И все это въ четыре дня времени! Живо? По *сенсаціонности* „событіямъ изъ американской жизни“, какъ пишется въ газетахъ, не уступитъ, а?..

Борисъ Васильевичъ, вымытый, переодѣтый, вышелъ изъ спальни, присѣлъ къ своему письменному столу и, закуривая папироску:

— Что такое, разсказывайте! промолвилъ онъ съ обычною ему сдержанностью тона.

Докторъ со свойственными ему въ свою очередь кудреватостію и обиліемъ рѣчи пространно передалъ о „катастрофѣ“ въ усадьбѣ Буйносовыхъ.

— Это ужасно! вырвалось съ невольною дрожью у его слушателя.

— Я предвидѣлъ, что онъ этимъ кончитъ, бѣдный старецъ, молвилъ Ѳирсовъ,—и предварялъ дочь, Настасью Дмитріевну, чтобъ она глядѣла за нимъ въ оба, что она и дѣлала, надо ей въ этомъ отдать справедливость... Да тутъ случилась эта исторія поимки брата ея, нигилиста... минутки не доглядѣла, а тотъ и... Эта Настасья Дмитріевна изо всей семьи одна заслуживаетъ сочувствія и даже уваженія... хотя

и съ нея этою нигилятиной маленько каплетъ, да все она человѣкъ, а вѣдь тѣ...

— Что̀ она думаетъ дѣлать?

— И сама, полагаю, не знаетъ пока... Вотъ осмотрится...

— Не нужно-ли ей чего? спросилъ, какъ бы застыдясь и глядя себѣ въ ногти, Борисъ Васильевичъ.

Докторъ понялъ и махнулъ рукой:

— Не приметъ! Гордости у нея во̀ сколько!— онъ показалъ себѣ на горло:— въ актрисы все собиралась...

— А сестра ея?

— Сестра? повторилъ со внезапнымъ смѣхомъ толстякъ:— а это вотъ самое интересное. Послѣ всей этой катастрофы положеніе дѣвицъ, изволите понимать, оказалось не особенно утѣшительнымъ. Въ домѣ ни гроша мѣднаго; отецъ чуть не на глазахъ полиціи руку на себя наложилъ, значитъ, лишенъ по закону христіанскаго погребенія; брата въ ту же ночь забрали жандармы. Хоть волкомъ вой вѣдь въ такомъ казусѣ; какъ быть, къ кому прибѣгнуть?.. И тутъ-съ неожиданно,— я-то впрочемъ объ этомъ ранѣе зналъ,— какъ кукла изъ табакерки выскакиваетъ молодчина, купецкій сынъ, извѣстный вамъ Провъ Ефремовъ Сусальцевъ, и, знаете, какъ въ пѣснѣ солдатской поется: „прилетѣлъ орелъ, все въ порядокъ привелъ“. Кого попросилъ, кого подмазалъ, похороны безпрепятственно справилъ, а послѣ похоронъ закатилъ въ городѣ,— Настасья Дмитріевна, да и та тоже, Антонина, ни за что̀ не хотѣли поминальнаго обѣда у себя въ домѣ,— закатилъ, говорю, пиръ въ три этажа, на который пригласилъ все наше чиновничество и земство и за шампанскимъ, вставъ въ ростъ, объявилъ намъ...

— И вы тамъ были? усмѣхнулся Троекуровъ.

— Какъ не быть! Я тутъ въ нѣкоторомъ родѣ главную роль играю; слушайте дальше!... Объявилъ намъ, говорю, что „онъ имѣетъ честь вступить чрезъ два дня въ бракъ со старшею дочерью того достойнаго лица, которому только-что отданъ послѣдній христіанскій долгъ, Антониной Дмитріевною Буйносовой, и считаетъ по этому случаю своимъ долгомъ

принести сердечное извиненіе своимъ *одноземцамъ и вообще достопочтеннѣйшимъ лицамъ здѣприсутствующимъ*"— такъ и выразился, буквально,—„за то, что не имѣетъ возможности пригласить ихъ на *свадебное торжество*, такъ какъ, вслѣдствіе семейнаго горя, *постигшаго* будущую жену его, торжество это можетъ произойти лишь въ самомъ тѣсномъ родственномъ кружкѣ „и, такъ сказать, *инкогнито*". Не вру, такъ и отпустилъ—нарочно, примолвилъ Ѳирсовъ,— потому малый онъ далеко не глупый и не безграмотный, а выдавать себя за простячка и тѣмъ легче людей морочить страсть любитъ!... Послѣ этого вынимаетъ онъ какое-то письмо изъ кармана, съ глубокимъ поклономъ передаетъ его мнѣ, я какъ разъ противъ него за столомъ сидѣлъ, и обращается торжественно съ рѣчью: „Позвольте-молъ, высокоуважаемый Николай Ивановичъ, передать вамъ заключающуюся въ этихъ собственноручныхъ строкахъ къ вамъ нареченной невѣсты моей Антонины Дмитревны просьбу ея, какъ не имѣетъ она никого въ эту минуту болѣе близкихъ ей, и по особому уваженію своему къ вамъ, сдѣлать ей честь принять на себя быть ей за отца при бракосочетаніи ея со мною, а также передать достойнѣйшей супругѣ вашей, Анфисѣ Дмитріевнѣ, таковую же просьбу удостоить быть у нея замѣсто матери..." И замѣтьте, шельмецъ, какъ ловко подвелъ, передавая мнѣ эту просьбу и письмо ея при всѣхъ и врасплохъ, чтобъ я, въ случаѣ чего, и предлога не успѣлъ найти къ отказу...

— Ну, и что же свадьба?

— Перво-наперво выѣхали мы туда, часу въ одиннадцатомъ, въ великолѣпномъ экипажѣ, ландо, который онъ прислалъ за нами. Проѣхали пятнадцать верстъ въ какія-нибудь двадцать пять минутъ; кони—черти! Хорошо-съ! Подкатили подъ крыльцо. Глядимъ, вышелъ встрѣчать насъ невообразимый франтъ какой-то, въ перчаткахъ, въ лакированныхъ ботинкахъ, усы въ сосульку помадою прикрученные. Шляпу снялъ, расшаркивается и мямлитъ что-то непонятное. А лицо— что твое яблоко печеное и ножки отъ ветхости подвертываются. Воззрился я въ него... Батюшки, да это Зяблинъ,—знаете, тотъ, что при старухѣ Аглаѣ въ должности помпадура со-

стоялъ; находится онъ теперь у Сусальцева въ томъ же Сицкомъ на положеніи не то пріятеля, не то метрдотеля... Поняли мы изъ его жестовъ, что хозяинъ насъ на верхъ проситъ. Пошли. По лѣстницѣ бѣжитъ навстрѣчу намъ *самъ*. Жену мою сейчасъ подъ руку и ведетъ въ гостиную знакомить съ невѣстой; та съ похоронъ отца за два дня предъ тѣмъ на жительство къ нему переѣхала. Очень любезна, само собой, благодаритъ насъ и, какъ настоящая уже хозяйка, предлагаетъ повести насъ и бывшихъ еще тутъ посаженыхъ *самого*, тетку его какую-то старую и дядю-глухаря, домъ осмотрѣть. *Самъ*, услыхавъ это, такъ и просіялъ. „На половину, говоритъ, князь Ларіона ведите"! Этотъ самый князь Ларіонъ Шастуновъ, значитъ, о которомъ вамъ извѣстно отъ Василія Григорьевича Юшкова; ну а что̀ онъ за баринъ былъ такой—моему Прову, разумѣется, не вѣдомо. „Пожалуйте", только говоритъ, и Анфису мою опять подъ руку... Вижу, и мнѣ тоже надо, подвернулъ локоть калачикомъ, подхватилъ Антонину,—зашагали... Ну-съ, палаты барскія—одно слово!.. И не съумѣю вамъ просто выразить, Борисъ Васильевичъ, какъ тяжело мнѣ тутъ стало вдругъ, сказалъ докторъ, и въ голосѣ его нежданно послышалась далеко не привычная ему невеселая нота.—Не родился я бариномъ, какъ вамъ извѣстно, и никакихъ особенно аристократическихъ инстинктовъ въ себѣ до сихъ поръ не замѣчалъ. А тутъ мнѣ какъ бы обидно за *прошлое* стало, за то, что̀ въ этихъ палатахъ со всѣхъ стѣнъ будто живымъ словомъ говоритъ... Сынъ этотъ Аглаинъ, шушера, должно быть, безмозглая, продалъ заглазно Сусальцеву имѣніе съ усадьбой все какъ-есть, со всѣмъ въ ней находившимся, не выговоривъ себѣ, хотя бы на память о родѣ своемъ, ни единой вещицы отъ предковъ... И все это такъ тутъ и осталось на этой половинѣ „князь Ларіона": портреты ихъ семейные, Матушка-Екатерина во весь ростъ, генералы на коняхъ въ звѣздахъ и лентахъ—времени ея орлы, бюсты мраморные, миніатюры, картины чудесныя...

— Знаю, перебилъ, сдвинувъ слегка брови, Троекуровъ,— я все это хотѣлъ купить у Шастунова послѣ смерти его матери, но онъ не согласился, и вслѣдъ затѣмъ, какъ меня

извѣстили, поспѣшилъ покончить съ Сусальцевымъ... Онъ очевидно *мнѣ* не хотѣлъ продать...

— Отчего такъ?

И у любопытнаго доктора такъ и запрыгали брови.

Борисъ Васильевичъ только плечомъ пожалъ, и мимолетная, не то презрительная, не то унылая усмѣшка скользнула подъ его полусѣдыми усами.

— Что̀ же Провъ Ефремычъ, спросилъ онъ тутъ же, — очень чуфарится доставшимся ему наслѣдіемъ Шастуновыхъ?

— Ходитъ кругомъ, какъ медвѣдь по гумну, пальцемъ тычетъ: „Взгляните, говоритъ, вотъ на этотъ портретецъ: *сочно* какъ писано!“ Про *сочность*-то онъ отъ кого нибудь слыхалъ, а кѣмъ писано и кто писаный—ничего онъ про то не знаетъ и ничего-то это ему не говоритъ. Батька его въ Вятской губерніи лыкомъ торговалъ, съ того богатѣть началъ что на 500 верстъ кругомъ липовые лѣса ободралъ, такъ что о нихъ теперь и помину въ тѣхъ мѣстахъ не осталось. Одну онъ эту родовую доблесть и завѣщалъ сынку. Такъ этотъ, знаете, ходитъ теперь посередь тѣхъ ликовъ мраморныхъ и писаныхъ, да и думаетъ, должно быть, про себя: „тѣ, съ коихъ васъ тутъ сняли, господа были большіе, воины знаменитые, кровью своей и дѣлами Россію великою сдѣлали, а вотъ я, вахлака-кулака сынъ, въ хоромахъ ихнихъ теперича хозяиномъ состою, потому, значитъ, пришло наше царство мужицкое, и *мы* теперь на мѣсто ихъ потомковъ сядемъ“...

Троекуровъ одобрительно кивнулъ на эти слова и спросилъ опять:

— Ну, а супруга его теперешняя что̀?

— Про нее что̀ говорить! Какъ рыба въ родной стихіи въ этой роскоши себя чувствуетъ; большая барыня изъ нея такъ свѣтомъ и свѣтитъ, хотя по званію и *купецкая жена* она теперь... Покажетъ она Прову видовъ, да и отполируетъ его при этомъ, пожалуй. Онъ, полагаю даже такъ, не безъ этого разсчета и жениться на ней вздумалъ, между прочимъ, потому, говорю, малый по природѣ далеко не глупый и не безъ амбиціи...

— А курьезный она экземпляръ женщинъ новой фор-

маціи, насколько я могъ замѣтить, когда она еще ѣздила сюда съ отцомъ, вдумчиво сказалъ Борисъ Васильевичъ: — изъ нея будто воздушнымъ насосомъ всю женскую *сущность* вытянули и въ жилы вмѣсто крови накачали какого-то vinaigre de toilette съ подмѣсью доли крѣпкой водки. Цинизмъ безсердечія, который она любитъ выказывать, совершенно въ ней искрененъ, и доходитъ у нея даже до извѣстнаго градуса дѣйствительной силы: она многихъ покоритъ въ теченіе своей жизни, но едва-ли найдется, кто покорилъ бы ее въ свою очередь.

— Я такихъ бы въ пеленкахъ еще придушивалъ! пробурчалъ съ сердцемъ Ѳирсовъ.

Собесѣдникъ его разсмѣялся:

— А еще посаженымъ отцомъ у нея былъ. Хорошъ!

— Былъ-съ, дѣйствительно, разсмѣялся и докторъ,—и не только посаженымъ, а и за шафера, противу всякаго закона, все время, почитай, выстоялъ.

— Какъ такъ?

— А такъ, что шаферомъ у невѣсты назначенъ былъ этотъ самый помпадуръ бывшій, Зяблинъ, да ужь больно ветхъ оказался на эту должность. Какъ вынесъ попъ вѣнцы, да пришлось ему руку, во всю длину вытянувъ,—рослая вѣдь она, знаете,—на цыпочки подняться съ этимъ вѣнцомъ надъ нею, не выдержалъ старый франтъ: ноженьки подогнулись, рука туда, сюда... Думаю, или по головѣ ее сейчасъ хватитъ обручемъ мѣднымъ, или самъ свалится. А рядомъ съ нимъ жениховъ шаферъ, родня ему какой-то, верзила здоровенный; ему бы, олуху, сейчасъ товарищу въ помощь притти, подхватить у него вѣнецъ другою рукой, да продержать, пока тотъ отдохнетъ, а онъ стоитъ истуканомъ, глазами въ затылокъ Прова упершись, не видитъ ничего. Ну, а я тутъ сзади съ Анфисою стою по званію нашему посаженыхъ. Вижу, плохо дѣло, подскочилъ, взялъ у Зяблина вѣнецъ, держу... А онъ и совсѣмъ осовѣлъ, отошелъ назадъ, на стулъ опустился... Я такъ все время и отбылъ за него, и кругомъ налоя за ними крутился... съ животомъ этто моимъ, можете себѣ представить! Анфиса моя чуть не задохлась, зажимая себѣ ротъ платкомъ, чтобы не наскандалить смѣхомъ на всю церковь... Ужь за то

что хохоту было потомъ, за завтракомъ, когда старый франтъ сталъ извиняться предъ новобрачной, увѣряя ее, что „зрѣлище счастія, ожидающаго единственнаго друга его, Прова Ефремовича, такъ глубоко взволновало его, что онъ не могъ удержать своихъ слезъ и, какъ въ туманѣ, передалъ *на нѣсколько мгновеній, не помнитъ кому*, вѣнецъ, который держалъ надъ головой *прелестной новобрачной*“... Ну-съ, а послѣ завтрака, поспѣшилъ докончить Ѳирсовъ, замѣтивъ выраженіе какъ бы нѣкоторой скуки на лицѣ своего патрона, — подкатилъ подъ крыльцо великолѣпный дорожный дормезъ, выписанный Провомъ по телеграфу изъ Москвы, единственно для переѣзда съ молодою женой изъ Сицкаго въ городъ, двѣнадцать верстъ всего-съ, а тамъ сѣли они на желѣзную дорогу и покатили.

— Куда?

— За границу.

— А! Надолго?

— Я вотъ съ этимъ самымъ вопросомъ обратился къ Прову; только вмѣсто него она мнѣ отвѣтила: „А сколько, говоритъ, *мнѣ* поживется!...“ Подольше бы, матушка, подумалъ я тутъ,—тѣмъ намъ пріятнѣй!..

— А вамъ что?

Онъ повелъ губами:

— Я все, знаете, въ виду нашего... Григорія Павлыча...

Борисъ Васильевичъ иронически усмѣхнулся:

— Дитятку отъ лихорадки оберегаете?

— Подальше отъ зла, все лучше, знаете...

— А мужественно схватиться съ нимъ грудь о грудь и побороть его — нѣтъ!.. Удивительное переживаемъ мы время! Сильныхъ бойцовъ оно даетъ лишь на гибель и преступленія, а въ противоположный лагерь подставляетъ однихъ какихъ-то... сладкопѣвцовъ Сикстинской капеллы, чтобы выразиться прилично, не годныхъ ни на какую борьбу, безвластныхъ надъ самими собою...

Онъ оборвалъ, примолкъ на минуту и договорилъ:—Если-бъ этой барынѣ вздумалось его только пальцемъ поманить, Григорій Павловичъ вашъ промучился бы и простоналъ бы сут-

ки цѣлыя, забившись въ какой-нибудь уголъ, а на другія помчался бы начетвереньках за нею за границу, хотя бы это должно было стоить жизни старику отцу его!..

Николай Ивановичъ Ѳирсовъ открылъ было ротъ для возраженія, но не нашелъ или не хотѣлъ высказать его и только вздохнулъ; вслѣдъ затѣмъ, вытащивъ часы, проговорилъ скороговоркой: „А мнѣ въ больницу пора“, и торопливо вышелъ изъ кабинета.

XIV.

И какъ вино, печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй.

Пушкинъ.

Борисъ Васильевичъ остался одинъ.

Онъ оперся локтемъ о ручку кресла и головой объ руку, закрылъ глаза—и впалъ въ глубокое раздумье...

Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ разстались мы съ нимъ, читатель, и десять съ того времени, когда онъ снова, генераломъ въ отставкѣ, водворился на постоянное жительство въ своемъ Всесвятскомъ, покидая его лишь изрѣдка для недолгихъ поѣздокъ за границу на морскія купанья или въ Рагацъ, гдѣ онъ лѣчился отъ испытываемыхъ имъ въ довольно сильной степени нервныхъ страданій, — послѣдствій тяжкой раны въ черепъ, полученной имъ въ лѣсахъ Люблинской губерніи, во время польскаго мятежа... Ему въ настоящую минуту минуло сорокъ семь лѣтъ. Не смотря на почти сплошную сѣдину волосъ его и бороды, онъ все еще казался свѣжъ и моложавъ на видъ; но въ глазахъ, глубоко ушедшихъ теперь подъ полукругъ бровей, не сверкалъ уже прежній, непреклонный блескъ стали; его замѣнилъ сдержанный, какъ бы безотрадный пламень мысли, прошедшей чрезъ суровую внутреннюю работу...

Тревога, причиненная ему телеграммой жены, безсонная ночь въ вагонѣ, разсказъ доктора о смерти старика Буйносова и наконецъ разговоръ о Гришѣ Юшковѣ, все это ударило опять по его нервамъ и болѣзненно натянуло ихъ... Онъ

былъ не доволенъ собою, „рѣзкостью“ сужденія, выговореннаго имъ сейчасъ о молодомъ человѣкѣ, горячую привязанность котораго къ себѣ онъ зналъ и въ которомъ самъ—давно-ли еще это?—видѣлъ будущаго зятя... Нѣтъ, конечно, не такого „нетвердаго на своихъ ногахъ“ спутника жизни нужно его Машѣ,—и „Александра Павловна согласится съ нимъ“... Но имѣлъ-ли право онъ, Троекуровъ, относиться такъ несниходительно къ тому, что̀ заставило бы, какъ выразился онъ, этого молодаго человѣка „побѣжать начетвереньках“ за чужою женой, за женщиной, къ тому же не любившею его? Ту же вѣковѣчную повѣсть безсмысленной или преступной, но поглощающей, но неодолимой страсти, не довелъ-ли онъ самъ ее нѣкогда до послѣдней страницы, и при какихъ условіяхъ, при какихъ отягчающихъ обстоятельствахъ! Гриша свободенъ;—*онъ* былъ женатъ, отецъ семейства, онъ губилъ—безпощадно сознательно, „мерзко“ губилъ—не одного себя, и не палъ окончательно въ бездну не по своей волѣ...

Много воды утекло съ той поры, но, благодаря-ли раздраженному состоянію его организма, или тому строгому, чтобы не сказать аскетическому, настроенію, которое уже давно владѣло имъ, воспоминанія о заблужденіяхъ его прошлаго принимали у него съ теченіемъ лѣтъ все болѣе и болѣе острый характеръ. На него находили иной разъ припадки душевной тоски, въ которыхъ онъ проникался какою-то нестерпимою злостью къ самому себѣ, ко всему „безсмыслію и грѣховности“ прожитой имъ жизни, и томился, и казнился ими, какъ какой-нибудь отшельникъ древней Ѳиваиды...

И теперь такія же ѣдкія воспоминанія проносились предъ нимъ. Но они бѣжали далѣе, захватывали періодъ времени, слѣдовавшій за отъѣздомъ его изъ Всесвятскаго, куда онъ въ тѣ дни думалъ никогда не вернуться... Онъ видѣлъ себя командиромъ полка среди враждебнаго края, гдѣ все кругомъ дышало измѣной, гдѣ въ глазахъ самихъ офицеровъ своихъ, смущаемыхъ доходившими до нихъ чрезъ Евреевъ листками Герцена *) и соціалистическою проповѣдью петербургскихъ

*) Въ ту пору въ *Колоколѣ* напечатано было, между прочимъ, презабавное въ напыщенной фразистости своей воззваніе Виктора Гюго „къ рус-

журналовъ, онъ читалъ недоумѣніе и колебаніе... Онъ весь отдался дѣлу своему, службѣ, вызывая примѣромъ своимъ ревность въ подчиненныхъ, строго затягивая узды распущенной до него дисциплины. Полку его суждено было принять удары первыхъ, еще вѣрившихъ въ себя, силъ поднявшагося возстанія. Банды были многочисленны, схватки упорны; солдаты выбивались изъ силъ, преслѣдуя чрезъ густые лѣса и болота по горло выроставшіе какъ изъ-подъ земли то здѣсь, то тамъ новые и новые сброды повстанцевъ. Троекуровъ былъ неутомимъ: въ тревожной, отвѣтственной боевой жизни онъ находилъ отводъ отъ тѣхъ мучительныхъ личныхъ помысловъ, которые глодали ему душу; чѣмъ-то былымъ, юнымъ, „кавказскимъ" вѣяло на него среди этихъ лѣсовъ *Холмщины*, изъ-за каждаго дерева которыхъ выглядывалъ врагъ, ожидался выстрѣлъ... И вотъ однажды — какъ живо помнилъ онъ этотъ день!—онъ, во главѣ двухъ ротъ, надъ которыми принялъ начальство самъ, выступилъ ночью въ походъ и, послѣ утомительнѣйшаго перехода во мракѣ по невѣдомымъ лѣснымъ тропинкамъ, очутился на зарѣ предъ помѣщичьею усадьбой, въ которой, какъ было ему донесено лазутчиками, имѣла ночевку довольно значительная банда инсургентовъ. Застигнутые врасплохъ, лишенные рачительно принятыми мѣрами возможности бѣжать въ какую бы то ни было сторону, повстанцы рѣшились отчаянно защищаться. Они засѣли въ двухъэтажномъ хозяйскомъ домѣ, въ службахъ, окружавшихъ его, въ хлѣвахъ и амбарахъ, и производили оттуда чрезъ всѣ отверстія убійственный огонь по осаждавшимъ. Изъ числа послѣднихъ человѣкъ уже тридцать выбыло изъ строя. Разъяренные солдаты натаскали подъ градомъ путь охапки соломы, сѣна и и щепокъ подъ входную, загроможденную изнутри, дверь дома—и зажгли ихъ... Дверь вспыхнула чрезъ нѣсколько мгновеній; огненные языки побѣжали вверхъ, цѣпляясь за рѣшетчатую дратву стѣнной облицовки, обнаружившейся изъ-подъ обвалившейся отъ выстрѣловъ глиняной штукатурки; дымъ чер-

скимъ солдатамъ" (sic!), которымъ „великій поэтъ" приглашалъ ихъ не сражаться противъ Поляковъ, возставшихъ-де во имя общей свободы ихъ родины...

ными клубами повалилъ въ окна, на половину заваленныя со стороны осажденныхъ всякими подушками и перинами... „Они сдадутся сейчасъ, или ни одному изъ нихъ не выйти оттуда живому“, сказалъ себѣ Троекуровъ. Онъ слѣзъ съ лошади, кинувъ поводья ея сопровождавшему его всюду конюху своему, Скоробогатову, — котораго, надѣемся, не забылъ читатель,—и стоялъ шагахъ въ тридцати напротивъ загоравшагося зданія, внимательно слѣдя за происходившимъ и постукивая машинально по высокому сапогу кончикомъ нагайки, висѣвшей у него по обыкновенію на кисти правой руки. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько минутъ изъ круглаго окна чердака подъ самымъ фронтономъ дома высунулась длинная жердь съ подвязаннымъ къ ней, въ видѣ парламентерскаго флага, бѣлымъ носовымъ платкомъ. Троекуровъ кинулся къ своимъ, вламывавшимся уже сквозь пламя на лѣстницу, съ поднятою рукой и громкимъ приказомъ: „Ребята, сдаются... Смотри, брать живыми, не колоть!“ И въ то же мгновеніе онъ услыхалъ за собою испуганный возгласъ Скоробогатова: „Берегись, ваше всеблагородіе!“ а надъ собой изъ втораго этажъ голосъ, кричавшій по-польски съ сильнѣйшимъ русскимъ акцентомъ: Пáльце (стрѣляйте), панòве, то самъ ихъ довудца (начальникъ) есть!“ Онъ быстро поднялъ голову на этотъ голосъ, показавшійся ему знакомымъ. Онъ узналъ теперь и говорившаго... Тотъ мгновенно свѣсился всѣмъ туловищемъ черезъ подоконникъ съ револьверомъ въ рукѣ и крикнулъ уже прямо по его адресу по-русски: „А, *нагаечникъ!* Такъ на-жь тебѣ!..“ Глаза Троекурова мгновенно застлало туманомъ, — онъ ничего уже далѣе не помнилъ...

Когда онъ, какъ узналъ это впослѣдствіи, на десятый день пришелъ въ сознаніе, была ночь. Онъ лежалъ на постели въ довольно просторной, незнакомой ему комнатѣ, освѣщенной низкою лампой, заставленною отъ него какимъ-то развернутымъ большимъ фоліантомъ, но тусклый пламень которой дозволилъ ему различить двѣ человѣческія фигуры, безмолвно и недвижно сидѣвшія у него въ ногахъ. Одною изъ нихъ былъ докторъ Ѳирсовъ, другою — жена... Онъ скорбно вспоминалъ теперь: онъ узналъ ее тотчасъ же и тутъ же за-

крылѣ поспѣшно глаза подъ наитіемъ какого-то досадливаго, чуть не злаго ощущенія. Онъ какъ-то сразу сообразилъ все: онъ былъ раненъ, она извѣщена была объ этомъ и пріѣхала, не теряя минуты, оставивъ дѣтей на рукахъ „какой-нибудь Лизаветы Ивановны",—пріѣхала съ домашнимъ врачомъ своимъ, со всѣми средствами къ успѣшному его врачеванію, съ несказанною тревогой въ душѣ, съ неотступною рѣшимостью не покидать его постели до его выздоровленія... или смерти... Ко всѣмъ винамъ его предъ нею присоединялась еще новая отвѣтственность за всѣ тѣ муки, которыя испытывала она теперь изъ-за него, присоединялась и тяжесть благодарности за ея *„непрошенное великодушіе"*...

И долго не былъ онъ въ состояніи одолѣть это чуть не враждебное чувство къ ней, къ этому преданному и тихому женскому существу, исхудавшему и блѣдному какъ наволока подушки, на которой покоилась его забинтованная голова, молча и не отрываясь глядѣвшему на него своими впалыми, казавшимися теперь огромными, темнокарими глазами. Долго еще, пользуясь своею дѣйствительною физическою слабостью, онъ притворялся, что не замѣчаетъ ея присутствія, избѣгалъ ея взгляда, не говорилъ ни съ ней, ни съ „ея" докторомъ, внушавшимъ ему теперь со своей стороны какое-то отвращеніе, и отвѣчалъ на ихъ вопросы отрывистыми междометіями, имѣвшими цѣлью отнять у нихъ надежду на дальнѣйшія объясненія... Но, угадывала или нѣтъ Александра Павловна то, что происходило на душѣ у ея мужа, онъ ни разу не могъ замѣтить въ выраженіи лица ея, въ тонѣ рѣчи или невольномъ движеніи какой-либо признакъ неудовольствія или тайнаго упрека. Онъ былъ живъ, спасенъ, рана шла къ лучшему,—ей ничего, казалось, другаго не нужно было... Она неслышною походкой скользила по комнатѣ, подносила ему безмолвно лѣкарство въ урочные часы, „перстами легкими какъ сонъ" приподымала и поддерживала больную голову его, когда полковой докторъ, спеціально пользовавшій своего раненаго командира, съ помощью Ѳирсова перемѣнялъ на ней перевязки, и словно вся сама, благоухающая какъ ландышъ въ смиреніи своемъ, горѣла при этомъ лишь трепетнымъ же-

ланіемъ, чтобъ онъ не замѣчалъ ея, не почиталъ себя обязаннымъ благодарностью за непрестанный, денный и нощный, уходъ ея за нимъ...

Онъ заснулъ какъ-то рано вечеромъ и проснулся глубокою ночью. Та же лампа за большимъ фоліантомъ мягко освѣщала комнату. Но Ѳирсова въ ней не было. Одна *она* сидѣла на обычномъ мѣстѣ, въ ногахъ его,—сидѣла, уронивъ голову на край его ложа, и онъ, вглядѣвшись въ абрисъ затылка ея и плечъ, увидѣлъ, какъ вся она вздрагивала отъ рыданій, которыя заглушала въ складкахъ одѣяла, покрывавшаго его... Безконечное чувство раскаянія и жалости охватило его въ эту минуту. „Саша"! проговорилъ онъ задрожавшимъ голосомъ... Она вскинула голову вверхъ, испуганно устремила на него глаза... „Прости меня"! прошепталъ онъ. Она вскрикнула, перекинулась черезъ кровать къ его рукѣ, прильнула къ ней—и такъ и замерла...

Мѣсяца чрезъ полтора онъ ѣхалъ съ нею въ покойномъ дорожномъ дормезѣ, à petites journées (онъ далеко не былъ еще въ состояніи переносить переѣзды по желѣзнымъ дорогамъ), на югъ, въ Италію, ища врачующей благодати солнца и уединенія... Они нашли ихъ въ маленькомъ городкѣ Пельи, на *Генуэзской рѣкѣ* *), огражденномъ отъ ненастій сѣвера полукругомъ поросшихъ пиніями горъ,—счастливомъ уголкѣ, „гдѣ *вѣчно* ясны небеса", гдѣ розы круглый годъ цвѣтутъ не отцвѣтая,

In grüner Laub die Gold-Orangen glüh'n,
Der Lorbeer hoch und still die Myrte steht **)...

Они поселились надъ городомъ, на Villa Doria, въ старомъ palazzo XVII вѣка, съ фресками на стѣнахъ, высокими залами и волшебнымъ видомъ на Геную и зеленоголубую даль

*) *Riviera di Genova* называется вся полоса моря, омывающая Лигурійскій берегъ, и раздѣляется на *Riviera di Ponente* (западная рѣка), идущую отъ *Порто-Фино* (высокой горы, возвышающейся надъ Генуэзскимъ заливомъ со стороны востока) и до самой Ниццы, и на *Riviera di Levante*, отъ того же Порто-Фино внизъ, къ Специи.

**) Гёте. Пѣснь Миньйоны.

Средиземнаго моря. Чрезъ двѣ недѣли затѣмъ Анфиса Дмитріевна Ѳирсова, сіяющая счастіемъ (она лишь за два мѣсяца предъ тѣмъ вышла замужъ за толстяка-доктора, сопровождавшаго со Скоробогатовымъ Троекуровыхъ за границу), съ нянею и Нѣмцемъ-курьеромъ, говорившихъ на всѣхъ языкахъ, привезли въ полномъ здравіи въ Пельи дѣтей изъ Всесвятскаго... Александра Павловна, какъ выражалась она, почувствовала себя теперь „какъ въ Царствѣ Небесномъ"...

Медленно между тѣмъ поправлялся раненый. Онъ вспоминалъ, какъ въ тѣ дни просиживалъ по цѣлымъ часамъ на террасѣ, подъ жгучимъ тепломъ италіянскаго зимняго солнца, устремивъ глаза на золотистую рябь тихо плескавшагося моря, безъ мысли, безъ движенія, „живя, какъ говорилъ онъ себѣ теперь, сладкою и тупою жизнью растенія". Его словно оковала здѣсь какая-то парализія психическихъ отправленій, отупѣніе ощущеній и сознанія... Въ такомъ состояніи провелъ онъ почти всю зиму... „Оттаетъ, погодите!" утѣшалъ никогда не унывавшій Николай Ивановичъ Ѳирсовъ Александру Павловну, начинавшую серьезно тревожиться.

Скоробогатовъ, исправлявшій теперь должность камердинера при своемъ „генералѣ" (Борисъ Васильевичъ произведенъ былъ въ этотъ чинъ за то самое дѣло, въ которомъ былъ раненъ, — дѣло, кончившееся полоненіемъ почти всей банды, застигнутой въ усадьбѣ,), каждый разъ, какъ входилъ къ нему утромъ со свѣжевычищеннымъ барскимъ платьемъ на рукѣ, вглядывался въ него избока своими узкими, татарскими глазками и, сердито отвернувшись вслѣдъ затѣмъ, мурлыкалъ себѣ что-то подъ носъ.

— Что̀ это ты? спросилъ его однажды, замѣтивъ это наконецъ, баринъ.

— Чтобъ *іому*, говорю себѣ, ваше превосходительство, неожиданно отвѣтилъ старый служивый, — шельмецу этому на томъ свѣтѣ ни дна, ни покрышки!

— Кому это?

— А что̀ вотъ сдѣлалъ вамъ такъ, что и по сейчасъ прежняго куражу не можете вы себѣ достать.

Глаза Троекурова усиленно заморгали... Въ первый разъ

въ эту минуту воскресало въ его памяти то, что̀ произошло съ нимъ *тогда*. Но онъ усиленно усмѣхнулся:

— Да, *угодили* меня ловко! какъ бы небрежно уронилъ онъ.

— А *кто*, полушопотомъ и подчеркивая молвилъ Скоробогатовъ, наклоняясь къ нему,—успѣли замѣтить?

— Нѣтъ! съ усиліемъ произнесъ Борисъ Васильевичъ.

— А я его призналъ, ваше пр... Самый тотъ есть шарлатанъ, съ подвязною бородой, изволите помнить, что̀ въ Крусановскихъ лугахъ кость вамъ перешибъ. Нашъ, Русскій, не то чтобъ изъ Поляковъ,—измѣнщикъ, стало быть... Не успѣлъ въ матушкѣ-Расеѣ набаламутить, такъ, значитъ, къ безмозглымъ къ эвтимъ въ слуги пошелъ... Бѣда! Стою этто я съ вашимъ рыжимъ, какъ вы изволили слѣзть, — гляжу, флагъ они выкинули: ну, думаю, пардону просятъ, наша взяла!... Вы тутъ сичасъ къ дому бросились, — а онъ, вижу, въ тотъ самый разъ подбѣгъ къ окну... Онъ, ваше превосходительство, онъ самый! Хоша въ чамаркѣ и на головѣ четыруголка ихняя, а я его издалечка сразу призналъ, — бѣлесый такой, плюгавый изъ себя... Подбѣгъ, говорю, своимъ что-сь кричитъ, а самъ перегнулся по-надъ васъ и изъ ривольвера сверху цѣлитъ... Я тутъ лошадь бросилъ, къ вамъ: „Брегись, кричу, ваше...!“ А вы, гляжу, ужь и съ ногъ валитесь... Ахъ ты, Господи!... И Скоробогатовъ отчаяннымъ движеніемъ ударилъ себя изо всей силы ладонями по бедрамъ...—Не дали-жь ему за то пардону солдатики, добавилъ онъ чрезъ мигъ, сверкнувъ глазами,—въ рѣшето *штыкамъ* искололи...

Троекуровъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ уперся въ него взглядомъ. Онъ хотѣлъ сказать что-то... и не могъ. Но старый солдатъ понялъ упрекъ, выразившійся въ этомъ взглядѣ:

— А что̀-жь ему, анаѳемѣ, другого сдѣлать, ваше пре—ство? возразилъ онъ недовольнымъ тономъ: — потому, первое сказать, Бога онъ своего забылъ, противу своихъ воевать пошелъ; а вторымъ дѣломъ, какъ же онъ, песъ, когда флагъ они выкинули,—сдаемся, значитъ, въ полонъ,—а онъ въ само-то время стрѣлитъ?.. Собакѣ, говорится, собачья и смерть, такъ ему и надо было! сурово заключилъ онъ.

— Разсказывалъ ты объ этомъ кому-нибудь здѣсь? спро-

силъ его Борисъ Васильевичъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Что̀-жь мнѣ разсказывать, ваше пре—ство! Самъ понимаю...

— Что̀ ты понимаешь?

И внезапная краска выступила на лицѣ Троекурова.

— Потому что̀-жь тутъ хорошаго, что вы *отъ своего* чуть смерти не получили!.. За Расею стыдно, ваше... добавилъ онъ въ видѣ объясненія.

— Хорошо, ступай... и чтобъ объ этомъ никому!...

— Слушаю-съ...

На летаргическое состояніе, въ которое погружена была до этой минуты мысль Троекурова, разговоръ этотъ произвелъ дѣйствіе электрической искры. Онъ какъ бы вдругъ встряхнулся весь, загорѣлся опять пламенемъ жизни... Но не на радость ему было это мгновенное воскрешеніе. Образъ „измѣнщика“, выстрѣлившаго въ него и исколотаго затѣмъ „въ рѣшето“ его солдатами, сталъ неотступно и болѣзненно преслѣдовать его теперь... „Почему такъ случилось“, спрашивалъ онъ себя съ какою-то странною, суевѣрною внутреннею тревогой,—„что среди вооруженнаго сброда повстанцевъ-Поляковъ я долженъ былъ натолкнуться именно на того единственнаго *русскаго* человѣка, которому убить меня могло доставить удовольствіе? Неужели приписать это тому чему-то безсмысленному, что̀ люди зовутъ „слѣпымъ случаемъ?“... Нѣтъ, слѣпыхъ случаевъ не бываетъ,—все тѣсно связано и органически истекаетъ одно изъ другаго въ этомъ мірѣ, причины и послѣдствія, зло и наказаніе, и законъ роковаго возмездія стоялъ не даромъ краеугольнымъ камнемъ въ вѣрованіяхъ древнихъ народовъ... Кто мнѣ докажетъ, что этотъ несчастный, стрѣляя въ меня, не былъ избраннымъ орудіемъ кары, назначенной мнѣ высшимъ опредѣленіемъ, послѣ чего погибъ самъ жестокою смертью за все то злое, что̀ совершено было имъ въ свою очередь на этой землѣ?..“

И то жгучее чувство самоосужденія, съ которымъ онъ въ Москвѣ, по полученіи письма отъ княжны Киры *), рѣшилъ

*) *Переломъ*. Часть IV. Глава XII.

уйти *ото всего* въ темные ряды арміи, разгоралось у него съ новою силой... Гроза тѣхъ страшныхъ дней навсегда повидимому миновала теперь. Не исполнилъ-ли онъ въ настоящее время, говорилъ онъ себѣ иронически, „все, что отъ *порядочнаго* человѣка требуется въ подобныхъ случаяхъ“: покаялся, просилъ жену простить ему, и она великодушно, безъ колебаній и условій, даровала ему это прощеніе... Но все-ли это, удовлетворенъ-ли *онъ* въ душѣ своей?... Нѣтъ, далеко не все! Состоялось примиреніе, вернулось согласное супружеское сожитіе; но обрѣлъ-ли онъ вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ „истинный *смыслъ* жизни“, котораго не доставало ему до сихъ поръ, ту высоту духовнаго подъема, которымъ опредѣляется этотъ смыслъ?.. „*Надѣть узду* на себя не трудно,—надо знать, для чего ты ее надѣваешь“, разсуждалъ Троекуровъ; „Александрѣ Павловнѣ никакой узды не нужно, чтобы находить въ себѣ удовлетвореніе, которое *та* (онъ разумѣлъ Киру,) и я тщетно искали всю жизнь. Не потому-ли это, что она вѣкъ свой думала о другихъ и забывала о себѣ“?..

Къ женѣ онъ испытывалъ теперь чувство совершенно для него новое—чувство какого-то набожнаго благоговѣнія. Душевный цвѣтъ ея будто впервые распустилъ предъ нимъ всѣ свои лепестки и охватилъ все существо его своимъ неотразимымъ ароматомъ... Чувство это выражалось у него наружно въ какой-то прилежной, какъ бы почтительной внимательности къ ней, къ ея словамъ и мнѣніямъ, къ малѣйшему желанію, которое онъ угадывалъ у нея. Прежній фамиліарный, легкій, чуть-чуть насмѣшливый тонъ его съ нею, тонъ первыхъ временъ супружества, въ которомъ сквозь нѣжность влюбленнаго мужа всегда невольно проглядывало сознаніе умственнаго превосходства его надъ нею, замѣнилъ теперь оттѣнокъ постоянной серьезности и уважительности въ отношеніяхъ, въ разговорахъ его съ нею, будто боялся онъ оскорбить шутливымъ или легкомысленнымъ словомъ ту чистую святыню, которую носила она въ себѣ. Онъ будто постоянно ждалъ отъ нея какихъ-то откровеній, какихъ-то „свѣточей въ ночи“... Александра Павловна—все та же неизмѣнная „Сашенька“ первыхъ дней—весьма скоро замѣтила эту перемѣну,

но она не польстила ей, не обрадовала ея,—она ее страшно испугала. Она почуяла, что этотъ „сильный, умный человѣкъ“, мужъ ея, чего-то требуетъ теперь отъ нея, требуетъ именно, объяснила она себѣ тутъ-же, того же „*умнаго*, что̀ находилъ онъ у Киры“... и чего „откуда же я ему возьму“? съ отчаяніемъ восклицала она внутренно... И вся она какъ улитка ушла вслѣдъ за этимъ въ свою скорлупку...

Увы, благосклонныя читательницы мои, между этими супругами, которыхъ бурная волна жизни вынесла, казалось, благополучно къ новымъ медовымъ берегамъ, стало съ этой минуты какое-то роковое недоразумѣніе, образовался провалъ, которому съ теченіемъ времени суждено было все упорнѣе итти въ глубь. То, что̀ по всѣмъ даннымъ должно было послужить къ тѣснѣйшей связи между ними, чуть не разводило ихъ опять. „Не то, не то“, сказывалось въ душѣ Сашеньки въ отвѣтъ на благоговѣйную внимательность къ ней мужа,— „не то, что въ тѣ счастливыя времена, когда сажалъ онъ меня на колѣни и говорилъ: „Ну, разсказывай, глупая моя дѣвочка“! Онъ кается, бѣдный, ему все еще стыдно предо мной, потому что онъ честный, благородный, и я ему навсегда простила все, все... но онъ *ее* все еще помнитъ, ему все хочется найти во мнѣ то, что̀ было въ *ней*, а я не могу, не могу“, заключала она со мгновенно проступавшими у нея изъ глазъ слезами. „Она родилась ангеломъ милости и всепрощенія“, говорилъ въ свою очередь мысленно Троекуровъ,—„но *забыть* все же она не въ состояніи. Согнутый листъ бумаги, какъ ни расправляй его потомъ, сохраняетъ навсегда слѣдъ своей складки; въ такой нѣжной душѣ, какъ ея, согнутому не разогнуться до самой смерти. Прошлое обаяніе исчезло... Прежняго довѣрія... прежняго счастія она уже не въ силахъ мнѣ дать“!.. Оставалось довольствоваться, какъ съ горечью выражался онъ мысленно, „внѣшнимъ обрядомъ супружескаго благополучія“...

Они вернулись въ Россію. Борисъ Васильевичъ со страстною жадностью погрузился въ дѣло управленія своими обширными помѣстьями. Онъ весь былъ полонъ теперь помысловъ „о другихъ“ и рѣшимости осуществить ихъ на практикѣ.

Годы проходили. Многаго успѣлъ онъ достигнуть, — еще болѣе посѣяннаго имъ осталось безплоднымъ, благодаря новымъ условіямъ быта нашей бѣдной родины... Но онъ не отчаивался, онъ упорно шелъ впередъ въ своихъ планахъ экономическаго и нравственнаго преуспѣнія зависѣвшаго отъ него сельскаго и рабочаго населенія...

Годы проходили, но „согнутое“ все также не разгиналось; между женой его и имъ состояло все то же густое облако недоразумѣнія, для разсѣянія котораго достаточно было бы, можетъ быть, одного слова, одного освѣщающаго слова... Но такія слова почему-то никогда не срываются съ устъ нашихъ, когда они нужны... Троекуровы мало-по-малу какъ бы сжились съ этимъ положеніемъ. Для обоихъ ихъ проходила уже пора, когда человѣкъ дерзко и упорно требуетъ у судьбы личнаго, непосредственнаго счастія. У нихъ подростали дѣти,— подростала красавица-Маша, въ которой отецъ ея съ тайнымъ восхищеніемъ узнавалъ всю душевную прелесть ея матери съ чѣмъ-то болѣе полнымъ, болѣе широкимъ...

Образъ ея въ эту минуту проносился въ мысленномъ представленіи Бориса Васильевича. Стянувшіяся на лбу морщины мгновенно разсѣялись, и тихая улыбка пробѣжала по его губамъ. Онъ поднялъ вѣки.

Кто-то стучался къ нему въ дверь изъ гостиной и спрашивалъ его оттуда:

— Можно войти?

— Конечно! поспѣшилъ онъ отвѣтить, узнавая голосъ жены и вставая итти навстрѣчу ей.

Она была все еще очень хороша, не смотря на нѣкоторую опухлость очертаній, причину которой слѣдовало приписать гораздо болѣе безтревожію деревенской жизни, чѣмъ тому, что̀ названо Расиномъ „des ans l'irréparable outrage“. Ей было еще только тридцать четыре года... Ея глаза „волоокой Геры“ глядѣли все такъ же строго и прямо, но въ складкахъ губъ было что-то невыразимо мягкое и притягательное... Губы эти какъ бы слегка подергивало теперь отъ волненія:

— Мнѣ сейчасъ, тревожно заговорила она, входя,—доложили, что пріѣхала Настенька Буйносова,—ты помнишь, la ca-

dette, которая ходила за отцомъ... Онъ такъ ужасно погибъ,— разсказывалъ тебѣ Николай Иванычъ?... Ей вѣрно что-нибудь нужно, и я велѣла скорѣе просить ее. Но она приказала отвѣтить, что желаетъ *тебя* видѣть... Ты никогда ихъ не любилъ... но она такъ несчастна теперь... Ты позволишь пригласить ее къ тебѣ?

— Для чего спрашивать, Alexandrine? само собою!...

— Такъ я скажу...

Она повернулась итти и, пріостановясь на пути, проговорила съ радостною усмѣшкой:

— Васю Николай Иванычъ пустилъ въ садъ гулять.

Онъ кивнулъ на это, усмѣхнувшись тоже, и спросилъ:

— А Маши все еще нѣтъ?

— Вѣдь разъ верхомъ, она вѣчно на полдня пропадетъ! чуть-чуть поморщившись, проговорила Александра Павловна и вышла.

XV.

Троекуровъ прошелъ самъ въ гостиную встрѣчать пріѣзжую.

Блѣдная, осунувшаяся, вся въ черномъ, она была видимо нѣсколько смущена, входя, но также видимо поборола тутъ же рѣшительнымъ усиліемъ это смущеніе и, пожавъ слегка дрожавшими пальцами протянувшуюся къ ней руку хозяина, проговорила твердо и спокойно:

— Васъ вѣроятно должно удивить то, что вы видите меня у себя, Борисъ Васильевичъ, но...

— Прежде всего я этому искренно радъ, Настасья Дмитріевна, перебилъ онъ ее дѣйствительно *искреннимъ* и участливымъ тономъ, какъ-то сразу заполонившимъ ее: — я былъ въ отсутствіи, вернулся только сегодня и сейчасъ узналъ отъ Николая Ивановича Ѳирсова о вашемъ несчастіи. Но не пройти-ли намъ ко мнѣ въ кабинетъ; тамъ намъ будетъ удобнѣе разговаривать...

Въ кабинетѣ онъ усадилъ ее на мягкій диванъ и сѣлъ самъ на стулъ противъ нея, ожидая, что̀ она скажетъ.

Она начала не сейчасъ, какъ бы сосредоточиваясь и колеблясь:

— Смерть отца—не одно несчастіе, павшее на меня, Борисъ Васильевичъ; въ ту же ночь—вамъ вѣроятно извѣстно?—брата моего увезли жандармы.

Троекуровъ повелъ утвердительно головой.

— Я о немъ... о моемъ братѣ пріѣхала говорить съ вами, вымолвила она черезъ силу.

Онъ съ невольнымъ въ первую минуту изумленіемъ глянулъ ей въ глаза...

Она поняла и, внезапно оживляясь:

— Я знаю, вамъ это можетъ показаться... безсмысленнымъ съ моей стороны, воскликнула она скорбно зазвенѣвшимъ голосомъ: — но я теперь... я одна на свѣтѣ, не знаю, къ кому обратиться за совѣтомъ... за помощью.

Онъ порывисто ухватилъ ее за обѣ руки и крѣпко пожалъ ихъ:

— Что̀ могу я для васъ сдѣлать, Настасья Дмитріевна?

— Спасти его, если можете!

— *Какъ?* вѣско проговорилъ онъ.

Она опять замедлила отвѣтомъ, какъ бы соображая, что̀ именно хотѣлъ онъ выразить этимъ вопросомъ. Печальные глаза ея поднялись на мигъ на Троекурова и снова опустились...

— Я не знаю, заговорила она наконецъ, прерываясь чуть не на каждомъ словѣ,—я рѣшилась обратиться къ вамъ, потому что мнѣ извѣстно... Григорій Павлычъ Юшковъ мнѣ самъ это разсказывалъ... когда онъ студентомъ еще попался за прокламаціи... онъ вамъ одолженъ былъ... что его выпустили... Вы, конечно, можете мнѣ возразить, что Григорій Павлычъ другое дѣло, что ваши семейныя отношенія, дружба съ его отцомъ...

— И прежде всего, договорилъ за нее Троекуровъ, насколько могъ мягче,—и прежде всего *увѣренность*, подчеркнулъ онъ,—что его *революціонерство* было лишь временнымъ безразсудствомъ молодости, которое не имѣло и не могло пустить въ немъ корней, что заключенія недѣльки на двѣ межъ четырехъ стѣнъ будетъ совершенно достаточно какъ для наказанія, такъ и для отрезвленія его. Такъ поняли и въ Петербургѣ тогда, и его мальчишество не имѣло для него болѣе серьезныхъ послѣдствій.

Онъ примолкъ на время, сосредоточиваясь въ свою очередь, пытливо глянулъ ей въ лицо и продолжалъ:

— Брата вашего я совсѣмъ не знаю... не видалъ даже никогда, кажется. Но вамъ я *вѣрю*, Настасья Дмитріевна,

произнесъ онъ съ удареніемъ,—и ото всей души желалъ бы помочь вамъ. Если вы дадите мнѣ честное слово, что братъ вашъ такой же не совсѣмъ твердый на ногахъ, но не испорченный въ корень молодой человѣкъ, попавшійся въ сѣти, разставленныя ему какимъ-нибудь негодяемъ-товарищемъ, какъ было это тогда съ Юшковымъ, я обѣщаю вамъ сдѣлать для него все, что̀ сдѣлалъ... что̀ былъ въ состояніи сдѣлать для того въ свое время... Порядки по политическимъ дѣламъ, если вамъ извѣстно, усложнены теперь участіемъ въ нихъ суда; за успѣхъ моего ходатайства я могу отвѣчать еще менѣе, чѣмъ прежде... Но все равно, я готовъ поѣхать въ Петербургъ, обратиться къ министру юстиціи,—я его знаю давно... и за отличнаго человѣка,—словомъ, сдѣлать все, что̀ отъ меня зависитъ... Но мнѣ для этого надо ваше слово, Настасья Дмитріевна, заключилъ онъ.

Она сидѣла растерянная, глядя на него во всѣ глаза: что̀ должна... что̀ могла она отвѣтить ему?

— Братъ мой не „негодяй“, пробормотала она, ухватываясь въ своемъ смущеніи за одно изъ выраженій, употребленныхъ имъ сейчасъ, нисколько не относившееся къ ея брату:— онъ заблуждается, я признаю... Но побужденія его чисты и высоко честны!...

Глаза у Троекурова усиленно заморгали:

— Вѣсъ и значеніе словъ, сказалъ онъ,—такъ передерганы у насъ въ послѣднее время, что въ нихъ разобраться трудно. Я оставлю поэтому совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, что̀ слѣдуетъ въ дѣйствительности разумѣть подъ „*чистотой*“ и „*высокою честностью* побужденій“ вашего брата. Въ виду того, для чего вамъ пришла добрая мысль обратиться ко мнѣ, мнѣ нужно знать только одно: полагаете ли вы, что онъ въ состояніи отказаться отъ этихъ своихъ „побужденій“ и всего того, что̀ изъ нихъ исходитъ въ его теперешнемъ катихизисѣ, или нѣтъ?

Она судорожно заломила скрещенные пальцы своихъ блѣдныхъ рукъ:

— Что̀ мнѣ сказать, какъ отвѣчать за него!... Я знаю только, что его взяли... что его сошлютъ...

— Думаете-ли вы, что это будетъ несправедливость? спросилъ онъ.

Она пристально воззрилась въ него и какъ-то неожиданно для самой себя воскликнула:

— Нѣтъ, я этого не думаю... но *простить* всегда можно!...

— „Простить", повторилъ онъ,—прекрасно! Что̀ же, братъ вашъ послѣ такого прощенія отказался бы отъ революціонной пропаганды и обратился бы въ мирнаго гражданина?

Она безсознательно вздрогнула: послѣдній разговоръ съ „Володей", его заключительныя слова во всемъ ихъ ужасѣ пронеслись у нея теперь въ памяти:

— Не знаю... прошептала она чуть слышно.

— Изъ вашего отвѣта, извините меня, молвилъ на это помолчавъ Троекуровъ,—я, кажется, имѣю право заключить безъ ошибки, что тотъ, о „прощеніи" котораго вы хлопочете, не сбитый временно съ толку юноша, но убѣжденный, непримиримый врагъ существующаго порядка и можетъ быть удовлетворенъ только полнымъ разрушеніемъ его. Такъ это?

Онъ ждалъ отвѣта.

— Пропаганда *ихъ* безвредна, нежданно отвѣтила вмѣсто этого отвѣта дѣвушка,—и сами они это теперь видятъ. Народъ не принималъ ихъ и выдавалъ властямъ.

Не то печальная, не то ироническая улыбка пробѣжала по лицу ея собесѣдника:

— А властямъ въ свою очередь надлежало возмутителей отпустить на всѣ четыре стороны, дабы народъ зналъ, что то, что̀ онъ извѣка, вмѣстѣ со своими правителями, разумѣлъ дѣломъ преступнымъ, правители эти теперь считаютъ безвредною шалостью, что они слишкомъ *гуманны* и *либеральны* стали, подчеркнулъ онъ,—чтобъ осмѣлиться мыслить и поступать такъ же безхитростно и здраво, какъ онъ, какъ этотъ народъ?... Вѣдь такъ это выходитъ по вашему Настасья Дми...

Онъ не успѣлъ договорить. Двери изъ его библіотеки шумно распахнулись настежъ и изъ нихъ вылетѣла молодая дѣвушка со шлейфомъ амазонки, перекинутымъ на руку, и въ маленькой круглой мужской шляпѣ, тутъ же слетѣвшей наземь съ

прелестной, будто выточенной головки въ порывистости движенія, съ которою она кинулась къ Борису Васильевичу:

— Папа, голубчикъ, ты вернулся, какъ я счастлива! лепетала она низкимъ груднымъ голосомъ, охватывая шею отца обѣими руками и звонко, на всю комнату, цѣлуя его въ обѣ щеки: — мы только-что во дворъ вскакали со Скоробогатовымъ, а Анфиса Дмитріевна мнѣ изъ флигеля въ окошко кричитъ: „генералъ пріѣхалъ!"... Я сейчасъ поняла почему — и прямо помчалась къ твоему крыльцу... Et me voilà! расхохоталась она, раскидывая руки врозь: — тебя напугала телеграмма maman, да? Она отправила ее безъ меня, я бы никогда не допустила...

— Ты не видишь, что у меня гости, Маша? прервалъ онъ ее съ улыбкой, словно солнечнымъ лучомъ озарившею ему все лицо, поворачивая ее за плечо лицомъ къ Настасьѣ Дмитріевнѣ, глядѣвшей въ свою очередь со своего мѣста на дѣвушку глазами, полными невольнаго восхищенія.

Она была въ самомъ дѣлѣ очаровательна. Высокая, широкоплечая и тонкая, бѣлокурая какъ былъ отецъ, съ болѣе яркимъ, чѣмъ у него, золотистымъ оттѣнкомъ цѣлаго лѣса волосъ, двумя толстосплетенными косами падавшихъ у нея до колѣнъ, съ темными, какъ у матери, глазами и бровями, она была свѣжа какъ майская роза и здорова какъ горный воздухъ... Ей еще четырехъ мѣсяцевъ не хватало до полныхъ шестнадцати лѣтъ, но она была развита физически какъ восемнадцатилѣтняя особа и уже года полтора носила длинныя платья по настоянію отца, находившаго „смѣшнымъ, ridicule", говорилъ онъ,—„одѣвать ее ребенкомъ, когда она успѣла на полголовы перерости мать", и къ нѣкоторому неудовольствію Александры Павловны, вѣрной старымъ традиціямъ, которую покойная Марья Яковлевна Лукоянова одѣвала въ коротенькія юпочки и панталончики до шестнадцатилѣтняго возраста невступно.

— Ахъ, Боже мой, mademoiselle Буйно... Настасья Дмитріевна, вспомнила она, быстро подбѣгая къ гостьѣ съ протянутою рукой,—какъ я васъ давно не видала!..

— Давно! конфузливо улыбаясь, отвѣтила та, пожимая ея

цальцы; — я бы васъ не узнала, вы такъ выросли... и волосы совсѣмъ будто другаго оттѣнка стали: они у васъ теперь цвѣта спѣлаго колоса...

Троекуровъ утвердительно закивалъ:

— Blonde comme les blés, промолвилъ онъ смѣясь.

„Que je l'adore et qu'elle est blonde"... — Чистыми, звучными контральтовыми нотами залилась вдругъ во всю грудь Маша... И тутъ же, покраснѣвъ по самые глаза, съ заблиставшими мгновенно на рѣсницахъ росинками слезъ, схватила обѣ руки гостьи, прижала ихъ къ себѣ...

— Простите, простите! воскликнула она:—вы въ траурѣ... я знаю, у васъ умеръ отецъ, а я, сумасшедшая...

Она также мгновенно опустилась, уронила себя въ сосѣднее кресло и закрыла себѣ ладонями лицо.

Настасью Дмитріевну это ужасно тронуло. Въ этомъ домѣ, о которомъ еще такъ недавно она съ такою желчью отзывалась доктору Ѳирсову, она чувствовала себя теперь какъ бы охваченною нежданно цѣлою атмосферой искренняго благоволенія и участія къ ней... Она невольнымъ движеніемъ нагнулась къ дѣвушкѣ, притронулась къ ея локтю...

Та откинула руки, повернулась къ ней вся прямо:

— Поцѣлуйте меня, чтобы доказать, что вы на меня не сердитесь!.. И сама горячо прижалась къ ея изможденному лицу своими свѣжими губами...

— Настасья Дмитріевна, я увѣренъ, не сердится на тебя, потому что уже успѣла узнать тебя насквозь, сказалъ ей отецъ, продолжая счастливо улыбаться: — coeur d'or et tête folle.

— Да, maman меня за это всегда *пилитъ*, за мои extravagances, жалобно проговорила Маша по адресу Настасьи Дмитріевны.

Та не могла оторваться глазами отъ нея:

— Вы катались верхомъ? спросила она ее.

— То-есть, какъ „катались"? возразила дѣвушка какъ бы чуть-чуть обиженно,—я по дѣлу ѣздила.

— Куда? сказалъ Троекуровъ. И по тону вопроса гостья

поняла, что онъ совершенно серіозно относился къ сказанному дочерью.

— Къ отцу Алексѣю, въ Блиново, отвѣчала она,—насчетъ Евлаши Макарова... Вообразите, обратилась она снова къ Настасьѣ Дмитріевнѣ, — мальчуганчикъ необыкновенно способный, нравственный,—онъ у насъ тутъ въ школѣ на заводѣ первый ученикъ былъ,—и вдругъ мать вздумала отдать его на бумагопрядильную фабрику въ Серпуховъ. А тамъ дѣти безо всякаго призора и ученія, и страшное пьянство между рабочими; это значитъ погубить мальчика! Я и поѣхала къ отцу Алексѣю, — его крестьяне тамъ всѣ очень уважаютъ, чтобъ онъ уговорилъ его мать оставить Евлашу здѣсь... Ее какой-то братъ тамъ въ Серпуховѣ съ толку сбиваетъ...

— Что-жь отецъ Алексѣй?

— Ахъ, папа, онъ очень жалуется, бѣдный! Ты помнишь, онъ добился, что Блиновскіе положили приговоромъ, какъ у насъ давно во Всесвятскомъ, закрыть бывшій у нихъ кабакъ, и ужасно этому радовался. Дѣйствительно, онъ говоритъ, ползимы прошло какъ нельзя лучше, безо всякихъ „скандаловъ", какъ онъ выражается; сами крестьяне очень довольны были и благодарили его. Только узналъ объ этомъ въ Царствѣ Польскомъ Троженковъ и велѣлъ поставить у себя постомъ кабакъ на самой межѣ Блиновскихъ. „Съ тѣхъ поръ, говоритъ отецъ Алексѣй, хуже прежняго пошло... Двѣ семьи на прошлой недѣлѣ опять тамъ положили раздѣлиться осенью"... Онъ просто въ отчаяніи... Ахъ, чтобы не забыть: я ему про твою мысль о страхованіи урожая сообщила...

— А! Что же онъ говоритъ?

— Говоритъ „превосходно", но что, по его мнѣнію, это дѣло „всероссійское", а не одного уѣзда или даже губерніи, а тѣмъ болѣе одного хозяйства, какъ бы пространно оно ни было, что этимъ слѣдуетъ серіозно заняться правительству...

— Еще бы! воскликнулъ съ живостью Борисъ Васильевичъ:— я записку объ этомъ въ прошломъ году въ Петербургъ послалъ... И, само собою, она тамъ такъ и погибла въ какомъ-нибудь департаментскомъ *столѣ*... Виноватъ, Настасья Дми-

тріевна, перебилъ онъ себя, — мы тутъ съ дочерью о своихъ дѣлахъ, будто никого третьяго нѣтъ...

Она не успѣла отвѣтить.

Маша съ обычною ей стремительностью вскочила съ мѣста:

— А мнѣ еще къ maman нужно: она не знаетъ, что я вернулась, и вѣрно безпокоится, selon son habitude...

И она побѣжала къ двери гостиной... но, не добѣжавъ, обернулась къ отцу:

— Папа, а я Григорія Павлыча видѣла!

— Гдѣ?

— Встрѣтились на дорогѣ. Онъ по своей должности (Юшковъ служилъ непремѣннымъ членомъ въ уѣздной управѣ,) ѣхалъ какія-то свѣдѣнія собирать. Онъ сказалъ мнѣ, что Павлу Григорьевичу совсѣмъ лучше, а что самъ онъ сюда къ обѣду будетъ... Будетъ, будетъ, будетъ, чуть-чуть не запѣла опять Маша, но сдержалась, и со словами: „я сейчасъ вернусь, Настасья Дмитріевна!“ выпорхнула изъ комнаты.

— Какая она у васъ прелесть, Борисъ Васильевичъ! вырвалось неудержимо, едва она исчезла, у Буйносовой.

— Д-да! протянулъ онъ съ благодарнымъ взглядомъ:—даровита и дѣльна не по лѣтамъ, не смотря на все свое ребячество...

Онъ замолкъ и задумался...

Что-то будто кольнуло теперь Настасью Дмитріевну. „Что̀ же однако я здѣсь дѣлаю?“ вспомнила она: „въ Володиномъ дѣлѣ онъ мнѣ, какъ я предчувствовала, помочь отказывается, и я за это винить его не могу,“ прошепталъ ей внутренній голосъ: „а за тѣмъ что-же у меня общаго *со всѣми ими!*“... Но, странное дѣло, ей вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось уѣзжать...

Она тѣмъ не менѣе двинулась на своемъ диванѣ съ намѣреніемъ встать и проститься, когда Маша влетѣла опять въ кабинетъ, запыхавшаяся отъ быстраго бѣга черезъ весь домъ:

— Настасья Дмитріевна, ужасно торопясь заговорила она:— maman велѣла васъ спросить, позволите-ли вы ей возобновить знакомство съ вами? Ей очень хочется и, если вы согласны, она сейчасъ придетъ къ вамъ сюда.

— Ахъ, Боже мой, зачѣмъ же! воскликнула та, ужасно сму-

тившись отъ мысли о неучтивости, сдѣланной ею, когда, по пріѣздѣ своемъ, на приглашеніе слуги „пожаловать къ *генеральшѣ*“ она весьма сухо отвѣтила, что „желаетъ видѣть Бориса Васильевича Троекурова“, и, быстро подымаясь съ мѣста:—я пойду къ ней, если *она позволитъ*, подчеркнула она.

— Ступайте, ступайте, Настасья Дмитріевна! съ какою-то отеческою ласковостью въ звукѣ голоса сказалъ ей на это Троекуровъ: — если кто-либо способенъ понимать и умягчать чужое горе, такъ это конечно Александра Павловна.

XVI.

Какъ это сдѣлалось, Настя Буйносова не съумѣла бы сказать, но колоколъ въ столовой звонилъ къ обѣду, а она все еще сидѣла въ маленькомъ будуарѣ хозяйки дома, вдвоемъ съ нею, какъ бы вовсе забывъ, что на свѣтѣ есть нѣчто, называемое временемъ. То, что̀ испытывала она теперь, похоже̇ было на блаженное состояніе усталаго и измерзшаго въ долгомъ зимнемъ странствованіи путника, погружающагося изнемогшимъ тѣломъ въ теплую и благовонную ванну. Задушевный обиходъ ея собесѣдницы, сердечность ея незатѣйливой рѣчи и неотразимая улыбка, глухая тишина уютнаго покоя, въ которомъ бесѣдовали онѣ, самая обстановка его, не рѣзавшая глаза своею роскошью, но ласкавшая взглядъ гармоніей и изяществомъ общаго ея тона, убаюкали скорбную душу дѣвушки. Накипь раздраженія и муки, нанесенная въ нее годами неумолчной тревоги, семейнаго разлада и унижающей нужды, распускалась въ какомъ-то давно, или, вѣрнѣе сказать, никогда еще невѣданномъ ею чувствѣ внутренняго затишья. Она словно переставала быть прежнею собою и втягивалась вся въ этотъ чужой, но уже какъ бы близкій и дорогой ей міръ иныхъ, мирныхъ чувствъ, иныхъ привычекъ, иныхъ помысловъ и задачъ... „За что̀ же я *ихъ* такъ не любила, что̀ именно не нравилось мнѣ у *нихъ*“? проносилось у нея урывками въ мозгу,—и она никакъ теперь уяснить себѣ этого не могла... Она только-что передала Александрѣ Павловнѣ, какъ послѣ похоронъ отца дошла до такого изнуренія, что не могла даже быть на свадьбѣ у сестры и пролежала у себя три дня одна-

одинешенька въ Юрьевѣ, не имѣя силы двинуться ни единымъ членомъ, въ какомъ-то каталептическомъ состояніи, — почувствовала себя получше только третьяго дня, „и едва," говорила она, „вернулась способность думать, мысль о братѣ заныла во мнѣ съ такою силой, что я готова была сейчасъ же хоть пѣшкомъ отправиться въ Петербургъ... Но что̀ могла бы я тамъ сдѣлать одна, всѣмъ чужая?... И тутъ я вспомнила разсказъ Григорья Павловича Юшкова о томъ, что̀ сдѣлалъ для него вашъ мужъ когда-то... и цѣлый день вчера промучилась въ колебаніи: обратиться къ нему, или нѣтъ?..."

— Боже мой! даже воскликнула Александра Павловна:— что̀ же могло васъ остановить?

— Теперь мнѣ самой это почти смѣшно кажется, съ откровенною усмѣшкой отвѣтила Настасья Дмитріевна, — но вчера я была еще подъ впечатлѣніемъ прежняго... а прежде, я вамъ прямо признаюсь, Александра Павло́вна, мнѣ *тяжело* было здѣсь.

Та вдумчиво остановила на ней свои большіе глаза:

— Я васъ понимаю. Вамъ приходилось переносить столько мученія и лишеній, а у насъ всего *слишкомъ много*, и мы кажемся такими счастливыми, сказала она, выражая говорившее въ ней глубоко христіанское чувство этими наивными, въ свѣтскомъ смыслѣ почти неумѣстными словами.

— „Кажетесь?" повторила дѣвушка съ изумленіемъ:—неужели только?..

Троекурова слегка смутилась и покраснѣла:

— Полное счастіе — въ небѣ, а здѣсь у каждаго свой крестъ и, по мѣрѣ силъ, дано каждому... И за все надо благодарить Бога! заключила она поспѣшно, увидавъ входившаго слугу.

— Кушать подано, доложилъ онъ: — господа въ столовой дожидаются.

— Пойдемте скорѣе! молвила хозяйка, вставая; — мы заболтались и прослышали звонъ, а имъ тамъ всѣмъ ѣсть хочется...

— Что̀ же это такое! всклинула растерянно Настя, — сколько наконецъ времени я у васъ сижу!

— Чѣмъ долѣе, тѣмъ лучше, возразила хозяйка, пропуская руку подъ ея локоть и увлекая ее съ собою къ двери. Настасья Дмитріевна не противилась...

Въ столовой онѣ нашли въ сборѣ весь домашній кружокъ Всесвятскаго. Только-что пріѣхавшій Гриша Юшковъ разговаривалъ спиной къ двери съ Машей, стоявшею въ амбразурѣ окна, сквозь которое косой лучъ клонившагося къ западу солнца обливалъ ея молодую красоту какимъ-то побѣднымъ пурпурнымъ сіяніемъ. Она ему передавала что-то съ большимъ оживленіемъ, разводя руками и глядя ему прямо въ лицо весело сверкавшими глазами... Увидавъ входившихъ, она бросила его, кинулась къ гостьѣ и возгласила громогласно, указывая рукой на молодаго человѣка:

— Настасья Дмитріевна, а вотъ и Григорій Павловичъ!

— Очень рада, пролепетала дѣвушка со внезапнымъ біеніемъ сердца.—Мы давно знакомы, сочла она нужнымъ прибавить, пытаясь улыбнуться.

Онъ живо обернулся на ея слова, поклонился ей преувеличенно низкимъ поклономъ, причемъ къ немалой досадѣ своей почувствовалъ, что покраснѣлъ, и, не отвѣчая, поспѣшилъ подойти къ рукѣ хозяйки.

— Павлу Григорьевичу лучше, мнѣ Маша сказала, молвила Александра Павловна, цѣлуя его постаринному въ лобъ.

— Онъ даже къ вамъ собирался сегодня, отвѣтилъ онъ,— можетъ быть, и прикатитъ послѣ обѣда.

— Ахъ, какъ я буду рада; сто лѣтъ мы съ нимъ не видались!...

— Здравствуйте, барышня, здравствуйте! говорилъ тѣмъ временемъ подошедшій къ Настѣ Николай Ивановичъ Ѳирсовъ;—узналъ, что вы здѣсь, нарочно обѣдать пришелъ... Хвалю, хвалю, давно бы такъ! добавилъ онъ шопотомъ и подмигивая ей смѣющимся взглядомъ.

— А вотъ этого джентльмена помните, Настасья Дмитріевна? спросилъ ее съ улыбкой Троекуровъ, подводя къ ней сына, тонкаго, какъ жердь, не по лѣтамъ выросшаго мальчика, изяществомъ наружности своей представлявшаго дѣйствительно типъ юнаго „джентльмена“, благовоспитаннаго и благодуш-

наго. Онъ, въ противоположность сестрѣ, былъ черноволосъ, какъ мать, съ голубовато-сѣрыми, какъ у отца, глазами, никогда словно не улыбавшимися. — Miss Simpson; monsieur Blanchard; Вячеславъ Хлодомировичъ Павличекъ, воспитатель моего сына; Петръ Петровичъ Молотковъ, преподаватель нашего училища; Владиміръ Христіановичъ Пецъ, директоръ здѣшняго сахарнаго завода, медленно и явственно называя имена стоявшихъ у стола лицъ, познакомилъ съ ними дѣвушку хозяинъ... Она кланялась конфузливо и робко въ отвѣтъ на ихъ поклоны, обводя кругомъ разбѣгавшимися глазами: она такъ давно не была „въ обществѣ", такъ отвыкла видѣть „людей"...

Хозяйка посадила ее между собою и докторомъ, пригласивъ по другую свою сторону Пеца, которому хотѣла поручить что-то въ Москвѣ, куда онъ ѣхалъ завтра. Маша заняла обычное свое мѣсто, подлѣ отца. Остальные размѣстились, кто какъ хотѣлъ. Обѣдали за большимъ круглымъ столомъ, одна форма котораго какъ бы исключаетъ всякую іерархію мѣстъ...

Общій, оживленный разговоръ завязался вслѣдъ за первымъ же блюдомъ. Мотивъ подала ему Маша, сообщившая учителю Молоткову о поѣздкѣ своей къ отцу Алексѣю въ Блиново и объ его обѣщаніи уговорить мать Евлаши Макарова оставить сына въ школѣ.

— А не „уговоритъ", усмѣхнулся Борисъ Васильевичъ,— можно будетъ иначе...

Глаза Маши блеснули; она всегда угадывала мысль отца съ полуслова:

— Я такъ и сказала отцу Алексѣю, папа, что я готова изъ своихъ денегъ заплатить ей вдвое противъ того, что могъ бы ей посылать Евлаша изъ своихъ заработанныхъ денегъ на Серпуховской фабрикѣ.

— Не разоришься, усмѣхнулся онъ опять,—да и недолго бы пришлось платить. Вѣдь онъ у васъ кончаетъ, кажется? обратился онъ къ Молоткову.

— Въ послѣдній классъ переходитъ, отвѣтилъ тотъ.

— А потомъ что̀ же: все-таки не миновать ему этой бумагопрядильни, которая такъ страшитъ Марью Борисовну?

— Жаль было, Борисъ Васильевичъ, сказалъ Молотковъ, упершись взглядомъ въ оконечность приподнятаго имъ ножа,— мальчикъ замѣчательно способный!

— Такъ вы что̀ же бы думали?

Молотковъ съ улыбкой повелъ глазами въ сторону Маши, подгонявшей его черезъ столъ самыми поощрительными кивками, и отвѣчалъ:

— Я бы могъ его въ годъ времени, Борисъ Васильевичъ, ко второму классу гимназіи приготовить: онъ отлично пошелъ бы тамъ.

— Зачѣмъ это вы мнѣ ранѣе не сказали, Петръ Петровичъ?... вмѣшался Юшковъ:—дядя мой, вы знаете, располагаетъ процентами съ капитала, оставленнаго ему княземъ Ларіономъ Васильевичемъ Шастуновымъ именно вотъ на такіе случаи...

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, Григорій Павловичъ, жалобнымъ голосомъ прервала его Маша:—развѣ не можемъ мы это сами съ папа устроить!... Ты молчишь, папа? тревожно воззрясь въ отца, вскрикнула она тутъ же.

— „Устроить“ не долго, сказалъ онъ ей,—но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, на благо-ли это будетъ мальчику? Разъ въ гимназіи, онъ пріобщается къ такъ-называемому у насъ міру „интеллигенціи“ и порываетъ съ тѣмъ, къ которому принадлежитъ по рожденію, по всѣмъ впечатлѣніямъ и складу понятій своего дѣтства... Этотъ разрывъ, какъ бы рано ни произошелъ онъ, не можетъ не отзываться на всей дальнѣйшей жизни человѣка...

— Да, сожалительно, что въ Россіи это такъ есть! промолвилъ въ полголоса Павличекъ, наставникъ Васи Троекурова, обращаясь къ сидѣвшему подлѣ него воспитаннику своему.

— Что̀ вы говорите, Вячеславъ Хлодомировичъ? спросилъ хозяинъ, до котораго донеслись эти слова.

— Я *говору*, скромно, чтобы не сказать робко, отвѣчалъ молодой ученый, Моравецъ родомъ, успѣвшій въ теченіе четырехлѣтняго пребыванія своего въ Россіи совершенно удов-

летворительно овладѣть ея письменнымъ и разговорнымъ языкомъ, но до сей минуты все еще не справившійся, какъ говорилъ онъ, „со свистящею *Ю* и деревяннымъ *Л*“,—я *говору*, что слѣдуетъ весьма сожалѣть о томъ обстоятельствѣ, на которое ваше превосходительство сейчасъ указало. Въ другихъ странахъ образованіе не мѣшаетъ оставаться въ томъ кругу и при тѣхъ бытовыхъ условіяхъ, среди которыхъ человѣкъ родился.

— Oh, en France c'est pourtant exactement la même chose, возразилъ m. Blanchard, бывшій воспитанникъ Парижской политехнической школы и инженеръ, состоявшій при заводѣ Троекурова по технической части и дававшій дѣтямъ его уроки французскаго языка и математики:— un fils de paysan qui a passé par le collège devient un bourgeois et ne retourne plus à la charrue de son père.

— Я знаю, знаю, во Франціи это тоже такъ, закивалъ утвердительно головой Пàвличекъ; — но въ Даніи, въ Швеціи... въ нашей сторонѣ это не такъ, не такъ! Вы въ Богеміи... у Чеховъ, поправился онъ, — весьма часто можете видѣть поселянина, имѣющаго свое testimonium maturitatis въ карманѣ, а иногда даже дипломъ отъ университета и который самъ запрягаетъ своихъ коней въ фуру и ѣдетъ съ ними въ поле работать.

— Ну, до этой миѳологіи намъ далеко! громко засмѣялся Николай Ивановичъ Ѳирсовъ, почитавшій какъ бы обязанностью своею постоянно относиться скептически къ тому, что называлъ онъ „классическими фантазіями“ Пàвличка, съ которымъ былъ, не смотря на то, величайшій пріятель:—у насъ какъ только „вышелъ *изъ народа*“, такъ сейчасъ на теплое чиновничье мѣстечко, а не выгорѣло—въ нигилисты норовитъ.

— А Ломоносовъ, а наши іерархи? воскликнулъ неожиданно Вася съ широко выступившимъ у него на щекахъ румянцемъ.

— Николай Ивановичъ преувеличиваетъ, по обыкновенію своему, заговорилъ опять Борисъ Васильевичъ, быстро окинувъ сына какъ бы тревожнымъ взглядомъ; — не одинъ Ломоносовъ выходилъ и будетъ, надо надѣяться, выходить въ

Россіи *изъ народа*. Но по тому судя, какъ у насъ ведется дѣло теперь, можно опасаться, что отъ народной почвы будутъ все чаще отрываться искусственно привлекаемые къ высшему образованію люди дюжинныхъ способностей и дряннаго характера, годные лишь развѣ на пополненіе извѣстной арміи „умственнаго пролетаріата“, то-есть жальчайшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ опаснѣйшаго класса лицъ, какой только можетъ существовать въ государствѣ.

— И это тѣмъ болѣе вѣрно, молвилъ директоръ завода Пецъ, Русскій и православный, не смотря на свою мѣмецкую фамилію, — что въ послѣднее время сталъ замѣчаться такой фактъ, что этотъ людъ низменное происхожденіе свое въ какую-то заслугу себѣ вмѣняетъ и за нее привилегій требуетъ... У насъ въ Технологическомъ институтѣ, разсказывали мнѣ, недавно такой анекдотъ произошелъ. Поставилъ профессоръ одному такому за отвѣтъ единицу на экзаменѣ. Тотъ въ амбицію, объясненія требуетъ. „Сколько вы заслужили, столько я вамъ и поставилъ“, говоритъ ему профессоръ. А тотъ себя въ грудь кулакомъ, и выпалилъ: „Я, говоритъ, изъ народа вышелъ, мнѣ лишній годъ на курсѣ просидѣть разсчетъ составляетъ, такъ вы что же мнѣ колъ ставите!“... Точно будто кто его просилъ „выходить!“...

— Ну, а профессоръ, само собою, доводомъ такимъ умилился до слезъ и выправилъ *колъ* на тройку? спросилъ, надрываясь отъ смѣха, толстякъ докторъ, за которымъ такъ и залился своимъ звенящимъ молодымъ хохотомъ Вася.

— Не знаю, но очень вѣроятно... тамъ у насъ либерализмъ теперь во всей силѣ.

— Eh bien, c'est la roue qui tourne, комически возгласилъ Blanchard, пожимая плечами: — on disait autrefois: „Saluez, vilains, voilà Crillon *) qui passe!“ Ils disent aujourd'hui: „Je suis vilain: fils des croisés, chapeau bas“..

— Bravo, monsieuer Blanchard!

И Маша порывисто захлопала въ ладоши.

---

*) Одинъ изъ мужественнѣйшихъ сподвижниковъ и любимцевъ короля Генриха IV, происходившій отъ древней италіянской фамиліи Бальби.

Галантный Французъ приложилъ руку къ сердцу и низко склонилъ по ея адресу лысую голову свою надъ тарелкой.

Она снова обратилась къ отцу:

— А я все же, папа, къ прежнему, о Евлашѣ. Согласенъ ты на предложеніе Петра Петровича?

— А я вижу, отвѣтилъ онъ съ притворною досадой,— что у васъ съ Петромъ Петровичемъ устроенъ по этому случаю противъ меня заговоръ... Смотрите, примолвилъ онъ серіозно,—вы на отвѣтственность свою берете большое дѣло: цѣлую судьбу человѣка... Отъ бумагопрядильни, разумѣется, слѣдуетъ его избавить. Но у насъ же тутъ, во Всесвятскомъ, ему, на самый-ли заводъ поступилъ бы онъ, или въ контору, если онъ склоненъ болѣе къ письменнымъ занятіямъ, обезпечена будущность, вполнѣ соотвѣтствующая той рамкѣ, въ которой онъ родился, обезпеченъ заработокъ на все время, пока онъ будетъ въ состояніи работать, и безбѣдное существованіе подъ старость...

— У насъ на заводѣ особенное рабочее положеніе, объяснилъ вполголоса Пецъ, перегибаясь черезъ столъ къ Настасьѣ Дмитріевнѣ, жадно, какъ онъ замѣтилъ, прислушивавшейся къ разговору: — плата постояннымъ нашимъ рабочимъ увеличивается на десять процентовъ чрезъ каждыя пять лѣтъ; изъ нея же вычитается обязательно четыре процента въ особую эмеритальную кассу, куда Борисъ Васильевичъ вноситъ со своей стороны ежегодно шесть процентовъ изъ чистой заводской прибыли. Изъ образовавшагося у насъ теперь уже довольно значительнаго капитала рабочій, прослужившій у насъ безупречно пятнадцать лѣтъ, получаетъ отъ завода весь нужный матеріалъ и помощь деньгами, по разсчету, на перестройку, обязательную же, избы своей на каменную, по одному изъ имѣющихся у насъ для этихъ построекъ плановъ, по его выбору; а чрезъ двадцать пять, если захочетъ выбыть изъ завода, двѣ трети послѣдняго жалованья, которое онъ получалъ на работѣ, будутъ обращаться ему въ пожизненную пенсію...

— Да это Лассалевское ученіе на практикѣ! восторженно воскликнула дѣвушка.

Пецъ засмѣялся:

— Ужь не знаю, право, своимъ умомъ дошли, кажется...

— Я объ этомъ предметѣ много думалъ въ послѣдніе дни, Борисъ Васильевичъ, говорилъ тѣмъ временемъ Молотковъ;— у насъ дѣйствительно теперь, благодаря льготамъ по военной повинности, многочисленнымъ стипендіямъ въ заведеніяхъ и такъ далѣе, искусственно, какъ вы вѣрно замѣтили, привлекается къ высшему ученію много молодыхъ личностей изъ низшихъ сословій, для которыхъ полученное ими образованіе обращается затѣмъ часто въ источникъ страданій, а иногда и въ гибель, развивая въ нихъ потребности не по мѣрѣ средствъ и претензіи не по мѣрѣ способностей... Но вѣдь есть однако въ народѣ натуры, исключительно даровитыя, для которыхъ тѣсный кругъ образованія элементарной школы оказывается недостаточнымъ.

— Эти натуры сами, такъ или иначе, не безпокойтесь, всплывутъ на верхъ, вѣско выговорилъ Троекуровъ,—но народная школа никакъ не должна имѣть въ виду эти исключительныя натуры. Изъ крестьянскаго ребенка сдѣлать грамотнаго христіанина, а при этомъ подготовить его по возможности твердо, то-есть практично, къ какой-либо ремесленной или промышленной спеціальности, которая дала бы ему средство зарабатывать хлѣбъ свой тамъ, гдѣ земля не окупаетъ полагаемаго на нее труда,—вотъ единственная задача народнаго обученія. Задаваться иными, болѣе „широкими“ soi-disant цѣлями, какъ дѣлаютъ это наши петербургскіе или екатеринославскіе педагоги, не только ошибка, а преступленіе, по-моему!..

— Никакъ ужь не „мои“, возразилъ усмѣхаясь молодой учитель, студентъ Виѳанской семинаріи,—уже потому, что эти господа ровно ничего своего здороваго не сказали намъ до сихъ поръ, а все лишь пережевываютъ и перемалываютъ, что прочтутъ въ нѣмецкихъ книжкахъ. Нѣмецкая же школа намъ не указъ: вся она построена на раціонализмѣ, а у насъ она можетъ стоять только на Церкви; иной народъ нашъ не признаётъ, да и не признаетъ никогда, пока останется вѣрнымъ себѣ и своей исторіи, Церковью созданной.

Троекуровъ утвердительно кивнулъ.

— Папа, возгласила Маша, сидѣвшая какъ на иголкахъ въ продолженіе этого разговора,—увѣряю тебя, что Евлаша останется такимъ же хорошимъ христіаниномъ и честнымъ мальчикомъ въ гимназіи, какъ онъ былъ у насъ въ школѣ, а сидѣть за книжкой ему, само собою, будетъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ за теркой стоять.

Всѣ разсмѣялись.

— Да, добавилъ Молотковъ,—у мальчика голова рефлективная.

— „Рефлективная!“ повторилъ Борисъ Васильевичъ съ веселою, безобидною ироніей:—послѣ этого мнѣ остается конечно только сложить оружіе.

Прелестные вишневые глаза Маши заблистали, какъ двѣ звѣздочки:

— Такъ это можно почитать конченнымъ, папа, да?... Она наклонилась къ нему и въ полголоса:—и умоляю тебя, чтобъ это изъ жалованья, которое ты мнѣ даешь... Я хочу, чтобъ онъ былъ... какъ это говорится, Боже мой!.. да, чтобъ Евлаша былъ *моимъ*, собственно моимъ, *стипендіатомъ*, пока онъ будетъ въ гимназіи, а потомъ въ университетѣ... Потому что онъ непремѣнно въ университетъ поступитъ... и на историческій факультетъ,—я непремѣнно потребую отъ него,—это самый лучшій предметъ занятій... И вообрази, папа,—голосъ ея звенѣлъ уже громкими и восторженными нотами,—изъ него вдругъ выйдетъ замѣчательный человѣкъ, знаменитый ученый, которымъ похвалится вся Россія!...

— Россія учеными своими не привыкла хвалиться, комически застѣнчивымъ тономъ произнесъ докторъ.

— Потому что она ихъ не знаетъ, возразилъ Пецъ.

— Потому что они блещутъ въ ней своимъ отсутствіемъ, отпарировалъ тотъ.

— Потому что хвалить свое вообще, кажется, не въ натурѣ русскихъ людей, примирительно замѣтилъ Павличекъ, сидѣвшій между ними.

— И любезно будто бы, и ядовито, у, какъ! расхохотался Ѳирсовъ:—сейчасъ виденъ Славянинъ, прошедшій чрезъ *гор-*

нило европейскаго образованія; наша братія, неумытые русскіе люди, передразнилъ онъ слегка выговоръ Павличка.

Miss Simpson, чопорная пожилая Англичанка, молча все время пережевывавшая блюдо за блюдомъ своими длинными и крѣпкими зубами, при словѣ „неумытые“ (она понимала по-русски), будто вскинутая пружиной, такъ и впилась черезъ столъ негодующимъ взглядомъ въ лицо господина, выражавшагося такъ не *gentlemanly*.

Еще не подали сладкаго, какъ подъ окнами столовой, выходившей на дворъ, послышался стукъ подъѣзжавшаго ко крыльцу экипажа.

— Это Павелъ Григорьевичъ! обратилась съ радостнымъ взглядомъ ко Гришѣ Александра Павловна, безмолвствовавшая до сихъ поръ, какъ всегда, когда при ней, какъ выражалась она не то шутливо, не то смиренно, „заводились умныя рѣчи“.

— И даже съ дядей, отвѣтилъ онъ, глядя черезъ спину въ открытое окно.

Хозяинъ поспѣшно всталъ съ мѣста итти навстрѣчу старикамъ-братьямъ; хозяйка послѣдовала его примѣру, а за нею поднялись и всѣ остальные...

— Ну вотъ, ну вотъ, такъ и зналъ, архіерейская встрѣча, послышался затѣмъ въ дверяхъ смѣхъ и еще бодрый, густой басъ стараго моряка:—ну, не стыдно-ли? Вѣдь, чай, еще не дообѣдали?...

— Сейчасъ кончаемъ, говорила Александра Павловна, цѣлуя его и Василія Григорьевича въ голову.

— Ну и кончайте, а мы посидимъ съ вами...

— Не хотите-ли чего-нибудь?

— Что это вы! Вѣдь мы съ Василіемъ старосвѣтскіе помѣщики. Со смерти бѣдной моей Вѣры Ѳоминишны, вздохнулъ Павелъ Григорьевичъ (Вѣра Ѳоминишна скончалась отъ простуды года четыре предъ тѣмъ, напившись ледяной воды изъ ключа послѣ двухчасовой варки на солнцѣ, при тридцати градусахъ жары, какого-то диковиннаго смородиннаго сиропа),—онъ у меня за Пульхерію Ивановну состоитъ: въ часъ пополудни заставляетъ меня обѣдать.

— И что же, хорошо, Паша, ближе къ природѣ, возразилъ тотъ съ тихимъ и счастливымъ смѣхомъ, нѣжно пожимая въ то же время обѣими своими толстожилыми, дрожащими руками тонкую руку Маши, подбѣжавшей къ нему съ радостнымъ привѣтомъ.

— Вотъ онъ и удовлетворенъ, продолжалъ смѣяться морякъ, указывая на брата,—увидѣлъ свой предметъ и въ небесахъ! Вы думаете—онъ для кого напросился пріѣхать со мною сюда? Единственно для Маріи Борисовны. Ночью ею бредитъ, не шучу!...

— Не совсѣмъ, не совсѣмъ, а есть немножко! сіяя своими уже тускнѣвшими, но все еще юношески восторженными глазами, молвилъ на это старикъ, не отрываясь ими отъ дѣвушки.

— Не балуйте меня очень, Василій Григорьичъ, смѣялась она,—а то я еще хуже стану, чѣмъ *есмь*.

— Нельзя, нельзя, пролепеталъ онъ какъ бы таинственнымъ шопотомъ:—на разстояніи четверти вѣка *другую* вотъ встрѣчаю...

Онъ не договорилъ, и изъ-подъ его старческихъ покраснѣвшихъ вѣкъ выступили двѣ крохотныя, какъ брызги осенняго дождя, росинки слезъ.

— Борисъ, говорила тѣмъ временемъ хозяйка,—у насъ сладкое сегодня мороженое; я велю подать въ гостиную. Messieurs et dames, je vous prie!...

Маша подхватила стараго своего поклонника подъ руку и, медленно подвигаясь съ нимъ нога въ ногу, молвила ему на ухо:

— А я вотъ сейчасъ съ вашимъ племянникомъ такъ ссориться буду!...

— Чѣмъ онъ провинился, птичка моя райская, чѣмъ? испуганно пробормоталъ онъ.

Она засмѣялась:

— Пусть самъ вамъ потомъ разскажетъ. Только это не страшно, промолвила она успокоительно.

XVII.

Въ гостиной хозяйка посадила опять подлѣ себя гостью и, обращаясь къ Павлу Григогорьевичу Юшкову:

— Вы Настасью Дмитріевну Буйносову помните? проговорила она, глядя ему прямо въ глаза съ выраженіемъ — будьте-молъ, очень васъ прошу, любезны съ нею.

Услыхавъ фамилію Буйносовыхъ, старый морякъ безсознательно передернулъ обрубкомъ отрѣзанной своей руки, и видимая тѣнь неудовольствія пробѣжала по его лицу. Но взглядъ Александры Павловны тотчасъ же смягчилъ его и перемѣнилъ расположеніе къ „этой особѣ"... „Не даромъ же, видно, взялъ ее подъ крылышки нашъ *ангелъ*" (такъ называлъ онъ въ глаза и за глаза Александру Павловну), разсудилъ онъ.

— Какже-съ, встрѣчались здѣсь... А давно этому, годика два будетъ, отвѣчалъ онъ привѣтливымъ тономъ.

Онъ подалъ ей руку, сѣлъ подлѣ нея...

— Настасья Дмитріевна... совсѣмъ одна осталась теперь, какъ бы что-то желая объяснить, съ задержкой произнесла Троекурова.

— Знаю, знаю... горе немалое! участливо вздохнулъ онъ, глядя на дѣвушку, на впалые глаза ея и щеки. „Съ сестрой очевидно ничего общаго!" пронеслось у него въ головѣ.—Вы остаетесь у себя въ Юрьевѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сказала она какъ бы нѣсколько смущенно, — я думаю на дняхъ въ Москву ѣхать.

— На долго?

— Не знаю, но сюда я вѣроятно не вернусь.

— Тяжело слишкомъ, я понимаю, промолвила Александра Павловна.

— Въ Москвѣ поселитесь? спросилъ опять Юшковъ.

— Едва-ли, отвѣтила она не сейчасъ и не сейчасъ опять добавила:—тамъ меня прямо не примутъ...

— Куда?

Настя вдругъ и совсѣмъ смутилась. Отвѣтъ—прямой отвѣтъ на вопросъ, вызванный ея же словами,—какъ бы не осмѣливался теперь выпасть изъ ея устъ. „Какъ покажется это *здѣсь* страннымъ, дикимъ!“ думалось ей... Она робко подняла глаза на хозяйку, но тутъ же, какъ бы прочтя въ ея улыбкѣ нежданное себѣ поощреніе, мгновенно рѣшилась:

— Я желаю поступить на сцену, выговорила она слегка дрогнувшимъ голосомъ.

Первая мысль ея однако оказалась вѣрною. Павелъ Григорьевичъ, хмурясь, задергалъ себя за длинную, бѣлую теперь какъ лунь бороду и опустилъ глаза; что-то испуганное, жалостливое сказалось въ чертахъ хозяйки:

— Въ актрисы! скорбно дрогнулъ ея голосъ.

— Жить чѣмъ-нибудь надо, а я ни на что̀ другое не способна, поспѣшно, съ выступившею у нея вдругъ краской на лицѣ, объяснила дѣвушка, будто извиняясь и стараясь въ то же время доказать себѣ, что ей „все равно, что̀ бы *они* ни думали объ этомъ“...

Александра Павловна взяла ее за руку и, не выпуская ея изъ своей:

— Вѣдь это ужасная карьера, милая, прошептала она,— со всѣхъ сторонъ...

— Много ужь грязи придется видѣть! брезгливо отмѣтилъ морякъ.

— Знаете что̀, поторопилась заговорить Троекурова, испугавшись, чтобъ эти слова не оскорбили какъ-нибудь дѣвушки,— не рѣшайтесь такъ, сейчасъ... Поговорите сначала съ Борисомъ Васильевичемъ. Онъ такъ много жилъ, видѣлъ въ своей жизни и думалъ... Онъ вамъ можетъ хорошій совѣтъ дать...

— Вѣрно! И Павелъ Григорьевичъ качнулъ головой:—Борисъ Васильевичъ въ этомъ случаѣ всѣхъ насъ *компетент-*

нье, какъ пишутъ у насъ теперь въ газетахъ, какъ бы съ новою брезгливостью добавилъ онъ.

— Право, милая, настаивала Александра Павловна, нѣжно пожимая ея руку и глядя ей тревожно въ лицо,—поговорите съ нимъ!... Вотъ онъ теперь толкуетъ съ monsieur Бланшаромъ и Николаемъ Ивановичемъ о новомъ корпусѣ, который они хотятъ пристроить къ нашей больницѣ, а когда онъ кончитъ, мы его позовемъ...

— Ахъ, право, это напрасно, я... начала было Настя и не договорила: она чувствовала себя въ какомъ-то заколдованномъ кругу, изъ котораго не имѣла силы вырваться...

Маша тѣмъ временемъ, усадивъ подлѣ Василья Григорьевича Юшкова учителя Молоткова, съ которымъ онъ тотчасъ же и вступилъ по обыкновенію въ преніе по поводу какого-то неправившагося ему „новаго педагогическаго пріема", поманила къ себѣ рукою заговорившаго было съ miss Simpson Гришу, увлекла его съ собою къ окну, въ сторону сада, и начала съ оника:

— Зачѣмъ вы такъ не любезны были съ нею?

— Съ кѣмъ это, съ miss Simpson? съ притворнымъ смѣхомъ спросилъ онъ, будто не понимая, про кого она говоритъ:

— Безъ увертокъ пожалуйста! строго выговорила Маша:— Когда *она* вошла съ maman въ столовую, я нарочно назвала васъ: вы поклонились ей, будто въ первый разъ ее видите. Это, во-первыхъ, неучтиво, а во-вторыхъ, une finesse cousue de fil blanc.

— Какая finesse? досадливо сморщась, воскликнулъ онъ, избѣгая въ то же время ея глазъ.

Но она неумолимо допекала его:

— Вы хотѣли показать maman... и всѣмъ, что вы съ *нею* едва знакомы, когда это неправда, когда вы къ нимъ постоянно ѣздили... Правда, не для *нея*, подчеркнула она съ какою-то странною смѣсью веселой насмѣшки и серьезнаго упрека,—но вѣдь это все равно...

— Какъ, и вы туда же? вырвалось неудержимо у молодаго человѣка.

Брови у нея сдвинулись:

— Куда „туда же“? холодно и гордо уронила она.

Гриша глянулъ на нее искоса и счелъ за лучшее засмѣяться опять:

— Кто это, скажите, далъ вамъ право меня допрашивать... и вообще *командовать* мною? подчеркнулъ онъ какъ бы въ шутку.

— Кто? пылко повторила она съ засверкавшими глазами:—вы сами, ваше поведеніе!...

— Это еще что? какое „поведеніе“?...

— Развѣ мнѣ не досадно... вѣдь вы мнѣ какъ братъ съ дѣтства... развѣ не досадно мнѣ видѣть, какъ вы маетесь и не имѣете при этомъ le courage de vos sentiments... Вѣдь я васъ насквозь вижу: вы стараетесь показать себя спокойнымъ и равнодушнымъ, думаете всѣхъ обмануть, а вамъ слово промолвить трудно со времени *одной свадьбы*.

Онъ хотѣлъ возразить, остановить ее, но она не дала ему на это времени:

— Всѣ говорили, что *это* было бы для васъ самое большое несчастіе, и вы сами это, вѣрно, увидѣли... потому что допустили, что не вы, а другой *взялъ ее*... Такъ будьте же тогда мущиной, не выдавайте, что васъ мучитъ!... Если-бъ это со мной случилось, я бы или поставила на своемъ противъ всего міра, или такъ съумѣла бы себя *стиснуть*, что моя подушка не знала бы, что я думаю и чувствую! воскликнула красавица-дѣвочка съ выраженіемъ страстной и неодолимой энергіи.

Гришу эта выходка окончательно взорвала:

— А я васъ прошу, Марья Борисовна, отчеканилъ онъ, весь поблѣднѣвъ даже отъ досады, — избавить меня отъ вашихъ *уроковъ*. Я чуть не на двадцать лѣтъ старѣе васъ...

— На семнадцать! поправила она скороговоркой.

— Все равно!.. И дѣлать вамъ замѣчанія мнѣ относительно того... что до васъ во всякомъ случаѣ отнюдь не касается, пробормоталъ онъ,—по меньшей мѣрѣ смѣшно!..

Она покраснѣла до самыхъ ушей... но тутъ же разсмѣялась, жалостливо глянула на него:

— Ну, такъ и *погибайте*, какъ знаете! А я такихъ мущинъ, какъ вы, уважать не могу...

И, стремительно вскинувшись съ мѣста, понеслась въ противоположную сторону комнаты, опустилась на стулъ подлѣ Василія Григорьевича и проговорила ему на ухо:

— Выпѣла ему все до конца.

— Что̀ это, моя птичка? обернулся на нее; не понявъ въ первую минуту, старецъ.

— А я вамъ говорила: Гришѣ, племяннику вашему...

— Да, да, Гришѣ, блаженно засмѣялся онъ;— „выпѣли", говорите... И хорошо, чтобы долго помнилъ, а?

— Желала бы!

И тонкія брови Маши сдвинулись еще разъ.

— Ну, а онъ что̀ же, благодарилъ, надѣюсь?

Она чуть-чуть пренебрежительно приподняла плечи:

— Изволили разгнѣваться, по обыкновенію... Онъ уѣдетъ съ вами теперь въ Углы и недѣлю цѣлую потомъ сюда не покажется, чтобы доказать мнѣ свое великое неудовольствіе... А чрезъ недѣлю соскучится, положитъ гнѣвъ на милость, и все попрежнему пойдетъ... Вѣдь я его наизусть знаю, *дядя Базя*, съ легкимъ вздохомъ примолвила дѣвушка, несказанно радуя старика ласкательнымъ уменьшительнымъ, которымъ называла она его въ дѣтствѣ.

Большіе голубые глаза его остановились на ней съ невыразимою любовью:

— Пери вы моя!.. Видѣнье райской стороны!.. лепеталъ онъ восторженно на своемъ романтическомъ языкѣ временъ *Свѣтланы* и *Рыцаря Тогенбурга*...

— Борисъ, молвила Александра Павловна подошедшему къ нимъ мужу,—Настасьѣ Дмитріевнѣ надо будетъ посовѣтоваться съ тобою объ одномъ... предметѣ.

— Очень радъ, поспѣшилъ онъ отвѣтить, — тѣмъ болѣе, что мы, кажется, утромъ не совсѣмъ успѣли договориться... Не пройдемъ-ли мы опять ко мнѣ, Настасья Дмитріевна, предложилъ онъ дѣвушкѣ,— здѣсь намъ будетъ не такъ свободно.

Онъ усадилъ ее въ кабинетѣ на прежнее мѣсто, а самъ

опустивъ вдумчиво голову и засунувъ руку за бортъ застегнутаго сюртука, медленно зашагалъ по комнатѣ:

— Мнѣ не хотѣлось бы оставить въ васъ ни тѣни сомнѣнія, началъ онъ,—относительно искренняго, сердечнаго, скажу я, желанія быть вамъ на что-либо пригоднымъ. Къ несчастію, вы отнеслись ко мнѣ, прося содѣйствія именно въ томъ, въ чемъ я самымъ рѣшительнымъ образомъ долженъ отказать вамъ. Я не могу ходатайствовать, поймите, у властей по дѣлу, къ которому, будь я на ихъ мѣстѣ, я отнесся бы по всей вѣроятности еще строже, чѣмъ они... Вы говорили сегодня о „прощеніи". Я не допускаю прощенія для тѣхъ, которые прежде всего о немъ и не просятъ и, главное, не дали бы его сами никому, если-бы власть когда-либо попалась имъ въ руки...

Онъ остановился на-ходу и пристально взглянулъ на молча внимавшую ему дѣвушку съ улыбкой, сквозь которую пробивалось выраженіе ѣдкой внутренней горечи:

— На ваше счастіе, сказалъ онъ,—такихъ *безпощадныхъ*, какъ я, не много найдется въ *гуманнѣйшей* Россіи нашихъ дней. Если я не почитаю возможнымъ принять на себя ходатайство за вашего брата, то вы отъ этого нисколько не потеряете,—напротивъ! Выгородить его или довести, по крайней мѣрѣ, степень его виновности до минимальнѣйшихъ размѣровъ будутъ стараться лица, гораздо болѣе вліятельныя тутъ, чѣмъ могъ бы быть въ этомъ случаѣ я.

— Кто такіе? изумленно всклинкнула Настя.

— Весь тотъ судебный персоналъ, чрезъ руки котораго пройдетъ онъ: адвокаты, прокуроры, судьи...

— Вы думаете?... И въ мысленномъ представленіи ея въ ту же минуту выросла маленькая и рѣшительная фигура „представителя прокурорской власти" Тарахъ-Таращанскаго, и визгливый фальцетъ его прозвенѣлъ еще разъ въ ея ухѣ: „Я вѣдь всему этому не придаю никакого серьезнаго значенія".—Вы думаете? оживленно повторила она.

— Увѣренъ, отвѣтилъ съ тою же ѣдкою улыбкой Троекуровъ: — вѣдь судьи и подсудимые того же взращенія цвѣтки будутъ, тѣмъ же духовнымъ млекомъ вспоенные, на тѣхъ же

Чернышевскихъ и компаніи воспитанные... Но объ этомъ довольно!... Вы не гнѣваетесь на меня за мою откровенность? спросилъ онъ нежданно, протягивая ей руку.

— Хотѣла бы, не могу! слабо усмѣхнулась она, пожимая ее:—еще собираясь къ вамъ, я внутренно чувствовала, что вы не можете дать мнѣ другаго отвѣта, и поѣхала только, чтобы не обвинять себя потомъ, что не сдѣлала въ этомъ случаѣ всего, что̀ было въ моей власти.

— И не раскаиваетесь теперь, что поѣхали? тихо и мягко спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Борисъ Васильичъ,—и глаза ея засіяли добрымъ сіяніемъ: — я не ждала, признаюсь вамъ, того сердечнаго пріема, который встрѣтила здѣсь... и никогда не забуду его...

— Ну, и прекрасно, прекрасно!... не далъ онъ ей говорить далѣе. Онъ подвинулъ кресло и сѣлъ къ столу, прямо противъ нея: — а теперь поговоримте собственно о васъ. О чемъ желаетъ Александра Павловна, чтобы вы „посовѣтовались“ со мною?

— Ее очень испугало, молвила со слабою усмѣшкой Настя,—намѣреніе мое поступить на сцену.

— А вы желаете?...

— Да!... Вы этого тоже не одобряете? вырвалось у нея невольно...

— Это будетъ зависѣть... сказалъ онъ.

— Отъ чего?

— Отъ того побужденія, которое подвигаетъ васъ на это намѣреніе.

— Я сказала Александрѣ Павловнѣ: жить чѣмъ-нибудь надо, а у меня къ этому, кажется, способность есть.

— И только?...

— Что̀?

— Только *способность?* подчеркнулъ онъ.

Она поняла... и поняла то, что „этотъ человѣкъ пойметъ ее“ въ свою очередь, что „ему можно будетъ сказать все“, все то, о чемъ такъ много передумано ею, и чего до сихъ поръ не находила она возможнымъ повѣрить ни одной душѣ

живой въ средѣ *своихъ*... Не даромъ же глядѣлъ онъ на нее теперь „такими добрыми и умными глазами“...

— Ахъ, Борисъ Васильичъ, проговорила она задушевно,— я такъ намучилась... я туда *ушла бы* вся...

— Въ искусство? пояснилъ онъ.

— Да!... Я такъ давно живу одною этою надеждой!... Въ тѣ долгіе часы, которые я, бывало, проводила по ночамъ надъ нимъ... надъ несчастнымъ отцомъ моимъ, вымолвила она чрезъ силу, съ судорожнымъ подергиваніемъ губъ,—я знала, что... при его состояніи... ему не долго жить, что я останусь потомъ одна, безъ средствъ, что надо будетъ мнѣ приложить къ чему-нибудь руки, я все упорнѣе... все *любовнѣе*, спѣшно примолвила она, какъ бы поймавъ на лету желанное выраженіе, — ухватывалась за эту мысль... Это былъ мой якорь спасенія, Борисъ Васильичъ, примолвила она и смолкла на мигъ.

Онъ не отрываясь глядѣлъ на нее, отъ времени до времени поводя сверху внизъ головою, какъ бы приглашая ее продолжать.

— Жить мнѣ... да и всѣмъ намъ... въ Юрьевѣ было не легко, начала она снова:—съ сестрой мы мало сходились, у нея другія требованія... другія понятія... Братъ ушелъ. *Онъ*... съ этою *слабостью* своей... вѣчно терзавшій себя воспоминаніями объ утерянномъ прежнемъ, недовольный собою и нами, ни съ чѣмъ не мирившійся и на все досадовавшій какъ ребенокъ... И каждый день тѣ же грошовые разсчеты, мелкія лишенія, старческія, малодушныя жалобы *его* на недостатокъ удобствъ, къ которымъ привыкъ *онъ* съ пеленъ... О мукѣ я не говорю, но что̀ горечи, что̀ злости набиралось мнѣ въ душу, если бы вы знали!... А я не родилась злая, Борисъ Васильевичъ, мнѣ тяжело ненавидѣть и проклинать... Смириться я тоже не могла: недостаточно христіанка я для этого...

— Вы не вѣруете? спросилъ совершенно спокойно Троекуровъ.

Но этотъ вопросъ какъ бы смутилъ ее нѣсколько.

— Я не атеистка, впрочемъ, словно извиняясь, отвѣтила она,—я признаю невѣдомую... высшую силу... Но *Провидѣніе*,

какъ говорится, было слишкомъ безпощадно ко всѣмъ намъ, чтобы могла я вѣрить въ его „безконечную милость“ и сносить съ покорностью его удары во имя его „будущихъ...“ гадательныхъ наградъ, добавила Настя съ неудачнымъ намѣреніемъ улыбки;—если-бъ я вѣровала, сказала она по минутномъ размышленіи,—какъ дается это инымъ... я ушла бы теперь, не задумываясь, въ монастырь, въ пустыню, „спасать себя молитвой и постомъ“, какъ говоритъ старецъ Пименъ у Пушкина...

Она остановилась вдругъ, пораженная выраженіемъ страданія, сказавшагося въ эту минуту на лицѣ ея собесѣдника.

— Вы дурно себя чувствуете? быстро спросила она.

— Ничего, также поспѣшно проговорилъ онъ,—въ головѣ нѣсколько подергиваетъ... старая обычная у меня боль, нисколько не мѣшающая мнѣ слушать... Продолжайте, сдѣлайте милость!

Дѣвушка заговорила опять; она въ этой исповѣди своей находила какое-то невѣдомое ей до тѣхъ поръ душевное удовлетвореніе.

— Христіанскаго смиренія во мнѣ не было, повторила она,—но и доброму, что̀ оставалось у меня въ душѣ, я не хотѣла дать погибнуть въ этомъ аду... Чѣмъ наполнить, *на что̀* отдать ее, душу, думала я безустанно, чтобы стоять внутри себя выше житейскихъ терзаній... чтобы было у меня что-нибудь *главное*... недосягаемое... чему бы я могла предаться такъ, чтобы все возмущающее въ жизни потеряло для меня всякое значеніе... Не знаю, такъ-ли я выражалась и понятно-ли для васъ это чувство, Борисъ Васильичъ?...

— Совершенно, сказалъ онъ,—и совершенно понятно, что это „главное“, на что̀ могли бы вы „отдать душу, вы попытались искать въ искусствѣ...

— Да, радостно воскликнула она,—не правда-ли?... У меня къ театру была страсть съ дѣтства; я помню, въ Москвѣ, на послѣднія деньги, бывало, ѣдешь съ братомъ плакать надъ Садовскимъ въ *Любимъ Торцовѣ*... А что̀ ночей на пролетъ провела я за Шиллеромъ и Шекспиромъ... Я долго однако боролась съ собою: я люблю дѣтей, и у меня дипломъ

изъ гимназіи есть; я думала сначала посвятить себя педагогіи, поступить куда-нибудь въ учительницы. Но я слишкомъ раздражена, слишкомъ нервна; я бы воспитанникамъ своимъ принесла болѣе вреда, чѣмъ пользы... А на сценѣ тѣ же нервы могутъ еще службу мнѣ сослужить: съ помощью ихъ я буду въ состояніи вѣрнѣе, тоньше принимать въ себя и передавать внутреннюю жизнь лицъ, которыхъ мнѣ придется изображать...

Она говорила съ воодушевленіемъ, съ разгоравшимися все ярче глазами, и все лицо ея, впалое и желтое, словно преобразилось подъ свѣтомъ этихъ дымчатыхъ и глубокихъ глазъ... „Да она просто красива"! сказалъ себѣ въ изумленіи Троекуровъ...

Онъ продолжалъ глядѣть на нее, тихо покачивая головой.

— У васъ сценическая, выразительная, подвижная наружность,—безспорно. Остается знать...

— Есть-ли у меня талантъ? договорила она за него.

— Да, усмѣхнулся онъ.

— Кажется, есть, отвѣтила дѣвушка безъ притворнаго скромничанья: — покойный отецъ думалъ такъ, по крайней мѣрѣ, а у него было много вкусу и навыка, онъ такъ много видѣлъ на своемъ вѣку... Я прочла съ нимъ много женскихъ драматическихъ ролей: Корделію, Дездемону, Марію Стюартъ, Теклу въ *Валленштейнѣ*, и изъ нашего репертуара...

— Знаменитую Катерину въ *Грозѣ?* неожиданно спросилъ Троекуровъ. И Настя не могла разобрать, похвалою-ли или ироніей отзывался у него этотъ вопросъ. Онъ впрочемъ не далъ ей времени объяснить себѣ это:

— Во всякомъ случаѣ вамъ слѣдуетъ, я полагаю, пройти извѣстную подготовительную школу съ какимъ-нибудь хорошимъ спеціалистомъ... А для этого, и не для одного этого, пока вы не поступите на сцену... средства нужны, Настасья Дмитріевна, молвилъ онъ, не глядя на нее и понижая голосъ.

— Я теперь обезпечена, воскликнула она: — тетка наша, Лахницкая, оставила по завѣщанію три тысячи рублей сестрѣ моей Антонинѣ съ тѣмъ, чтобы она пользовалась процентами съ нихъ до замужства, а когда выйдетъ, передала бы ихъ мнѣ

въ полное распоряженіе. Тетка предчувствовала, что Антонина со своею красотой найдетъ себѣ скоро богатаго мужа и не будетъ нуждаться въ этихъ деньгахъ...

— Какія же это деньги три тысячи рублей? возразилъ онъ: — на проценты ихъ не проживете, а начнете брать изъ капитала, на долго-ли хватитъ?

— До поступленія на жалованье. Вѣдь если окажется талантъ, не гроши же дадутъ! А не будетъ таланта, и капитала никакого не нужно будетъ: пойду въ какую-нибудь общину, въ сестры милосердія.

— Вы желали бы поступить въ Московскій театръ?

— Конечно; но все равно, я и въ провинцію готова.

— Тамъ... потяжелѣе будетъ, проговорилъ онъ съ разстановкой.

Она вздрогнула слегка и твердымъ голосомъ:

— Послѣ того, что̀ суждено мнѣ было испытать, сказала она,—ничто меня не устрашитъ и все отъ меня отскочитъ.

И такъ много внутренней силы послышалось въ этихъ словахъ, что Троекурова точно всего приподняло:

— Идите же съ Богомъ въ путь, порывисто вырвалось у него,—и да хранитъ Онъ васъ отъ недочетовъ и унынія!...

— Вы благословляете? благодарно и ласково глядя ему въ лицо, проговорила Настя.

Онъ задумался вдругъ и отвѣчалъ не сейчасъ:

— Александра Павловна будетъ, конечно, не довольна такимъ моимъ „благословеніемъ...“ хотя, по обыкновенію, ничѣмъ мнѣ не покажетъ этого, добавилъ онъ съ какою-то странною, унылою улыбкой и словно про себя;—для нея точно такъ же трудно допустить, чтобы дѣвушка, какъ вы, могла рѣшиться итти въ актрисы, какъ и то, чтобъ эта дѣвушка была „недостаточно христіанкою“, чуть-чуть подчеркнулъ онъ; но я позволю себѣ быть нѣсколько... какъ бы это сказать, чтобы не слишкомъ обидѣть себя?... нѣсколько объективнѣе въ этомъ случаѣ... Не всѣмъ дано, какъ ей, родиться безгрѣшною, impeccable et immaculée! Духъ вѣры и смиренія есть даръ, величайшій даръ, и не дается онъ всякому, кто захочетъ. А душу живую все же чувствуетъ въ себѣ каждый,

и такъ или иначе ищетъ отрѣшить ее отъ буднишней грязи, алчетъ—и у скольких это напрасно выходитъ,—отдать ее на что-то „главное *недосягаемое*",—вы хорошо это сказали!—въ чемъ поглотилось бы его личное, назойливое, вѣчно ноющее *я*... Вы нашли его въ искусствѣ—что же, съ Богомъ, идите! повторяю. Искусство—то же спасеніе! Оно тоже лучъ изъ того *неба*... въ „награды" котораго вы не вѣруете.

Онъ оборвалъ вдругъ и сморщился, будто отъ чего-то горькаго, какъ всегда это бывало съ нимъ, когда иное слово въ пылу разговора, вырывавшееся у него изъ глубины души, могло, по его мнѣнію, быть сочтено за „фразу" слушателями его.

— Я однако въ поэзію пустился, кажется, промолвилъ онъ съ насилованнымъ смѣхомъ, подымаясь съ мѣста.

— Ахъ, если бы вы знали, воскликнула на это горячо Настя,—какъ давно я ни отъ кого не слышала этой „поэзіи" и какъ сладко мнѣ ее слышать!...

— Очень радъ!...

Онъ присѣлъ опять къ столу.

— Такъ вотъ что, Настасья Дмитріевна, поспѣшилъ онъ заговорить опять:—я дамъ вамъ письмо въ Москву къ одному хорошему моему знакомому; зовутъ его Ашанинъ. Большой повѣса, весело промолвилъ Борисъ Васильевичъ,—но золотой по сердцу человѣкъ; онъ свой въ театральномъ мірѣ, поставитъ васъ тамъ въ сношеніе со всѣми, кто будетъ вамъ нуженъ, и сдѣлаетъ для васъ вообще все, что только можно сдѣлать,—отвѣчаю вамъ за это... Но при этомъ уговоръ, заключилъ онъ.

— Какой? съ нѣкоторымъ изумленіемъ спросила она.

— Во-первыхъ, вы остановитесь по пріѣздѣ въ домѣ моемъ на Покровкѣ и устроитесь тамъ на все время, пока пробудете въ Москвѣ...

Она хотѣла возразить, но онъ остановилъ ее движеніемъ руки:

— Во-вторыхъ, вы должны обѣщать Александрѣ Павловнѣ... и мнѣ, что будете почитать Всесвятское роднымъ для себя мѣстомъ, куда станете пріѣзжать проводить время, которое окажется у васъ свободнымъ. Артистамъ уединеніе и отдыхъ

бываютъ нужны въ интересѣ же ихъ таланта, а здѣсь вы будете пользоваться ими среди людей, искренно къ вамъ расположенныхъ, и такъ же мало стѣсняя себя вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ если бы вы были у себя въ Юрьевѣ.

Настя не успѣла отвѣтить.

Въ незапертыя изъ гостиной двери кабинета входила хозяйка дома:

— Что̀, кончили? спросила она съ порога.

— Надѣюсь, отвѣтилъ Троекуровъ, вставая и направляясь къ ней,—но боюсь, что ты останешься не совсѣмъ довольною тѣмъ, къ чему мы пришли.

— Вышло несогласно съ вашими убѣжденіями, Александра Павловна, сказала въ свою очередь дѣвушка, подходя къ ней съ улыбавшимся лицомъ.

— Ахъ, милая, воскликнула она на это, — какое громкое слово вы сказали: „убѣжденія"! У меня на это никакой претензіи нѣтъ. Я просто думала... какъ ужасно должно быть для порядочной дѣвушки въ этомъ мірѣ театра, гдѣ кругомъ такъ много дурныхъ чувствъ... и дурныхъ примѣровъ, какъ бы робко домолвила она.

— И ты совершенно права en principe, сказалъ ей мужъ,— но для Настасьи Дмитріевны все это не такъ страшно, какъ для другой, менѣе испытанной жизнью; я тебѣ объясню, и ты, я увѣренъ, согласишься...

— Это зачѣмъ же, Борисъ! прервала его словно испуганно Александра Павловна: — ты конечно лучше меня въ состояніи разсудить все въ этомъ случаѣ... „Объяснять" мнѣ ничего не нужно... Я напередъ съ тобою согласна, если ты находишь, что такъ надо...

Брови Троекурова на мигъ какъ бы болѣзненно сжались,— но тутъ же съ прояснившимся лицомъ:

— Настасья Дмитріевна, сказалъ онъ,—обѣщаетъ за то пріѣзжать къ намъ во Всесвятское проводить все время, которое будетъ у нея свободнымъ во время ваканта, если она поступитъ на Московскую сцену, или между своими ангажементами, если поѣдетъ въ провинцію.

— Я не обѣщала еще, Борисъ Васильевичъ! протестовала дѣвушка...

Александра Павловна протянула ей обѣ руки:

— Не отказывайте!... Вѣдь *тамъ* у васъ опять душа наболитъ! быстро и чуть не шопотомъ проговорила она.

Слезы нежданно такъ и брызнули изъ глазъ Насти и руки ея въ неудержимомъ порывѣ обняли шею Троекуровой:

— Какая вы добрая, какая вы добрая! лепетала она, сдерживая, насколько могла, свои нервы, чтобъ и совсѣмъ не расплакаться...

XVIII.

Ich sehne mich nach Thränen.
Heine.

Поздно, часу въ двѣнадцатомъ ночи, уѣхала она изъ Всесвятскаго. Вечеръ пронесся для нея съ неимовѣрною быстротой и въ какомъ-то чаду... Ей то-и-дѣло представлялось, что это было не явь, а сонъ, невозможный сонъ. Такъ радостно, свѣтло, обольстительно, куда ни взглянешь, было въ этой большой гостиной съ ея картинами въ золотыхъ рамахъ по стѣнамъ и темною зеленью апельсинныхъ деревъ и камелій въ ея углахъ! Привѣтливыя и милыя, молодыя и старыя лица кругомъ, незлобивыя, увлекательныя рѣчи, нежданные взрывы дѣвичьяго смѣха, отъ котораго „будто запахомъ фіялокъ весной на всѣхъ повѣетъ вдругъ", говорила себѣ Настя Буйносова. О, какъ все это далеко было отъ мрака, отъ унынія, отъ злобы вѣявшихъ на нее столько лѣтъ въ стѣнахъ и отъ стѣнъ Юрьева!... „Неужели же все это богатство дѣлаетъ?" спрашивала она себя. Но нѣтъ, она помнила, когда и у отца ея были хоромы полныя цѣнныхъ картинъ и рѣдкой утвари, когда тамъ давались пиры на всю Москву, когда они, дѣти, ходили въ шелку и въ бархатѣ,—а не то это было, не эта „благодать", не это что-то „умиряющее и подымающее"... Старый морякъ Юшковъ былъ особенно въ ударѣ въ этотъ вечеръ: онъ разсказывалъ про Малаховъ курганъ, съ котораго его съ оторванною рукой снесли матросы бѣгомъ на перевязочный пунктъ за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, какъ по настилкѣ дымящихся русскихъ

труповъ вбѣжали въ укрѣпленіе торжествующіе Французы; про адмирала Нахимова, котораго онъ звалъ не иначе, какъ по имени и отчеству: „Павелъ Степановичъ",— причемъ голосъ его, чуялось ей каждый разъ, какъ будто „надтрескивался"... „Вѣдь все равно-съ, всѣ мы тутъ ляжемъ", приводилъ онъ съ улыбкой, которая такъ и врѣзалась въ ея памяти, безсмертныя въ смиренномъ мужествѣ своемъ слова его, „Павла Степановича", при отдачѣ приказанія подчиненнымъ не подвергать себя непріятельскимъ выстрѣламъ безъ нужды. И не могла она забыть того глубоко вдумчиваго выраженія, съ какимъ изъ-за кресла отца внималъ этимъ разсказамъ тринадцатилѣтній сынъ Троекуровыхъ, и внезапный тутъ же, дрожавшій отъ сдержанныхъ слезъ, возгласъ его сестры: „Ахъ, вы всѣ тамъ святые какіе-то были!..." Да, это былъ невѣдомый понынѣ для Насти міръ, старый, „честный" міръ семьи и родныхъ преданій, въ который не вѣрила, или который презирала она такъ много лѣтъ сряду съ высоты своихъ „освободительныхъ идей", и который открывался теперь предъ нею во всемъ обаяніи своей тихой прелести. Словно какіе-то золотые лучи прорывались насильственно сквозь ткань облекавшаго ее траурнаго покрывала... „Есть же у насъ въ Россіи *свое*, крупное и дорогое", сказывалось внутри ея, — „изъ-за чего горятъ восторгомъ эти молодыя созданія и сверкаютъ эти чудесныя слезы на ихъ глазахъ, изъ-за чего легли *тамъ* Павелъ Степановичъ и тысячи такихъ же смиренныхъ и великихъ душою, какъ онъ. А мы съ Володей не знали, не хотѣли и знать всего этого... Онъ и теперь не *сдался* бы на моемъ мѣстѣ; онъ и среди всѣхъ этихъ милыхъ людей остался бы такимъ же... непреклоннымъ", вспомнилось ей при этомъ вдругъ какимъ-то рѣжущимъ и смущавшимъ ее диссонансомъ...

И, по мѣрѣ того, какъ старыя, дребезжавшія дрожки—единственный вегикулъ, сохранившійся въ сараяхъ Юрьева, — на которыхъ ѣхала она, приближались къ ея усадьбѣ, мысль о братѣ возвращалась къ ней все настойчивѣе, а съ нею возникало мало-по-малу какое-то странное раскаяніе за то душевное умиротвореніе, которое выносила она изъ Всесвят-

скаго. Ей представлялось, что съ нимъ порывались послѣднія нити, связывавшія ее съ этимъ братомъ, бывшимъ для нея до сихъ поръ самымъ дорогимъ существомъ на свѣтѣ. Она припоминала, что для него, въ виду единственно его спасенія, поборола она въ себѣ то враждебное чувство, которое внушали ей до тѣхъ поръ Троекуровы, и рѣшилась ѣхать къ нимъ. И что̀ же? Она не нашла тамъ въ его защиту тѣхъ горячихъ словъ, которыя, казалось ей, когда она уѣзжала изъ Юрьева, польются изъ устъ ея съ неотразимою силой убѣжденія. Она сдалась, сдалась на первые же доводы этого „очаровательнаго", — она сознаетъ это, — но все же „узковатаго *барина*", не желающаго признать „честныя", хотя бы и ошибочныя „побужденія молодежи". Онъ ей прямо сказалъ, что „не допускаетъ прощенія для тѣхъ, кто о немъ не проситъ", и она не протестовала: хуже,— она какъ бы согласилась въ ту минуту въ душѣ своей, что Володѣ нельзя, не слѣдуетъ прощать... А затѣмъ она и какъ бы совсѣмъ забыла о немъ думать.. Ее какъ-то разомъ затянуло всю въ очарованный кругъ этого дома, въ эту мирно текущую, счастливую чужую жизнь. Она уѣхала вотъ сейчасъ оттуда свѣтлая духомъ, чуть не радостная. *Имѣетъ-ли она на это право?* спрашивала себя теперь Настя, роясь съ какою-то внезапною жаждой новой муки въ только-что затихшей бѣдной душѣ своей... Нѣтъ, она „не можетъ и не должна мириться съ жизнью", пока онъ, Володя, томится и страдаетъ; какъ бы ни признавала она его неправымъ, какъ бы ни расходилась нынѣ съ цѣлями, которыя преслѣдуетъ онъ... съ тѣмъ чѣмъ-то ужаснымъ, на что̀ намекнулъ онъ ей въ тотъ страшный вечеръ",— она „не станетъ рвать цвѣтовъ подъ окнами его тюрьмы", сказала себѣ дѣвушка какимъ-то внезапно пробѣжавшимъ у нея въ мысли поэтическимъ оборотомъ, заставившимъ ее тутъ же невольно усмѣхнуться, и голова ея машинально наклонилась къ большому букету азалій и розъ, который держала она въ рукѣ... Букетъ этотъ предъ отъѣздомъ ея принесъ ей изъ оранжереи Гриша Юшковъ, и она видѣла, какъ красавица-Маша зоркими глазами слѣдила за нимъ, когда онъ робко и неловко

подносилъ ей, и съ лукавою улыбкой шепнула что-то на ухо его старика-дяди, а тотъ такъ и просіялъ весь и весело закачалъ своею сѣдою, всклокоченною головой... „*Онъ* самъ бы конечно не подумалъ о такой любезности, ему очевидно она, эта прелестная дѣвочка, приказала сходить для меня къ садовнику за этими цвѣтами". И Настасья Дмитріевна вздохнула... „А интересно, прочатъ-ли тамъ въ самомъ дѣлѣ за него эту дѣвочку?" пронеслось у нея чрезъ мигъ опять, но она немедленно затѣмъ махнула рукой и проговорила громко подъ гулъ колесъ своего допотопнаго экипажа: „Ахъ, какое мнѣ до всего этого дѣло!..."

Когда она очутилась опять *дома*, въ своемъ запустѣломъ, неуклюжемъ и мрачномъ обиталищѣ (съ нею жила тутъ теперь одна толстая, успѣвшая за эти дни отъ непробуднаго спанья одурѣть чуть не до идіотизма, Мавра; нѣмую Варюшку Антонина Дмитріевна Сусальцева увезла съ собою за границу), ее охватило вдругъ какимъ-то ледянымъ холодомъ. Весь ея старый, безотрадный строй мысли словно вихремъ налетѣлъ на нее опять и сжалъ за горло желѣзными когтями, звеня ей въ ухо: „ты моя, и никто тебя теперь отъ меня не вырветъ!..." Пока ея грузная слуга, тыкаясь во всѣ углы спросонья, готовила ей постель, она, уложивъ голову на руки, долго сидѣла недвижно, уткнувшись безсознательно взглядомъ въ пламя единственной свѣчи, стоявшей предъ нею на столѣ. „Готово, барышня!" второй разъ пропѣлъ надъ ея ухомъ тягучій голосъ бабы, когда она наконецъ вышла изъ своего оцѣпенѣнія.

— Я завтра въ Москву ѣду, Мавра, сказала она и, опустивъ руку въ карманъ, вынула оттуда два письма.

На одномъ изъ нихъ читалось: Владиміру Петровичу Ашанину и адресъ. Другое было на имя управляющаго домомъ Бориса Васильевича Троекурова, на Покровкѣ.

Она положила первое письмо на столъ рядомъ со шляпою, скинутою ею съ головы.

— А это не нужно! рѣшила она, разрывая на четыре куска письмо къ управляющему:—они благородные, добрые, чудесные люди, я вся *распустилась* съ ними, но *отдаться* я имъ все-таки не хочу, какъ и никому на свѣтѣ! „Душа на-

болитъ опять“, говорила эта милая женщина. Пусть! И у нея свое что-то, должно быть, наболѣло тоже... А мнѣ и некогда будетъ: не своею я отнынѣ жизнью жить буду, а тѣхъ, кто устами моими говорить будутъ, слезами моими плакать... Тоже „лучъ съ неба“, вспомнила она слова Троекурова,—и какая-то неопредѣленная улыбка скользнула на мигъ по ея изнеможенному лицу...

КОНЕЦЪ ПРОЛОГА.

БЕЗДНА.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ.

Посвящается Еленѣ Сергѣевнѣ Рахмановой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

O voi, ch'avete l'intelleti sani,
Mirate la dottrina che s'asconde
Sotto 'l velame delli versi strani.
Dante.

I.

Près des bords où Venise est reine de la mer...
André Chénier.

Близь мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая...
Пушкинъ.

Свѣтлою мѣсячною ночью, въ половинѣ августа 1878 года, отъ Піацетты къ Gran Canale спускалась *серената*. Надъ широкимъ, квадратнымъ досчатымъ помостомъ, настланномъ на двухъ большихъ, связанныхъ бокъ-о-бокъ, баркахъ, возвышался сквозной павильйонъ изъ длинныхъ брусьевъ, обтянутыхъ спирально полосами яркой пунцовой ткани въ переплетъ съ гирляндами изъ свѣжей зелени, бѣжавшими отъ нихъ вверхъ лучеобразными нитями къ невысокой мачтѣ, составлявшей центръ постройки и надъ которою, подъ набѣгами слабаго вѣтерка, дувшаго отъ Джудекки *), тихо шуршали въ

*) Отъ Giudo, Жидъ — широчайшій каналъ въ Венеціи, по лѣвому берегу котораго единственно имѣли право селиться и жить Евреи во времена республики.

прозрачномъ воздухѣ складки италіянскаго флага съ краснымъ савойскимъ крестомъ на его бѣлой серединѣ. Трепетный мутный свѣтъ безчисленнаго количества разноцвѣтныхъ бумажныхъ фонарей обливалъ со всѣхъ сторонъ собранную на помостѣ довольно большую толпу мужскаго и женскаго хора, игралъ индѣ капризными бликами на виднѣвшихся въ рукахъ музыкантовъ инструментахъ, на серебряныхъ клапанахъ флейтъ, на блестящей мѣди трубъ и валторнъ, — и розы въ волосахъ пѣвицъ словно млѣли и трепетали подъ этимъ имъ невѣдомымъ фантастическимъ сіяніемъ. Впереди, темными силуэтами рисуясь на голубоватомъ фонѣ ночи, три гондольера, стоя на кормѣ въ той своей классической наклонной позѣ, которую обезсмертила кисть Каналетто, тужась и усердно ворочая руками, работали каждый своимъ единымъ длиннымъ весломъ, двигая внизъ прикрученное веревками къ гондоламъ ихъ все это тяжелое пловучее зданіе.

Серената устроена была съ цѣлью какой-то патріотической подписки хозяевами многочисленныхъ отелей въ Венеціи, и должна была у каждаго изъ нихъ исполнить назначенный для него по программѣ музыкальный нумеръ. Въ моментъ остановки павильйонъ освѣщался весь пламенемъ красныхъ, зеленыхъ, синихъ огней; изъ отеля въ отвѣтъ взлетали къ небу шипящія ракеты, и бумажная монголфьерка съ пылающимъ подъ нею спиртомъ медленно подымалась въ воздухъ, привѣтствуемая восторженными кликами цѣлаго роя дѣтей, съ заборовъ, съ балконовъ, съ крышъ взиравшихъ на „spettacolo questo divino“, на такое „божественное зрѣлище“...

Все далѣе плыла *серената*, и съ каждымъ мгновеніемъ становилось значительнѣе число примыкавшихъ къ ней гондолъ. Стройныя, таинственныя и мрачныя въ своемъ традиціонномъ траурномъ обликѣ *), выплывали онѣ изъ сосѣднихъ лагунъ и малыхъ каналовъ, беззвучно и мягко, какъ полетъ ночной птицы, скользя по зеркальной глади зеленыхъ водъ. Со всѣхъ скинуты были будки и съ сидѣній ихъ жадно, въ

*) Гондолы, какъ извѣстно, въ силу неизмѣннаго обычая выкрашены всѣ въ черный цвѣтъ; республика строгимъ постановленіемъ не дозволяла иной для нихъ окраски.

свою очередь, глядѣли на зрѣлище *forestieri* всѣхъ странъ, возрастовъ и видовъ: голубоглазыя англійскія миссы и деревянные Нѣмцы, совершающіе свою прогулку по Италіи, Французы-художники съ козлиною бородкой, въ остроконечныхъ и широкополыхъ шляпахъ, оливколицые Индійцы въ чалмахъ, прибывшіе для чего-то съ послѣднимъ пароходомъ изъ Бомбея въ Европу, *Далматинцы* изъ Тріеста съ усами въ три этажа, съ добродушно суровымъ выраженіемъ своихъ славянскихъ лицъ... Разноязычныя восклицанія, живой говоръ раздавались кругомъ въ интервалахъ между исполненіемъ музыкальныхъ піесъ. Новоприбывшія гондолы изворотливо, какъ змѣи, втирались въ тѣсные ряды ближайшихъ къ павильону, все шире и шире раскидывая сомкнутый кругъ ихъ; слышался металлическій лязгъ сталкивавшихся бронзовыхъ коньковъ *), плескъ забиравшаго впередъ весла, и все это, лихорадочно спѣша и тѣснясь, боясь быть оттертыми въ свою очередь, неслось затѣмъ разомъ за отплывавшимъ опять съ мѣста пловучимъ концертомъ...

Исполнено было уже нѣсколько нумеровъ. Усердный, хотя и не совсѣмъ стройный оркестръ, составленный изъ любителей, лавочниковъ и ремесленниковъ, проигралъ увертюру изъ *Сороки воровки* и маршъ вѣнчанія изъ *Пророка*; хоръ пропѣлъ смѣло, чтобы не сказать лишняго, молитву изъ *Моисея*; какая-то не молодая, съ большимъ носомъ и надтреснутымъ голосомъ, особа пролепетала слащавенькій романсъ *Stella confidente... Серената* въѣзжала въ Gran Canale.

Новая остановка; снова ракеты и бенгальскіе огни, и изъ-за пламени и дыма ихъ зазвучалъ на помостѣ голосъ...

То былъ мужской, проницающій голосъ, высокій баритонъ съ тѣмъ груднымъ теноровымъ тембромъ, какой дается только „сынамъ Авзоніи счастливой“, голосъ не прошедшій—было ясно,—никакой школы, пѣвшій, какъ поетъ птица, но страст-

*) Къ обоимъ бортамъ гондолъ, у впадинъ, въ которыя устанавливается надъ ними будка, прикрѣплено по одному, служащему повидимому однимъ украшеніемъ, миѳическому, съ загнутымъ крючкомъ вверхъ рыбьимъ хвостомъ, конику изъ литой и золоченой бронзы, содержимой всегда гондольерами въ весьма блестящемъ видѣ.

ный, но нѣжный, но неотразимо обаятельный въ безъискусственности своей голосъ.

La biondina in gondoletta

пѣлъ онъ старую, извѣстную мѣстную *канцонету*, и чѣмъ-то словно эпическимъ, стародавнимъ и благоухающимъ понесло вдругъ отъ этихъ звуковъ, среди этой лунной и праздничной ночи, предъ этими старыми, волшебными въ запустѣлой красотѣ своей дворцами Венеціи, изъ мраморныхъ оконъ которыхъ когда-то въ такія же мѣсячныя ночи внимали задумчиво пѣвцамъ такихъ же серенатъ патриціянки-красавицы Тиціана и Веронеза, бѣлокурыя дочери Лорединовъ и Дандоло...

Таково, по крайней мѣрѣ, было впечатлѣніе, произведенное пѣвцомъ и его пѣснью на молодую, одѣтую всю въ черное, женщину, сидѣвшую рядомъ съ другою и въ обществѣ трехъ сопутствовавшихъ имъ мущинъ (изъ которыхъ одинъ былъ очень красивый и въ очень красивомъ мундирѣ италіянскій офицеръ), въ большой гондолѣ Hôtel Danielli, управляемой двумя гондольерами, облеченными ливрейно въ матросскій бѣлый съ синимъ костюмъ:

— Ah, marquis, громко вскликнула она,—on se croirait vraiment au temps des doges et il ne manque qu'une pâle Desdémona au balcon de cet adorable palais Grimani!

— Ou si vous aimez mieux rester dans l'histoire, comtesse, благовоспитанно засмѣялся маркизъ, человѣкъ лѣтъ сорока пяти, съ тонкими чертами и лукавымъ выраженіемъ глазъ,— une Catherine Cornaro à la veille de partir reine pour Chypre. *).

— И какъ онъ поетъ, этотъ человѣкъ! возгласила она опять со вздохомъ восторга.

— Monsieur Vermicella, проговорила на это пренебрежительно-насмѣшливымъ тономъ на томъ же французскомъ языкѣ другая сидѣвшая въ гондолѣ дама, облеченная въ изящнѣй-

*) Венеціанка, вышедшая замужъ за Петра Лузиньяна, короля Кипрскаго; она по смерти его передала свое королевство во владѣніе Венеціанской республики (1480 года), отъ которой отвоевали его Турки въ 1571 году.

шую тальму изъ темносиняго drap de velours, богато обшитую золотымъ шнуркомъ по тогдашней модѣ, и съ газовою на круглой шляпѣ вуалью, спущенною до самаго подбородка, во избѣжаніе вреда, какой могъ нанести ночной воздухъ ея свѣжему и прекрасному лицу, и дама кивнула на офицера, сидѣвшаго по другую сторону: — Monsieur Vermicella говоритъ, что онъ хорошо знаетъ этого человѣка: его зовутъ Луиджи Керубини; онъ сапожникъ.

— Si, si, ze (то-есть, *je*) le connais bien cet uomme *(homme)* puisqu'il me coud mes stivale... mes bottes, поспѣшилъ перевесть съ самодовольнымъ смѣхомъ офицеръ Вермичелла, который былъ настолько же обиженъ природой въ умственномъ отношеніи, насколько щедро одаренъ ею съ наружной стороны, и говорилъ при томъ по-французски непростительно дурно.

Графиня, не отвѣчая, взглянула на него чуть не съ ненавистью и замолкла, будто обиженная.

— Кстати о палаццо Гримани, знаете-ли вы его легенду? спросилъ ее маркизъ.

— Нѣтъ! отрѣзала она.

Онъ чуть-чуть повелъ кончикомъ губъ, какъ бы засмѣявшись внутренно тому, что угадывалъ подъ ея внезапнымъ неудовольствіемъ, и заговорилъ своимъ свѣтскимъ, нѣсколько изысканнымъ языкомъ:

— Я начну какъ въ сказкахъ: жилъ да былъ (il y avait une fois) здѣсь дожъ по фамиліи Тіеполо *) и ему принадлежалъ вотъ этотъ, прямо напротивъ, не менѣе прелестный palazzo той же лучшей эпохи Возрожденія. Дворцомъ этимъ уже нѣсколько лѣтъ восхищалась Венеція, когда на мѣстѣ палаццо Гримани все еще стояло старое обиталище этой фамиліи, не отличавшееся ни размѣрами своими, ни изяществомъ. Тог-

*) Быть можетъ славянскаго происхожденія (*тепло*), какъ и фамилія знаменитаго „Пелопонезскаго" (Peloponesiacus) Морозини (*морозъ*). Значительная примѣсь славянской крови въ венеціанской расѣ наглядно даетъ себя знать въ женскихъ портретахъ и типахъ, оставленныхъ намъ великими живописцами Венеціанской школы. Дворецъ Тіеполо принадлежитъ теперь графу Пападополи, происходящему отъ италіянизованной греческой фамиліи.

дашній владѣлецъ его былъ человѣкъ богатый, но разсчетливый или скупой, l'histoire ne le précise pas, и довольствовался скромнымъ жилищемъ, оставленнымъ ему предками въ это блестящее Cinque Cento (въ XVI вѣкѣ), когда страсть къ искусству неудержимо увлекала всю остальную тогдашнюю венеціанскую аристократію къ постройкѣ всѣхъ тѣхъ художественныхъ чудесъ, мимо которыхъ проѣзжаемъ мы теперь... Но у этого Гримани былъ сынъ, а у Тіеполо дочь, и молодые люди влюбились другъ въ друга. Такъ какъ обѣ фамиліи были равно богаты, равно записаны въ *Золотую книгу* *) и въ отношеніяхъ онѣ были не враждебныхъ, то Гримани, не допуская и мысли, чтобы могло быть ему отказано, отправилъ къ дожу посланныхъ просить для сына руку его дочери. Но къ немалой досадѣ своей узналъ о такомъ отвѣтѣ того: „Скажите Гримани, что я отдамъ дочь мою за его сына, лишь когда онъ выстроитъ palazzo, равный красотой моему, а то у меня каждое утро болѣла бы душа, глядя чрезъ каналъ, при мысли, что моя дочь изъ великолѣпныхъ палатъ моихъ перешла на жительство въ такой жалкій домишко, какъ его". „Такъ объявите же Тіеполо", воскликнулъ Гримани, „что я выстрою такія палаты, что балконъ ихъ будетъ шире всего фасада его дворца"... И исполнилъ свое слово: сплошной балконъ, облегающій, какъ вы видите, весь фасадъ палаццо Гримани, длиннѣе протяженіемъ фасада дворца Тіеполо... Это chef d'oeuvre знаменитаго тогдашняго венеціанскаго архитектора Саммикіели... Знаете, что на одни основанія его—мѣсто тутъ было страшно болотистое,—пошло *милліонъ двѣсти тысячъ свай*, протянулъ онъ подчеркивая, — превосходнѣйшаго краснаго лѣса... Одна французская компанія предполагала въ прошломъ году купить этотъ дворецъ, чтобы снести его и вытащить для продажи эти сваи, пріобрѣвшія теперь, послѣ

*) *Libro d'oro*, въ которой значились всѣ патриціанскія фамиліи Венеціи. Честь быть записаннымъ въ ней почиталась выше всякихъ титуловъ, которыхъ республика не признавала за своими nobili, но которыми довольно щедро награждала сама за службу ей и услуги въ вассальныхъ ей земляхъ. Отсюда графскіе титулы многихъ фамилій греческаго (на Іоническихъ островахъ) и хорватскаго (далматинскаго) происхожденія.

такого долгаго пребыванія въ водѣ, крѣпость желѣза и огромную цѣнность. Къ счастію, городъ не согласился на такой актъ вандализма...

— Спекуляція хорошая; дрова здѣсь очень дороги, съ быстротой и краткостью телеграфной депеши промолвилъ, обернувшись къ офицеру Вермичеллѣ, третій изъ мущинъ гондолы, высокій и полный, стоявшій на носу ея и не принимавшій до этой минуты никакого участія въ разговорѣ, а глядѣвшій, не отрываясь, на *серенату* сквозь огромнѣйшій бинокль, футляръ котораго висѣлъ у него на ремнѣ черезъ плечо.

Дама подъ вуалью быстро и какъ бы испуганно вскинула голову по его направленію; но онъ уже успѣлъ замолкнуть и снова навелъ свой бинокль на павильонъ съ его пѣвцами и музыкантами.

— Это очень мило, что̀ вы разсказываете, скучливо-любезнымъ тономъ сказала дама, обращаясь къ маркизу: — у васъ много еще такихъ исторій?

— Есть, если вамъ не скучно слушать, исторія palazzo Contarini, dit *delle figure*, отвѣтилъ онъ, глядя впрочемъ не столько на нее, сколько на ту, которую назвалъ графиней.

Но эта молодая женщина видимо не интересовалась его исторіями. Подъ негромкіе звуки его повѣствованія она всѣмъ ухомъ прислушивалась къ разговору, который велся рядомъ съ нею въ гондолѣ, только-что оттѣснившей ту, въ которой за нѣсколько мгновеній предъ тѣмъ видѣла она невзрачную чету какихъ-то старыхъ Англичанъ съ зубами, длинными какъ у верблюда, и съ неизбѣжнымъ Murray *) въ рукѣ. Ихъ замѣнили теперь двое молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ, обросшій волосами чуть не по самые глаза и въ истрепанной мягкой шляпѣ, надвинутой по самыя брови, сидѣлъ, укутавшись въ какой-то не то пледъ, не то одѣяло, словно отъ холода; другой, бѣлокурый и стройный, одѣтый прилично, глядѣлъ, прищурившись, на palazzo Grimani, о которомъ только-что разсказывалъ маркизъ. Онъ, поняла она съ первыхъ его словъ, слышалъ этотъ разсказъ:

---

*) Англійскій Бедекеръ, путеводитель по Европѣ.

— Да, братъ-Волкъ, говорилъ онъ по-русски своему спутнику,—на это вотъ зданьице милліонъ двѣсти тысячъ однѣхъ свай пошло... Глубоко запустили свои корни эти старыя цивилизаціи, процѣдилъ онъ чрезъ мигъ, перескакивая очевидно чрезъ цѣлый рядъ мысленныхъ посылокъ.

— А ну ихъ къ чорту! прохрипѣлъ человѣкъ въ пледѣ.

Бѣлокурый разсмѣялся:

— Ты все такъ же прямолинеенъ, вижу, Волкъ, сказалъ онъ.

— А ты не аристократничай! отрѣзалъ тотъ какъ бы грозно.

Настало на минуту молчаніе, послѣ чего бѣлокурый началъ опять:

— Какъ же ты сюда добрался?

— Извѣстно какъ: кочегаромъ.

— Отъ Суэза?

— Во! отъ самаго Сингапура.

— Тяжело?

— Чего „тяжело!"... Ничего... Въ Красномъ морѣ жарконько было, будто вспомнилъ онъ нечаянно.

— Съ языкомъ какъ ты справлялся?

— Какого тамъ языка нужно! Пришелъ наниматься, говорю: *сох*, на руки показалъ. „Well", говорятъ, ступай!.. Разговоръ не дологъ.

— Жалованье получалъ?

— А то какъ!... Кормили тожь... Пять фунтовъ чистогану пріобрѣлъ, какъ бы уже съ нѣкоторою торжественностью примолвилъ онъ.

— Въ Россію... думаешь? послѣ новаго молчанія спросилъ бѣлокурый, понижая голосъ.

— Какъ вотъ рѣшимъ... въ Женевѣ, какъ бы нехотя промычалъ тотъ.

Съ платформы грянулъ въ эту минуту хоръ изъ *Травіаты*.

Графиня съ нетерпѣніемъ ждала, когда онъ умолкнетъ. То, что̀ пришлось ей услышать сейчасъ, возбудило въ высшей степени ея любопытство. А любопытства и воображенія было у нея много, очень много...

Незнакомые ей молодые люди продолжали свою бесѣду

между тѣмъ, не слушая музыки и не обращая видимо никакого вниманія на то, что̀ происходило предъ ними. Они были вполнѣ поглощены теперь другъ другомъ... Когда пѣніе прекратилось, графиня услышала слѣдующее:

— ...Четверо сутокъ проплутали мы въ этомъ бору, говорилъ бѣлокурый; — въ сентябрѣ дѣло было, холодъ тамъ въ ту пору уже лютый, дождь ледяной, а на насъ сермяги однѣ крестьянскія... до костей пронимало... Изъ силъ выбились къ тому же; если-бы не фляжка съ коньякомъ, которую она выкрала для меня у отца и дала на прощанье, я, пожалуй, такъ и сгинулъ бы тутъ отъ изнеможенія...

— Знаю, промычалъ опять тотъ, котораго звали Волкомъ,— было со мной такое-жь на Шилкѣ... Что̀-жь этотъ твой Степка... какъ бишь его?...

— Степка Фроловъ, по прозванію Зарѣзъ... Эхъ, знатный парень! перебилъ себя говорившій:—вотъ оружіе чудесное на какое угодно предпріятіе... если-бы понадобилось, проговорилъ онъ вѣско и вполголоса.

— Д-да, протянулъ загадочнымъ тономъ Волкъ:—изъ рабочихъ?

— Маляръ, Питерецъ... грамотный, у Ивашнина въ школѣ былъ...

Тотъ повелъ головой:

— Готовый, значитъ?

— Насквозь!... Дороги онъ самъ не зналъ, за то зналъ хорошо, что провѣдали бы про то, что онъ способствовалъ мнѣ бѣжать, его бы въ тюрьму, какъ пить дать, упекли. Самъ я ему объ этомъ говорилъ. „А наплевать, говоритъ; что тамъ будетъ—дѣло незнамо, а теперича тебя, Владиміръ Митричъ, выручать надо“... Ну, и повелъ... и погибалъ тамъ со мною, въ лѣсу въ этомъ...

— Какъ же выдрались-то̀?

— Очень просто: нежданно, негаданно сквозь лѣсъ вода блеснула... Оказалось, мы къ Сухонѣ вышли...

„Сухона, Сухона, припоминала графиня,—это гдѣ-то près d'Архангельскъ. Онъ туда былъ сосланъ и ушелъ à travers cette forêt, гдѣ чуть-чуть не погибъ. А другой *изъ Сингапура*—

c'est dans l'Inde... *кочегаромъ*, бѣдный... Ужасно!... Онъ тоже бѣжалъ... изъ Сибири, это ясно, — на какомъ-нибудь американскомъ пароходѣ... И теперь оба здѣсь, à Venise, devant ces merveilles de l'art... Политическіе преступники, des réfugiés politiques", перевела она—и воображеніе ея разгоралось все сильнѣе и сильнѣе. „Какъ это интересно, какъ интересно!.. И непремѣнно un petit roman во всѣхъ этихъ случаяхъ!.. Какъ бы я хотѣла знать, кто была эта женщина... une femme mariée ou une jeune fille?.. которая *украла* у своего отца ce flacon de cognac и дала ему „на прощанье?"... Она его любила,—непремѣнно!.. Какъ она плакала, можетъ быть, бѣдняжка, когда отдавала она ему это!.. L'amour, toujours, partout l'amour"...

— Ахъ, опять этотъ голосъ! воскликнула она тутъ же громко.

Луиджи Керубини, сапожникъ офицера Вермичеллы, пѣлъ теперь арію изъ *Il Furioso* Доницетти.

Raggio d'amor parea
Nell' primo april degli anni...

и какъ пѣлъ! „A réveiller *une morte*", говорилъ, чуть-чуть подчеркивая и усмѣхаясь однимъ уголышкомъ губъ, маркизъ.

Она слушала... Сердце у нея сильно билось, а глаза не могли оторваться отъ бѣлокураго незнакомца, сидѣвшаго въ своей гондолѣ такъ близко къ ней, что она могла бы дотронуться до него рукой. И среди этой синей венеціанской ночи, подъ эти страстные звуки юга, предъ мысленными очами ея стоялъ мрачный, страшный сѣверный лѣсъ, занесенный снѣгомъ, — тотъ самый лѣсъ, что̀ писанъ на декораціи послѣдняго акта *Жизни за Царя*,— и тамъ, подъ нависшею елью, „въ шубкѣ", дрожа отъ холода и муки, стоитъ *она*,—„jeune fille ou femme mariée",—любившая *его*, и говоритъ ему: „Прощай, спасайся, будь счастливъ, а я... я умру безъ тебя, но что̀ тебѣ до этого! Мы, женщины, рождены, чтобы любить, страдать... et mourir pour vous"...

— Vous rêvez, comtesse? спросилъ шепоткомъ маркизъ, наклоняясь къ ней вслѣдъ за послѣднею нотой аріи.

Она вздрогнула, усиленно моргнула глазами:

— Oui, et d'un mauvais rêve, быстро проговорила она, приникая опять ухомъ къ тому, что̀ говорилось въ сосѣдней гондолѣ.

— Такъ гдѣ-жь тебя найти тутъ? спрашивалъ Волкъ.

— А я, какъ пріѣхалъ съ Бортнянскими, такъ и остался въ *Hôtel Bauer*, только въ дешевый нумеръ перебрался...

— Какіе такіе Бортнянскіе? спросилъ опять тотъ.

— Семейство одно русское... Случай мнѣ вышелъ въ Вѣнѣ: ѣхали они въ Италію на зиму, учитель нуженъ имъ былъ къ дѣтямъ...

— Что̀-жь, дѣло! хихикнулъ Волкъ почему-то.

— Да... да не выгорѣло.

— А что̀?

— Телеграмму здѣсь получили они. Родственникъ какой-то ихъ богатый умеръ въ Петербургѣ, они скоропостижно и взмыли всѣ туда, наслѣдство дѣлить... Такъ я и остался...

— Гм!.. Это гдѣ же твой *Бауэръ?*

— Подлѣ *San-Moise;* церковь такая есть... Вспомни десять заповѣдей, засмѣялся молодой человѣкъ, — и пророка Моисея.

— Добре, не распространяйся, найду... Нумеръ?

— Двадцать девятый. Пролетова спроси, maestro russo Proletof.

— Про-ле-товъ, повторилъ по слогамъ Волкъ,— по виду что̀-ли? коротко спросилъ онъ тутъ же.

— По самому настоящему, отвѣтилъ молодой человѣкъ съ новымъ смѣхомъ:—подписано: „с.-петербургскій градоначальникъ"... Ишь, загалдѣли какъ! перебилъ онъ разговоръ, словно послѣ какого-то сна возвращаясь къ сознанію окружавшей его дѣйствительности и устремляя прищуренные глаза впередъ.

Съ гондолъ, съ берега, неслись крики и громкія рукоплесканія по адресу восхитившаго публику пѣвца. „Cherubini, bravo! Fora (выходи), Cherubini, avanti (впередъ)!"... И въ багровомъ освѣщеніи загорѣвшихся вновь по этому случаю потѣшныхъ огней выступилъ къ самому краю помоста человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, невзрачной наружности, въ изношенномъ пальто и съ шеей, повязанною какимъ-то лиловымъ

кашне, и принялся неловко раскланиваться направо и налѣво, откидывая въ сторону, по-италіянски, руку со шляпой во всю длину ея, будто солдатъ на караулѣ, салютующій проѣзжающему командиру.

— Il n'est pas beau votre cordonnier! все тѣмъ же своимъ скучливо-пренебрежительнымъ тономъ проговорила дама въ вуалѣ сосѣду своему Вермичеллѣ.

Графиня внезапнымъ порывомъ наклонилась къ ея уху и прошептала ей:

— А посмотри тутъ влѣво, подлѣ меня, этотъ... (она почему-то не сказала срывавшееся у ней съ языка „нашъ Русскій")... Точно Ванъ-Диковскій портретъ...

Тотъ, о которомъ говорила она, стоялъ теперь въ ростъ въ своей гондолѣ, озаренный отблескомъ огней съ серенаты, и дѣйствительно въ строгомъ обликѣ его молодаго, правильнаго лица съ бѣлокурыми волосами, вившимися подъ низкою и мягкою черною шляпой, было въ эту минуту что-то эффектно, картинно-красивое.

Дама, склонивъ нѣсколько голову на-бокъ, потянулась ею впередъ по указанному направленію и вдругъ быстрымъ, словно испуганнымъ движеніемъ, откинулась всѣмъ тѣломъ назадъ въ спинку своего сидѣнья...

Спущенный вуаль не дозволялъ видѣть выраженія ея лица, но спутницѣ ея этого не было и нужно. Цѣлый міръ самыхъ смѣлыхъ, невозможныхъ догадокъ и соображеній зароился мгновенно въ пылкой головѣ графини... Но она была слишкомъ благовоспитана и свѣтски опытна, чтобы выразить это чѣмъ-либо наружно. Она поспѣшила даже отнестись съ какимъ-то вопросомъ къ маркизу, котораго знала за очень тонкаго и наблюдательнаго человѣка, чтобъ отвлечь его вниманіе отъ внезапнаго смущенія своей сосѣдки, въ случаѣ, если онъ успѣлъ замѣтить его.

— Madame *elle est* incommodée? *) спрашивалъ между тѣмъ ту, сложивъ губы сердечкомъ и голосомъ, „какъ медъ

*) Ella è incommodata, signora? По-италіянски, какъ извѣстно, въ учтивомъ разговорѣ употребляется третье лицо единственнаго числа вмѣсто втораго множественнаго.

Гимета сладкимъ", офицеръ Вермичелла, горѣвшій къ ней пламенною страстью и слѣдившій поэтому за каждымъ ея жестомъ съ зоркостью лягавой собаки.

— Я озябла, отвѣтила она, успѣвъ тутъ же овладѣть собою,—воздухъ очень свѣжъ сегодня... Находите-ли вы, примолвила она чрезъ мигъ какъ бы шутливо и не относясь ни къ кому особенно,—что эта музыка стòитъ того, чтобы мы прослушали ее до конца?

— Другими словами, засмѣялась графиня,—„мнѣ скучно, поѣдемте домой!"... Счастливый супругъ, повышая голосъ, обратилась она по-русски къ мущинѣ, стоявшему на кормѣ гондолы,—вашей женѣ бай-бай хочется.

— A vos ordres, Madame! торопливо оборачиваясь и шагая къ остальному обществу, проговорилъ тотъ скороговоркой имѣвшуюся у него словно всегда готовою въ карманѣ французскую фразу.

— Le modèle des époux! произнесла съ комическимъ паѳосомъ молодая женщина и продолжая на томъ же языкѣ:— я васъ втроемъ съ monsieur Вермичеллой высажу къ Даніелли, а мы съ маркизомъ, если ему не будетъ скучно, проѣдемся еще немножко... Я сегодня въ мечтательномъ настроеніи, смѣялась она,—а онъ удивительно умѣетъ угадывать и отвѣчать на всякое женское настроеніе...

— Oh, comtesse!... благодарно воскликнулъ онъ, только прикладывая руку къ сердцу...

Высадившись на *Riva dei Schiavoni*, у отеля Даніелли, дама въ вуалѣ обратилась къ мужу и сопровождавшему ихъ офицеру:

— Messieurs, я спать хочу и потому не приглашаю васъ къ себѣ... о чемъ вы впрочемъ очень сожалѣть не будете, такъ какъ, по обыкновенію, отправитесь вѣроятно играть въ домино къ Флоріани, чтò гораздо веселѣе моего общества.

— Ужинать къ Квадро *) поѣдемъ... avec bouteille cham-

---

*) Флоріани—кафе, а Квадро — кафе-ресторанъ, первый въ *Новыхъ*, а второй въ *Старыхъ Прокураторіяхъ*, на площади Святаго Марка, одинъ почти напротивъ другаго.

pagne, быстро проговорилъ на это мужъ на ухо офицеру и подталкивая его подъ локоть.

Но Вермичелла въ отвѣтъ испустилъ глубокій вздохъ, повелъ на даму долгимъ взглядомъ своихъ прекрасныхъ миндальныхъ глазъ и произнесъ чуть не плача:

— Oh, madame elle est très messante (méchante) ce soir!..

— Bonne nuit! крикнула она, не отвѣчая ему, оставшимся въ гондолѣ маркизу и графинѣ.

— Bonne nuit et beaux rêves, Tony! засмѣялась опять та — до завтра!... Ты въ которомъ часу зайдешь за моимъ Никсомъ въ Лидо на купанье?

— Какъ всегда, въ часъ! крикнула Tony скороговоркой, исчезая за дверями отеля.

Мужъ подхватилъ офицера подъ руку и повлекъ его съ собою чрезъ Ponte della paglia по направленію къ площади Святаго Марка. Для взаимнаго обмѣна мыслей они поставлены были въ необходимость употреблять французскій языкъ, на которомъ оба объяснялись невозможнымъ образомъ, но это нисколько не мѣшало имъ повидимому отлично понимать и находить величайшее удовольствіе въ обществѣ другъ друга. „Счастливый супругъ“, по крайней мѣрѣ, не могъ и дня провести безъ обожателя жены своей, причемъ поилъ и кормилъ его со всею безудержностью русскаго *угощенія*, отъ котораго столбенѣлъ, а иной разъ приходилъ въ совершенное отчаяніе бѣдный Вермичелла, чувствовавшій себя гораздо болѣе созданнымъ „ухаживать за signora Russa“, чѣмъ для обжорства съ ея законнымъ обладателемъ.

— Куда же мы ѣдемъ, графиня? спрашивалъ между тѣмъ свою спутницу маркизъ.

— Куда хотите, гдѣ потемнѣе и пострашнѣй... Къ Ponte dei Sospiri прежде всего.

— Я вижу, усмѣхнулся онъ,— что вы не въ „мечтательномъ“, какъ сказали, а въ какомъ-то мрачномъ настроеніи духа находитесь...

— Совсѣмъ нѣтъ, прервала она его,—я хочу только сильныхъ впечатлѣній сегодня. Разскажите мнѣ какую-нибудь ужасную исторію!

— О выходцахъ съ того свѣта? спросилъ онъ, уже совсѣмъ разсмѣявшись.

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ: что-нибудь... политическое...

Онъ внимательно покосился на нее своими умными глазами:

— Странное впечатлѣніе однако производитъ на васъ музыка, графиня! Elle ne vous poétise pas; elle vous prosaïse au contraire, il me semble, примолвилъ онъ какъ бы тономъ нѣжнаго упрека.

— Почему это? Потому что я произнесла слово „политика?" Политика политикѣ рознь: я говорю не о той скучной вещи, которою занимаются дипломаты и газеты, а о томъ, что̀ такъ часто бываетъ интересно, какъ въ романѣ или въ оперѣ... какъ въ *Гугенотахъ* напримѣръ, борьба партій, тайные заговорщики, узники, убѣгающіе изъ своихъ тюремъ, и такъ далѣе...

— Это значило бы прочесть вамъ курсъ современной исторіи моего отечества, съ 1815 года и до самаго вступленія нашего въ Римъ, сказалъ на это маркизъ: — вся Италія въ продолженіе полустолѣтія только и дѣлала, что конспирировала.

— Да, да, какъ бы радостно проговорила она. — Silvio Pellico...

Она запнулась, не припоминая въ головѣ никакого другаго имени.

— И много другихъ... включая сюда и вашего покорнаго слугу, добавилъ онъ какъ бы мимоходомъ.

— Вы, вы были заговорщикомъ! воскликнула она, оборачиваясь къ нему всѣмъ лицомъ.

— И даже приговоренъ къ смерти.

— О!.. могла только сказать она и вся вздрогнула.

Ponte dei Sospiri возносилъ прямо предъ ней въ эту минуту смѣлый изгибъ своего перекинутаго свода, и тусклое пламя маслянаго фонаря со стороны дворца дожей дрожало унылымъ свѣтовымъ пятномъ на крайнемъ изъ его рѣшетчатыхъ оконъ. Точно кто-то внутри пробѣжалъ мимо этого окна съ факеломъ въ рукѣ, представилось на мигъ ея воз-

бужденному воображенію... Она усмѣхнулась, но то жуткое ощущеніе, котораго искала она въ этотъ вечеръ, продолжало блаженно сжимать ей грудь. Чѣмъ-то гробовымъ дѣйствительно вѣяло отъ высокихъ, почернѣвшихъ стѣнъ вѣковыхъ зданій, мимо которыхъ плыла она съ бѣжавшею впереди ея гондолы узкою лентой зеленой, коварной воды, „унесшей въ море", думалось ей, „такъ много жертвъ, такъ много жизней молодыхъ, прекрасныхъ, благородныхъ"... Ей было и страшно, и сладко среди нѣмой, словно зловѣщей тишины, царившей кругомъ, и не хотѣлось ей прервать ее, не хотѣлось вырваться изъ-подъ ея мрачнаго обаянія. Точно ее живую захватили какіе-то невидимые призраки и увозили въ царство тѣней, и самъ подземный владыка въ огненной коронѣ ждалъ ее на судъ гдѣ-то тамъ далеко впереди, гдѣ пламя одинокой свѣчи изъ чьего-то открытаго окна отражалось трепещущею искрой въ дремлющей влагѣ канала...

Легкая дрожь пробѣжала у нея по тѣлу; она чуть-чуть встряхнула головой и обернулась еще разъ къ своему спутнику:

— Вы были приговорены къ смерти, повторила она; — когда же это было?

— Въ 1849 году. Мнѣ было едва двадцать лѣтъ. Кругомъ Карла Алберта собирались тогда всѣ, у кого въ груди билось италіянское сердце. Я поступилъ волонтеромъ въ Піемонтскую армію... Я родомъ Ломбардіецъ, — слѣдовательно въ ту пору австрійскій подданный, слѣдовательно измѣнникъ, — а Австрійское правительство не шутило съ этимъ... Король, какъ вы знаете, разбитъ былъ при Новаррѣ, арміи его не стало... Дѣло мое было ясное: я и мои земляки, сражавшіеся въ ея рядахъ, подлежали смерти... Къ счастію, я успѣлъ вовремя перебраться во Францію, гдѣ и прожилъ,—приговоренный заочно къ растрѣлянію австрійскимъ военнымъ судомъ,— въ теченіе десяти лѣтъ сряду.

— Десять лѣтъ далеко отъ родины... отъ такой родины, какъ ваша, словно поправилась она, что-то вспомнивъ, — это ужасно!..

— Ужаснѣе было то, возразилъ онъ со внезапною горяч-

ностью въ звукѣ, въ выраженіи голоса,—что у меня, у насъ, и родины въ дѣйствительности никакой не было. Италія въ тѣ годы, какъ говорилъ Меттернихъ, была только „этнографическій терминъ“.

— За то она ваша теперь вся послѣ столькихъ вѣковъ чужаго владычества, вы свободны... О, какая эта великая вещь — свобода! воскликнула вдругъ графиня съ какимъ-то страннымъ въ устахъ ея паѳосомъ:— я понимаю, что за нее отдаютъ жизнь... И въ моемъ отечествѣ, въ Россіи, есть молодые люди, une jeunesse ardente et généreuse, которые всѣмъ ей жертвуютъ, но ихъ преслѣдуютъ, ссылаютъ на галеры (aux galères), или они должны бѣжать за границу, какъ это было съ вами... Но вы, Италіянцы, уже пережили ужасное для васъ время, вы побѣдили, вы счастливы теперь...

Къ немалому ея удивленію, собесѣдникъ ея отвѣчалъ на это тяжелымъ вздохомъ:

— Это ужъ другое дѣло, comtesse! задумчиво проговорилъ онъ.

— Какъ это?

— Не знаю, отвѣтилъ онъ не сейчасъ: — оттого-ли, что лучшія силы наши ушли на ту борьбу... или потому, что мы тогда молоды были... но l'Italia una, единая Италія, лучше была, кажется, когда намъ дозволено было только представлять ее себѣ въ мечтаніяхъ...

Онъ оборвалъ вдругъ, какъ бы отгоняя докучную мысль, и, наклоняясь съ мѣста къ молодой женщинѣ, промолвилъ сладкимъ и вкрадчивымъ голосомъ:

— Вѣрьте, графиня, на свѣтѣ есть только одно неизмѣнно прекрасное, это все же любовь... Но вы не хотите слышать объ этомъ..

— Любовь, машинально повторила она и усмѣхнулась внутренно, вспомнивъ, что за полчаса предъ тѣмъ говорила себѣ то же, „почти въ тѣхъ же выраженіяхъ“... Но ей не понравилось, что онъ вздумалъ начать объ этомъ „опять“ здѣсь, въ этой гондолѣ и мракѣ, и этимъ „вкрадчивымъ и сладенькимъ“ голосомъ, и такъ близко наклонившись къ ней, что краемъ своей шляпы чуть не задѣлъ ея лица:—Мнѣ

кажется, cher marquis, сказала она со смѣхомъ,—что мы оба съ вами слишкомъ зрѣлы (trop mûrs), чтобы думать объ этомъ.

— Вы не имѣете никакого реальнаго основанія говорить это относительно себя самой, пылко возразилъ онъ;—что же меня касается, то я скажу вамъ, что пока у человѣка бьется сердце, онъ заставить его перестать любить не въ состояніи...

— О, да это уже становится серьезнымъ! продолжала она смѣяться, и понизивъ голосъ:—вы, кажется, желаете дать поводъ нашимъ гондольерамъ разсказывать о насъ завтра всякія небылицы въ отелѣ...

Онъ выпрямился весь съ обиженнымъ выраженіемъ въ лицѣ, подавилъ вздохъ, вырывавшійся у него изъ груди, и замолкъ.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія...

— Не сердитесь, любезный маркизъ? тихо промолвила она, протягивая ему руку.

Онъ почтительно пожалъ ее.

— Вы всегда умѣете обезоруживать меня однимъ словомъ, однимъ движеніемъ... Сердце у васъ плѣнительно доброе, но природа холодная, сказалъ онъ съ выраженіемъ, имѣвшимъ все подобіе искренности.

Она усмѣхнулась.

— Что же дѣлать? „Tel est mon caractère“, профредонировала она вполголоса припѣвъ изъ *Brigands* Оффенбаха.— А вы должны оказать мнѣ услугу, маркизъ, какъ бы вспомнила она вдругъ.

— Приказывайте, графиня!

— Вотъ видите, начала она не совсѣмъ увѣренно,—я не знаю, какъ быть съ моимъ мальчикомъ. Ему уже десятый годъ. Я почти все время моего траура провела за границей; теперь живу здѣсь для его морскихъ купаній, зиму думаю провести во Флоренціи или въ Римѣ. Онъ учится со своимъ Англичаниномъ, но родной языкъ начинаетъ совершенно забывать... да и нужно, чтобъ онъ серьезно, грамматически началъ ему учиться...

— Вы желали бы учителя русскаго языка? Во Флоренціи я могу вамъ рекомендовать...

— До Флоренціи еще далеко, съ живостью прервала она его,—мнѣ хотѣлось бы скорѣе... Мнѣ... вчера... говорилъ мой Giacomino,—онъ отъ кого-то слышалъ въ отелѣ,—что одно семейство моихъ соотечественниковъ привезло сюда съ собою учителя... Но оно принуждено было почему-то вернуться въ Россію, а онъ, говорятъ, остался...

Маркизъ зоркими глазами и опытнымъ ухомъ слѣдилъ за выраженіемъ ея лица и звукомъ рѣчи...

— Молодой человѣкъ этотъ учитель?

Онъ чуть не поймалъ ее этимъ нежданнымъ вопросомъ. „Какое вамъ до этого дѣло"! чуть не вырвалось у нея досадливо въ отвѣтъ. Но она сдержалась во-время и, приподнявъ слегка плечи:

— Я этого никакъ не могу вамъ сказать, не видавъ его никогда въ лицо, не зная даже, какъ его зовутъ... Вѣроятно молодой, примолвила она совершенно спокойно;—теперь, у насъ по крайней мѣрѣ, совсѣмъ нѣтъ, кажется, старыхъ учителей...

— Я завтра же наведу справки, графиня.

— Ахъ да, онъ, кажется, живетъ въ Hôtel Bauer... говорилъ мнѣ Giacomino... Да, именно въ Hôtel Bauer, я хорошо помню теперь...

— Найти его легко такимъ образомъ, сказалъ маркизъ съ легкимъ подергиваніемъ лицевыхъ мускуловъ.

— Но вотъ въ чемъ просьба, начала она опять тѣмъ же не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ: — я бы не хотѣла послать пригласить его... отъ себя. Вы понимаете, это заранѣе связало бы меня нѣкоторымъ образомъ...

— Вы желаете, то-есть, чтобы я, какъ бы ничего не слыхавъ отъ васъ, но зная только, что вы ищете учителя для вашего сына и желая оказать вамъ одолженіе, отыскалъ его *отъ себя*, подчеркнулъ онъ,—и привелъ къ вамъ?

— Какъ вы догадливы, дорогой маркизъ! воскликнула молодая женщина.

— На бѣду себѣ, проговорилъ онъ сквозь зубы, учтиво наклоняя въ то же время голову. — Завтра же желаніе ваше будетъ исполнено.

— Благодарю тысячу разъ!

И она еще разъ протянула ему руку.

— Но становится и въ самомъ дѣлѣ холодно, кажется... A casa (домой)! обернулась она съ приказаніемъ стоявшему за нею на кормѣ гондольеру.

II.

Графинѣ Еленѣ Александровнѣ Драхенбергъ было никакъ не болѣе двадцати девяти лѣтъ. Но, по особаго рода хвастовству, она не упускала ни одного удобнаго случая говорить о себѣ, какъ о женщинѣ, имѣющей „sa trentaine bien sonnée“, какъ бы съ цѣлью заявить этимъ о тѣхъ правахъ на полную свободу поступковъ, которая, по ея мнѣнію, сопряжена была для женщинъ съ тридцатилѣтнимъ возрастомъ, а, можетъ быть, просто изъ-за удовольствія выслушивать возгласы недовѣрія и горячія опроверженія, которыми отвѣчали на эти ея увѣренія поклонники ея и „друзья“-мущины (друзья-*женщины* вѣрили ей само собою на̀-слово). Она дѣйствительно была замѣчательно молода на видъ. Роста выше средняго, чуть-чуть полна, рыжа какъ бѣлка лѣтомъ, она, какъ всѣ рыжія, отличалась необыкновенною тонкостью, бѣлизной и свѣжестью кожи. Черты ея были неправильны, лобъ не въ мѣру высокъ (она въ виду этого еще раньше моды кудрявила волосы на лбу), но все вмѣстѣ взятое составляло нѣчто своеобразно милое и привлекательное, благодаря живому выраженію прекрасныхъ карихъ глазъ и прелестному очерку свѣжихъ и полныхъ губъ, изъ-за которыхъ ослѣпительно сверкали ея, словно подобранный жемчугъ, крупные и ровные зубы. Съ этою наружностью она могла нравиться, и нравилась болѣе, чѣмъ многія женщины самой безспорной красоты.

Единственная дочь умнаго и дѣловитаго отца, умѣвшаго нажить огромное состояніе на золотыхъ пріискахъ и всякихъ иныхъ толково и счастливо ведомыхъ предпріятіяхъ, Елена

Александровна, послѣдняя отрасль древняго новгородскаго рода Борецкихъ, выдана была на девятнадцатомъ году жизни матерью, Полькой по рожденію, за Нѣмца-мужа, глубокій трауръ по которому, по свойственной ей своеобразности, продолжала носить молодая женщина до сихъ поръ, хотя имѣла бы уже по существующимъ на то въ свѣтѣ правиламъ полное право замѣнить шерстяныя свои ткани шелковыми, такъ какъ шелъ одиннадцатый мѣсяцъ со дня его кончины. „Une façon d'expiation, объясняла она, полувздыхая, полусмѣясь, близкимъ ей людямъ,—pour m'être tant ennuyée avec ce brave homme de son vivant". Графъ Отто Фердинандовичъ Драхе-фонъ-Драхенбергъ былъ и точно достойнѣйшій, но тяжеловѣснѣйшій изъ смертныхъ вообще и изъ супруговъ въ особенности... „Остзейскій дворянинъ" въ полномъ значеніи понятія, выражаемаго этими двумя словами, онъ былъ примѣрный, равно уважаемый начальствомъ и товарищами, эскадронный командиръ одного изъ гвардейскихъ кирасирскихъ полковъ, строго держался законовъ „хорошаго общества", отчетливо и усердно оттанцовывалъ всѣ танцы на придворныхъ балахъ, и въ вопросахъ *чести* почитался авторитетомъ всею петербургскою военною молодежью. Тридцати съ чѣмъ-то лѣтъ отъ роду, онъ былъ полковникъ и флигель-адъютантъ, и при весьма небольшихъ средствахъ, которыя получалъ изъ родительскаго замка въ Курляндіи, умѣлъ *жить* приличнѣе многихъ изъ своихъ однополчанъ, тратившихъ тысячъ по тридцати въ годъ и бѣжавшихъ къ нему же во дни безденежья „перехватить рублей триста на недѣльку времени", въ чемъ онъ находилъ возможность никогда имъ не отказывать. Наружности онъ былъ совсѣмъ рыцарской, болѣе внушительной, чѣмъ красивой; потомокъ меченосцевъ сказывался съ перваго взгляда въ его высокомъ, сухомъ и мускулистомъ станѣ, въ холодномъ блескѣ блѣдноголубыхъ глазъ и въ силѣ растительности безконечно длинныхъ и кудрявыхъ льняныхъ усовъ, — „первыхъ по всей гвардіи", говорили съ гордостью „за полкъ" и съ тайною завистью по отношенію къ самимъ себѣ новоиспеченные корнеты, которыхъ муштровалъ онъ на *офицерской ѣздѣ*... Лучшаго супруга для дочери не могла и

представить себѣ Гедвига Казиміровна Борецкая, рожденная графиня Лахницкая, во внутреннемъ чувствѣ которой каждый „родовитый“ иноземецъ, въ силу уже одной крови, текущей въ его жилахъ, долженъ былъ быть не въ примѣръ аристократичнѣе, цивилизованнѣе и „надежнѣе *какъ мужъ* во всѣхъ отношеніяхъ“ любаго „Московита“, хотя бы самаго знатнаго и добропорядочнаго. „Этотъ, по крайней мѣрѣ, не истощилъ себя съ кокотками и не проиграетъ состоянія твоего въ Яхтъ-клубѣ“, напирала она, исчисляя дочери достоинства графа Драхенберга. Дочь, со своей стороны, была такого мнѣнія, что съ Драхенбергомъ вальсировать очень ловко, что нѣмецкій акцентъ въ его французской рѣчи „не особенно противенъ“ и, наконецъ, что никто лучше его не ѣздитъ верхомъ на каруселяхъ придворнаго манежа... Благодаря сочетанію такихъ лестныхъ о немъ мнѣній, счастливый курляндскій графъ выхватилъ, какъ говорится вульгарно, „изъ-подъ носу“ своихъ совмѣстниковъ руку одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ въ Россіи... Съ первыхъ же шаговъ своихъ на супружескомъ поприщѣ онъ осуществилъ возлагавшіяся на него Гедвигою Казиміровною надежды въ мѣрѣ, далеко превысившей даже ея ожиданія. Онъ уплатилъ ей чистыми деньгами причитавшуюся ей вдовью часть, исчисливъ оную, „съ соизволенія графини Елены Александровны“, тысячъ на семь дохода выше того, на что имѣла она право по закону, и счастливая теща, благословляя такого „beau fils modèle“, переселилась вслѣдъ затѣмъ въ Вѣну, гдѣ года два спустя вышла вторымъ бракомъ за графа Пршехршонщовскаго, прокутившагося галиційскаго помѣщика, который лѣтъ на пятнадцать былъ ея моложе, и на котораго заглядывались женщины, когда онъ на гуляньѣ въ Пратерѣ съ высоты элегантнѣйшаго лондонскаго *догкарта* привѣтствовалъ знакомую даму „d'un coup de chapeau“, правя своими four in hands кровными лошадьми моднаго цвѣта Isabelle... Состояніе жены своей, оставленное покойнымъ отцомъ ея въ нѣсколько запутанномъ видѣ, графъ Отто Фердинандовичъ въ нѣсколько лѣтъ управленія привелъ въ такое блестящее положеніе, что ежегодный доходъ съ заводовъ ея и

земель, не превышавшій семидесяти пяти тысячъ, когда онъ вступилъ съ нею въ бракъ, возросъ чрезъ пять лѣтъ до ста двадцати, и Драхенбергъ, уже тогда отецъ, указывая на маленькаго сына, говаривалъ, потирая руки, въ веселыя минуты, что онъ „къ совершеннолѣтію этого *шибздика* надѣется благоразумною экономіей сколотить *свободный милліончикъ*, за который тотъ, надо полагать, скажетъ ему merci“...

Все это было бы прекрасно, если бы мужъ Елены Александровны удовольствовался своимъ положеніемъ финансоваго главы того товарищества на паяхъ, которое называется *супружествомъ* въ свѣтѣ. Но онъ, въ силу своихъ патріархальныхъ понятій, почиталъ еще себя серьезно призваннымъ быть духовнымъ руководителемъ „данной ему небомъ подруги жизни (seiner Lebensgenossin)“ и это призваніе свое исполнялъ съ такою убійственною добросовѣстностью, что въ первое время ихъ супружества доводилъ жену чуть не до лютаго отчаянія. Отто Фердинандовичъ берегъ супругу свою и ея репутацію пуще зѣницы ока, неуклонно слѣдовалъ за нею повсюду, тревожно слѣдилъ за каждымъ словомъ ея и движеніемъ, производилъ въ умѣ тщательную разцѣнку нравственныхъ качествъ ея свѣтскихъ пріятельницъ и бальныхъ кавалеровъ. Возвращаясь съ нею съ бала или раута, онъ начиналъ еще въ каретѣ и продолжалъ затѣмъ, идя за нею въ ея спальню, безконечно длинно и безконечно нудно подвергать „правильному обсужденію“ „неприличную смѣлость“ такого-то оброненнаго ею предъ тѣмъ-то „фатомъ“ выраженія, или опасность, которая могла-де грозить ей отъ сближенія съ такою-то слишкомъ „фривольною“ женщиной изъ ея знакомыхъ. „Обсужденіе“ заканчивалось неизбѣжнымъ нравоученіемъ о томъ „достоинствѣ“, съ какимъ должна держать себя женщина „высокаго рожденія (eine adelige Person)“ вообще и носящая *его* имя въ особенности, причемъ пускался въ тотъ дидактическій „высокій“ тонъ, присущій съ дѣтства каждому Нѣмцу, которымъ говоритъ ему проповѣдникъ съ каѳедры и лицедѣй съ театральныхъ подмостокъ. У молодой женщины начинало нестерпимо ныть подъ ложечкой и сводить судорогой пальцы на ногахъ. „Ну хорошо, оставь меня только, я спать хочу“! вос-

клицала она, махая руками, готовая разрыдаться отъ досады и скуки... Но неугомонный супругъ переходилъ тогда къ соображеніямъ по части хозяйства и „свѣтскихъ обязанностей". Начиналось подробнѣйшее изложеніе тѣхъ причинъ, по которымъ „*имъ* необходимо" дать обѣдъ такого-то числа, пригласить къ нему тѣхъ-то лицъ и потратить на него столько-то денегъ; вытаскивалось изъ кармана menu, „требовавшее внимательнаго разсмотрѣнія" и которое „en toute confidence" составлено ему было „по дружбѣ" однимъ пріятелемъ, извѣстнымъ гастрономомъ... „О, Боже мой, оставишь-ли ты меня наконецъ"! плакала уже впрямь теперь жена, насилу сдерживаясь отъ желанія швырнуть ему въ голову только-что снятымъ ею съ руки браслетомъ. Отто Фердинандовичъ, весьма боявшійся женскихъ слезъ, расширялъ каждый разъ послѣ этого все такъ же недоумѣло свои блѣдно-голубые глаза, осторожно проподнималъ плечи и удалялся, но на другой же день являлся утромъ къ женѣ съ тѣмъ же menu въ рукѣ и съ озабоченнымъ видомъ приглашалъ ее пройти съ нимъ въ столовую, „сдѣлать маленькую репетичку" предполагаемаго „ихъ" обѣда, „чтобы напередъ знать, кто подлѣ кого будетъ сидѣть, такъ какъ въ этихъ случаяхъ очень важно, чтобы не посадить рядомъ людей, которые терпѣть другъ друга не могутъ", а также, чтобы „сговориться заранѣе" насчетъ тѣхъ *нюансовъ*,— онъ особенно хлопоталъ о „нюансахъ",—которыми должны они, мужъ и жена, руководиться, каждый со своей стороны, въ своихъ frais d'amabilité относительно „главныхъ„ и „неглавныхъ" изъ своихъ приглашенныхъ...

Но графиня Елена Александровна была не того рода особа, чтобы долго терпѣть „назойливое" попечительство своего супруга. Въ одинъ прекрасный вечеръ она замкнула на замокъ дверь своей спальни, а на слѣдующее утро объявила ошеломленному мужу, что она родилась въ свѣтѣ и знаетъ, какъ вести себя тамъ, по крайней мѣрѣ, такъ же хорошо, какъ и онъ, что по ночамъ она спать хочетъ, а не слушать его пасторскія сентенціи (такъ и сказала „пасторскія",—что особенно показалось „giftig", язвительнымъ и ужаснымъ бѣдному Отто Фердинандовичу). „Я хочу наконецъ дышать свободно",

безпощадно объясняла она; вы имѣете право требовать отъ меня лишь одного, чтобъ я не дѣлала скандала, не срамила вашего имени, и на счетъ этого вы можете быть покойны: я не стану васъ обманывать хотя бы уже потому, что по-моему это ставитъ и мужа, и жену въ равно глупое положеніе. Лучшее доказательство этому то, что̀ я вамъ теперь говорю: другая женщина на моемъ мѣстѣ давно бы кинулась на шею первому встрѣчному мущинѣ изъ одной злости на ваши проповѣди, и вы объ этомъ никогда бы не узнали, по примѣру всѣхъ мужей на свѣтѣ, — а я предпочитаю объясниться съ вами откровенно. C'est à prendre ou à laisser: или вы оставите меня жить по моему разумѣнію, дружиться съ кѣмъ я хочу, ѣздить куда мнѣ вздумается и, главное, безъ васъ и безъ вашихъ нотацій,—или я завтра же уѣду къ матери, въ Вѣну, гдѣ, говорятъ, гораздо веселѣе жизнь, чѣмъ здѣсь, и тогда я ни за что̀ не отвѣчаю"...

Выходка эта страшно перепугала графа Драхенберга. Онъ настолько уже успѣлъ узнать характеръ графини, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что она буквально исполнитъ угрозу свою — уѣдетъ въ Вѣну къ этой „старой дурѣ", своей матери, „die alte Närrin", какъ называлъ онъ in petto тещу, „на *пропащее* житье", если онъ не подчинится предъявляемымъ ему требованіямъ. Въ душѣ его первымъ ощущеніемъ заныло жгучее и злобное раскаяніе по поводу „безсмысленныхъ узъ", которыми связалъ онъ себя: ему, Драхенбергу, благородному плоду чистыхъ соковъ германскаго древа, возможно-ли было взять въ подруги этотъ прямой продуктъ славянской несостоятельности и распущенности (Liederlichkeit), да еще въ его двойномъ букетѣ—*русской* и *польской* крови! „O lieber Gott, nein, das war doch ein Wahnsinn, ein Wahnsinn!" блѣднѣя, восклицалъ онъ про себя, растерянно упершись взглядомъ въ раскраснѣвшееся отъ волненія лицо той, которая такъ дерзко дозволяла себѣ заявлять о своемъ какомъ-то правѣ *дышать свободно*, отдѣльно отъ *законнаго* своего сожителя... Но эта дерзкая „способна на все", подумалъ онъ тутъ же, способна не только уѣхать, но еще увезти съ собою *его* сына... а съ этимъ, пожалуй, взять у него назадъ „полную довѣрен-

ность", данную ему на управленіе ея имѣніями, и дать подобную же первому попавшемуся негодяю, который разоритъ ее и *ихъ* наслѣдника... Отто Фердинандовичъ былъ человѣкъ чувствъ самыхъ возвышенныхъ, конечно, но онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкъ положительный, ein solider und praktischer Mann: негодованіе клокотало въ благородной душѣ его, но онъ не счелъ благоразумнымъ дозволить себѣ выразить его на словахъ:

„Не выпустилъ изъ устъ онъ пламенныхъ рѣчей
И бога гнѣвнаго сдержалъ въ груди своей" *).

Онъ только „убѣдительно" просилъ *графиню Елену* одуматься, разсудить, „насколько правильно съ ея стороны пренебрегать тѣми полезными для нея указаніями, которыя онъ, какъ ближайшее къ ней мужское лицо и другъ"... Она не дала ему продолжать. „C'est à prendre ou à laisser!" съ жестокосердою настойчивостью повторила она... Отто Фердинандовичъ вспомнилъ еще разъ о „наслѣдникѣ"... и о „довѣренности" и уступилъ.

Но помириться съ новымъ положеніемъ своимъ онъ все-таки не могъ: ему не доставало того легкомыслія, или того добродушія, съ какимъ *славянскій* мужъ ужился бы съ такимъ положеніемъ, находя въ немъ даже нѣкоторую привлекательную сторону, и Отто Фердинандовичъ считалъ нужнымъ при всякомъ случаѣ давать это чувствовать своей обидчицѣ. Наливалъ-ли онъ ей воды за столомъ, спускалъ-ли ее съ лошади въ манежѣ, или принималъ чашку чая изъ ея рукъ на вечерѣ у ней en petit comité, куда онъ каждый разъ признавалъ для себя необходимымъ являться, его уныло вытянутое лицо говорило ей неизмѣнно то же: „ты видишь-молъ, какъ я приличенъ, учтивъ и даже милъ съ тобою, но я все же уязвленъ, и ты это понимай!"... Елена Александровна понимала дѣйствительно: видъ „этого spectre de Banco", котораго, какъ увѣряла она, изображалъ теперь ея обезоруженный „властелинъ", раздражалъ ее хуже зубной боли. Но это нисколько

*) *L'Aveugle*, А. Шенье, въ переводѣ К. К. Павловой.

не располагало ее отдать себя снова подъ его ярмо. Она только старалась по возможности избѣгать всякихъ встрѣчъ и разговоровъ съ нимъ, и свиданіе съ глазу на глазъ допускала лишь въ тѣхъ неизбѣжныхъ случаяхъ, когда ему бывала необходима подпись ея подъ какимъ-либо документомъ по ея имѣніямъ, которыми онъ продолжалъ все также полноправно и удачно управлять. Обитая подъ однимъ кровомъ, супруги наши были теперь такъ же чужды другъ другу, такъ же разнились въ образѣ жизни, какъ жители противоположныхъ полушарій. Отто Фердинандовичъ командовалъ полкомъ въ окрестностяхъ столицы, гдѣ и проживалъ половину своего времени, вставалъ съ зарей, весь день проводилъ на службѣ. Жена его подымалась съ постели въ два часа пополудни и ложилась въ пять утра, принимала каждый день „между пятью и шестью", обѣдала, ѣздила по театрамъ, *чаевала* и ужинала въ „coterie intime" отчаяннѣйшихъ „кокодетокъ",—ихъ же царство настало въ тѣ дни,—говорила самымъ модно-циническимъ argot парижскихъ бульваровъ, декольтировалась „avec un chien de tous les diables", по выраженію толстенькой графини Ваханской, ближайшей ея пріятельницы, и *укладывала въ лоскъ* своимъ кокетствомъ все сонмище военныхъ и гражданскихъ сановниковъ, *папильйонирующихъ* въ видѣ „отдыха" отъ великихъ трудовъ своихъ на благо отечества въ извѣстныхъ гостиныхъ петербургскаго большаго свѣта. „Въ сіяющей лысинѣ каждаго изъ этихъ государственныхъ старцевъ", увѣрялъ какой-то mauvais plaisant, „вы можете видѣть какъ въ зеркалѣ отраженіе неподражаемой chûte d'épaules графини Драхенбергъ"... Самъ графъ Анисьевъ, занимавшій теперь весьма видный постъ и не смотря на свои давно ушедшіе за полвѣка годы, слывшій у женщинъ за „homme irrésistible", предпринялъ правильную осаду сердца *огневой* красавицы—„la femme de feu",—ее же не безъ ехидства прозвала такъ, по заглавію одного, весьма скабрезнаго романа Belot, все та же маленькая и толстенькая Lizzy Ваханская (носившая вслѣдствіе этого въ свою очередь прозваніе *Boulotte*), намекавшая этимъ якобы единственно на рыжеватость своей „meilleure amie". Но *сердце* это не сдалось

графу Анисьеву, и прозвище, данное графинѣ Драхенбергъ, могло дѣйствительно—весьма долгое время по крайней мѣрѣ—относиться къ единственно огненному цвѣту ея волосъ. При всей суетности ея жизни и распущенности рѣчей, усвоенной ею въ обществѣ пріятельницъ своихъ „кокодетокъ", въ душѣ ея теплилась не малая доля идеализма своего рода, смутнаго исканія чего-то „интереснѣе" того, что̀ „въ области чувства" могла она ожидать отъ петербургскихъ *свитскихъ* генераловъ и *статскихъ* карьеристовъ... Давъ имъ наглядѣться бывало вволю цѣлый вечеръ на свои блистательныя плечи, наслушавшись ихъ казенныхъ любезностей и остротъ, понадерганныхъ изъ *Figaro* и всякихъ французскихъ книжекъ, поставляющихъ готовыя *mots* россійскимъ „козёрамъ", она садилась въ карету, глубоко утомленная, и съ нервною зѣвотой гадливо говорила себѣ, укутываясь въ пушистый бѣлый мѣхъ своей ротонды: „Они еще скучнѣе со своими обольщеніями, чѣмъ мой мужъ со своею добродѣтелью".

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Но то, что̀ Французы насмѣшливо называютъ „психологическимъ моментомъ" въ жизни женщины, не минуло наконецъ и ея. За годъ предъ тѣмъ, какъ встрѣчаемся мы съ нею въ Венеціи, она въ Крейцнахѣ, куда ѣздила лѣчить ребенка своего отъ золотухи, встрѣтилась съ человѣкомъ, предъ которымъ разлетѣлась въ прахъ вся ея нерушимая до той минуты внѣшняя безупречность. Это былъ нѣкій Венгерецъ, графъ Шегединъ, музыкантъ, поэтъ и путешественникъ. Лѣтъ онъ былъ уже не совсѣмъ молодыхъ, прихрамывалъ притомъ на правую ногу, какъ лордъ Байронъ, но его полуцыганская, полуразбойничья наружность носила отпечатокъ такой силы, въ черныхъ какъ ночь глазахъ горѣла такая неотразимая *воля* соблазна, что „женщина,—говорили про него *бывалыя* барыни,— которую онъ удостоивалъ своимъ вниманіемъ, должна была или безпрекословно сдаться ему тотчасъ, или бѣжать отъ него скорѣе въ какой-либо невѣдомый еще людямъ уголокъ земли (такъ какъ всѣ вѣдомые исхожены-де имъ были вдоль и поперекъ), гдѣ бы не имѣлъ онъ возможности преслѣдовать ее... Репутацію имѣлъ незавидную: онъ, по ходившимъ о немъ слухахъ, про-

игралъ и прожилъ на своемъ вѣку два или три огромныя наслѣдства, былъ два раза женатъ, каждый разъ на богатыхъ красавицахъ, и каждый разъ красавицы эти умирали спустя годъ послѣ брака, неизвѣстно какъ и отъ чего, въ какой-нибудь отдаленной странѣ, куда влекла ихъ мужа страсть къ приключеніямъ или наживѣ, и откуда вѣсти едва доходили до Европы. Увѣряли, что онъ когда-то служилъ въ англійской арміи въ Индіи, покушался произвести возмущеніе между сипаями, былъ въ этомъ уличенъ, судимъ и приговоренъ къ смерти, но спасся какимъ-то чудеснымъ образомъ при помощи жены какого-то раджи, очутился затѣмъ на одномъ изъ острововъ Малайскаго архипелага, населенномъ дикими, провозгласившими его якобы царемъ надъ ними... Все это, конечно, сильно отзывалось сказкой; вѣрно было то, что онъ принадлежалъ дѣйствительно къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ Венгріи, но не владѣлъ тамъ, ниже въ какой иной землѣ, никакимъ недвижимымъ имуществомъ, что значительныхъ капиталовъ за нимъ тоже никто не зналъ, что̀ не мѣшало ему проживать тысячъ пятьдесятъ гульденовъ въ годъ, и что его же одноземцы называли его „средневѣковымъ condottiere, странною игрой судьбы перенесеннымъ цѣликомъ въ XIX вѣкъ“... Дурная слава графа Шегедина, какъ это неизбѣжно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, послужила ему на пользу въ глазахъ Елены Александровны еще болѣе, можетъ быть, чѣмъ его музыка, французскіе стихи и звеняще-проницающій голосъ. Онъ съ этимъ своимъ темнымъ прошедшимъ, напоминавшимъ легенду о *Раулѣ Синей Бородѣ*, съ загадочными условіями настоящаго своего существованія, со своею наружностью „кондотьера“, такъ мало походилъ на „прилизанные“, шаблонные, „до гадости одинъ другаго повторяющіе“ типы дешевыхъ невскихъ Ловеласовъ!

Онъ не *ухаживалъ* за нею, не расточалъ словъ, но она была окололдована съ первой минуты... Онъ овладѣлъ ею нежданно, внезапно,— она сама потомъ не въ силахъ была объяснить себѣ *какъ*... Онъ сидѣлъ однажды у нея послѣ обѣда со своею цитрой, на которой игралъ съ какимъ-то удивительнымъ, захватывавшимъ за тончайшіе нервы слушатель-

ницъ его выраженіемъ. Она внимала ему, не отрываясь взглядомъ отъ его поникшихъ къ инструменту вѣкъ, вся захолодѣлая отъ непонятнаго, никогда еще до той минуты неиспытаннаго ею волненія... Шегединъ оторвалъ вдругъ на полутактѣ руки отъ струнъ и протянулъ ихъ къ ней, устремивъ на нее въ упоръ свои сверкавшіе черные глаза. Она поднялась съ мѣста и безотвѣтно, безвластно пошла на этотъ нѣмой зовъ... Онъ охватилъ ея станъ желѣзною рукой, привлекъ къ себѣ, приникъ къ ея губамъ пылающими губами... Она ничего далѣе не помнила...

Изъ Крейцнаха онъ поѣхалъ за нею на Таунское озеро, въ Гмунденъ, гдѣ мальчику ея предписано было пользоваться горнымъ воздухомъ. Русскихъ тамъ не было никого, ниже какихъ-либо знакомыхъ графини изъ чужеземцевъ. Она свободно могла отдаваться своей любви... Любовью-ли впрочемъ называть то, что̀ испытывала она въ тѣ дни? Нѣтъ, это было скорѣе какое-то навожденіе, что-то похожее на рабское подчиненіе ясновидящей таинственному вліянію своего магнетизёра: тутъ было упоеніе и трепетъ, блаженство и страхъ, — „неправедныя ночи и мучительные дни". Было что-то безудержное, чуть не звѣрское въ знойныхъ порывахъ страсти этого человѣка, вызывавшихъ въ ней иной разъ невольно такіе же пламенные отзвуки... Но за ними слѣдовали у нея часы какой-то надрывающей *физической* тоски, если можно такъ выразиться: она не раскаивалась, не упрекала себя ни въ чемъ, она готова была, казалось ей, назвать графа Шегедина любовникомъ своимъ предъ цѣлымъ свѣтомъ, — но ей было тяжело, словно предъ смертнымъ часомъ... Онъ еще менѣе, чѣмъ она, способенъ былъ объяснить себѣ то, что̀ происходило въ ней въ ту пору, и со свойственною ему раздражительностью упрекалъ ее въ холодности: „Я безсильна", отвѣчала она ему, слабо усмѣхаясь,—„я безсильна отвѣчать, какъ бы вы желали, à votre amour de tigre"...

— Вы называете меня „тигромъ", сказалъ онъ ей однажды на это:—да, я люблю васъ лютымъ и ревнивымъ какъ у хищника чувствомъ и не выпущу васъ болѣе изъ моихъ объятій; вы должны быть моею на вѣки... моею женой...

— Но я замужемъ, je suis mariée, вы знаете! воскликнула она.

— Vous vous démarierez, voilà tout, рѣзко выговорилъ онъ;— вы разведетесь: я этого хочу! Мужъ вашъ не препятствіе, если вы *меня* любите.

Она подняла на него глаза и тутъ же опустила ихъ и замолкла. *Разводъ*, это значило разлука съ сыномъ; мужъ, „законъ“ отняли бы его у нея въ этомъ случаѣ, она понимала, а ребенокъ ея былъ дорогъ ей, и никогда ей такъ сильно не сказывалось это, какъ въ ту минуту... Но возражать она не имѣла силы: у нея своей воли уже не оставалось; вся она, чувствовала молодая женщина, была въ „его“ власти.

Она согласилась на все, отгоняя всѣ возникавшія въ ея головѣ возраженія... Графъ Шегединъ, какъ оказывалось, былъ весьма свѣдущъ по части существующихъ въ Россіи постановленій о разводѣ. Онъ объяснилъ молодой женщинѣ, что мужъ ея долженъ „принять вину на себя“, дабы дать ей законное право выйти замужъ за него, Шегедина, и что весь вопросъ заключается въ томъ, „какую цѣну захочетъ положить графъ Драхенбергъ за свое отреченіе“... „А если ни за какія деньги не захочетъ согласиться?“ вырвалось у нея невольно. Шегединъ только плечами пожалъ на это и презрительно улыбнулся,—и ей самой тогда представилось, что „хотя мужъ ея и считается самымъ благороднымъ человѣкомъ въ Петербургѣ“, но что все же онъ „разсчетливый Нѣмецъ“ и предпочтетъ „соглашеніе à l'amiable“ за крупную сумму „открытому скандалу“...

Наступала осень; графинѣ давно было пора вернуться въ Петербургъ. Шегединъ долго не рѣшался отпустить ее. Онъ звалъ ее въ Вѣну, къ матери, съ которою близко былъ знакомъ и чрезъ посредство которой, по его мнѣнію, можно было начать „прямые переговоры“ съ графомъ Драхенбергомъ... „Это значило бы все испортить“, возражала молодая женщина: „моя мать не пользуется никакимъ авторитетомъ въ глазахъ мужа; напротивъ, я одна, личнымъ объясненіемъ съ нимъ, могу склонить его дать мнѣ свободу...“

Страстный Венгерецъ сдался на ея убѣжденія, но съ тѣмъ,

что самъ онъ мѣсяцъ спустя послѣ пріѣзда ея въ Петербургъ пріѣдетъ туда „на помощь ей и *покровительство...*“ Она уѣхала.

Но, очутившись снова въ домѣ своемъ на Сергіевской, Елена Александровна пришла вдругъ въ смущеніе. Она какъ-то внезапно почуяла, что „разсчетливость“ Отто Фердинандовича дальше извѣстныхъ предѣловъ не пойдетъ, что онъ дѣйствительно „настолько все-таки *рыцарь*, что *продать* жену свою другому ни за какія деньги не согласится,“ а слѣдовательно нечего и начинать съ нимъ разговоръ объ „этомъ...“ Да и когда же было ей разговаривать съ нимъ? Русская армія стояла въ тѣ дни подъ Плевной. Войска мчались на парахъ съ сѣвера за Дунай, а въ числѣ ихъ полкъ, которымъ командовалъ графъ Драхенбергъ. Онъ только-только успѣлъ дождаться ея возвращенія, чтобы „проститься съ сыномъ“ и передать ей, „графинѣ“, въ запечатанномъ пакетѣ „на случай, если онъ не вернется“, подробное изложеніе „системы дѣйствій“, которой слѣдовалъ при управленіи ея имѣніями и которую „онъ осмѣливается ей совѣтовать удержать и впредь, *когда другой станетъ этимъ заниматься*“. Возможно-ли было ей, въ самомъ дѣлѣ, въ такую минуту заявлять ему, что она желаетъ развестись съ нимъ?.. Она чуть не расплакалась даже, когда онъ, прощаясь съ нею въ передней, прижалъ руку ея къ губамъ, и перекрестила мгновеннымъ движеніемъ его наклоненную голову... А *тотъ* между тѣмъ слалъ ей каждый день изъ Вѣны, куда переѣхалъ изъ Гмундена и гдѣ успѣлъ совершенно привлечь на свою сторону графиню Пршехршонщовскую, пламенныя и тревожныя письма, допытываясь, „въ какомъ положеніи стоятъ ихъ дѣла“, напоминая ей о ея „обѣтахъ (ses serments)“ и заявляя, что невыносимое безпокойство, испытываемое имъ, заставитъ его по всей вѣроятности ускорить пріѣздъ свой въ Петербургъ. А въ Петербургѣ, въ томъ особомъ свѣтскомъ кружкѣ, къ которому принадлежала графиня, связь ея съ Шегединомъ была уже предметомъ общихъ разговоровъ. О Гмунденской „идилліи“ первая узнала какимъ-то чрезвычайнымъ путемъ графиня Ваханская, находившаяся въ ту пору въ Біарицѣ, и, вернувшись оттуда, разблаговѣ-

стила объ этой „amusante histoire“ по всѣмъ благоприличнымъ домамъ столицы, въ тотъ пріемный часъ предъ обѣдомъ, когда въ „интимный кабинетъ“ хозяйки расчесанный франтъ-слуга въ бѣломъ галустукѣ вноситъ уставляемый на раздвижномъ столикѣ серебряный tea-kettle съ чайнымъ приборомъ и всякимъ сладкимъ печеньемъ... Венгерскій донъ-Жуанъ не покидалъ еще своей квартиры на Ringstrasse, а на набережныхъ Невы уже каждая изъ „кокодетокъ“ готовилась in petto къ состязанію, имѣвшему конечною цѣлью *отбить* его у „femme de feu,“—между тѣмъ какъ ее, эту счастливицу, рѣзали на кусочки кругомъ того же tea-kettle и сладкаго печенья на раздвижномъ столикѣ, съ тѣмъ единодушіемъ завистливаго злословія, которымъ отличается искони изящный петербургскій *гранмондъ*. Графинѣ Драхенбергъ въ то же время сообщали тѣ же пріятельницы, подъ видомъ сердечнаго участія и предостереженія, объ „ужасныхъ клеветахъ, „atroces calomnies,“ на ея счетъ, которыя онѣ же разносили по городу... „И это пока еще нѣтъ *его* здѣсь; что же будетъ, когда онъ пріѣдетъ, когда мы съ нимъ какъ на сценѣ принуждены будемъ являться *предо всѣми ими?*“ тревожно думала молодая женщина и все чаще объ этомъ задумывалась... Подъ владычествомъ страннаго чувства находилась она со времени разлуки своей съ *нимъ*; она, какъ сказочная царевна, словно только-что ушла изъ очарованнаго замка, гдѣ все дышало обольстительною, но ревнивою, но страшною властью похитившаго ее волшебника, и жадно вбирала въ себя воздухъ вновь обрѣтенной ею свободы. Та власть и любезна была ей, и пугала ее... и съ каждымъ днемъ все сильнѣе брало это послѣднее ощущеніе верхъ надъ первымъ... Ну да, она любила *его*, любила несомнѣнно, никого еще *до него* не любила она такъ, да и *вовсе* не любила; но вѣдь эта любовь ея къ нему—„рабство“... „Рабство“, докучливо стучало у нея въ головѣ: „*онъ* всю тебя хочетъ, каждый твой помыселъ, каждое сердечное движеніе“. Онъ ничего не способенъ оставить ей, даже для сына... для сына! Онъ ревновалъ ее къ этому ребенку, онъ „ненавидѣлъ его въ душѣ, потому что не могла же разлюбить его совсѣмъ изъ-за *него*“... Не даромъ зовутъ его „Синею Бородой“: кто знаетъ, сдѣлайся онъ ея мужемъ,

и дрожь пробѣгала у нея по тѣлу, „не кончила-ли бы и она такъ, какъ его первыя двѣ жены?“... Ну да, она его любитъ, но „имѣетъ-ли она право отказаться для него отъ сына... и ото всего“... И когда же? *Теперь*, когда „политическія дѣла въ такомъ положеніи“, когда мужъ ея... отецъ ея ребенка понесъ свою жизнь на поле сраженія... Нѣтъ, нѣтъ, я люблю этого человѣка, но есть минуты, когда надо умѣть жертвовать собою...

Въ одно прекрасное утро графиня Елена Александровна поѣхала въ главное управленіе Краснаго Креста, просидѣла тамъ болѣе часу, вернулась оттуда прямо домой, велѣла никого не принимать и засѣла за большое „объяснительное“ письмо къ графу Шегедину. Въ письмѣ этомъ она сообщила ему, что у нея „сердце нестерпимо сжимается при мысли о томъ, какое впечатлѣніе произведутъ на него ея строки“, но что есть въ жизни обстоятельства, „des circonstances impérieuses plus fortes que la volonté humaine“, предъ которыми человѣкъ долженъ поневолѣ смириться, и что подъ гнетъ такихъ обстоятельствъ попала она вслѣдъ за возвращеніемъ въ отечество. „Нравственная обязанность, падающая на нее, какъ на лицо, владѣющее значительнымъ состояніемъ, въ ту трудную годину, которую переживаетъ нынѣ Россія, столько же, сколько и желаніе, заявленное ей въ высшихъ сферахъ (dans les hautes sphères de notre Cour), поставили ее въ необходимость, пожертвовавъ крупную сумму на раненыхъ, принять еще лично въ завѣдываніе одинъ изъ госпиталей, устраиваемыхъ Краснымъ Крестомъ въ различныхъ мѣстностяхъ на театрѣ войны за Дунаемъ (какой именно, она не говорила), и она немедленно должна туда ѣхать“. Она „умоляла“ его не сѣтовать на нее за то, что̀ называла она „печальнымъ, но священнымъ долгомъ“, и отложить „ихъ лучезарныя мечты (leurs rêves radieux)“ до лучшаго будущаго... Нелицемѣрная слеза, дѣйствительно выпавшая при этомъ изъ глазъ нашей графини и размазавшаяся большимъ кляксомъ по ея свѣженачертанному лиловыми чернилами писанію, должна была, по ея мнѣнію, убѣдить его самымъ неотразимымъ образомъ въ несомнѣнной искренности тѣхъ „sentiments douloureux et

amers“ и жалобъ на „sort fatal“, на роковую судьбу, отдаляющую моментъ ихъ свиданія „на неопредѣленное время“, которыми заканчивалось ея посланіе.

Но, получивъ его, венгерскій „тигръ“ заскрежеталъ отъ ярости. Эта „бѣлоснѣжная“ женщина съ ея русскими милліонами его покидала, бѣжала отъ него, бѣжала очевидно нарочно въ районъ мѣстности, занимаемой русскою арміей, куда его не пустятъ, гдѣ ей нечего опасаться его преслѣдованія... Но, можетъ быть, еще не поздно, онъ еще застанетъ ее въ Петербургѣ, свидится съ нею... А свидится — побѣда останется за нимъ: онъ знаетъ власть свою надъ нею, онъ возьметъ свое, „хотя бы сто тысячъ московскихъ чертей, кумушекъ и соперниковъ стояли между ею и имъ“... И въ тотъ же день вечеромъ графъ Шегединъ, угрюмо уткнувшись въ уголъ вагона Вѣнско-Варшавской дороги, катилъ, новый Язонъ, добывать ускользнувшее изъ рукъ его золотое руно къ ледянымъ берегамъ Финскаго залива.

Но онъ уже не засталъ тамъ графини, и Lizzy Ваханская, съ которою онъ ранѣе встрѣчался за границей и къ которой, зная о ея дружбѣ съ той, поѣхалъ тотчасъ же по пріѣздѣ, къ немалому ея восхищенію, злорадно объявила ему, что она не далѣе какъ вчера получила телеграмму отъ этой „pauvre Elly“, которая въ настоящую минуту находится въ Никополѣ, „ужасной, нездоровой трущобѣ, гдѣ она рискуетъ потерять бѣлизну своей кожи, son plus beau titre à l'adoration des hommes“, домолвила она со своимъ ехидно-добродушнымъ остроуміемъ.

Шегединъ тѣмъ не менѣе еще не потерялъ надежды. „Женскій капризъ, *славянская* безтолковость, жалкая боязнь глупыхъ толковъ“, объяснялъ онъ себѣ тѣмъ или другимъ мотивомъ нежданное бѣгство своей жертвы; — „но ей тамъ скоро надоѣстъ, онъ легко убѣдитъ ее вернуться“. И между тѣмъ какъ общество „кокодетокъ“ à qui mieux mieux расточало предъ нимъ свои соблазны, — онъ попалъ *въ моду* съ перваго же появленія своего въ гостиной Lizzy; онъ собиралъ всякими тонкими путями точныя свѣдѣнія о состояніи, о прошломъ, о „спеціальномъ“ положеніи графини Драхен-

бергъ въ свѣтѣ, объ отношеніяхъ ея къ мужу,—и тѣмъ сильнѣе росло въ немъ рѣшеніе овладѣть ею, во что бы ни стало, чѣмъ яснѣе становилось для него, что ни „Дворъ“ (онъ почему-то воображалъ себѣ сначала, что *Дворъ* можетъ *стать между ею и имъ*), ни мужъ, ни иныя „внѣшнія условія“ не послужатъ помѣхой его желанію, если только *она* останется вѣрна своимъ обѣтамъ...

Но, къ немалому изумленію его и тревогѣ, *она* не отвѣчала на страстныя письма, которыя продолжалъ онъ слать ей каждый день, да и никому не писала, какъ бы нарочно для того, чтобы лишить его возможности имѣть какія-либо о ней вѣсти... Графъ Шегединъ былъ человѣкъ внезапныхъ и дерзкихъ рѣшеній: онъ собирался ѣхать въ Одессу, а оттуда подъ чьимъ-либо паспортомъ, подъ видомъ какого-нибудь агента поставщиковъ провіанта на армію, перебраться за Дунай, отыскать ее... какъ вдругъ какое-то, откуда-то полученное имъ сообщеніе заставило его, совершенно неожиданно для всѣхъ, мгновенно выѣхать изъ Петербурга за границу... Куда? зачѣмъ? — осталось тайной, объясненія которой тщетно добивались очарованныя имъ петербургскія mondaines у чиновъ австрійскаго посольства; трансъ- и цислейтанскіе дипломаты отвѣчали на вопросъ загадочными пожатіями плечъ и холодными улыбками, причемъ офиціально заявляли, что „l'ambassade impériale n'en a aucune connaissance“... Заходили между тѣмъ какіе-то странные слухи невѣдомаго происхожденія, заговорили о „поддѣлкѣ“ какихъ-то австрійскихъ бумагъ, о „государственномъ преступленіи“, въ которомъ будто бы принималъ участіе этотъ недавній любимецъ петербургскихъ гостиныхъ и раскрытіе котораго заставило его бѣжать-де въ Америку... Дамы съ тѣмъ бо́льшимъ негодованіемъ протестовали in corpore противъ „такой клеветы“, чѣмъ настоятельнѣе повторяли ее поклонники ихъ, завидовавшіе успѣхамъ венгерскаго „condottiere“ въ ихъ очаровательной средѣ...

Вѣсть объ этомъ, поспѣшно сообщенная въ Никополь графинею Ваханскою, Елена Александровна приняла почти равнодушно... Увы, страсть ея къ графу Шегедину была для нея въ настоящую пору поконченное дѣло, что Нѣмцы называютъ

„ein überwundener Standpunkt“; она пережита была ею и сдана въ архивъ съ тѣмъ легкимъ духомъ, съ тою простодушною безсовѣстностью, на которыя имѣютъ особую привилегію женщины. Иными помыслами и впечатлѣніями полно было ея пылкое воображеніе. Дѣло Краснаго Креста—къ которому примкнула она первоначально, видя въ немъ для себя лично выходъ изъ затруднительнаго положенія,—стало теперь въ глазахъ ея *дѣломъ жизни*. Она отдалась ему, сама не зная какъ, порывисто, мгновенно, съ какою-то внезапною жаждой самоотверженія и жертвы, какъ отдалась Венгерцу, все тѣмъ же безсознательнымъ побужденіемъ своей впечатлительной природы. Эта изнѣженная, избалованная, капризная свѣтская барыня оказалась вдругъ самою дѣятельною распорядительницей, самою неутомимою и усердною сестрой милосердія, проводила дни и ночи въ госпиталѣ, перевязывала самыя гнойныя раны, не морщилась ни предъ какимъ надрывающимъ зрѣлищемъ искалѣченія, ни предъ какимъ претящимъ обрядомъ ухода за больными. Способность преодолѣвать чувство отвращенія, которой отнюдь не подозрѣвала она въ себѣ до тѣхъ поръ, доставляла ей глубокое внутреннее услажденіе, „Я воображаю, что̀ было бы съ Lizzi на моемъ мѣстѣ!“ говорила она себѣ съ улыбкой торжества и сожалѣнія по адресу пріятельницы. Она сыпала деньгами на „своихъ“ раненыхъ, „своихъ“ врачей, „своихъ“ сестеръ, и совершенно искренно была убѣждена въ ту минуту, что врачевать увѣчныхъ и недужныхъ „тѣлесно и духовно“ было ея настоящимъ призваніемъ на землѣ...

Долго-ли продолжалось бы въ ней это восторженное душевное состояніе, сказать трудно; но ея дѣятельность по Красному Кресту прервана была на третьей же недѣлѣ смертью мужа, убитаго наповалъ пулей въ грудь... Она все кинула, отправилась на мѣсто битвы, испросила разрѣшеніе вырыть тѣло и повезла его въ свинцовомъ гробѣ чрезъ всю Россію въ за̀мокъ предковъ его въ Курляндію, гдѣ Отто Фердинандовичъ, какъ стало извѣстно ей по вскрытіи пакета съ его завѣщаніемъ, положеннаго на храніе въ полковой ящикъ, желалъ быть похороненнымъ въ фамильномъ склепѣ, подлѣ отца

своего, убитаго подъ Гроховымъ въ Польскую кампанію въ рядахъ того же полка, во главѣ котораго такъ же доблестно, какъ онъ самъ, погибъ теперь сынъ его.

Къ госпиталю своему графиня болѣе не возвращалась. Пока приводила она въ исполненіе волю мужа и утѣшала, сама проливая при этомъ чистосердечнѣйшія слезы, его старушку мать, русскія войска успѣли дойти до Санъ-Стефано. Война почиталась оконченною... „On n'a plus besoin de moi", рѣшила молодая вдова, у которой, за смертью мужа, оставались на рукахъ заботы объ управленіи своимъ огромнымъ состояніемъ. Не мудрствуя лукаво, она передала это управленіе пожилому Нѣмцу, бухгалтеру, состоявшему у покойнаго въ большомъ довѣріи, котораго назначила своимъ главноуправляющимъ, и первыми вешними днями отправилась съ сыномъ въ Швейцарію... „Непріятной встрѣчи" за границей ей опасаться не приходилось: какъ она узнала, ея „тигръ", котораго ошибочно считали скрывшимся въ Америку, убитъ былъ, на родинѣ своей, на поединкѣ съ редакторомъ одной пештской газеты, опубликовавшей какой-то жестоко позорившій графъ Шегедина документъ. Извѣщенный объ этомъ, Шегединъ понесся прямо изъ Петербурга въ венгерскую столицу, гдѣ нанесъ диффаматору своему публичное оскорбленіе, и палъ затѣмъ съ простреленнымъ черепомъ, унося въ могилу ключъ къ разъясненію этой исторіи,—о ней же въ Петербургѣ имѣлись весьма смутныя свѣдѣнія, такъ какъ прежде всего тамъ въ свѣтѣ никто не читаетъ нѣмецкихъ газетъ, да и въ самыхъ вѣнскихъ листкахъ по этому предмету никакихъ особыхъ подробностей не заключалось... Какое впечатлѣніе произвела эта новая смерть на графиню, не знаемъ; во всякомъ случаѣ она окончательно дѣлала ее *свободною*...

Въ Люцернѣ, гдѣ сынъ ея пользовался молочнымъ лѣченіемъ, она нашла довольно пріятное общество, въ томъ числѣ отставнаго русскаго генерала Троекурова съ прелестною семнадцатилѣтнею дочерью. Она тотчасъ же поспѣшила познакомиться съ ними: дѣвушка наружностью своей и милымъ нравомъ очаровала ее съ перваго раза, а объ отцѣ ея она слышала много въ Петербургѣ, какъ объ „элегантѣ„ и покорителѣ

сердецъ прежнихъ временъ. Живыхъ слѣдовъ этого былаго „элегантства“ она не могла не признать въ немъ, но самъ онъ показался ей мрачнымъ и надменнымъ, „un orgueilleux taciturne“. Онъ дѣйствительно держался относительно ея на строго учтивой ногѣ и видимо не желалъ допустить никакой интимности между ею и своею дочерью. Это стало особенно замѣтно ей со времени пріѣзда въ Люцернъ одной русской четы.

Графиня Елена Александровна по матери была племянница нѣкоей, весьма свѣтской, много принимавшей и любимой въ Петербургѣ старушки, графини Лахницкой, рожденной Буйносовой (мужъ ея, давно умершій генералъ-адъютантъ, былъ родной братъ Гедвиги Казиміровны). У нея познакомилась она въ одно прекрасное утро съ прибывшею изъ Москвы, незнакомою ей до тѣхъ поръ племянницей этой тетки, дочерью ея роднаго брата, Антониною—„Тону“—Буйносовой, которую старушка выписала къ себѣ на житье, такъ какъ, говорила она, вздыхая, на ушко графинѣ Драхенбергъ, „братъ мой совсѣмъ разорился, бѣдной дѣвочкѣ ѣсть нечего дома“. Узнавъ объ этомъ, Елена Александровна по свойственной ей восторженности и мягкости сердца сочла нужнымъ оказать дѣвушкѣ самый горячій пріемъ, стала съ перваго же раза называть ее „ma cousine“ и „ты“, хотя въ сущности ровно никакого родства между ними не было, приглашала постоянно къ себѣ, вывозила на балы, на которыхъ старуха-тетка перестала уже бывать. Дѣйствительные двоюродные братья „Тони“, сыновья графини Лахницкой, оба женатые и занимавшіе уже видныя положенія, были гораздо менѣе сочувственно расположены къ своей бѣдной родственницѣ. Они—да и вообще таково было впечатлѣніе, произведенное юною Москвичкой въ петербургскомъ high life,—находили, что при ея „незавидномъ матеріальномъ положеніи“ она должна была бы чрезвычайною скромностью „se faire, pour ainsi dire, excuser sa trop éclatante beauté“, а она, напротивъ, „смотритъ и говоритъ такъ *величаво*, будто увѣрена, что весь міръ долженъ быть у ногъ ея“. На это графиня Драхенбергъ пламенно возражала, что „Тони тысячу разъ права; что въ другія, *лучшія*

времена, когда у людей было больше *поэзіи въ сердцѣ*, весь міръ дѣйствительно лежалъ бы у ногъ такой красавицы", и старалась доказать это всѣмъ молодымъ людямъ, „jeunes gens à prendre" своего круга, которымъ безпрестанно ставила на видъ, какъ „они *глупы*", не предлагая руки своей и сердца ея „*splendide cousine*", какъ выражалась она. „Jeunes gens à prendre" отвѣчали ей на это, смѣясь, что кузина ея безъ сомнѣнія хороша на диво, но что она ужь „слишкомъ *умная* и *ученая*"... У графини за этимъ опускались руки: ей было хорошо извѣстно, какимъ пугаломъ представляются „умъ" и „ученость", да еще у женщины, Боже мой! въ золотой средѣ петербургскаго Яхтъ-клуба... Такъ прошла цѣлая зима, а въ концѣ ея умерла почти внезапно старушка Лахницкая. За этою смертью Тоня Буйносова оставалась въ Петербургѣ безъ крова, такъ какъ ни одинъ изъ ея двоюродныхъ братьевъ не предложилъ ей поселиться у него въ домѣ. Предложила Елена Александровна. Но дѣвушка не согласилась принять „положеніе приживалки" у этой миѳической родственницы; „а другаго, какъ ни верти", откровенно сказала она ей, „мы съ тобою для меня не выкроимъ".

— Да, ты такая, задумчиво замѣтила на это графиня: — для тебя *все* или *ничего*.

— А пока придетъ, промолвила Тоня, кривя свои побѣлѣвшія отъ внутренней кипѣни губы,—отправляюсь въ Москву на черствый хлѣбъ моего маркиза-папаши.

— И неужели не вернешься болѣе въ Петербургъ?

Красавица глянула прямо въ лицо спрашивавшей:

— Вернусь, когда буду хоть на половину такъ же богата, какъ ты.

Она, дѣйствительно, уѣхала на другой день, и графиня съ тѣхъ поръ совершенно, какъ говорится, потеряла ее изъ виду. Другъ другу онѣ не писали... Такъ прошли цѣлые четыре года.

И вотъ однимъ сіяющимъ іюньскимъ днемъ, совершая свою обычную утреннюю прогулку, въ обществѣ попавшихся ей по дорогѣ Троекуровыхъ, отца и дочери, и недавно представленнаго ей Италіянца, маркиза Каподимонте, увидѣла она

шедшую по аллеѣ навстрѣчу имъ стройную, очевидно новопріѣзжую въ Люцернъ, даму въ восхитительномъ туалетѣ, въ которомъ опытный глазъ свѣтской женщины тотчасъ же призналъ произведеніе великаго Ворта. „Изъ Парижа, и непремѣнно Русская“! сказала она себѣ, взглянула пристальнѣе...

— Тоny! вскрикнула она въ изумленіи.

— Я! отвѣтила та, спокойно улыбаясь и подходя къ ней.

Графиня радостно схватила ее за обѣ руки, прижалась губами къ ея щекѣ.

— Ты здѣсь... давно-ли?... Замужемъ... за кѣмъ? вырывались у нея торопливо одинъ за другимъ вопросы.

— Замужемъ, да! коротко отвѣтила дама. И, оборачиваясь къ Троекурову, который, приподнявъ учтиво шляпу, отходилъ отъ нихъ съ дочерью подъ руку:—Le général ne me reconnaît pas, il paraît? проговорила она вѣско.

Онъ чуть-чуть сдвинулъ брови, но все такъ же учтиво приподнялъ шляпу еще разъ:

— Узнаю теперь: госпожа Сусальцева, если не ошибаюсь? отвѣтилъ онъ на томъ же французскомъ языкѣ.

„Су-саль-цева, quel nom cocasse!“ пронеслось въ головѣ графини, между тѣмъ какъ молоденькая дочь Троекурова не то тревожно, не то съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ— показалось Еленѣ Александровнѣ,— вскидывала на „Тоню“ свои лучистые глаза.

— Папа, тебѣ пора въ ванну! какъ бы вспомнила она чрезъ мигъ, увлекая отца впередъ по аллеѣ.

Молодыя женщины остались однѣ.

— Ну, разсказывай скорѣе про себя, разсказывай все, все! торопливо заговорила графиня Драхенбергъ, подхватывая „кузину“ подъ руку и усаживая ее рядомъ съ собою на ближайшей скамейкѣ.

Черезъ четверть часа она знала о ней *все* въ главныхъ чертахъ, дополняя остальное своимъ фейерверочнымъ воображеніемъ. „Тоny богата, очень богата теперь... Конечно, au prix d'une mésalliance“ Но графиня не видѣла въ этомъ особеннаго неудобства. „Родовые предразсудки“, говоря демократическимъ языкомъ, никогда не пускали особенно глубо-

кихъ корней въ *міровоззрѣніе* русскаго общества; да и въ силу чего держались бы они?

У насъ нова рожденьемъ знатность,
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй,

замѣчено не даромъ великимъ поэтомъ... А графиня Елена Александровна къ тому же, столько же изъ противорѣчія „балтійскому феодализму“ наскучившаго ей мужа, сколько изъ личнаго убѣжденія „qu'il faut être de son siècle“, издавна почитала и заявляла себя женщиной „либеральною“ и безусловною поклонницей новѣйшихъ прогрессовъ... Она поэтому тотчасъ же разсудила, что Tony, выйдя замужъ за этого „richissime négociant“, поступила какъ умная женщина, „comme une personne d'esprit, qu'elle est“... что, конечно, довольно непріятно называться madame Sousaltzef и что особу съ такою фамиліей княгиня Андомская въ Петербургѣ ни за что не допуститъ перейти за порогъ своей гостиной... „Mais on peut parfaitement se ficher de la princesse Andomski après tout!“ отважно возражала она себѣ тутъ же, „а если мужъ Тони сколько-нибудь приличенъ, то они со своими милліонами вездѣ будутъ приняты... Вѣдь ѣздятъ же всѣ къ биржевикамъ Доконаки и Гинекену...“

— Ну вотъ, ты и добилась своего! радостно говорила она „кузинѣ“;—помнишь твои слова предъ отъѣздомъ?... такъ и вышло: изъ „ничего“ „все“.

— Не совсѣмъ, проговорила, чуть поморщившись, та и поспѣшно прибавила:—но главное сдѣлано: я почти въ сѣдлѣ (j'ai le pied dans l'étrier)...

Графиня, какъ бы поймавъ на-лету недоговоренную ею мысль, громко разсмѣялась:

— Да, говорятъ же вѣдь теперь, что надо только разъ умѣть выйти замужъ, а тамъ...

Появленіе мужа Тони прервало ихъ разговоръ. Онъ произвелъ на графиню очень благопріятное впечатлѣніе. „Слишкомъ плотенъ, но хорошъ лицомъ и одѣваться умѣетъ“, рѣшила она по первому взгляду. Когда же на вопросъ его жены *по-англійски*, гдѣ онъ былъ, Сусальцевъ на томъ же

языкѣ—нѣсколько уличнымъ лондонскимъ акцентомъ, „avec un accent quelque peu cockney“, не могла не замѣтить она,—но совершенно свободно отвѣтилъ, что ходилъ на почту справляться, не получено-ли на ихъ имя писемъ, poste restante,—свѣтская барыня нашла, что онъ „*совершенно* приличенъ pour un mari“, и положила принять его подъ свое особое покровительство.

Она и чета Сусальцевыхъ стали неразлучны съ того дня, видѣлись съ утра до вечера, совершали вмѣстѣ прогулки по горамъ и озеру, устраивали пикники на высотахъ Аксенштейна *). Къ нимъ обыкновенно присоединялся маркизъ Каподименте, человѣкъ очень свѣтскій, „пріятный“, начитанный и умный, ухаживаніе котораго за нашею графиней становилось съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе... Она со своей стороны какъ бы не замѣчала этого ухаживанья и старалась держаться съ обожателемъ своимъ тѣхъ „товарищескихъ“, чуть-чуть фамиліарныхъ пріемовъ, которыми женщина даетъ чувствовать не нравящемуся ей мущинѣ, что онъ „ни на что болѣе претендовать не долженъ“. Она была въ тѣ дни въ какомъ-то *стихѣ* брезгливости, при которомъ и салонный *flirt*, и amour de tigre были ей равно противны. „Моя созерцательная жизнь (ma vie contemplative) вполнѣ удовлетворяетъ меня, и я ничего другаго не прошу отъ судьбы“, говорила она и про себя, и вслухъ, наслаждаясь совершенно искренно, какъ всегда это бывало у нея, сознаніемъ объявшаго ее теперь полнаго безстрастія и соотвѣтствовавшимъ такому настроенію ея духа величавымъ спокойствіемъ окружавшей ее альпійской природы... Маркизъ чуть-чуть вздыхалъ вслѣдъ за такими ея заявленіями, но все такъ же мягко, осторожно и упорно продолжалъ, выражаясь языкомъ поэтовъ, сыпать подъ стопы ея розы своего „ничѣмъ несокрушимаго“ боготворенія. „Allez, cela flatte toujours une femme!“ говорила ему по этому поводу въ видѣ поощренія г-жа Сусальцева своимъ вѣчно ироническимъ тономъ. Мужъ ея за то пользовался всякимъ случаемъ выражать влюбленному Италіянцу

*) Возвышенность надъ Люцерномъ.

свое безграничное къ нему сочувствіе. Онъ видимо изучалъ его и старался подражать изящной непринужденности всего его внѣшняго склада, его манерѣ покручивать прищуриваясь усы, носить шляпу подъ извѣстнымъ угломъ наклона и закидывать небрежно ногу одну на другую. При каждой встрѣчѣ съ нимъ онъ жалъ ему, въ избыткѣ чувства, руку съ такою силой въ своихъ огромныхъ лапахъ, что тотъ каждый разъ морщился отъ боли и отправлялъ мысленно къ чорту московскаго медвѣдя. Самъ Сусальцевъ въ обществѣ игралъ по большей части въ молчанку, но самымъ внимательнымъ образомъ прислушивался къ занимательнымъ разсказамъ много видѣвшаго маркиза и къ „умнымъ разговорамъ", ими вызываемымъ, заявляя о принимаемомъ ими въ нихъ интересѣ одобрительнымъ кивкомъ или *значительною* усмѣшкой въ пору,— иной разъ цѣлою несложною, но правильно произнесенною фразой... „Онъ по-французски плохъ и жены боится", давно рѣшено было графиней; но когда шла у нея рѣчь о ея protégé съ другими, она самымъ серьезнымъ тономъ говорила о немъ, какъ о человѣкѣ, поглощенномъ обширными экономическими предпріятіями, и которому постоянная забота объ этихъ „предпріятіяхъ" мѣшаетъ принимать участіе, „comme il l'aurait pu, à nos frivoles causeries mondaines".

Съ Троекуровыми отношенія графини со времени пріѣзда Сусальцевыхъ какъ бы совсѣмъ прекратились. Она не могла не замѣтить, что ея компанія не приходилась по вкусу ни отцу, ни дочери; встрѣчаясь съ нею на прогулкѣ, они холодно раскланивались и проходили мимо, не останавливаясь. Сусальцевъ при этихъ встрѣчахъ, какъ бы движимый невольнымъ чувствомъ почтенія, скидалъ поспѣшно первый шляпу съ головы и отвѣшивалъ имъ низкій поклонъ...

— Вы могли бы быть менѣе усердны въ вашихъ учтивостяхъ! желчно отрѣзала ему однажды жена по этому случаю.

Онъ слегка покраснѣлъ:

— Что-же, человѣкъ почтенный, пролепеталъ онъ,—и дѣвица дочь его опять...

— Такая же противная *фуфыря*, какъ онъ самъ! перебила она.

Онъ замолкъ.

— У тебя что-то съ ними есть, Tony, вмѣшалась графиня:— vous ne vous aimez pas, pourquoi?

— Я къ нимъ совершенно равнодушна, уронила та въ отвѣтъ съ высокомѣрнымъ и презрительнымъ движеніемъ губъ,— но имѣла la malchance внушить несчастную страсть одному жалкому господину, котораго monsieur de Troëkourof прочилъ въ мужья своей царевнѣ, и они мнѣ вдвоемъ этого простить не могутъ.

— Вы его знаете? быстро обернулась графиня къ Сусальцеву.

— Кого это-съ? спросилъ недоумѣло тотъ.

— А вотъ этого, котораго жена ваша называетъ „жалкимъ господиномъ".

— Знаю-съ, широко осклабился онъ.

— И что же онъ въ самомъ дѣлѣ *жалкій*?

— Ничего не „жалкій", возразилъ онъ, самодовольно встряхивая плечомъ: — весьма даже благоприличный, по-моему, и вполнѣ комильфотный молодой человѣкъ... А впрочемъ, какъ вамъ извѣстно, ваши женскіе вкусы съ нашими рѣдко когда сходятся.

Графиня зорко вскинула глазами на него, на „кузину" и громко разсмѣялась.

— Oh, les maris! воскликнула она, отвѣчая на какую-то пробѣжавшую у нея въ головѣ мысль и замѣтивъ подходившаго къ нимъ въ эту минуту маркиза:—Ah, voici notre ami Capodimonte! Что же, рѣшено, куда мы отправляемся?..

Дѣло шло о рѣшеніи, куда ѣхать всею компаніей изъ Люцерна, гдѣ всѣмъ начинало становиться скучно. Сусальцевы уже второй годъ проводили за границей, переѣзжая изъ Парижа въ Швейцарію, или на какія-нибудь германскія воды, и обратно. Дѣла давно звали мужа въ Россію, но онъ все медлилъ отъѣздомъ: очень ужь хорошо жилось ему, очень ужь „лестны" были для него успѣхи жены на „чужой сторонѣ". А успѣхи ея были несомнѣнны. Въ томъ пестромъ, легко доступномъ Вавилонѣ всевозможныхъ „племенъ, нарѣчій, состояній", что именуется парижскимъ свѣтомъ, гдѣ плебейскіе

звуки ея фамиліи „Sou-sal-zef“, возглашаемые huissier въ серебряной цѣпи на порогѣ блестящей залы, не шокировали ничьего иноземнаго уха, а красота, роскошные туалеты и широкое русское хлѣбосольство ея мужа приманивали въ ея домъ на обѣды и вечера цѣлыя тучи поклонниковъ, льстецовъ и прихлебателей,— она съ перваго появленія своего попала въ звѣзды первой величины. Безъ нея не обходились ни одинъ праздникъ, ни одна *„première“* (первое представленіе) въ театрѣ; *Etincelle* *) въ *Figaro* чуть не каждую недѣлю распространялась въ детальномъ изложеніи о необыкновенныхъ кружевахъ, тканяхъ, шляпкахъ и уборахъ, „marqués au coin du goût le plus pur et le plus distingué“, въ которыхъ „tout Paris“ могъ ее видѣть на такомъ-то раутѣ, балѣ или пріемѣ новаго члена въ Académie française; всѣ иностранныя sommités и высочества изъ Almanach de Gotha, попадающія въ постоянно движущійся калейдоскопъ „великаго града *(la grande ville)*“, спѣшили представляться ей и расточали ей то, что̀ Пушкинъ, говоря о Вольтерѣ **), называлъ „земныхъ боговъ напиткомъ“... Но все это не удолетворяло ее лично. Въ натурѣ ея было презирать то, что̀ легко ей доставалось. Она презирала этотъ окружавшій ее сбродъ нажившихся вчера богачей изо всѣхъ странъ вселенной, аристократическихъ именъ, носимыхъ людьми съ лакейскою наружностью, лавочниковъ, состоящихъ въ званіи республиканскихъ министровъ, весь этотъ міръ цинической рекламы, всепоглощающей корысти и пустозвонства безъ конца... Роскошь, въ которой купалась она, (они прожили тысячъ триста съ половиной за это время,) пріѣдалась ей; ей хотѣлось чего-то другаго, власти, вліянія, значенія. Положеніе, пріобрѣтенное ею, представлялось ей чѣмъ-то „не настоящимъ“, самозваннымъ, ему недоставало *санкціи* Петербурга. Ее влекло туда, въ этотъ угрюмый, „скучный Петербургъ“, знакомый по одному лишь сезону, проведенному ею тамъ, и не оставившій въ ней особенно отрадныхъ воспоминаній, но въ которомъ, говорила себѣ она, „есть по крайней

*) Псевдонимъ дамы, пишущей въ *Figaro* отчеты о свѣтской жизни.

**) „Ты *лесть* его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ“.

Посланіе къ князю Юсупову.

мѣрѣ une *vraie* societé, общество, къ которому принадлежитъ она по рожденію, и роль въ которомъ, казалось ей почему-то, можетъ дѣйствительно польстить самолюбію женщины...“ Такъ или иначе, она чувствовала какой-то внутренній зудъ „попробовать Петербурга“. И чѣмъ труднѣе, сознавала она, было для нея теперь быть снова признанною (réacceptée) тамъ „своею“ при томъ имени, которое она носитъ, при томъ мужѣ, „котораго она дала себѣ“, тѣмъ сильнѣе сказывалась въ ней жажда борьбы и чаяніе побѣды. Она исподоволь готовила къ ней свои подходы, улавливала въ свои тенета всѣхъ петербургскихъ перелетныхъ птицъ изъ *крупныхъ*, завязывая нити „дружескихъ“ отношеній съ ними, для чего laisser-aller парижской жизни представляло ей полное удобство... Игру свою вела она съ чрезвычайнымъ искусствомъ. Лукаво холодный задоръ ея кокетства производилъ на тѣхъ рѣдкихъ избранныхъ, для которыхъ почитала она нужнымъ прибѣгать къ нему, неотразимое обаяніе, между тѣмъ какъ безупречная tenue ея въ свѣтѣ, та самая *величавость* ея пріемовъ, въ которой обвиняли ее въ петербургскихъ гостиныхъ, когда она была дѣвушкой, и которую теперь находили совершенно умѣстною въ ея положеніи замужней, красивой и „независимой“ (то-есть богатой) женщины, вызывала одобреніе со стороны самыхъ *collets montés* изъ ея соотечественницъ. „C'est une femme très bien!“ возглашали онѣ хоромъ, многодумно кивая челами... Сама княгиня Андомская, которая, по мнѣнію графини Драхенбергъ, „не дозволила бы въ Петербургѣ госпожѣ Сусальцевой перейти за порогъ ея гостиной“,—княгиня Андомская, отъ преизбытка важности не произносившая уже болѣе буквы *а*, замѣнивъ ее буквою *е*, какъ требующею болѣе умѣреннаго раскрытія челюстей, встрѣтившись съ нею, съ тою же madame Sousaltzef у англійскаго посла въ Парижѣ, протянула ей три пальца и, изобразивъ на своемъ couperosé лицѣ нѣчто въ родѣ намѣренія улыбки, произнесла почти слышно: Il y *é* longtemps que vous *hébitez Péris?*... Да, разсуждала Tony, у нея уже теперь успѣлъ образоваться—„а далѣе еще болѣе будетъ“—достаточно обширный кругъ отношеній въ петербургскомъ grand monde, чтобъ имѣть ей право надѣяться, что,

когда она переѣдетъ *туда*, всѣ успѣютъ уже пріобыкнуть къ ея „невозможной фамиліи“... Останется все-таки мужъ, конечно... Но вѣдь это неудобство отвратимо: мужа „можно будетъ *тамъ* просто *не показывать*“...

Встрѣча съ Elly Драхенбергъ являлась для нея новымъ, очень вѣскимъ шансомъ для этого чаемаго ею въ будущемъ преуспѣянія своего въ Петербургѣ. Ей нужна была именно „такъ поставленная“ въ тамошнемъ свѣтѣ, съ такимъ рѣшительнымъ характеромъ и такою „горячею головой (tête ardente)“ женщина, чтобы послужить ей вѣрнымъ лоцманомъ, „pour la piloter“ между всякихъ подводныхъ утесовъ, которые даже при самыхъ счастливыхъ условіяхъ могли бы все-таки встрѣтиться ей на пути. И она обѣими руками ухватилась за нее. Графиня въ свою очередь была очень рада ей. Она цѣнила въ Тонѣ ея рѣшительность, ея невозмутимый aplomb и саркастическій, чтобы не сказать прямо презрительный, взглядъ на жизнь и на людей, представлявшійся молодой вдовѣ такою „силой“ сравнительно со способностью къ „вѣчнымъ иллюзіямъ“, которую она торжественно признавала за собою.

— Остается знать, кто изъ насъ счастливѣе? говорила ей графиня.

— Счастья нѣтъ и вовсе, коротко отвѣтила на это та.

— О!... могла только вскрикнуть графиня:—ты не вѣришь въ счастье?

— Его нѣтъ, повторяю; есть извѣстное состояніе духа, какъ говорится, при которомъ тебѣ менѣе скверно, чѣмъ обыкновенно; есть условія жизни, ставящія тебя въ возможность менѣе страдать, чѣмъ другіе люди; но то абсолютное, всестороннее удовлетвореніе, которое разумѣется подъ названіемъ *счастья*,—вещь несуществующая, да и немыслимая.

Elly пристально уперлась ей взглядомъ въ лицо:

— Tu est trop savante, vois-tu, Tony, и ты никогда видно не любила!

— Никогда, это правда, чуть ухмыльнулась Сусальцева;— а ты?

Графиня вся какъ бы ушла въ себя, глубоко вздохнула и медленно повела головою сверху внизъ.

— Ну, а что же Каподимонте! продолжала насмѣшливо „кузина“.

Elly быстро вскинулась и замахала рукой:

— Ахъ нѣтъ, такого не нужно!...

— Какого же тебѣ надо?

— Ужь не знаю, право... Никого не нужно теперь, никого! рѣшила она, громко разсмѣявшись.

III.

„Кузины“ уже вторую недѣлю жили въ Венеціи, куда пріѣхали съ италіянскихъ озеръ, гдѣ прожили мѣсяца полтора, побывавъ и въ Лугано *), и въ Белладжіо **), и на Isola-Bella ***). Графиня все такъ же, какъ и въ Люцернѣ, восторженно наслаждалась тамъ природой. Здѣсь, въ „столицѣ Адріатики“, присоединилось къ этому восхищеніе искусствомъ. Врожденное въ ней чувство изящнаго никогда еще не сказывалось у нея съ такою силой, не охватывало ее такъ цѣпко и такъ алчно. Она по цѣлымъ часамъ съ дрожавшими на рѣсницахъ слезами умиленія простаивала предъ мадоннами Gian ****) Bellini въ церкви *del Redentore* (Спасителя) и готова была каждый разъ чуть не разцѣловать жидкобородаго капуцина, указывавшаго ей на нихъ костлявымъ, страшно грязнымъ пальцемъ все съ тою же своею заученною фразой: Sono i fiori della pittura veneziana (это цвѣтъ венеціанской живописи); она „не хотѣла уходить“ со внутренняго двора palazzo дожей и увѣряла, что „велитъ принести себя сюда предъ часомъ смертнымъ, чтобъ отдать Богу душу на ступеняхъ Scala dei Giganti, унося такимъ образомъ въ небо послѣднее впечатлѣніе того прекраснѣйшаго, что̀ создано человѣкомъ на этой землѣ“. Тону снисходительно только улыбалась „фантастическимъ бреднямъ, fantaisies saugrenues“ своей прія-

*) На Гардскомъ озерѣ.
**) На Комскомъ.
***) На Lago-Maggiore.
****) Сокращенное отъ Giovanni, Иванъ.

тельницы. Сама она, по ея выраженію, „дозволяла возить себя смотрѣть то, что̀, говорятъ, непремѣнно будто нужно видѣть“, прибавляя къ этому съ какою-то торжествующею презрительностью: „я ровно ничего не понимаю въ этой старой мазнѣ, но что-нибудь, надо же дѣлать: буду ѣздить смотрѣть на эту „мазню“... Она въ сущности очень скучала въ Венеціи, но не рѣшалась уѣзжать. Въ Біарицъ, во-первыхъ, куда она по требованію моды ѣздила купаться два года сряду, было слишкомъ рано, а во-вторыхъ, сюда, какъ узнала она по газетамъ, долженъ былъ на дняхъ пріѣхать князь Іоаннъ, высокое лицо, съ которымъ ей очень хотѣлось и было удобно познакомиться здѣсь (онъ долженъ былъ пробыть въ Венеціи нѣсколько дней), гдѣ поневолѣ „каждый день будешь встрѣчаться на площади Святаго Марка“, и котораго къ тому же Elly давно и хорошо знаетъ, а слѣдовательно представитъ ей... „а тамъ уже она знаетъ, какъ повести дѣло“... И madame Sousaltzef, „отъ нечего-дѣлать покамѣстъ“, принялась, вмѣсто купанья въ шумныхъ волнахъ океана, ѣздить каждый день на Лидо погружаться въ мирныя струи адріатическаго побережья, куда возила съ собою, по просьбѣ кузины, ея девятилѣтняго сына, которому такія же ванны предписаны были докторомъ. Ихъ обыкновенно сопровождали на пароходѣ туда и обратно мужъ ея и офицеръ Вермичелла, ожидавшіе, пока она и мальчикъ выйдутъ изъ воды, на широкой деревянной террасѣ кафе-ресторана, устроеннаго на сваяхъ надъ самымъ моремъ наряду съ купальнями, попивая сиропъ изъ сока *тамаринда* пополамъ съ коньякомъ и обмѣниваясь веселыми рѣчами на миѳическомъ французскомъ языкѣ. Этимъ способомъ скучающая барыня нашла возможность убивать большую часть утра, изъ котораго „безъ этого она не знала бы, что̀ дѣлать“... Тѣмъ временемъ графиня, въ сопровожденіи маркиза Каподимонте, плавала въ гондолѣ по всѣмъ каналамъ и *каналеттамъ* запустѣлаго города, обозрѣвая подробно каждую его достопримѣчательность, отыскивая въ магазинахъ и лавчонкахъ антикваріевъ всякое художественное *старье*, къ которому разыгралась у нея теперь настоящая страсть. Маркизъ, какъ это нерѣдко случается встрѣтить въ Италіи въ сре-

дѣ людей его круга и *возраста*, былъ тонкій и начитанный знатокъ художествъ и оказывалъ своей „прекрасной спутницѣ“ настоящія услуги, предостерегая ее противъ тѣхъ ухищренныхъ обмановъ, которымъ подвергаются богатые дилеттанты изъ иностранцевъ при покупкахъ этого рода, научая ее распознавать отличительные признаки руки дѣйствительнаго „артиста“ и знакомя ее по этому случаю съ цѣлою исторіей искусства въ его отечествѣ въ различныхъ проявленіяхъ его и фазисахъ. Молодая вдова слушала его съ жаднымъ вниманіемъ, называла „homme charmant“ и благодарно жала ему руки. Поощренный этимъ, онъ пытался не разъ заговаривать о своихъ „чувствахъ“,—но она рѣшительно отклоняла всѣ подобныя изъявленія. Она все еще находилась въ полосѣ „безстрастія“... Да и помимо того, ей, какъ говорила она Тонѣ, „не *такого* было нужно“. Маркизъ, конечно, былъ одаренъ всякими привлекательными качествами: онъ былъ и вполнѣ свѣтскій,—тонкій и благовоспитаный, — и почти ученый человѣкъ; наружность его была изящная, „distinguée“, черные глаза блестѣли какъ у двадцатилѣтняго юноши, говорилъ онъ и „разсказывалъ“ съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и горячностью; онъ даже, она не сомнѣвалась, дѣйствительно любилъ ее, — „конечно, ея большое состояніе имѣлось имъ въ виду, но и сама она, ея blanche nature du Nord“, какъ выражался онъ, „возбуждала въ немъ страстное чувство“, — она это видѣла *по его глазамъ*... Но это не представляло для нея ничего новаго; это было въ ея понятіи „что-то среднее между любовью *того*, „тигра“, и тѣмъ „тепленькимъ“, чего до оскомины, въ теченіе десяти лѣтъ сряду, наслушалась она въ Петербургѣ отъ *свитскихъ* генераловъ... Она все это „наизусть знала“, она „насквозь видѣла ce cher marquis“... Нѣтъ, Gian Bellini, Веронезъ, Palma Vecchio и вся эта „феерическая декорація неба, моря и старыхъ дворцовъ“,—вотъ все, все, что ей теперь нужно“!...

Вчерашній случай — этотъ „интересный émigré politique, котораго Tony непремѣнно знаетъ“,—откинулъ ее вдругъ въ сторону ото всѣхъ тѣхъ волшебствъ природы и искусствъ, созерцаніе которыхъ поглощало воображеніе ея все это послѣд-

нее время. Ей жадно, до боли жадно захотѣлось теперь открыть тайну любви, le secret d'amour, она не сомнѣвалась, существовавшую между „этою ледяною Tony и тѣмъ бѣлокурымъ“, бѣжавшимъ съ дальняго сѣвера чрезъ темные лѣса, гдѣ спасъ его „ce flacon de cognac“, подарокъ женщины, его любившей... „Онъ былъ, можетъ быть, первымъ единственнымъ *предметомъ* ея, Тони, и, разлученная съ нимъ, она рѣшилась выйти de désespoir за своего... Сусальцева... Или, можетъ быть, тотъ жестоко обманулъ ее, и она тогда съ досады, par dépit“... Во всякомъ случаѣ она, Elly Драхенбергъ, узнаетъ непремѣнно эту тайну. Tony — замкнутый замокъ, отъ нея ничего не добьешься: но онъ, этотъ молодой человѣкъ... маркизъ его непремѣнно отыщетъ и привезетъ, она пригласитъ его, — сыну ея, дѣйствительно, надо начать учиться хорошенько родному языку, — пригласитъ давать ему уроки, она приголубитъ его („je l'apprivoiserai“), внушитъ ему довѣріе, дружбу... О, она все узнаетъ, что его касается, всю его эпопею любовную и полититескую, „toute son épopée amoureuse et politique“...

Она даже проснулась сегодня ранѣе обыкновеннаго, завтракала—что не всегда случалось у нея,—съ сыномъ и воспитателемъ его, мистеромъ Уардомъ, совершенно деревяннымъ Англичаниномъ лѣтъ сорока, и объявила имъ, что „нашла для *Никса* русскаго учителя, такъ какъ очень стыдно, что онъ до сихъ поръ почти совсѣмъ не умѣетъ писать по-русски“, причемъ не то вопросительно, не то тревожно глянула въ лицо Уарда, какъ бы желая прочесть на немъ впечатлѣніе, какое могло произвести на него это извѣстіе. Но ровно ничего не прочла она на этомъ лицѣ: Англичанинъ, не подымая глазъ, продолжалъ уписывать свою баранью котлетку.

— Онъ молодой, этотъ новый учитель, мама? съ любопытствомъ спросилъ ее за то Никсъ по-русски, и этотъ вопросъ какъ-бы нѣсколько почему-то смутилъ ее.

— Что тебѣ до того, молодой онъ или старый? сказала она, усмѣхаясь:—все равно надо тебѣ будетъ съ нимъ учиться, и хорошо учиться.

— Ахъ, какъ же можно, возразилъ мальчикъ,—съ моло-

дымъ мнѣ гораздо будетъ веселѣе, чѣмъ съ mister Уардомъ; тебѣ тоже, правда, мама?

Графиня даже покраснѣла слегка:

— Ты все вздоръ болтаешь, Никсъ!..

Она отправила его послѣ завтрака гулять со своимъ Англичаниномъ въ Giordino Reale (Королевскій садъ), и въ ожиданіи маркиза, являвшагося къ ней обыкновенно между полуднемъ и часомъ съ программой „экскурсіи", предполагавшейся ими на тотъ день, усѣлась на балконѣ своего „appartement" въ бельэтажѣ, выходившаго на Riva dei Schiavoni. Очаровательнѣйшій видъ Венеціи открывался съ этого балкона. Прямо насупротивъ его, надъ широкимъ воднымъ пространствомъ, заворачивающимъ крутымъ изгибомъ вправо въ Джудекку, облитые блескомъ италіянскаго утра, словно любуясь отраженіемъ своимъ въ изумрудномъ зеркалѣ влаги, побѣдно возносились изящные купола *Santa Maria della Salute* и *San Georgio Maggiore*; надъ башенкой таможни золотая Фортуна съ зеленымъ шаромъ подъ ногой отчетливо вырисовывалась въ разрѣженномъ воздухѣ; высоко, подъ яркою голубизной неба, висѣли недвижно легкіе и бѣлые какъ пухъ клубы облачковъ, будто не рѣшаясь разстаться съ этимъ чуднымъ краемъ земли, а ниже, віясь надъ высокими черными гребнями скользившихъ по лагунѣ гондолъ, рѣяли большія морскія птицы сѣромолочнаго цвѣта, сверкая на солнцѣ серебристыми оконечностями своихъ длинныхъ и сильныхъ крыльевъ...

Графиня, защищенная отъ солнечныхъ лучей полотномъ опущенной надъ балкономъ маркизы, глядѣла не отрываясь на эту уже привычную ей картину, прислушиваясь невольно къ доносившемуся до нея вѣчному гулу рѣчей и смѣха *баркаіоловъ* (лодочниковъ) на ближайшей пристани, къ зазывнымъ крикамъ продавщицъ рыбы и фруктовъ... „Что же за *праздникъ для глазъ* долженъ былъ быть здѣсь, невольно проносилось у нея въ головѣ, когда *помимо всего этого* корабли со всѣхъ окраинъ міра везли свои сокровища царственнымъ купцамъ этого волшебнаго города, когда изъ оконъ этихъ разрушающихся теперь дворцовъ вывѣшивались на диво толпѣ многоцѣнные ковры и ткани Востока, и сами они, и

дочери ихъ, и жены, и всѣ, и все населеніе облечены были во всю эту разнояркость цвѣтовъ и живописность покроя эпохи Возрожденія, которыя такъ обаятельно глядятъ на насъ съ историческихъ полотенъ въ palazzo дожей, изъ рамъ портретовъ Тиціана!... Увы, я родилась слишкомъ поздно, мнѣ надо было увидѣть свѣтъ *здѣсь, тогда...* jaurais été peut être une seconde Catherine Cornaro, о которой говорилъ вчера маркизъ," вспомнила она, насмѣшливо улыбнувшись по собственному своему адресу.

А глаза ея между тѣмъ какъ бы машинально приковывались къ каждой изъ гондолъ, пристававшихъ къ Riva dei Schiavoni. Въ каждомъ лицѣ, подымавшемся съ пристани на набережную, она чаяла увидать маркиза...

Пушечный выстрѣлъ на площади Святаго Марка уже довольно давно извѣстилъ городъ о полуднѣ, а его все еще не было. Молодую женщину начинало разбирать нетерпѣніе.

Но вотъ, кинувъ случайно взглядъ по направленію *Піаццеты*, она увидала его, всходившаго по мраморнымъ ступенямъ... Онъ былъ не одинъ: рядомъ съ нимъ легкою, молодою поступью, подъ широкополою шляпой на головѣ, шагалъ ея вчерашній незнакомецъ, „*l'objet* de Tony". Она его сейчасъ узнала... У нея даже сердце слегка забилось: она никакъ не ожидала, чтобы маркизъ „такъ поспѣшилъ исполнить ея порученіе"...

А Каподимонте въ свою очередь, прищуривая глаза отъ солнца, не отводилъ ихъ, съ приближеніемъ къ Hôtel Danielli, отъ балкона, на которомъ еще издали, подъ низко опускавшимися фестонами маркизы, отличилъ онъ облаченный въ бѣлый батистъ, поутреннему, силуэтъ предмета своей страсти... Подойдя къ самому балкону, онъ поднялъ глаза и, притронувшись къ шляпѣ, спросилъ снизу:

— Vous êtes visible, comtesse?

Въ голосѣ его она тотчасъ же почуяла какое-то раздраженіе.

— Toujours pour vous, cher marquis, поспѣшила она отвѣтить съ оттѣнкомъ чуть не нѣжности въ звукѣ голоса,

слегка свѣшиваясь къ нему головой черезъ перила и быстрымъ взглядомъ окидывая тонкій обликъ его спутника.

Тотъ, не подымая на нее глазъ, стоялъ внизу съ видомъ полнѣйшаго безучастія къ этому разговору и разсѣянно глядѣлъ куда-то въ сторону.

Маркизъ проговорилъ ему нѣсколько словъ, притронулся еще разъ къ шляпѣ и быстро вошелъ въ двери отеля. Молодой человѣкъ, видимо замедляя шаги, послѣдовалъ за нимъ.

„Pas empressé du tout, et l'autre—furieux", сказала себѣ со внутреннимъ смѣхомъ графиня: „интересно знать—почему?.."

Она занимала цѣлый аппартаментъ въ пять или шесть комнатъ, изъ которыхъ первая съ лѣстницы служила чѣмъ-то въ родѣ пріемной, гдѣ постоянно дежурилъ курьеръ ея Джіакомино.

— Маркизъ Каподимонте, доложилъ онъ теперь, появляясь на порогѣ гостиной, куда только-что прошла съ балкона его госпожа.

— Съ нимъ еще кто-то? какъ бы небрежно спросила она.

— Si, eccelenza, но его сіятельство приказалъ доложить только о себѣ.

— Просите!... Не хочетъ-ли онъ мнѣ сдѣлать сцену? подумала она, и брови ея озабоченно сжались.

Она не ошибалась. Едва ступивъ въ комнату и отвѣсивъ ей преувеличенно учтивый поклонъ, Каподимонте началъ:

— Графиня, я исполнилъ ваше приказаніе, чтобъ дать вамъ новое доказательство моей нелицемѣрной преданности и дружбы къ вамъ: я отыскалъ... и привелъ сюда этого господина, котораго вы... желали видѣть. Но я желаю со своей стороны, чтобы вы (онъ видимо едва сдерживалъ клокотавшую въ немъ досаду), чтобы вы не думали, что провести меня легко...

— Изъ чего же вы заключили, что я могу это думать? прервала его она тономъ холоднаго достоинства, вопросительно въ то же время подымая на него глаза.

Онъ продолжалъ болѣе спокойно, но съ язвительнымъ оттѣнкомъ въ выраженіи:

— Вы говорили мнѣ, что ищете учителя вашего языка

для сына и что вы... *случайно*... узнали, что есть такой здѣсь, въ Венеціи... Изъ вашихъ словъ слѣдовало заключить, что вы никакого понятія объ этомъ *учителѣ* не имѣете, никогда въ лицо его не видѣли, не знаете его фамиліи.

— Все это правда; что̀ же дальше? перебила она его опять.

— Но тѣмъ не менѣе адресъ этого таинственнаго незнакомца,—все такъ же *случайно*, конечно,—вамъ былъ извѣстенъ, и по этому адресу я, повинуясь вашему желанію, отыскалъ его... и нашелъ не учителя, а...

— А кого же?

— Un beau jeune homme, хихикнулъ насилованно маркизъ,—qui ne m'a pas le moindrement l'air d'un marchand de participes (который нисколько по-моему не похожъ на учителя).

— Почему же это вамъ такъ кажется? рѣзко выговорила графиня; она начинала сердиться...

Онъ такъ и вперилъ горящіе зрачки свои въ ея лицо.

— Потому что это тотъ самый молодой человѣкъ, который вчера на *серенатѣ* сидѣлъ въ гондолѣ рядомъ съ нашею и съ котораго вы все время глазъ не спускали!...

— Вы видѣли! помимо воли, неудержимо вырвалось у нея.

— Видѣлъ, съ горечью воскликнулъ онъ, — и еще вчера догадывался... а теперь мнѣ это совершенно ясно...

Она вдругъ, къ немалому его удивленію, разразилась громкимъ смѣхомъ:

— Что̀ вамъ ясно, vilain jaloux? что̀ вы видѣли? Ничего вы *настоящаго* не видѣли и не догадываетесь...

Онъ недоумѣло глядѣлъ на нее...

— Eh bien, c'est vrai, онъ сидѣлъ тамъ подлѣ насъ въ гондолѣ, и я слышала его разговоръ съ товарищемъ и узнала, что онъ—я вамъ повѣрю его тайну: вы, я знаю, не выдадите ни его, ни меня,—un réfugié politique,—но я, клянусь вамъ, видѣла его вчера въ первый разъ въ жизни... Я узнала тоже изъ этого разговора, что онъ пріѣхалъ сюда съ однимъ русскимъ семействомъ въ качествѣ учителя, и подумала, дѣйствительно, о моемъ сынѣ..

Она какъ бы запнулась на мигъ...

— И *только?* подчеркнулъ Каподимонте, не отводя отъ нея тревожнаго взгляда.

— Нѣтъ, я не хочу скрывать отъ васъ, молвила она, широко улыбаясь своими пышными и свѣжими губами, — есть одно обстоятельство, возбуждающее во мнѣ большой интересъ къ этому молодому человѣку... Но не по отношенію ко мнѣ лично, увѣряю васъ! поспѣшно примолвила она, слагая крестообразно, для вящшаго убѣжденія его, руки свои на груди:— Тутъ другое лицо заинтересовано.

— Кто же? такъ же поспѣшно спросилъ онъ.

— Я не назову... не могу назвать вамъ ее... Я и сама, впрочемъ, ничего не знаю и подозрѣваю только... Я для этого и хотѣла познакомиться съ нимъ... Я должна убѣдиться... Попросите его войти, пожалуйста, вы оставили его тамъ se morfondre avec mon courrier въ передней: вѣдь это неучтиво..

На выразительномъ лицѣ маркиза сказалось страданіе.

— Я ничего не понялъ изъ вашихъ объясненій, печально молвилъ онъ,—но я долженъ, *я хочу* вамъ вѣрить: вы пожелали ближе узнать этого никогда до вчерашняго вечера вами невиданнаго молодаго человѣка не изъ какого-либо *личнаго* чувства, а единственно изъ любопытства. Положимъ такъ, но я осмѣлюсь вамъ напомнить, что *любопытство*, подчеркнулъ онъ,—погубило на этомъ свѣтѣ не одну женщину.

— La vieille histoire de grand'mère Eve, разсмѣялась она въ отвѣтъ, пожимая плечами:— будьте покойны, я ученая, je suis bien apprise... Подите, приведите мнѣ его сюда!

Маркизъ глубоко вздохнулъ, поклонился и пошелъ за „нимъ“.

IV.

Die Kälte kann wahrlich brennen
Wie Feuer.

Heine.

Чрезъ нѣсколько минутъ графиня и маркизъ вышли вмѣстѣ въ гостиную.

— Графиня, началъ офиціальнымъ тономъ маркизъ,—позвольте вамъ представить monsieur... monsieur Po... Pos-pe-lof, si je prononce juste, выговорилъ онъ съ нѣкоторымъ трудомъ.

— Juste, подтвердилъ тотъ, какъ бы снисходительно кивнувъ головой.

Графиня изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ окинула его недолгимъ, но зоркимъ взглядомъ, указывая ему въ то же время на кресло подлѣ себя учтивымъ движеніемъ руки. Дневной свѣтъ, при которомъ видѣла она его теперь, дозволилъ ей отчетливо разсмотрѣть его правильныя, блѣдныя черты,—„будто слегка полинявшія краски на пастелевомъ портретѣ", сказала себѣ она,—острый блескъ его сѣрыхъ зрачковъ, тонкій и нервный складъ всей его наружности... Она осталась довольна. „Il doit être de bonne famille", сложилось у нея тутъ же заключеніе, „и многое успѣлъ перечувствовать на своемъ вѣку"...

Маркизъ усѣлся на легонькомъ стулѣ, уставивъ его такъ, чтобъ имѣть возможность равно слѣдить за выраженіемъ лицъ хозяйки и своего спутника, и заговорилъ опять:

— Вы меня просили, графиня, справиться, возможно-ли вамъ будетъ найти въ Венеціи un professeur de langue russe

для вашего сына, и я... послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, подчеркнулъ онъ лукаво, — имѣлъ счастіе узнать о monsieur Pos-pe-lof... котораго и упросилъ сегодня побывать со мною у васъ.

— Bien merci, cher marquis! не дала ему продолжать она и, обращаясь къ „профессору“: — Вы давно уже здѣсь? спросила она его по-русски.

— Нѣтъ, не очень, выговорилъ онъ словно нехотя.

— И давно изъ Россіи?

— Я въ Вѣнѣ предъ этимъ жилъ, уклончиво и морщась отвѣтилъ онъ: ему видимо не нравились эти вопросы.

Но она продолжала:

— Вы здѣсь одни, или съ кѣмъ-нибудь?...

— Я пріѣхалъ съ однимъ семействомъ, но они должны были вернуться въ Россію, а я... предпочелъ остаться...

— Вы давали уроки... въ этомъ семействѣ?

— Давалъ.

— Русскаго языка?

— Русскаго языка... да и всего, въ сущности, чуть-чуть улыбнулся онъ опять: — дѣти еще только въ гимназію готовились.

„Улыбается, точно *снисходитъ*; une nature fière, я очень люблю это въ мущинахъ“, пронеслось въ головѣ нашей графини.

— Мой сынъ тоже маленькій, громко заговорила она: — ему всего девять лѣтъ. У него Англичанинъ... но я бы хотѣла, чтобъ онъ началъ русскую грамматику и ариѳметику тоже en russe... и если бы вы согласились...

Она договорила, взглянувъ на молодаго человѣка чуть не молящимъ взглядомъ.

Онъ только головой качнулъ: что же, молъ, извольте, если этого вамъ такъ хочется.

— Онъ очень добрый и способный мальчикъ, вы увидите... Онъ ушелъ теперь гулять съ mister Уардомъ, но сейчасъ долженъ вернуться... Я непремѣнно хочу показать его вамъ...

Поспѣловъ опять молча повелъ головой.

— Вы учились въ университетѣ, не правда-ли? спросила она его вдругъ.

— Д-да, пропустилъ онъ сквозь зубы и съ запинкой, не ушедшею отъ ея вниманія.

— Въ Петербургскомъ?

— Н-нѣтъ... въ Московскомъ.

— Вы тамъ многихъ знаете... въ Москвѣ?

— То-есть, кого же это?... Изъ вашего круга никого не знаю, счелъ онъ нужнымъ, и притомъ нѣсколько грубовато, пояснить ей.

— Нѣтъ, я спросила васъ потому, что здѣсь... въ этомъ же отелѣ... живетъ одна московская... родня мнѣ...

Онъ глядѣлъ на нее, будто говоря: „какое мнѣ до этого дѣло?"

„Погоди же", молвила она мысленно въ свою очередь, „что вотъ ты сейчасъ скажешь?"

— Madame Sousaltzef, Antonine, рожденная Буйносова... Вы не слыхали о ней?

Она пристально, жадно глядѣла ему теперь въ лицо... Лицо это мгновенно дрогнуло,—она это видѣла, „ясно видѣла",— едва произнесла она имя „Tony", глаза метнули искру, брови тѣсно сжались какъ бы отъ напряженія мозга надъ ворвавшеюся въ него докучливою мыслью. Но онъ тотчасъ же оправился, вскинулъ голову и глянулъ въ свою очередь ей въ глаза не то пытливымъ, не то вопрошающимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, не слыхалъ; а что? выговорилъ онъ совершенно твердо и спокойно.

Она же сконфузилась теперь.

— Tony... Madame Sousaltzef... настоящая красавица, пролепетала она,—и обращаетъ этимъ на себя общее вниманіе... Я думала, вы могли съ нею гдѣ-нибудь встрѣтиться... хотя бы здѣсь, въ Венеціи... Но вы говорите, что вы еще очень недавно здѣсь...

Поспѣловъ, не отвѣчая, глядѣлъ на нее все тѣмъ же смущавшимъ ее взглядомъ.

Она отвернулась отъ него къ маркизу. Онъ сидѣлъ, насупясь, отчасти обиженный этимъ продолжительнымъ ея разго-

воромъ на непонятномъ ему языкѣ, еще болѣе досадуя на живую игру физіономіи молодой вдовы, которая, совершенно основательно разсуждалъ онъ, имѣла бы совсѣмъ иной видъ, если-бъ у нея съ этимъ „réfurié russe“ шелъ разговоръ объ условіяхъ найма его въ учители ея сыну.

— Je parlais à monsieur de l'exquise beauté de ma cousine Tony, сказала она ему, какъ-то особенно усмѣхаясь.

„А!“ тотчасъ же сообразилъ тонкій Италіянецъ, „мнѣ дается понимать, что la cousine и есть та *особа*, о которой она мнѣ говорила; но она не проведетъ меня: господинъ этотъ интересуетъ ее *лично*, а не косвенно, по отношенію къ другой. Una perfida comedie è questo, предательскую комедію разыгрываетъ она со мной“. И губы его даже побѣлѣли отъ ревнивой досады.

Но губы эти любезно усмѣхались въ то же время.

— Ah oui, très belle en effet, très belle, madame *Tony*, говорилъ онъ по адресу чаемаго имъ соперника.

Но тотъ, съ видимымъ желаніемъ положить конецъ этимъ рѣчамъ, обратился къ хозяйкѣ съ вопросомъ по-русски:

— Въ какое заведеніе полагаете вы нужнымъ подготовить вашего сына?

Вопросъ этотъ засталъ ее въ расплохъ.

— Я, признаюсь вамъ, до сихъ поръ объ этомъ еще серьезно не думала. Мальчикъ мой записанъ въ Пажескій Корпусъ, но онъ до сихъ поръ все еще не укрѣпился здоровьемъ, и я боюсь, что онъ вообще для военной службы не будетъ годиться. Въ такомъ случаѣ надо будетъ его въ Лицей...

— Само собою! иронически какъ бы сорвалось съ языка Поспѣлова.

— Что̀ это значитъ? изумилась она.

— Значитъ, что куда же поступить сыну вашему, какъ не въ *привилегированное* заведеніе! подчеркнулъ онъ съ прежнимъ невозмутимымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Вы...

Она пріостановилась на мигъ:—vous êtes démocrate?

— Въ молодомъ поколѣніи вы аристократическихъ убѣж-

деній не найдете, коротко отвѣтилъ онъ съ полупрезрительнымъ движеніемъ губъ.

— Я знаю... Я сама du reste... je suis très libérale d'opinions, промолвила графиня и даже вѣско кивнула сверху внизъ, въ видѣ вящшаго подтвержденія своихъ словъ.

— Да, вмѣшался маркизъ, — и это меня всегда удивляло въ русскихъ женщинахъ.

— Удивляло? повторила она: — это должно было бы васъ радовать, мнѣ кажется, васъ, чуть не поплатившагося жизнію за свободу...

— Не за женскую, во всякомъ случаѣ, засмѣялся онъ;— эманципація женщинъ, то-есть обезличеніе, то-есть опошленіе женской обособленности—это не только конецъ всякой поэзіи, это еще конецъ всей человѣческой цивилизаціи.

— Reste à savoir, замѣтилъ на это Поспѣловъ чистѣйшимъ французскимъ акцентомъ, — насколько эта „поэзія цивилизаціи" дала хлѣба голодающимъ человѣческимъ массамъ.

И этотъ акцентъ, и мысль, выраженная въ его фразѣ, совсѣмъ подкупили графиню: она одобрительно и быстро закивала головой.

— Да, это большой вопросъ! промолвила она глубокомысленнымъ тономъ, который былъ столько же не обыченъ, сколько забавно милъ въ ея устахъ.

Маркиза это еще пуще взорвало. Глаза его загорѣлись, онъ готовилъ громоносное возраженіе... Но въ это же время въ восхитительномъ утреннемъ платьѣ изъ soie écrue, обшитомъ кружевами и большими голубыми бантами, подъ широкою соломенною шляпой, кругомъ которой бѣжала пышная гарнитюра изъ бѣлыхъ и голубыхъ перьевъ, показалась въ растворившейся двери сосѣдней комнаты Антонина Дмитріевна Сусальцева.

— Никсъ здѣсь? спросила она съ порога, не входя.— Bonjour, marquis!...

Онъ сидѣлъ прямо въ полосѣ свѣта, врывавшагося съ улицы сквозь продольную щель не совсѣмъ притворенныхъ половинокъ двери, выходившей на балконъ (всѣ жалузи оконъ, по обычаю теплыхъ странъ, въ эти часы дня были опущены),

и Сусальцева его одного въ первую минуту различала въ полутьмѣ покоя.

Онъ съ учтивымъ поклономъ поднялся съ мѣста въ отвѣтъ ей.

— Никсъ сейчасъ вернется... Да войди же, Tony! послышался ей тутъ же голосъ графини, сидѣвшей спиной къ балкону.

Антонина Дмитріевна сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ по направленію къ ней.

— Ma chère Tony, позволь тебѣ представить соотечественника, monsieur Поспѣлова, проговорила та, какъ бы намѣренно растягивая слова, указывая рукой на сидѣвшаго противъ нея молодаго человѣка, котораго скрывала до тѣхъ поръ отъ глазъ вошедшей высокая спинка его кресла.

Онъ и Сусальцева обернулись въ то же время лицомъ другъ къ другу...

У нея мгновенно дрогнули приподнявшіяся вѣки и побѣлѣли губы; глубокая морщина сложилась между бровями Поспѣлова... Но coup de théâtre, котораго ожидала графиня Драхенбергъ, не случилось. Они глянули другъ другу въ глаза— и разомъ поняли другъ друга. „Я для всѣхъ—незнакомый тебѣ человѣкъ“, сказалъ ей тягучій, чуть не грозный взглядъ его. „Мнѣ только этого и нужно“, отвѣтили ему ея холодные глаза. И съ банальною полуулыбкой свѣтской женщины, которой представляютъ въ гостиной ничѣмъ для нея не интереснаго незнакомца, она небрежно склонила голову, не ожидая его поклона, молча прошла къ столу подлѣ хозяйки, сѣла и протянула руку за сигареткой къ вазочкѣ изъ венеціанскаго стекла, стоявшей на этомъ столѣ.

„Mon effet est manqué!“ досадливо пронеслось въ головѣ графини:—„они, очевидно, оба умѣютъ необыкновенно владѣть собою и успѣли—она послѣ вчерашней *серенаты*, онъ послѣ того, что̀ я сегодня говорила о ней (и къ чему я говорила!),— приготовиться къ возможной встрѣчѣ не у меня, такъ въ иномъ мѣстѣ... Но они не даромъ сейчасъ *такъ* взглянули другъ на друга! Я прочла въ ихъ глазахъ: ils se connaissent, ils se sont aimés и хотятъ скрыть этотъ бывшій романъ свой

ото всего свѣта"... И болѣе чѣмъ когда-либо заговорило въ ней желаніе „aller au fond de ce mystère, проникнуть въ самую глубь тайны"...

— Monsieur Поспѣловъ такъ добръ, что соглашается давать уроки моему Никсу, сказала она громко.

Сусальцева, ни на кого не глядя, вынула восковую спичку изъ коробочки миланскаго издѣлія съ раскрашеннымъ изображеніемъ какой-то сцены изъ *Niccolo de'Lapi* *), закурила папироску и уронила медленно съ губъ:

— Если-бъ у меня были дѣти, я бы ихъ ранѣе десяти лѣтъ ровно ничему не учила.

— Ceci est de l'exagération, madame, замѣтилъ ей смѣясь маркизъ, который въ свою очередь наблюдалъ внимательно за нею и „réfugié russe", и точно такъ же, какъ и предметъ его страсти, уловилъ „подозрительное" выраженіе обмѣненныхъ ими въ первую минуту взглядовъ. „La rossa ha forse raggion, *рыжая* (то-есть графиня Драхенбергъ) права, быть можетъ, въ своихъ предположеніяхъ", говорилъ онъ себѣ радостно въ эту минуту, „и не обманывала меня, говоря о другой..."

— А вы не находите, продолжала между тѣмъ „кузина" все на томъ же французскомъ языкѣ, щурясь на Поспѣлова съ какимъ-то иронически вызывающимъ выраженіемъ на лицѣ,—что это раннее ученіе ни къ чему въ сущности ненужныхъ вещей вызывается почти всегда гораздо болѣе капризомъ маменекъ (des mamans), чѣмъ дѣйствительною потребностью дѣтей?

„Это въ мой огородъ; она, кажется, начинаетъ ревновать меня",—и графиня съ безсознательнымъ вопросомъ на глазахъ повела ими на маркиза Каподимонте... Она прочла въ его улыбкѣ подтвержденіе своей догадкѣ, и ей стало вдругъ какъ-то необычайно весело...

„Змѣя"! думалъ въ то же время эмигрантъ: „пользуется тѣмъ, что я ее тутъ при всѣхъ оборвать не могу, и подпускаетъ свои шпильки"...

---

*) Весьма популярный въ Италіи историческій романъ Массимо д'Азеліо.

— Это зависитъ... началъ было онъ громко, но вбѣжавшій въ эту минуту въ комнату кудрявый и красивый мальчикъ, сынъ графини, избавилъ его отъ досадливой необходимости продолжать.

— I am ready, aunty, я готовъ, тетя! восклицалъ на-бѣгу Никсъ, кидаясь къ Антонинѣ Дмитріевнѣ..

— Никсъ, поди сюда! кликнула его мать. И, оборачивая къ себѣ спиной, она указала ему на сидѣвшихъ противъ нея мущинъ:—Ты видишь ces messieurs? кланяйся!

Мальчикъ послушно шаркнулъ ножкой, протягивая рученку маркизу и, обернувшись тутъ же къ матери, спросилъ робко и вполголоса:

— Who is this other gentleman, m'a (кто этотъ другой господинъ, мама)?

— Поди познакомься съ monsieur Поспѣловымъ, ласково толкнула она его впередъ,—ты съ нимъ будешь учиться писать порядочно по-русски... не такъ, какъ теперь ты пишешь, что мнѣ даже стыдно за тебя...

Сусальцева поспѣшно поднялась со своего мѣста и, прерывая ее:

— Однако намъ пора, Никсъ, пароходъ сейчасъ пойдетъ...

— Mister Ward уже пошелъ туда и твой husband (мужъ) тоже, воскликнулъ мальчикъ и кинулся изъ комнаты, такъ и не *познакомившись* съ „monsieur Поспѣловымъ"...

Графиня поднялась въ свою очередь проводить уходившую за нимъ „кузину" (она сгорала нетерпѣніемъ „остаться съ нею минутку наединѣ").

— Послушай, сказала она, какъ только очутились онѣ въ сосѣдней комнатѣ, схватывая ее за руку,—ты должна мнѣ все, все разсказать!..

— Что это „все"?

И „Tony" мгновенно нахмурилась, какъ небо въ сентябрѣ.

— Tu connais ce jenne homme... и ты... Ты въ ссорѣ съ нимъ теперь?...

— Откуда ты это взяла?

— Ты была съ нимъ такъ неучтива сейчасъ!.. On n'est impertinente comme cela qu'avec un homme qu'on a aimé.

— Et avec ceux que l'on veut vous imposer! гнѣвно отрѣзала Сусальцева, не глядя на нее и торопливо выходя въ корридоръ.

Вернувшись опять на свое мѣсто въ гостиной, графиня почувствовала себя вдругъ какъ-бы неловко: она сознавала, что никакого теперь общаго разговора не могло установиться между ею и двумя ея собесѣдниками, изъ которыхъ одинъ— нужно-ли называть маркиза?—очевидно все болѣе и болѣе тяготился присутствіемъ другаго. Ей это ясно говорили его глаза, нетерпѣливое покусываніе имъ своихъ прекрасныхъ усовъ, которые онъ нервнымъ движеніемъ то-и-дѣло забиралъ какъ-то внизъ нижнею губой...

Онъ и заговорилъ первый, съ видимою цѣлью *выжить* того, „другаго".

— Графиня, я ничего не говорилъ о вашихъ условіяхъ à monsieur Pos-pelof, такъ какъ вы ихъ мнѣ не сообщали...

Она, вся покраснѣвъ, быстро прервала его:

— Oh, mon Dieu, это совершенно будетъ зависѣть отъ monsieur Поспѣлова... Я заранѣе согласна на все...

— Я получалъ у Бортнянскихъ 150 франковъ въ мѣсяцъ... на всемъ готовомъ, примолвилъ какъ бы нехотя молодой человѣкъ (ему, видимо, точно также было не пріятно говорить объ „условіяхъ").

— Такъ мало! воскликнула графиня:—я не смѣю вамъ предложить („une si jolie tournure et parlant si bien le français!" проносилось у нея въ головѣ),—но мнѣ кажется... вѣдь я бы желала, чтобы вы каждый день давали часъ урока Никсу... мнѣ кажется, что по... по 10 франковъ за часъ... Напасть за границей на хорошаго русскаго преподавателя—это такая находка!... И вы мнѣ сдѣлаете удовольствіе, не правда-ли? сказала она по-русски и какъ-то очень торопясь, — приходить кушать съ нами: мы всегда и завтракаемъ, и обѣдаемъ, сынъ мой, mister Ward и я, *одни*, чуть-чуть подчеркнула она, — здѣсь, въ моемъ appartement...

Онъ какъ бы подозрительно глянулъ на нее исподлобья, помолчалъ и по минутномъ размышленіи:

— Это, пожалуй, все вмѣстѣ гонораръ и чрезмѣрный со-

ставитъ... не соотвѣтствующій настоящей цѣнѣ труда... А впрочемъ, какъ вамъ угодно, сказалъ онъ чрезъ мигъ подъ набѣгомъ какой-то новой мысли,—я согласенъ.

Онъ прищурился и повелъ взглядомъ въ сторону. Она въ свою очередь словно конфузливо опустила глаза... Наступила минута молчанія.

— Я позволю себѣ напомнить вамъ, графиня, заговорилъ опять маркизъ (его опять начинала охватывать ревность), — что вы сегодня собирались ѣхать со мною смотрѣть портретъ Cesare Borgia въ Fondaco de'Turchi. *)

— Ахъ, да!... но мы успѣемъ! пролепетала она...

Поспѣловъ тотчасъ поднялся съ мѣста со шляпой въ рукѣ:

— Когда же приходить на первый урокъ? спросилъ онъ обрывисто.

— Да завтра же... *Непремѣнно* завтра, воскликнула она, и опять такъ же поспѣшно и по-русски: — а сегодня вечеромъ приходите на музыку, на площадь Святаго Марка; я тамъ буду... Мнѣ такъ бы хотѣлось поговорить съ вами... о Никсѣ,— но теперь *неловко*, произнесла она вѣско, намекая на присутствіе третьяго лица и съ оттѣнкомъ дружеской довѣрчивости въ тонѣ.

Тонъ этотъ, впрочемъ, насколько дано ей было прочесть на лицѣ, не произвелъ никакого *подкупающаго* впечатлѣнія на „интереснаго эмигранта". Онъ все такъ же безучастно поглядѣлъ на нее, склонилъ голову, холодно пожалъ ея руку, еще холоднѣе притронулся къ протянувшимся тутъ же къ нему съ торопливою любезностью пальцамъ маркиза и, не сказавъ ни да, ни нѣтъ на приглашеніе молодой женщины, медленно и молча вышелъ изъ комнаты.

Едва смолкли шаги его за дверью, графиня съ какимъ-то

---

*) Бывшій во времена республики заѣзжій домъ, *караванъсарай* Турокъ въ Венеціи, на лѣвомъ берегу Gran Canale, постройка въ романскомъ стилѣ X вѣка, обращенная нынѣ въ музей (называемый museo Correr отъ palazzo этого имени, въ которомъ онъ помѣщался прежде). Находящійся тамъ между прочимъ портретъ Цезаря Борджіи приписывается Леонардо ди Винчи.

строгимъ выраженіемъ въ чертахъ повернулась всѣмъ тѣломъ къ маркизу:

— Avez vous compris maintenant?

Онъ чуть-чуть усмѣхнулся:

— Relativement à madame Tony?.. Oui, il y a quelque chose. Mais *quoi*, то-есть, *что именно?* спросилъ онъ, напирая.

Графиня какъ бы жалостливо глянула ему въ лицо, пожала плечомъ—и быстро поднялась съ мѣста:

— Ѣдемте въ вашъ Fondaco de'Turchi!..

V.

— Ad augusta.
— Per augusta.
— Les morts nous servent.
V. Hugo. *Hernani*. Acte IV, sc. III.

Въ Hôtel Bauer, куда прямо вернулся нашъ эмигрантъ отъ графини Драхенбергъ, дебелый, похожій на пивной котелъ и отъ пива и шнапса сизокраснаго цвѣта Нѣмецъ-„Portier“, постоянно относившійся свысока къ „бѣдному-чорту, armer Teufel“, занимавшему самый скромный, тѣсный и мрачный нумеръ во всей гостиницѣ, внушительно заявилъ ему, что его спрашивалъ „какой-то подозрительный малый чуть не въ лохмотьяхъ, ein liederlicher Kerl“, изъясняющійся на какомъ-то „никому невѣдомомъ діалектѣ“, и изъявлялъ желаніе ожидать его, des Herrn Pospelof, возвращенія въ его комнаты, но что онъ, „Portier“, разумѣется, въ виду возложенной на него прямой обязанности „оберегать покой и имущественную цѣлость высокоуважаемыхъ господъ (der hochgeächteten Herrschaften), въ отелѣ пребывающихъ“, не пустилъ эту „сволочь (Lumpgesindel)“,— несомнѣнно-де „приходившую просить милостыни“, — даже на лѣстницу подняться, вслѣдъ за чѣмъ тотъ просилъ, „насколько можно было понять aus seinem verworrenem Zwirne, изъ его путаницы“, передать г. Поспѣлову, что ему очень нужно его видѣть и что онъ будетъ ожидать его по близости, на площадкѣ предъ церковью *San-Moise*.

Поспѣловъ, внезапно вспыливъ (онъ тотчасъ же догадался, кто его спрашивалъ), рѣзко отвѣтилъ на это, что къ нему

приходилъ не какой-то „Kerl“, а добрый его пріятель, и что онъ въ свою очередь проситъ на будущее время, „пока только останется самъ жить въ этой нѣмецкой трущобѣ“, пускать это лицо къ нему въ нумеръ, „безъ дурацкихъ умствованій“, во всякое время дня и ночи... И тутъ же, заключивъ по разсвирѣпѣвшему мгновенно лицу Нѣмца-цербера, что на такую откровенную рѣчь его тотъ отпуститъ ему немедленную реплику, нѣчто въ родѣ того, что ты-молъ такая же „сволочь“ и „нищій“, какъ твой пріятель, онъ поспѣшилъ выйти изъ сѣней и быстрыми шагами направился къ *San-Moise*.

Онъ не ошибся: тамъ, усѣвшись на верхней ступени маленькой пристани протекающаго мимо церкви канала, прямо насупротивъ дома, занимаемаго русскимъ въ Венеціи консуломъ, ожидалъ его Волкъ, въ своей помятой, съ порванными полями шляпѣ и истасканныхъ дѣйствительно до „лохмотьевъ“ пальто и нижнемъ платьѣ.

Онъ былъ *страшно*, въ буквальномъ значеніи этого слова, дуренъ собою, съ какими-то негритянскими, шлепающими губами, грубо мясистымъ носомъ, переломленнымъ посрединѣ вслѣдствіе паденія въ дѣтствѣ, и зловѣще выглядывавшими изъ-подъ низко нависшихъ бровей узкими и хищными глазами (этимъ глазамъ своимъ и крупнымъ, острымъ зубамъ, способнымъ, казалось, перегрызть надвое за одинъ разъ самую твердую сапожную подошву, онъ и одолженъ былъ своимъ прозвищемъ *Волка)*. Роста онъ былъ невысокаго, плотно сложенъ: толстыя синія жилы, разбѣгавшіяся по его огромнымъ, коричневато-краснымъ рукамъ, походили на веревки или на какое-то изображеніе сѣти рѣчныхъ притоковъ на географической картѣ большаго масштаба. Цѣлая шапка мохнатыхъ, жесткихъ, какъ конскіе, и вспутанныхъ волосъ спускалась ему почти на самые глаза... „Натолкнется на тебя въ лѣсу баба, отъ страха помретъ“, подшучивали надъ этою наружностью его *товарищи*... Но онъ не послѣднюю роль игралъ между этими *товарищами* въ общемъ ихъ дѣлѣ...

Онъ былъ неповоротливъ и медлителенъ въ своихъ движеніяхъ, и Поспѣловъ тотчасъ же заключилъ о значительности того, что имѣлъ ему сообщить Волкъ, по той необычной ему

поспѣшности, съ которою тотъ поднялся на ноги, завидѣвъ его, и пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Читать на здѣшнемъ языкѣ можешь? было его первымъ словомъ. И, быстро вытащивъ изъ кармана смятый листъ вышедшаго въ тотъ же день нумера *Gazetta di Venezia*, ткнулъ пальцемъ на отдѣлъ телеграммъ: — гляди тутъ, изъ Петербурга...

Поспѣловъ италіянскаго языка не зналъ, но по сродству его съ хорошо знакомымъ ему французскимъ языкомъ тотчасъ же разобралъ и понялъ сообщавшееся здѣсь извѣстіе.

— „Сегодня, въ 9 часовъ утра"... началъ онъ переводить задрожавшимъ отъ волненія голосомъ...

— То-есть, вчера это, значитъ, пояснилъ скороговоркой Волкъ:—ихняго 16-го, нашего 4-го числа.

— „На прогулкѣ, начальникъ русской политической полиціи и генералъ-адъютантъ Императора, Мезенцовъ, убитъ неизвѣстными людьми. Преступники успѣли скрыться"... Это *нашихъ* дѣло! воскликнулъ тутъ же Поспѣловъ съ загорѣвшимися мгновенно глазами.

Волкъ не счелъ даже нужнымъ отвѣтить: онъ повелъ только на товарища не то торжествующимъ, не то презрительнымъ взглядомъ: „какое же, молъ, можетъ быть въ этомъ сомнѣніе!"...

— „Am-ma-zato", перечелъ Поспѣловъ слово, корня котораго онъ не находилъ во французскомъ языкѣ, — я, можетъ быть, не такъ понялъ: онъ, можетъ быть, только *раненъ*—значитъ?...

— *Убитъ*, грознымъ тономъ отрѣзалъ тотъ: — на пароходѣ моемъ механикъ сказывалъ, „killed" говоритъ, и даже рукой показалъ, какъ когда кого ножомъ... *Killed* слово я знаю.

— Удачнѣе еще, значитъ, чѣмъ съ Треповымъ вышло, нервно засмѣялся на это его собесѣдникъ.

— Извѣстно, мужская рука; да еще если кинжаломъ...

— А какъ ты думаешь, чья? чья именно? Я полагаю, что...

— Полагаешь, такъ держи про себя! сердито прервалъ его Волкъ:—для дѣла безразлично.

Молодой человѣкъ моргнулъ нѣсколько смущенно вѣками и промолвилъ уже какъ бы невольно:

— И ушли... „скрылись“... Въ бѣлый день... Молодцы!..

— Не выдаетъ никто... общественное сочувствіе... Вѣрочкинъ процессъ показалъ, ронялъ медленно слова свои Волкъ въ отвѣтъ съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, что „все-то это тебѣ еще объяснять надо“...

— Да, кивнулъ утвердительно Поспѣловъ,—особенно теперь, когда правительство такъ осрамило себя на этой войнѣ... и въ Берлинѣ... Наступилъ самый настоящій моментъ активной борьбы... Вѣдь у *нихъ* очевидно это теперь систематически организовано, по *верхамъ* пошли, намѣченные: Треповъ, теперь Мезенцовъ...

Безобразный ротъ Волка растянулся въ широкую, звѣрскую усмѣшку (такъ должны ухмыляться шакалы, почуявъ запахъ падали):

— По горламъ всѣхъ пройтись надо, понятно! прошипѣлъ онъ сквозь стиснутые зубы.

Товарищъ его видимо разгорался все сильнѣе въ свою очередь.

— Вѣдь это открытое объявленіе войны! воскликнулъ онъ:—убійствомъ этимъ соціалистская молодежь смѣло кидаетъ перчатку въ лицо автократіи... Наконецъ-то, наконецъ!... Онъ судорожно и радостно потиралъ себѣ руки.— И если она не сдастся теперь, такъ вѣдь и повыше достать можно...

Онъ оборвалъ вдругъ и безсознательно обвелъ кругомъ себя глазами... Но все было тихо на безлюдной площади. Лишь старый бѣднякъ, отставной гондольеръ *), кормящійся *чентезимами* **) отъ „buona mano“, подачки *господъ*, гондолы которыхъ подтягивалъ онъ багромъ къ пристани, дремалъ на ступенькахъ съ этимъ своимъ багромъ въ морщинистыхъ рукахъ, пригрѣваемый горячимъ солнцемъ, да издали съ канала доно-

*) Право быть гондольеромъ, въ силу сохранившагося понынѣ стараго закона, прекращается по наступленіи 60-лѣтняго возраста.

**) *Centesimo*, французское *centime*, сотая часть *лиры*, одноцѣнной съ франкомъ.

сился отъ времени до времени тотъ протяжно гортанный, спеціально свойственный мѣстнымъ *баркаіоламъ*, крикъ, которымъ, во избѣжаніе столкновеній, даютъ они о себѣ знать собратьямъ, предъ заворотомъ въ то или другое изъ безконечныхъ колѣнъ водныхъ протоковъ Венеціи: „Тхе-е-у"!..

Волкъ молчалъ, тупо уставя глаза въ грудь товарища; только мясистыя губы его подергивала та же усмѣшка хищнаго звѣря, чующаго запахъ трупа...

— Вѣдь *они* тамъ замышляютъ теперь, дѣйствуютъ, борятся, Волкъ, началъ снова Поспѣловъ, волнуясь,—а мы тутъ съ тобою, безполезные, задыхаемся въ бездѣйствіи!..

— Я сегодня вечеромъ ѣду, коротко сказалъ тотъ.

— Въ Россію?...

— Въ Женеву. Справки, первое, навести нужно... а тамъ само собою...

— И я съ тобой. Къ чорту мою графиню съ ея гонораромъ! вырвалось какимъ-то неудержимымъ и веселымъ взрывомъ у Поспѣлова.

Узенькіе глаза Волка такъ и впились ему въ лицо:

— Какая графиня?

— Мнѣ тутъ опять кондиція выходитъ: мальчишку учить.

— Во! пропустилъ сквозь зубы тотъ:—Русскіе?

— Фамилія нѣмецкая, только она Русская.

— „Она", кто это то-есть?

— Графиня эта, мальчишки мать.

— А мужъ?

— Мужа нѣтъ: она—вдова.

— Во! повторилъ какъ бы машинально Волкъ.—Молодая?

— На видъ моложе меня кажетъ, улыбнулся почему-то невольно Поспѣловъ,—а впрочемъ кто-жь ихъ разберетъ, свѣтскихъ этихъ...

— Попалъ-то какъ къ ней?

— А ужь это у нея спроси! Отродясь и фамиліи ея не слыхивалъ: Драхенбергъ, петербургская... Не думалъ я, не гадалъ, является нынче утромъ въ мой отель Итальянецъ какой-то, маркизъ; велитъ просить меня въ *салонъ*, что очень-молъ ему нужно переговорить со мною... Ну вотъ, съ этимъ

самымъ предложеніемъ пришелъ, что одна-молъ его знакомая, ваша, говоритъ, „компатріотка“, ищетъ преподавателя русскаго языка для маленькаго сына и что онъ, узнавъ, что я въ этомъ качествѣ пріѣхалъ сюда съ однимъ русскимъ семействомъ...

— Ты и отправился? перебилъ его Волкъ.

— Повелъ онъ меня самъ.

— Ну?

— Я и пошелъ за нимъ, засмѣялся Поспѣловъ озабоченному виду, съ которымъ внималъ ему товарищъ.

— И порѣшили?

— Да... Вѣдь я еще не зналъ... что... молвилъ молодой человѣкъ, какъ бы оправдываясь.

Но собесѣдникъ его не далъ ему продолжать:

— Кондиціи какъ?

— И не ожидалъ даже! Сама по 10 франковъ за часъ урока предложила, а урокъ каждый день и кормежка отъ нея же.

— Ишь ты! вдумчиво пропустилъ Волкъ и чавкнулъ безсознательно челюстью, какъ бы вкушая инстинктивно всю ту сладость „кормежки“, которая ожидала товарища за столомъ графини.—Богачка значитъ?

— По обстановкѣ судя, и очень даже... Да и Итальянецъ этотъ, маркизъ, намекнулъ какъ-то про это... Самъ-то онъ, какъ я понялъ, виды на нее имѣетъ, усмѣхнулся еще разъ Поспѣловъ.

— А молодой самъ-то?

— Ну, нѣтъ! Молодится изъ послѣдняго, видать, а на макушкѣ-то уже рѣдко и въ бородѣ сѣдью пробиваетъ. Только шельма, видно, прожженая, эксплуататоръ...

— А ты не дозволь! нежданно проговорилъ Волкъ.

Поспѣловъ съ изумленіемъ взглянулъ на него:

— Это какъ же?...

Тотъ въ свою очередь повелъ на него прежнимъ, пренебрежительнымъ взглядомъ: „ничего-молъ ты самъ сообразить не въ состояніи“...

— Дѣло-то кажись ясное, медленно протянулъ онъ:—ари-

стократкѣ этой *аманта* требуется, не изъ старья, а изъ свѣжатины, само-собой; денегъ на него жалѣть она не будетъ, что̀ хошь проси, только по вкусу придись...

Поспѣловъ понялъ и весь вспыхнулъ:

— Что̀-жь это ты мнѣ, воскликнулъ онъ съ сердцемъ,— сойтись съ женщиной изъ-за денегъ предлагаешь!...

— А *хоша* бы! грубымъ мужицкимъ языкомъ отрѣзалъ Волкъ.—Аль не нравится занятіе?... А вѣдь бабъ-то, почитай, не мало на своемъ вѣку загубилъ, примолвилъ онъ, хихикнувъ. И въ его прищурившихся въ щелочку, съ какимъ-то неумолимымъ выраженіемъ глазъ можно было прочесть и рѣшительный приказъ Поспѣлову, и злорадное чувство торжества надъ человѣкомъ, которому Волкъ почиталъ себя въ правѣ предлагать унизительную роль, и тайную зависть къ этому молодому, красивому товарищу, которому такую роль *можно* было предложить.

Поспѣловъ отвернулся отъ него и проговорилъ поспѣшно и досадливо:

— Я на свинство не пойду, и ѣду съ тобою сегодня въ Женеву, благо на проѣздъ и жратву дорогой денегъ хватитъ, добавилъ онъ, стараясь перейти на шутливый тонъ.

— Да ты что̀, чортъ тебя подери, услышалъ онъ вдругъ зашипѣвшую какъ у змѣи рѣчь Волка, — ты революціонеръ, аль нѣтъ? Ты въ свое удовольствіе жить думаешь, аль нашему дѣлу служить?

— Я оттого и хочу ѣхать съ тобою, горячо возразилъ молодой человѣкъ,—что хочу служить ему...

Но Волкъ не слушалъ его:

— Въ нашемъ дѣлѣ нѣтъ „свинства", кромѣ измѣны ему! говорилъ онъ грозно, и пѣна закипала въ углахъ его безобразныхъ губъ:—что̀ на пользу его, то и свято. Ты дворянскій-то гоноръ свой въ печку кинь, коли хочешь честнымъ революціонеромъ быть! Все противъ враговъ добро, все пригодно; какое въ рукахъ средство есть, тѣмъ и орудуй: подвохомъ-ли, насиліемъ, страхомъ или лаской, все едино, — пока не насталъ часъ, когда передушитъ ихъ всѣхъ до одного соціальная революція!..

Это былъ какой-то дикій, бѣшеный порывъ, полуискренній, полуразсчитанный на *эффектъ*,—одинъ изъ тѣхъ, которыми угрюмый, тупо-молчаливый по обыкновенію Волкъ „билъ“ въ извѣстныхъ случаяхъ „навѣрняка“ въ той средѣ, къ коей принадлежалъ онъ и гдѣ слылъ за человѣка съ „огромнымъ запасомъ воли“ и большою „организаторскою способностью“; въ эту свою „способность“ прежде всѣхъ вѣрилъ онъ самъ... У Волка было самое *настоящее* „революціонное прошлое“: родомъ изъ мѣщанъ, онъ былъ студентъ Петровской академіи въ пору „Нечаевской исторіи“, какимъ-то чудомъ не попалъ въ число завѣдомыхъ участниковъ ея, принадлежалъ потомъ къ кружкамъ Долгушина и Чайковскаго и въ такъ-называемомъ „Жихаревскомъ“ процессѣ имѣлъ честь очутиться въ числѣ тѣхъ десяти избранныхъ, изо 193 призванныхъ, которыхъ „гуманнѣйшее“ судилище отечественныхъ сенаторовъ увидѣло себя, скрѣпя сердце, вынужденнымъ сослать въ Сибирь... Онъ былъ на нѣсколько лѣтъ старѣе того, кто теперь назывался Поспѣловымъ и котораго онъ же, лѣтъ за пять назадъ, вовлекъ въ „дѣло революціи“. Онъ привыкъ издавна тѣшиться „рабскимъ“ подчиненіемъ ему, „вахлаку“, какъ любилъ онъ называть себя съ особаго рода гордостью, этого *барчука-молодчика*, и замѣченное имъ теперь въ немъ какое-то „своеволіе“ взорвало его.

— Голубаго *енарала устранили*, продолжалъ онъ,—такъ у тебя и слюни потекли. Вотъ-молъ поѣду, сейчасъ и на мою долю выпадетъ героемъ себя показать... А если въ тебѣ *тамъ* вовсе и не нуждаются?.. Что̀ ты тутъ знаешь, изъ Архангельскихъ лѣсовъ вернувшись?.. Я самъ въ Россію теперь прямо не пру (Поспѣлова такъ и покоробило отъ этого „я *самъ*“, ясно указывавшаго на разстояніе, которое отдѣляло положеніе его отъ положенія Волка въ „революціонной“ іерархіи), а ѣду добывать языка, что̀ *тамъ* и какъ: указаніе будетъ — отправлюсь. А такъ, зря,— онъ дернулъ плечомъ,— спасиба никто не скажетъ... Въ *ловкачахъ* недостатка у нихъ нѣтъ (то-есть, „поболѣе тебя людей умѣлыхъ“, прочелъ опять Поспѣловъ въ глазныхъ щелочкахъ Волка), — ужь чего желать лучше: въ бѣлый день, посередь столицы, ножомъ пропороли

и ушли! — И голосъ Волка дрогнулъ отъ внутренняго чувства удовлетворенія.— А что имъ *средства* нужны, подчеркнулъ онъ,—такъ ты этого, конечно, не разумѣешь, а мнѣ оно изъ самаго этого факта явствуетъ. „Скрылись", сказано. Какъ *скрылись?* Не бѣгомъ же: городовые кинулись бы, захватили бы тутъ же... Значитъ, въ экипажѣ, лошади добрыя, не у извощика взятыя, и не чьи-нибудь *господскія* опять,—по нимъ тотчасъ бы на слѣдъ напали. Лошади *свои*, значитъ, были, купленныя, и экипажъ. На все на это денегъ не мало пошло... И *если дальше*, все болѣе и болѣе средствъ понадобится... Средства всегда для нашего дѣла нужны! вдругъ оборвавши, махнулъ онъ рукой, какъ бы почитая безполезнымъ излагать громко далѣе роившіяся въ головѣ его соображенія;—понимаешь теперь?

Поспѣловъ молчалъ: авторитетный тонъ, съ которымъ обращался къ нему Волкъ, одновременно и возмущалъ и какъ бы порабощалъ его внутренно.

— Понимаешь теперь, что̀ отъ тебя требуется? вѣско повторилъ тотъ.

— Послушай, Волкъ, началъ молодой человѣкъ, встряхнувшись,—вѣдь это же одна твоя фантазія! Изъ того, что барыня эта пригласила меня на уроки сыну, далеко еще не слѣдуетъ, чтобъ она... Онъ какъ бы застыдился договорить, и въ то же время какимъ-то „лучомъ, просящимся во тьму" *) пронесся въ его памяти свѣжій обликъ графини Драхенбергъ съ ея пышными губами, и подъ ухомъ его точно зазвучалъ ласковый голосъ, говорившій ему: „приходите вечеромъ на площадь Святаго Марка; мнѣ *очень* хочется переговорить съ вами..."

— Приложи трудъ! На бабъ языкъ-то у тебя медовый, извѣстно! цинически опять хихикнулъ Волкъ: — становаго дочку, что̀ бѣжать-то тебѣ помогла, съумѣлъ окрутить вѣдь?

— Такъ тамъ прежде всего дѣло убѣжденія было, поспѣшно возразилъ Поспѣловъ: — я ее предъ тѣмъ въ нашу вѣру совсѣмъ обратить успѣлъ.

---

*) Фетъ. Въ стихотвореніи *Ревель*.

Глаза Волка такъ и запрыгали:

— А тутъ тебѣ кто-жь мѣшаетъ! Бабы-то всѣ на одинъ ладъ, какъ если только добре примется ловкій молодчикъ... А тѣмъ тебѣ чести болѣе будетъ, какъ если аристократка. Самъ же ты, дворянскій сынъ, всѣ эти барскіе выкрутасы продѣлывать можешь... Послушай, Володька, началъ онъ вдругъ горячимъ и какъ бы ласкательнымъ тономъ (голова его видимо работала надъ цѣлымъ планомъ, мгновенно возникшимъ теперь въ ней),—тутъ можетъ для тебя дѣло большое выйти, выдвинуться въ глазахъ всей *партіи* можешь, крупное положеніе занять!.. Привлечь эту твою барыню къ нашему дѣлу, воспользоваться средствами ея, связями,—богатая штука! Вѣдь тамъ *на верхахъ*-то тоже горючаго матеріала не мало: подожги лишь умѣючи—вспыхнетъ!..

— Она мнѣ сказала, что она очень „либеральна", какъ-то невольно вырвалось у Поспѣлова.

Волкъ презрительно подобралъ свои огромныя губы:

— Ну, это мы „либеральство-то" ихнее знаемъ, — гроша мѣднаго не стоитъ, фарисейство поганое одно!.. А ты въ *настоящее* ее введи, въ самую суть, чтобы вняла она и прониклась....

— Время все же нужно было бы на это, раздумчиво молвилъ Поспѣловъ,—а долго-ли она тутъ думаетъ остаться—не извѣстно... Да и оттерли бы, пожалуй...

— Кто это?

— Да мало-ли! неопредѣленно уронилъ онъ, и краска чуть-чуть выступила на его блѣдныя щеки. Онъ почему-то не счелъ нужнымъ сообщать товарищу о г-жѣ Сусальцевой, которую именно имѣлъ въ виду, говоря о возможности быть „оттертымъ".

Тотъ повелъ на него подозрительнымъ взглядомъ, но не счелъ нужнымъ въ свою очередь выразить громко то, что думалъ въ эту минуту.

— Ну, твоя забота! quasi-равнодушно произнесъ онъ:—а только повторяю: большое дѣло можетъ выйти, помни!..

— Такъ ты рѣшительно не хочешь, чтобъ я съ тобой ѣхалъ? воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Сказано разъ! какъ топоромъ отрубилъ Волкъ:—*урокъ* тебѣ заданъ—орудуй!

Поспѣловъ безмолвно приподнялъ плечи и опустился, какъ бы подшибленный этимъ разговоромъ, на верхнюю ступеньку пристани, на которой дремалъ съ багромъ своимъ въ рукѣ старикъ-гондольеръ... Но въ душѣ его, рядомъ съ оскорбительнымъ сознаніемъ нравственной подчиненности своей, журчало, какъ ручеекъ весной, что-то ему еще неясное, но тихо убаюкивающее, примѣшивавшееся къ мысли о „заданномъ ему *урокѣ*“...

Волкъ поглядѣлъ сверху внизъ на склонившагося какъ бы къ ногамъ его товарища, и глаза его будто усмѣхнулись... „Хорошій денекъ выдался“ ему сегодня... Онъ чувствовалъ себя снова *силой* въ той обычной ему области нелѣпо-злой и судорожной дѣятельности, изъ которой исторгла его ссылка и къ которой возвращался онъ теперь при открывавшихся его „дѣлу“ новыхъ, широкихъ горизонтахъ. Предъ нимъ въ воображеніи развивался цѣлый рядъ „неслыханныхъ“, имѣвшихъ поразить „весь міръ“ дерзостью своею, „предпріятій“, которымъ можетъ, — *должно* будетъ“, поправился онъ мысленно,—положить начало „великое событіе“ 4 августа въ Петербургѣ. Онъ предвкушалъ вѣскость той роли, которая неминуемо должна будетъ пасть на его долю въ этихъ „предпріятіяхъ“,—и его животно-алчное самолюбіе торжествовало заранѣе. Слѣпое покорство „*барчука*“ служило ему теперь какъ бы мѣриломъ того значенія, какое приметъ онъ *тамъ*, „на мѣстѣ“, среди коноводовъ „движенія“... „Подвигъ удивительный, безспорно“, проносилось у него въ головѣ, „милліоны людей содрогнутся отъ ужаса, прочтя сегодняшнюю телеграмму; но самъ-то подвигъ можетъ быть, и даже болѣе чѣмъ вѣроятно,—лишь изолированный фактъ, не истекающій изъ общей, ясно опредѣленной и послѣдовательной программы“. А она-то именно и нужна, нужна сильная, твердо сплоченная „организація“... „Но *они*—онъ ихъ всѣхъ знаетъ,—никогда не могли добиться ничего подобнаго“. *Онъ* одинъ, Волкъ, способенъ создать такую „организацію“ и встать во главѣ „всего“...

Размышленія эти навели его на какое-то *свѣтлое*—если только допустить, что оно могло быть у него,—настроеніе духа; онъ почти весело заговорилъ съ товарищемъ:

— Ты на меня, Володька, полагаю, за порученіе печаловаться не станешь; кормежка будетъ тебѣ сладкая, прочее занятіе и того сладчай...

— Я не для этого вступалъ въ *партію*! съ новою досадой въ голосѣ вскликнулъ бѣлокурый эмигрантъ.

— Понадобишься на иное — вызовемъ! съ покровительственнымъ оттѣнкомъ въ тонѣ возразилъ ему Волкъ:—можетъ, всѣ потроха скоро потребуются; на то идетъ... Что удралъ-то ты—наши въ Женевѣ знаютъ?

— Я еще изъ Вѣны Михайлѣ и Вейсу писалъ; не отвѣчали.

— Можетъ, и нѣтъ ихъ тамъ... А въ Вѣнѣ изъ нашихъ кто?

— Полячекъ и Арончикъ... Арончикъ мнѣ и мѣсто у этихъ Бортнянскихъ сыскалъ,—а то чуть было съ голоду совсѣмъ не околѣлъ...

Волкъ качнулъ головой:

— Отъѣшься теперь... Гляди-жь, орудуй,—большое дѣло!... Дней чрезъ пять жди письма. Можетъ, шифромъ напишу, какъ если что̀ особенное... Ключъ помнишь?

— Старый?

— Извѣстно... Инструкцію тебѣ пришлемъ... Ну. а теперь прощавай!

— Куда же ты?

Поспѣловъ вскочилъ на ноги...

Но Волкъ, не отвѣчая, заворачивалъ уже за уголъ церкви.

Молодой человѣкъ недоумѣло глядѣлъ ему во слѣдъ... „А на счетъ денегъ какъ, есть-ли у него? проносилось у него въ головѣ: я бы могъ ему дать, изъ послѣднихъ, а *тамъ* получить за уроки, хоть впередъ, всегда можно... Такъ, вѣдь, нужны бы онѣ ему были, онъ бы просто сказалъ: „дай!“ Проводить его поѣхать вечеромъ развѣ?... А если онъ на это да еще грубостью мнѣ отвѣтитъ: „что̀ за нѣжности,

скажетъ, при нашей бѣдности!"... „Сильная натура!" какъ бы объяснилъ себѣ тутъ же Поспѣловъ,—и тутъ же вздохнулъ какимъ-то безсознательнымъ вздохомъ облегченія, увидавъ себя одного на площади вмѣстѣ со старикомъ-гондольеромъ, все такъ же сладко дремавшимъ на солнцѣ со ржавымъ багромъ своимъ въ рукахъ...

VI.

Надъ piazza di San-Marco—этимъ, по выраженію Наполеона I, „салономъ, которому одно солнце достойно служить люстрой,“—сіялъ полный мѣсяцъ свѣтлѣй, чѣмъ дневное свѣтило въ полунощныхъ странахъ. Бронзовые вулканы на Torre dell'Olorogio *) прогудѣли молотами своими по колоколу десять часовъ, и за послѣднимъ ихъ ударомъ военный италіянскій оркестръ, только-что отыгравшій, подъ громъ рукоплесканій тѣснившейся кругомъ него толпы, какое-то увлекательное испанское *jaleo*, собравъ пульпеты и ноты и закинувъ за спину валторны и трубы, отправился вспять въ свои казармы, мѣрно и гулко ударяя по мраморнымъ плитамъ грубыми подошвами пѣхотныхъ полуботинокъ **). Толпа разбрелась вслѣдъ за ними, и только величавая тѣнь, падавшая отъ Campanile (колокольни Св. Марка), чернѣла теперь на сплошной пеленѣ луннаго свѣта, обливавшаго площадь. Но подъ

---

*) *Часовая башня* на западной оконечности *Старыхъ прокураторій* (зданіе, въ которомъ жили высшіе послѣ дожа девять сановниковъ Венеціанской республики, prokuratori, съ ихъ канцеляріями), построенная въ 1496 году надъ широкою и высокою дверью въ формѣ тріумфальной арки. Надъ нею помѣщается большой циферблатъ часовъ съ единою стрѣлкой, не бѣгущею, а перескакивающею съ часа на часъ; каждыя пять минутъ въ особомъ отверстіи появляется новая цифра пробѣгающаго между этими часами времени. На вершинѣ башни, подъ сквознымъ куполомъ, колоколъ съ двумя по бокамъ его бронзовыми фигурами кузнецовъ, „Vulcani“, бьющими молотомъ надлежащее число ударовъ каждый часъ, исключая трехъ часовъ пополудни, когда удары эти замедляются на десять минутъ (въ воспоминаніе, какъ объясняютъ гиды, казни Марино Фаліери въ 1354 году, совершенной именно въ этотъ моментъ дня).

**) Италіянскимъ пѣхотинцамъ сапогъ съ голенищами не полагается.

длинными аркадами обрамляющихъ ее „Старыхъ“ и „Новыхъ“ *Прокураторій* горѣли огни фонарей и ярко освѣщенныхъ магазиновъ, сновали еще съ остатками товара на лоткахъ продавцы *confetti* (засахаренныхъ плодовъ), набѣленныя и нарумяненныя по самые волосы *fioraie* (торговки букетами) подносили съ умильными улыбками свои розаны и гвоздики подъ носъ прохожимъ, да охрипшій уже до сипоты газетчикъ выкрикивалъ напослѣдяхъ: „*Tempo*, signori, *Tempo*, *Capitano Fracassa*, *Messagiere*, ben arrivati da Roma“ *)

Насупротивъ кафе-ресторана *Quadro*, наполовину подъ аркадами, наполовину выступивъ стульями на площадь, вокругъ вынесенныхъ туда двухъ-трехъ столиковъ съ мраморными досками, расположилось общество, состоявшее изъ лицъ, уже знакомыхъ читателю, и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ мы поспѣшимъ ему представить.

Между графиней Драхенбергъ и г-жей Сусальцевой, составлявшими центръ круга, съ моноклемъ въ правомъ глазу, въ цилиндрѣ на полулысой головѣ, уткнувшись безстрастнымъ лицомъ въ созерцаніе ботинки своей правой ноги, горизонтально вскинутой на лѣвую, сидѣлъ одутлый и неказистый русскій дипломатъ изъ „новѣйшихъ“, баронъ Кеммереръ, только-что прибывшій „на отдыхъ“ съ Берлинскаго конгресса. Это былъ одинъ изъ тѣхъ вѣчно скучающихъ и наводящихъ собою невыносимую скуку индивидуумовъ, которыхъ, именно потому, должно быть, что они такъ скучны самимъ себѣ и другимъ, вы неизбѣжно встрѣчаете повсюду, гдѣ люди собираются съ цѣлью по возможности весело провести время. Въ Парижѣ, Стокгольмѣ, Вѣнѣ, куда ни кидала барона его служебная одиссея, онъ всюду производилъ впечатлѣніе „пудовика“, но за то повсюду онъ *всѣхъ* зналъ и *всѣ* его знали; нигдѣ не бывало праздника, интимнаго вечера, дѣтскаго бала, куда, словно подъ какимъ-то неизбѣжнымъ гнетомъ обстоятельствъ, не сочли бы необходимымъ пригласить въ числѣ первыхъ барона Кеммерера... Онъ пріѣхалъ лишь сегодня утромъ,

*) *Время*, господа, *Время*, *Капитанъ Фракасса*, *Вѣстникъ*, благополучно прибывшіе изъ Рима.

но успѣлъ уже отыскать въ Венеціи и посѣтить съ полдюжины знакомыхъ, въ томъ числѣ графиню Драхенбергъ, которая собиралась въ эту минуту отправиться en pique-nique отобѣдать со своимъ обществомъ у Quadro и такимъ образомъ какъ бы вынуждена была пригласить и новопріѣзжаго соотечественника (они послѣ обѣда всѣ тутъ и остались, по-италіянски, предаваться на чистомъ воздухѣ dolce far niente).

Совершенную противоположность ему представлялъ сидѣвшій противъ Сусальцевой у столика за кружкой лимонной воды, изъ которой онъ то-и-дѣло отпивалъ глотки въ пылу разговора, крѣпко сложенный баринъ, лѣтъ сорока восьми, съ огненнаго цвѣта бородой *лопатой*, почти такого же цвѣта загорѣлымъ лицомъ подъ мягкою черною шляпой, которая въ жару бесѣды сдвинулась ему на самый затылокъ, и съ подвязанною широкимъ чернымъ платкомъ лѣвою рукой. Звали его князь Пужбольскій *). Онъ участвовалъ въ войнѣ за Балканами, поступивъ въ ряды глубокой арміи тѣмъ же прапорщикомъ, какимъ вышелъ изъ нея по окончаніи Крымской кампаніи, былъ раненъ подъ Плевной, пользовался въ томъ госпиталѣ Краснаго Креста, гдѣ одно время распоряжалась графиня Елена Александровна (онъ приходился ей какимъ-то родственникомъ по отцу,) и, по заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, очутился опять въ своей роли перелетной птицы, тѣмъ же старымъ и разоренымъ холостякомъ, страстнымъ любителемъ искусства и неисправимымъ болтутомъ и спорщикомъ. Онъ только часа два тому назадъ вернулся изъ Падуи, куда ѣздилъ спеціально „*взглядывать* еще разъ (Пужбольскій все такъ же плохо справлялся съ глагольными формами роднаго языка,) на *божественныя* фрески Джотто въ церкви Madonna dell'Arena",—и такъ неистово доказывалъ теперь маркизу Каподимонте, что изъ нихъ *Страшный судъ* писанъ самимъ великимъ maestro, а не „какимъ-нибудь *ученичкомъ* его, Taddei Gaddi", какъ утверждалъ тотъ, будто дѣло шло въ эту минуту о судьбѣ цѣлой его жизни.

Маркизъ въ свою очередь велъ пренія нѣсколько болѣе

*) См. *Марина изъ Алаго Рога.*

нетерпѣливо, чѣмъ это было въ его привычкахъ. Его внутренно глубоко раздражала „эта рыжая русская сирена“ въ ея вдовьихъ тканяхъ, которая, казалось ему, „никогда еще не была такъ соблазнительна, какъ нынче, въ эту свѣтлую ночь, съ ея озареннымъ луной, какимъ-то необычно радостнымъ лицомъ“... Нѣтъ, онъ „положительно никогда еще не видѣлъ у нея *такого* лица“... И, „что она ни говори“, онъ знаетъ, *откуда* это лицо. Вотъ онъ сидитъ за нею—„ея эмигрантъ“: онъ тутъ сейчасъ „бродилъ (andava vagando) у музыки, нисколько повидимому не намѣреваясь или даже *не осмѣливаясь* подойти къ ихъ компаніи, но она слѣдила за нимъ глазами,— онъ, Каподимонте, хорошо это видѣлъ, — и позвала его, не стѣсняясь, громко, *съ тою чертовскою развязностью, какою владѣютъ всѣ эти Русскіе* (questa desinvoltura di tutti diavoli ch'hanno questi Russi), и посадила за собою на стулъ, и то-и-дѣло теперь оборачивается къ нему съ какими-то рѣчами на ихъ проклятомъ языкѣ“. „Per Dio, есть отъ чего съ ума сойти“! восклицалъ внутренно маркизъ, между тѣмъ какъ Пужбольскій, завладѣвъ окончательно рѣчью и, тѣми невѣроятными прыжками, которыми отличался его разговоръ, перескочивъ неожиданно отъ Джотто и Таддео Гадди къ римскимъ катакомбамъ, а отъ катакомбъ къ Мамелюкамъ-Бахаритамъ, съ какимъ-то страстнымъ визгомъ въ голосѣ *доказывалъ* въ этотъ моментъ своему собесѣднику „огромное вліяніе персидской культуры на искусство Египтянъ въ царствованіе Псамметиха II и его наслѣдниковъ“.

— Знаете что, вѣдь это очень скучно, вашъ ученый диспутъ, messieurs, перебила его, не стѣсняясь, — „и на самомъ интересномъ мѣстѣ“, сказалъ онъ себѣ досадливо, — г-жа Сусальцева (онъ былъ только-что представленъ ей графиней), поднося руку въ лиловой перчаткѣ къ своему зѣвнувшему рту.

Неизбѣжный офицеръ Вермичелла, сидѣвшій подлѣ нея и которому разговоръ о Бахаритахъ и Псамметихѣ II казался тоже невыносимо скучнымъ, съ торжествомъ поглядѣлъ теперь на мужа красавицы, умѣстившагося за столикомъ рядомъ съ нимъ:

— Gabbato il seccatore! *) фыркнулъ онъ чуть слышно ему на ухо.

Тотъ не понялъ словъ, но довѣрчиво подмигнулъ и ущипнулъ, въ знакъ сочувствія, пріятеля своего за локоть такъ, что бѣдный Вермичелла чуть не взвизгнулъ.

Пужбольскій хотѣлъ отвѣтить чѣмъ-нибудь „колкимъ", но не нашелъ, какъ всегда это бывало съ нимъ въ такихъ случаяхъ, слегка смутился и только сдвинулъ нервнымъ движеніемъ свою пуховую шляпу съ затылка на самые глаза.

— *Tempo*, *capitano Fracassa*, ben arrivati da Roma! прохрипѣлъ надъ самою головой его проходившій мимо газетчикъ.

Онъ вздрогнулъ нервно отъ этого голоса, сердито обернулся,—но тутъ же, сунувъ два пальца въ карманъ жилета, вытащилъ оттуда десять centesimi и протянулъ ихъ продавцу.

— Второй день не знаю, что̀ творится въ мірѣ, проговорилъ онъ, въ видѣ объясненія, ни къ кому не обращаясь особенно:—что̀ говоритъ телеграфъ?

Онъ развернулъ нумеръ *Tempo*, нагнулся къ столику, на которомъ горѣла свѣча въ стеклянномъ колпакѣ въ видѣ тюльпана... и вдругъ вскрикнулъ.

— Qu'est ce qu'il y a? вскрикнула въ свою очередь испуганно графиня.

— Мезенцовъ убитъ! едва имѣлъ онъ силу выговорить...

— Seigneur mon Dieu!...

Всѣ головы кругомъ невольнымъ движеніемъ словно пригнуло къ нему, какъ вѣтромъ колосья на нивѣ; всѣ они теперь были блѣдны, какъ и онъ самъ. Только на красивомъ, но глупомъ лицѣ офицера Вермичеллы изображалось дѣтское недоумѣніе: „chè cosa (что̀ такое)?"

— Какъ убитъ, что̀... Читайте, читайте текстъ! залепетали кругомъ словно чѣмъ-то сдавленные голоса.

Пужбольскій прочелъ, переводя по-французски и комментируя уже съ пылающими отъ негодованія глазами:

— En plein jour, au centre de la capitale!...

---

*) Подкузьмили надоѣдчика.

И, вспомнивъ вдругъ о томъ, что тутъ въ ихъ обществѣ и по сосѣдству сидѣли иностранцы, завизжалъ на своемъ фантастическомъ русскомъ языкѣ:

— И эти негодяишки, ces misérables, успѣли *скрываться*,— имъ позволили *скрываться, убѣгнуть*... Тутъ не было, видать, ни полиціи, никого... Это только у насъ, dans la chère matouchkà, возможны des choses pareilles!...

Быстрымъ и острымъ какъ молнія, никѣмъ не замѣченнымъ въ общей тревогѣ взглядомъ обмѣнялись г-жа Сусальцева и сидѣвшій за стуломъ графини „эмигрантъ". „Это ваша братія сотворила?" словно говорила она.—„А если-бъ и такъ!" отвѣтили ей мгновенно сверкнувшіе глаза его.

— Какъ это ихъ тутъ же народъ въ клочки не разнесъ! воскликнулъ въ то же время Сусальцевъ, разводя своими огромными ручищами, словно самъ собираясь „разнести" кого-то „въ клочья".

Дипломатъ, скинувъ ногу съ колѣнки и выпустивъ монокль изъ глаза, потянулся машинально къ листку, лежавшему предъ Пужбольскимъ.

— C'est officiel? спросилъ онъ единственно по привычкѣ къ подобнымъ вопросамъ, самъ видимо сознавая, насколько это не имѣло смысла въ данномъ случаѣ.

— Да развѣ такія извѣстія могутъ *сочиниваться*, напустился на него князь по-русски опять,—и развѣ васъ удивляетъ, что у насъ, dans la cara patria, все, все, même ces choses incroyables, все возможно...

— Pauvre Мезенцовъ, я такъ хорошо его знала! жалостливо вздохнула графиня Драхенбергъ.

— Tué, mais pour quelle cause, за что̀ убитъ онъ? заговорилъ маркизъ Каподимонте:—личное мщеніе, какъ вы полагаете?

— E chè! чисто итальянскими возгласомъ и движеніемъ плеча запальчиво возразилъ Пужбольскій, воззрясь въ спрашивавшаго, какъ будто намѣревался вцѣпиться ему въ глаза,— вы слышали, онъ былъ главный начальникъ русской политической полиціи...

— Елена Александровна, вотъ пріятная встрѣча! раздался

неожиданно въ эту минуту за спиной графини чей-то голосъ.

Она обернулась, поднявъ голову...

— Monseigneur! воскликнула она, поспѣшно вставая.

Дипломатъ вскочилъ со стула въ свою очередь. Остальное общество какъ бы невольно послѣдовало его примѣру. Одинъ Поспѣловъ, безсознательно поднявшійся вслѣдъ за другими, тутъ же, съ вызывающимъ выраженіемъ на лицѣ, опустился снова на свое мѣсто,—но этотъ подвигъ гражданскаго мужества пропалъ безслѣдно: его никто не замѣтилъ.

— Мы никакъ не ожидали васъ такъ скоро, говорила тѣмъ временемъ графиня, горячо пожимая протянутую руку подошедшаго:—въ газетахъ говорилось, что вы должны быть сюда 20-го, по нашему 8-го то-есть.

— Газеты лгутъ всегда, извѣстно, засмѣялся онъ,—впрочемъ я самъ поспѣшилъ, хотѣлъ сюда скорѣе... Какъ хорошъ этотъ городъ, эта площадь! говорилъ онъ, обводя вокругъ себя восхищеннымъ взглядомъ. — Можно присѣсть къ вамъ? спросилъ онъ графиню, опускаясь на близъ стоявшій порожній стулъ.—Вы согласны, господа? обернулся онъ съ полуулыбкой къ двумъ сопровождавшимъ его пожилымъ людямъ.

— Графъ Тхоржинскій, *назвалъ* онъ ихъ молодой вдовѣ, указывая на высокаго, бодраго, съ румянымъ лицомъ и цѣлымъ лѣсомъ серебристо-сѣдыхъ волосъ старика, который сразу однимъ щегольствомъ поклона, отвѣшеннаго какъ-то одновременно всему сидѣвшему здѣсь обществу, отрекомендовалъ себя всѣмъ вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ: — генералъ Троекуровъ...

— Мы знакомы съ генераломъ, живо промолвила графиня, протягивая руку Троекурову и отвѣчая въ то же время любезною улыбкой устъ и глазъ на поклонъ сѣдаго графа.—Вы давно изъ Люцерна, или, можетъ быть, съ тѣхъ поръ гдѣ-нибудь еще были?.. Et votre charmante enfant, mademoiselle Marie, она не съ вами?

— Она поѣхала гулять въ гондолѣ съ одними знакомыми, коротко отвѣтилъ Троекуровъ, опускаясь на стулъ, насупротивъ Пужбольского, стараго своего знакомаго, которому мол-

ча протянулъ руку черезъ столъ. „Plus grinchu que jamais“, сказала себѣ молодая женщина, взглянувъ на его сморщенный лобъ и подтянутыя губы (онъ видимо не по своей охотѣ попалъ сюда).

— Съ цѣлымъ пансіономъ дочерей и племянницъ леди Динморъ, съ которымъ вотъ мы всѣ пріѣхали на одномъ поѣздѣ сегодня изъ Милана, прибавилъ веселымъ тономъ, кивнувъ на своихъ спутниковъ, тотъ, котораго графиня Драхенбергъ назвала „monseigneur“: — прелестнѣйшій молодой цвѣтникъ, въ которомъ дочь генерала стоитъ дѣйствительно первымъ нумеромъ.

— Elle est adorable! восторженно воскликнула графиня и, обернувшись тутъ же на *своихъ:*

— Monseigneur, permettez moi de vous présenter... Le prince Jean, молвила она скороговоркой, вспомнивъ во-время, что большая часть ея компаніи не знаетъ, кому намѣрена она ее представлять:— ma cousine Sousaltzef... née Bouinosof, поспѣшила она прибавить...

Князь Іоаннъ пристально взглянулъ на голубоокую барыню, которая, полувставъ на мигъ, медленно склоняла, въ отвѣтъ на его быстро учтивый поклонъ, свою прекрасную голову съ какою-то очень изящно выходившею въ своемъ ансамблѣ смѣсью почтительности, любезности и чего-то самоувѣреннаго и вызывающаго на улыбавшемся лицѣ.

— Не знаю, помните-ли вы меня, но я какъ теперь васъ вижу, сказалъ онъ ей, какъ бы желая этимъ дать присутствующимъ образчикъ той спеціальной памяти на лица, которою владѣютъ по большей части особы его положенія: — на балѣ въ англійскомъ посольствѣ, въ Петербургѣ, зимой 1874 года, вы были вся въ бѣломъ, съ гирляндой сирени на головѣ,—цвѣта нѣсколько болѣе лиловаго, чѣмъ въ природѣ, замѣтилъ онъ смѣясь,— и съ такими же букетами на платьѣ...

— А я могу вамъ сказать на это, немедленно возразила она,—что на этомъ же балѣ вы были въ вашемъ гусарскомъ мундирѣ, который я такъ люблю.

— Et qui semble créé pour monseigneur! ввернулъ тутъ

же съ какою-то особенною, чисто польскою ловкостью льстиваго тона графъ Тхоржинскій.

— Но съ тѣхъ поръ вы какъ-то исчезли изъ Петербурга? продолжалъ князь Іоаннъ, видимо любуясь „точенымъ обликомъ“ той, съ которою говорилъ.

Графиня Драхенбергъ не дала ей отвѣтить... Она ужасно радовалась успѣху *кузины* и сочла нужнымъ еще „подогрѣть“ его:

— Да, она съ тѣхъ поръ переселилась въ Парижъ, гдѣ всѣхъ съ ума сводитъ, отъ Макъ-Магона до Гамбетты, и совсѣмъ забыла о своемъ отечествѣ. Не правда-ли, monseigneur, ей непремѣнно надо вернуться, и теперь же, зимой, пріѣхать въ Петербургъ?...

Князь Іоаннъ не успѣлъ отвѣтить, такъ какъ въ то же время радостно улыбавшаяся графиня встрѣтилась взглядомъ со странно раскрывшимися и такъ и упершимися въ нее глазами Прова Ефремовича Сусальцева, все еще стоявшаго въ ростъ у своего стула: „а меня, молъ, что̀ же думаешь ты представить, или нѣтъ?“—и она заторопилась заговорить опять:

— Monsieur Сусальцевъ... мужъ моей кузины, произнесла она съ такимъ невольнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ, какъ будто въ силу единственно этого его званія *мужа* она и находила нужнымъ его называть.

Провъ Ефремовичъ быстро, по-военному, прищелкнулъ каблуками вѣнскихъ своихъ ботинокъ, наклоняясь въ то же время всѣмъ корпусомъ впередъ, въ знакъ глубочайшаго своего почтенія,—но лицо его было темнѣе тучи: онъ понялъ этотъ оттѣнокъ графини и вскипѣлъ сердцемъ...

А она, какъ бы во избѣжаніе могущаго завязаться за этимъ разговора между „monseigneur“ и имъ, начала скорѣе представлять подъ рядъ всѣхъ остальныхъ сидѣвшихъ въ кружкѣ ея лицъ.

— Le marquis Capo di Monte, un grand ami à nous; monsieur Vermicella, officier de l'armée italienne...

Вермичелла вскочилъ, поднесъ правую руку къ своей расшитой золотымъ галуномъ и шнуромъ фуражкѣ и проговорилъ какъ на плацпарадѣ:

— Luogotenente dello quattordecesimo regimento... *).

Но графиня продолжала, не давъ ему договорить:

— Князь Пужбольскій...

— Старый знакомый! усмѣхнулся князь Іоаннъ. Вы поступили въ армію опять, я слышалъ, и ранены были? спросилъ онъ его.

— Поступилъ и раненъ былъ! пропищалъ фальцетомъ своимъ словно обиженно Пужбольскій.

Графиня слегка испуганно взглянула на него—и тотчасъ же отвернулась:

— Баронъ Кеммереръ...

— Здравствуйте, Кеммереръ! закивалъ ему князь Іоаннъ:— вы откуда теперь?

— Изъ Берлина...

— А! на конференціяхъ были?...

Тотъ только молча головой повелъ.

Оставался послѣдній въ кружкѣ, ближе всѣхъ сидѣвшій къ графинѣ, а слѣдовательно и къ высокому собесѣднику ея, „эмигрантъ". Въ подвижныхъ чертахъ молодой вдовы на мигъ сказалось колебаніе: „представить и его, или нѣтъ?"... Но она тотчасъ же осилила себя и, взглянувъ на молодаго человѣка съ улыбкой, какъ бы говорившею ему: „ты ничего не бойся!" храбро произнесла:

— Monsieur Поспѣловъ!...

Князь Іоаннъ чуть-чуть прищурился на незнакомое лицо— и любезно протянулъ ему руку...

Сусальцева глядѣла на нихъ во всѣ глаза. Поспѣловъ чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ — и съ какою-то иронически побѣдною улыбкой наклонился и пожалъ эту руку. Онъ потѣшался въ душѣ въ эту минуту...

Настало на мигъ молчаніе, которое тутъ же прервано было словами князя Іоанна:

— Вы сейчасъ, кажется, о чемъ-то очень горячо разсуждали, и я помѣшалъ вамъ продолжать?...

— Ахъ, мы дѣйствительно говорили о такомъ печальномъ

---

*) Поручикъ четырнадцатаго полка.

предметѣ, воскликнула графиня: — ce pauvre Мезенцовъ... вы знаете?...

— Знаю! отвѣтилъ онъ короткимъ кивкомъ, и лицо его потемнѣло.

— Вамъ извѣстны какія-нибудь подробности, monseigneur?

— Ровно никакихъ! живо возразилъ онъ: — узналъ сегодня изъ газетъ, какъ всѣ.

— Ужаснѣе всего, она понизила голосъ,—что это, кажется, политическое дѣло.

— Oh, on ne peut pas savoir, *то іеще не звѣстно*, счелъ нужнымъ перевести на ломаный русскій языкъ графъ Тхоржинскій, приподымая плечи.

Пужбольскій такъ и привскочилъ на своемъ стулѣ...

— C'est à dire qu'on ne peut pas en douter! визгнулъ онъ. И, вспомнивъ опять объ „иностранцахъ, сидящихъ тутъ", которыхъ онъ въ эту минуту отправлялъ мысленно къ чорту, продолжалъ по-русски:—но у насъ, кажется, не хотятъ *увидать* (то-есть *видѣть*), что̀ дѣлается, и закрываютъ глаза нарочно. Я, ровно мѣсяцъ назадъ, былъ въ Одессѣ, когда тамъ былъ этотъ судъ надъ нигилистами: Ковальскимъ et consorts... Я чуть не плакалъ de rage et de honte. C'était... Это былъ стыдъ изъ стыдовъ! Всѣ власти *растерявались*, les accusés плевали судьямъ въ лицо, à la lettre, les grots mots *летѣли* въ воздухѣ... на улицѣ *стрѣливали* въ солдатъ...

— Я его смолоду знаю, промолвилъ улыбаясь князь Іоаннъ на ухо графинѣ Драхенбергъ:—все такъ же безъ толку горячится и нелѣпо говоритъ по-русски.

— Incorrigible! сказала она громко, смѣясь и покачивая головой на Пужбольскаго...

Проходившій подъ аркадами въ эту минуту высокій, здоровый, замѣчательно красивый человѣкъ, лѣтъ подъ сорокъ, со смуглымъ лицомъ и чрезвычайно энергичнымъ, чтобы не сказать жестокосердымъ, выраженіемъ этого лица и черныхъ, съ какимъ-то красноватымъ отливомъ, глазъ, остановился на мигъ неподалеку отъ нашего общества, увидѣлъ князя Іоанна и быстро направился къ нему, приподнимая шляпу въ видѣ извиненія предъ находившимися тутъ дамами.

— Monseigneur, заговорилъ онъ на французскомъ языкѣ съ замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ, — я ѣздилъ сегодня въ Мурано *) и, только вернувшись сейчасъ, узналъ о вашемъ пріѣздѣ, былъ у васъ въ отелѣ — и меня направили сюда... Мнѣ такъ хотѣлось скорѣе увидать васъ...

— И мнѣ тоже, monseigneur, я очень радъ васъ видѣть, молвилъ князь Іоаннъ, вставая и пожимая протянутую его руку.

— Si vous vouliez faire un tour avec moi, сказалъ тотъ:— мнѣ многое хотѣлось бы вамъ сказать.

— Съ удовольствіемъ...

Они взялись подъ руку.

— Я сейчасъ вернусь, шепнулъ, проходя мимо Троекурова, князь Іоаннъ.

— Il duca di Madrid, don Carlos **), промолвилъ вполголоса Вермичелла, указывая кивкомъ на удалявшагося съ княземъ Іоанномъ смуглаго красавца,—oun (un) bien bel uomme (homme)!

Красавца впрочемъ почти всѣ присутствовавшіе уже знали въ лицо, встрѣчая каждый вечеръ подъ аркадами.

— Да, хорошъ! сказала какъ бы снисходительно г-жа Сусальцева.

— Звѣрски хорошъ! воскликнула графиня Драхенбергъ и чуть-чуть вздрогнула, вспомнивъ внезапно о своемъ „тигрѣ“.

— C'est le représentant des deux plus grands principes de la terre, громко и внушительно произнесъ графъ Тхоржинскій:—la religion et la légitimité.

— Un mauvais représentant! замѣтилъ на это усмѣхнувшись маркизъ Каподимонте.

— Это потому, что онъ *звѣрь*, un fauve, какъ говоритъ ma cousine Drachenberg? напустился на него вдругъ князь Пужбольскій,—а я говорю, что такихъ надо цѣнить въ наше дряблое время... А, Троекуровъ, правда? повернулъ онъ опять

*) Городокъ на островѣ, отстоящій на полчаса ѣзды на пароходѣ отъ Венеціи, главный центръ производства знаменитаго венеціанскаго стекла.

**) Извѣстный претендентъ на Испанскій престолъ; живетъ почти постоянно въ Венеціи.

на русскій языкъ: — я только и мечтаю видѣть *такихъ*, des fauves, у насъ во власти!

И, не ожидая отвѣта, продолжалъ, кипятясь все сильнѣе:

— Власть... власть, опирающаяся на... на населеніе, поймалъ онъ какъ бы на-лету слово,—въ восемдесятъ, — теперь даже можетъ быть во сто милліоновъ людей, со всѣми способами, орудіями въ рукахъ, — и дозволять *убить* своихъ fonctionnaires en plein jour, давать преступникамъ *скрыться*, не умѣть справиться avec une horde de chenapans, съ какими-то... козлами, которые смѣютъ думать, что они могутъ (онъ опять не находилъ слова,)... могутъ *пободать ее* своими скверными рогами!...

Графиня, Сусальцева, самъ Троекуровъ не могли не расхохотаться комизму этихъ словъ и произношенія, въ соединеніи съ тѣмъ гнѣвнымъ тономъ, которымъ произносились они.

— Э, все равно! весь покраснѣвъ, воскликнулъ Пужбольскій, махая рукой:—вы всѣ хорошо понимаете, что я хотѣлъ *говорить!*...

— Виноватъ, я не понялъ, выдвигаясь изъ-за стула графини Драхенбергъ, промолвилъ „эмигрантъ", необычайно спокойнымъ, видимо разсчитаннымъ на эффектъ, тономъ.

Всѣ, дѣйствительно, обернулись на него взглядомъ.

— Что вы не *понимали*, что? яростно взвизгнулъ Пужбольскій.

— Вы сейчасъ сказали, что власть, опирающаяся на столько-то милліоновъ народа и имѣющая въ рукахъ всѣ средства дѣлать все, что ей вздумается, не можетъ справиться съ какими-то нѣсколькими „козлами",—вы такъ, кажется, выразились? — которые бодаются вмѣсто того, чтобы послушно плясать по дудкѣ ея пастуховъ...

— Ну да, я *сказывалъ*... Я это сказалъ, поправился пламенный князь.

— Но „справиться-то" съ „козлами" все же эта власть желаетъ, надобно полагать? вопросительно промолвилъ Поспѣловъ.

— Ну, для чего вы это спрашиваете, что хотите вы доказывать? горячился тотъ:—résumez!...

— Если же она съ ними *не справляется*, продолжалъ невозмутимо молодой человѣкъ,—значитъ, *не можетъ* справиться.

— Какъ не можетъ!... Власть въ Россіи не можетъ!... Почему не можетъ? разъяренно лопоталъ Пужбольскій.

— Потому что органическая, *существенная* сила, которая могла бы пользоваться успѣшно тѣми матеріальными „орудіями", какъ вы говорите, что̀ дѣйствительно находятся еще въ рукахъ этой власти, *отошла* уже, повидимому, отъ нея, объяснилъ Поспѣловъ, стараясь выражаться тѣмъ „приличнѣе", чѣмъ несдержаннѣе были діалектическіе пріемы его возражателя, и угадывая какимъ-то инстинктомъ сочувствіе къ своимъ словамъ, сказывавшееся на лицѣ сидѣвшей къ нему спиной графини Драхенбергъ,—потому что сама она чувствуетъ себя несостоятельною со всѣхъ сторонъ.

— Милостивый государь, крикнулъ князь, судорожно вскинувъ голову, отчего шляпа очутилась у него опять на затылкѣ,—я васъ не знаю и... („и знать не хочу", чуть не соскочило у него съ языка,) вижу только, что вы принад... *изволите принадлежать*, иронически поправился онъ,—къ такъ-называемымъ „новымъ людямъ", которые не хотятъ знать ни исторіи, ни духа народности... и я съ вами дальше *дискютировать* отказываюсь. Я вамъ только могу *сказывать*, что вся Россія...

— Россія, ухватываясь за это слово, не далъ ему договорить эмигрантъ, и губы его сложились въ язвительную улыбку, — которую за всю кровь ея народа, пролитую на Балканахъ, наградили Берлинскимъ трактатомъ...

Пужбольскаго точно кто внезапно ведромъ холодной воды окатилъ. Онъ разомъ смолкъ, передернулъ еще разъ свою шляпу съ затылка на глаза и раскинулъ руками:

— Противъ этого я ничего не могу сказать!...

Графиня Драхенбергъ быстро обернулась со стуломъ своимъ прямо къ молодому человѣку, апплодируя ему кончиками пальцевъ:

— Браво, monsieur Поспѣловъ, разбитъ Пужбольскій, совсѣмъ разбитъ!...

Маркизъ Каподимонте, болѣзненно слѣдившій все время за выраженіемъ ея лица, весь поблѣднѣлъ теперь и, обращаясь къ Вермичеллѣ:

— Caro mio, прошепталъ онъ ему скороговоркой по-италіянски,—пойдемте прогуляться: вы видите, что у нихъ пошли тутъ какіе-то свои, домашніе разговоры...

Вермичелла растерянно и послушно поднялся за нимъ съ мѣста...

— Маркизъ, дайте мнѣ руку, вставая въ свою очередь, сказала г-жа Сусальцева (злой огонь пробѣгалъ въ ея аквамариновыхъ глазахъ),—я пройтись хочу.

Мужъ ея, покусывая стриженые усы свои, угрюмо повелъ взглядомъ во слѣдъ уходившимъ и тотчасъ же отвернулся. Онъ остался „слушать".

— Позвольте однако, заговорилъ какъ рыба молчавшій до сихъ поръ баронъ Кеммереръ, заговорилъ, словно камни ворочалъ, ни на кого не глядя, а прищурившись правымъ глазомъ на кончикъ ботинки, вскинутой имъ опять на колѣно ноги своей, какъ будто искалъ въ ней мотивовъ для своей аргументаціи,—эти жалобы на Берлинскій трактатъ... которыя мнѣ не разъ уже приходилось слышать... и читать въ *патріотической... московской*, разумѣется, печати, подчеркнулъ онъ ироническимъ тономъ,—мнѣ кажутся не совсѣмъ основательными... Не могъ же въ самомъ дѣлѣ ареопагъ Европы, собравшійся въ Берлинѣ, пропустить... une chose aussi absurde, entre nous, договорилъ дипломатъ, окинувъ бѣглымъ взглядомъ внимавшихъ ему и сообразивъ, что „*можно* говорить", такъ какъ оставалась одна „русская семья",—aussi absurde que le traité de San-Stefano!...

— Да какое намъ дѣло до Европы, до вашего „ареопага"! На что намъ было въ Берлинъ итти! завопилъ на это еще бѣшенѣе прежняго князь Пужбольскій;—тутъ не какія-то ваши политическія комбинаціи... тутъ шелъ вопросъ о вѣковой задачѣ Россіи... Въ Константинополѣ, подъ звонъ колоколовъ святой Софіи должны мы были *рѣшать* его...

Баронъ Кеммереръ, лѣниво усмѣхаясь, качнулъ головой съ пренебрежительнымъ видомъ человѣка, посвященнаго въ

высшія тайны, которому приходится объяснять азбуку малолѣтнимъ:

— Надо было avant tout войти туда, уронилъ онъ словно съ высоты башни.

— Pardieu! вздернулъ только плечами Пужбольскій.

— И какъ же это: безъ пушекъ, безъ обоза, чуть не безъ сапогъ, съ Австріей на флангѣ и англійскимъ флотомъ въ Галлиполи?

Пужбольскій ударилъ всею ладонью по мрамору столика, стоявшаго предъ нимъ:

— И ничего, ничего бы не помѣшало!.. Я былъ тамъ самъ, слышалъ, *глядѣлъ*... Des mirages, которые сейчасъ бы *разсѣевались*, какъ только *начальство* поняло бы то, что понималъ каждый маленькій офицеръ, каждый солдатъ..., русской душой своей понималъ. Не обозы, не „сапоги" рѣшаютъ дѣло въ такихъ случаяхъ, а духъ войска, духъ страны, которая *поставляетъ* его подъ ружье!.. За всю ту кровь, онъ кивнулъ на Поспѣлова,—„которая была пролита" на этой великодушной войнѣ „за идею", мы *должны*, comprenez vous, *должны* были planter nos aigles, нашего *двуглаваго*, sur les murs de Byzance и „ударить въ колоколъ въ Царь-Градѣ", какъ сказалъ admirablement pauvre feu Тютчевъ!..

Баронъ, сунувъ моноклъ свой подъ правую бровь, повелъ на горячившагося „оригинала" тоскливо скучающимъ взглядомъ: какая, молъ, обуза объясняться съ профанами!

— И къ чему-жь бы это повело? спросилъ онъ сквозь зубы, ожидая какого-нибудь новаго, „нелѣпаго отвѣта, quelque réponse saugrenue", какъ выражался онъ мысленно.

Генералъ Троекуровъ, безмолвно, съ нервно-помаргивавшими глазами прислушивавшійся все время какъ бы разсѣянно къ этимъ спорамъ, поднялся въ эту минуту со стула, собираясь итти навстрѣчу завидѣнной имъ издали цѣлой группѣ дамъ, переходившей площадь со стороны *Новыхъ Прокураторій*,— и, предупреждая чаемый дипломатомъ отвѣтъ Пужбольскаго:

— Прежде всего, сказалъ онъ, пріостанавливаясь на-ходу на мигъ,—къ тому бы „повело", что не было бы поводовъ къ

тѣмъ *выводамъ*, которые мы имѣли случай слышать сейчасъ въ разговорѣ (глаза его медлительно скользнули по лицу поднявшаго голову слушать его эмигранта), ни къ тѣмъ фактамъ, состоящимъ съ ними въ ближайшемъ родствѣ, обращикъ которыхъ вы могли видѣть въ сегодняшней телеграммѣ изъ Петербурга.

И онъ прошелъ мимо.

— Oui, ils sont jolis les факты: оправданіе *Вѣрочки* et le reste! крикнулъ ему вслѣдъ одобрительнымъ возгласомъ Пужбольскій... Онъ повелъ кругомъ себя торжествующимъ взглядомъ. Сказанное Троекуровымъ, въ его понятіи, „резюмировало всю сущность пренія и разрѣшало его"... И всѣ, очевидно, говорилъ онъ себѣ, поняли это точно такъ же, какъ онъ, Пужбольскій: баронъ, опустивъ голову, словно разжевывалъ новую и не легко дававшуюся пониманію его мысль; Сусальцевъ утвердительно покачивалъ головой; графиня Драхенбергъ недоумѣло вопрошала глазами молодаго — „новаго", какъ назвалъ его тотъ же Пужбольскій, человѣка, которому она только-что апплодировала; „новый человѣкъ" въ свою очередь морщился и кусалъ губы, видимо чѣмъ-то недовольный... Одинъ графъ Тхоржинскій, сидѣвшій въ полутѣни позади дипломата, какъ-то странно улыбался, показалось нашему князю...

— Ахъ, папа, какое волшебство эта Венеція! раздался за нимъ въ это время звучный молодой голосъ.

Онъ живо обернулся...

Ухватившись обѣими руками за руку Троекурова, скользила беззвучно и гибко по плитамъ площади, словно ласточка надъ прудомъ, прелестная бѣлокурая дѣвушка, направляясь къ аркадамъ, въ обществѣ пяти или шести такихъ же юныхъ и цвѣтущихъ существъ, какъ она сама. Это былъ „цвѣтникъ" леди Динморъ, возвращавшійся подъ водительствомъ самой маменьки, высокой, внушительнаго вида и красноносой дамы, какъ подобаетъ быть англійской peeress, съ ночной прогулки въ гондолѣ, въ занимаемые имъ покои въ *Hôtel San-Marco*, помѣщающемся въ томъ же зданіи *Старыхъ Прокураторій*.

— Здравствуйте, моя прелестная! остановила дѣвушку на проходѣ, поймавъ ее за руку, графиня.

— Ахъ, извините, я васъ не видѣла, воскликнула та, отрываясь отъ руки отца и оборачиваясь всѣмъ сіяющимъ лицомъ своимъ къ молодой вдовѣ,—здравствуйте... или, вѣрнѣе, добрый вечеръ!.. Мы сейчасъ въ гондолѣ до самаго Лидо доѣхали и назадъ. И такая прелесть эта Венеція, это море!..

— Good night, Mary dear, sleep well! залепетали въ то же время прощавшіяся съ нею молодыя дѣвицы, пока Троекуровъ учтиво раскланивался, благодаря леди Динморъ за дочь.

— O, she's charming, она очаровательна, и такъ хорошо говоритъ по-англійски! восклицала та въ отвѣтъ:— надѣюсь, что мы завтра соберемся опять вмѣстѣ на экскурсію куда-нибудь...

— Непремѣнно, непремѣнно!..

Послѣдовали рукожатія, поцѣлуи, смѣхъ, обмѣнъ какихъ-то раковинъ, найденныхъ въ компаніи на прибоѣ волнъ въ Лидо...

— Посидите немножко съ нами, говорила графиня, когда „Mary" осталась одна съ отцомъ.

— Поздно, она устала, отвѣтилъ Троекуровъ, взявъ опять дочь подъ руку.

— Вы ужь домой собираетесь? раздался за ними голосъ князя Іоанна: — я предлагаю отвезти васъ въ моей гондолѣ, мы съ вами въ одномъ отелѣ.

Съ княземъ подъ руку шла г-жа Сусальцева, маневрировавшая предъ тѣмъ такъ, чтобы встрѣтиться съ нимъ подъ аркадами въ ту именно минуту, „quand il en aura assez разговора своего съ донъ-Карлосомъ". Въ разсчетѣ она не ошиблась, и достигнутый ею новый „успѣхъ" сказывался въ улыбкѣ, чуть игравшей на ея холодныхъ чертахъ.

— Всѣмъ пора домой, впрочемъ, двѣнадцать бьетъ.

И графиня Драхенбергъ внезапно поднялась съ мѣста. — Маркизъ исчезъ? проговорила она какъ бы озадаченно про себя, оглядываясь кругомъ.

— Вы гдѣ стоите? спросилъ ее князь Іоаннъ.

— Вотъ съ нею, указала графиня на „кузину",— у того же Даніелли, два шага отсюда.

— Такъ мы васъ проводимъ... Вы знакомы съ Маріей Борисовной? обернулся онъ къ своей дамѣ, указывая смѣющимися глазами на дѣвушку.

— Mais certainement! поспѣшно вымолвила Сусальцева, протягивая ей руку,—а съ генераломъ и давно, добавила она капризно „милымъ“ тономъ,—но онъ меня никогда узнавать не хочетъ.

— Вы ошибаетесь, и Троекуровъ отвѣсилъ ей низкій поклонъ:—не узнавать васъ нельзя, проговорилъ онъ загадочно, между тѣмъ какъ мгновенно похолодѣвшіе пальцы его дочери едва ощутительно сжимали лиловую перчатку красивой барыни.

— Вы видите, сказалъ Сусальцевой смѣясь князь Іоаннъ,—какъ умѣли быть любезно находчивы люди прошлаго поколѣнія... Итакъ въ путь, mesdames et messieurs!.. Графъ Тхоржинскій, я надѣюсь еще увидѣть васъ какъ-нибудь въ теченіе тѣхъ трехъ дней, которые разсчитываю провести здѣсь?

— Sans faute, monseigneur! отвѣтилъ тотъ, низко кланяясь.

— Вы остаетесь только три дня здѣсь? словно воркнула г-жа Сусальцева подъ ухомъ князя Іоанна.

— Увы, *только!* весело подчеркнулъ онъ.

— А отсюда куда?

— Во Флоренцію думаю.

— Ахъ, какъ это хорошо! уже громко вскликнула она:—и я туда же сбираюсь.

„Безъ меня что-ль?“ чуть не крикнулъ ей мужъ, за отсутствіемъ друга своего Вермичеллы, видѣвшій себя теперь такимъ же одинокимъ и покинутымъ среди всей этой компаніи, какъ Робинзонъ на своемъ островѣ. И какая-то злая волна нахлестнула и сдавила ему грудь...

— Passez, monseigneur! говорила между тѣмъ графиня князю Іоанну, приглашая его движеніемъ руки пройти впередъ со своею дамой и, пропустивъ за ними Троекуровыхъ, отца и дочь:—Баронъ, вашу руку! обернулась она къ Кеммереру.

Пары двинулись.

Пужбольскій побѣжалъ solo за ними.

— До свиданія, monsieur Поспѣловъ, сказала, пріостанавливаясь на мигъ, молодая вдова сурово глядѣвшему на нее, показалось ей, эмигранту (онъ стоялъ недвижно, ухватясь рукой за спинку стула, съ котораго только-что поднялась она), и голосъ ея зазвучалъ для него какою-то неотразимою ласковостью,—я васъ жду завтра, не правда-ли?.. Къ завтраку, въ половинѣ одиннадцатаго, добавила она уже шопотомъ, уходя подъ руку съ Кеммереромъ.

Онъ чуть-чуть качнулъ головой въ отвѣтъ, опустился снова на стулъ и вытащилъ изъ кармана пачку дрезденскихъ папиросъ Лаферма.

Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ повелъ на него неопредѣленнымъ взглядомъ. „Не пригласить-ли этого, чортъ его знаетъ, кто онъ такой, выпить бутылочку холодненькаго?“ проносилось у него въ головѣ... Будь тутъ Вермичелла, онъ съ нимъ теперь и не одну бы выпилъ... Ну, а съ этимъ, „нѣтъ, не приходится!..“ „И куда этотъ дьяволъ Итальянецъ дѣвался?“ спрашивалъ онъ себя, морщась и озираясь кругомъ:—„поди, ревнуетъ тоже!“ пропустилъ онъ, хихикнувъ, сквозь судорожно заскрипѣвшіе вдругъ зубы.

И какъ-то разомъ, вскинувшись весь, Провъ Ефремовичъ зашагалъ своею подрагивающею походкой въ догонку удалявшихся паръ по направленію Піацетты.

VII.

И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ.
Змѣя, змѣя!...
Пушкинъ. (*Борисъ Годуновъ.*)

— Желаете ѐгня? спросилъ Поспѣлова чей-то голосъ.

Онъ поднялъ глаза.

Графъ Тхоржинскій, оставшійся теперь одинъ съ нимъ, протягивалъ ему съ любезною улыбкой на красивомъ старческомъ лицѣ зажженную восковую спичку.

Молодой человѣкъ поблагодарилъ, наклоняясь къ огню со своею папироской въ губахъ.

— Вы очень спорите пріятно, я съ большимъ удовольствіемъ *слухалъ*, проговорилъ тотъ, глядя на него смѣющимися глазами, — чего не мòгу сказать про тѣхъ, кто вамъ оппонирòвалъ, прибавилъ онъ уже нѣсколько презрительно.

— Да, съ невольнымъ самодовольствомъ сказалъ Поспѣловъ,—этотъ спорившій со мною... князь, чтò-ли?... путаный какой-то... И тотъ, генералъ...

— А такъ, такъ!... Баламуты *москевской* школы.

— Вы полагаете—славянофилы?

— А такъ... *Патріоты россійски, зъ ихъ* словъ видно— все *іеще* въ силу кнута *вѣрютъ.*

Поспѣловъ нѣсколько недоумѣло глянулъ ему въ лицо.

— А вы-жь *слухàли*, объяснилъ веселымъ тономъ Тхоржинскій,—о *власти* Россійскаго правитèльства, „о-пи-ра-ющейся“, протянулъ графъ старательно и трудно выговаривая

слоги,—на 80 и даже на 100 милліоновъ жителей, и что она власть, можетъ всѣ затрудненія, въ которыхъ теперь *находится*, кончать попрежнему палкой.

Эмигрантъ презрительно приподнялъ плечи.

— Да, это старье изъ аристократовъ тѣшится и по сейчасъ еще подобными иллюзіями... Вы впрочемъ сами, спохватился онъ, какъ бы слегка извиняясь, — сами, кажется, *титулованный*...

Тхоржинскій уже громко засмѣялся.

— Я человѣкъ Европы, европейскій человѣкъ, и съ той стороны, vom andern Ufer, смотрю на Россію, а чрезъ то-жь само очень мнѣ такъ понравилось слово, что вы сказали: „не-со-стоя-тельность", отчеканилъ онъ опять, напирая съ особеннымъ тщаніемъ на букву *о* и понижая голосъ: — *Забіеніе* генерала Мезѣнцова доказываетъ дѣйствительно большую „несостоятельность" со стороны Россійскаго правительства, какъ ни объяснять его будемъ, добавилъ онъ.

— А вы какъ его объясняете? съ любопытствомъ спросилъ Поспѣловъ.

— А я-жь *ницъ не вѣмъ*... я ничего не знаю, поспѣшно поправился тотъ, вскидывая вверхъ плечами, — я только, что въ газетахъ писано, то я и знаю... Какъ и *вы*, я думаю?

И живые глаза его такъ и вперились въ лицо молодаго человѣка.

— Какъ и я, сказалъ тотъ съ небрежною улыбкой.

— Un fait bien regrettable en tout cas! началъ опять Тхоржинскій.—Вы будьте такъ *ласкавы* позволить мнѣ говорить по-французски? какъ бы извинился онъ:—я хотя и россійскій подданый есмь, хихикнулъ онъ слегка, — *але* все-жь на вашемъ языкѣ не могу объясняться свободно.

— Сдѣлайте милость, я говорю по-французски...

Разговоръ продолжался на этомъ языкѣ, на которомъ польскій графъ выражался съ замѣтною изысканностью и щеголеватостью нѣсколько стародавняго салоннаго пошиба.

— Прискорбный фактъ во всякомъ случаѣ! повторилъ онъ, покачивая головой съ озабоченнымъ видомъ.

— Которому вы извиненія не находите? съ прорывавшеюся въ голосѣ раздражительностью спросилъ эмигрантъ.

Собесѣдникъ его пожалъ плечами:

— Я человѣкъ старыхъ традицій и не могу допустить, чтобы дозволено было самопроизвольно убивать на улицѣ беззащитныхъ людей, каковъ бы ни былъ приводимъ къ тому мотивъ.

Онъ пріостановился на мигъ, раскурилъ сигару и продолжалъ, пріискивая и отчеканивая слова, будто говорилъ съ каѳедры:

— Но я, съ другой стороны, знакомъ съ исторіей и знаю, что бываютъ эпохи... *несчастныя* эпохи (онъ даже вздохнулъ), когда роковая сила обстоятельствъ выбиваетъ, такъ сказать, цѣлыя поколѣнія изъ колей нравственнаго разумѣнія, почерпаемаго нами въ христіанскомъ ученіи. Это почти исключительно тѣ эпохи, когда деспотизмъ властителей достигаетъ точки, гдѣ народы—въ лучшихъ ихъ представителяхъ по крайней мѣрѣ—не въ состояніи болѣе переносить его. Возмущеніе Спартака въ древнемъ Римѣ, *гёзы* при герцогѣ Альбѣ, *флибустьеры* *) въ XVII вѣкѣ, греческіе *клефты* и множество тому подобныхъ примѣровъ,—все это въ разныя времена является все тѣмъ же живымъ протестомъ *лучшихъ людей* того или другаго народа противъ тиранніи...

— Ну конечно, само собою! закивалъ утвердительно Поспѣловъ, очень обрадовавшись этому подбору историческихъ фактовъ, о которыхъ никогда не приходилось ему слышать въ „революціонныхъ дебатахъ“ его *партіи*.

— При этомъ, къ сожалѣнію, тѣмъ же какъ бы проповѣдническимъ тономъ говорилъ графъ Тхоржинскій, — развивается почти всегда не въ мѣру фанатизмъ *идеи*, доходящій до попранія всего, что до тѣхъ поръ почиталось людьми святымъ, и заставляющій иногда лицъ самыхъ благородныхъ,

---

*) Извѣстные пираты въ Антильскихъ моряхъ, потомки *буканіеровъ* острова Сан-Доминго, торговля которыхъ уничтожена была Испанцами. Флибустьеры потомственно мстили этимъ исконнымъ врагамъ своимъ, разоряя ихъ колоніи, грабя и сожигая ихъ торговыя суда, а нерѣдко и самые города (Панаму и др.).

самыхъ великодушныхъ по природѣ прибѣгать къ средствамъ, не только не гуманнымъ, но и нерѣдко совсѣмъ безчеловѣчнымъ.

— Средства эти вызываются крайнею необходимостью, возразилъ молодой человѣкъ,—и винить въ нихъ слѣдуетъ не тѣхъ, кто принуждены ими пользоваться, а тотъ порядокъ вещей, который заставляетъ прибѣгать къ нимъ.

Красивый старецъ загадочно усмѣхнулся на эту фантастическую аргументацію:

— Конечно, протянулъ онъ,—но для меня остается еще весьма сомнительнымъ... Не знаю, какъ для васъ, — и онъ пытливо вскинулъ глаза на Поспѣлова:—назрѣлъ-ли протестъ противъ существующаго въ Россіи порядка настолько, чтобы въ этомъ фактѣ, съ котораго начали мы нашъ разговоръ (онъ кивнулъ подбородкомъ на листокъ газеты, оставленный Пужбольскимъ на столѣ), можно было дѣйствительно видѣть дѣло народной, или, вѣрнѣе выражаясь, общественной Немезиды...

Эмигрантъ не далъ ему договорить:

— Оправданіе Вѣры Засуличъ судомъ присяжныхъ, горячо воскликнулъ онъ, — доказало, кажется, достаточно ясно, какъ относится русское общество къ людямъ, жертвующимъ собою для освобожденія его отъ деспотизма автократіи, а слѣдовательно и чего оно само желаетъ.

Графъ Тхоржинскій утвердительно кивнулъ:

— Такъ было понято и въ Европѣ — *невѣроятное*, надо сказать, по тамошнимъ понятіямъ — оправданіе этой русской Charlotte Corday, какъ назвалъ ее, кажется, Рошфоръ; но при этомъ однако...

Поспѣловъ перебилъ его еще разъ:

— Высшіе сановники правительства, публично, изо всѣхъ силъ апплодировали вмѣстѣ съ прочими, когда присяжные вынесли свой приговоръ; чего вамъ еще больше!

— Знаю, какимъ-то ехиднымъ смѣхомъ засмѣялся Тхоржинскій, — царедворцы Людовика XVI тоже апплодировали первымъ революціоннымъ рѣчамъ въ Jeu de paume... Вы знаете латинское изрѣченіе: Quem vult perdere dementat, тѣхъ Богъ ослѣпляетъ, кого хочетъ погубить; въ исторіи опять

найдемъ мы не мало такихъ примѣровъ: правительства стремятся быть либеральнѣе, чѣмъ этого желаютъ сами ихъ народы, и этимъ готовятъ себѣ пропасть... Не то-ли, быть можетъ, происходитъ теперь и въ Россіи,—я не знаю (онъ приподнялъ плечи и еще разъ вопросительно взглянулъ на молодаго человѣка)... Въ Петербургѣ, дѣйствительно, и общество, и правительственныя сферы настроены, повидимому, весьма либерально; но въ Москвѣ — она вѣдь до сихъ поръ почитается *сердцемъ Россіи*, подчеркнулъ насмѣшливо графъ,—въ ея печати высказывается, кажется, противъ этого весьма сильная оппозиція?...

Поспѣловъ гнѣвнымъ движеніемъ швырнулъ на площадь окурокъ своей папироски.

— Какой же порядочный человѣкъ обращаетъ вниманіе на то, что̀ говоритъ и печатаетъ это московское мракобѣсіе!...

Польскій графъ какъ бы недовѣрчиво повелъ плечомъ.

— Они однако опираются на сочувствіе массъ... не интелигентныхъ массъ, конечно, прибавилъ онъ какъ бы въ утѣшеніе своего слушателя.

— У насъ эти массы—дубье, безыдейная толпа, не знающая, чего ей нужно и куда ей переть своею тупою головой! отозвался желчно молодой человѣкъ съ какимъ-то, казалось, особеннымъ, личнымъ раздраженіемъ противъ этой „безыдейной толпы.“

— А-а! протянулъ словно удивленно тотъ, — но, сколько мнѣ извѣстно, интеллигентная молодежь въ Россіи въ своихъ освободительныхъ попыткахъ имѣла до сихъ поръ въ виду исключительно эти массы и ихъ экономическое благополучіе, другими словами, переворотъ на началахъ соціализма. Развѣ это перемѣнилось въ послѣднее время, и *движеніе*, протянулъ онъ,—задалось другими цѣлями?

Этотъ прямой, категорически поставленный ему вопросъ смутилъ въ первую минуту нашего эмигранта. Онъ не желалъ,—да и „не могъ бы“ въ сущности, уколола его пронесшаяся при этомъ у него мысль,—отвѣчать на него положительно.

— Я этого не знаю! вырвалось у него досадливо.

Графъ Тхоржинскій прищурился, сбросилъ ногтемъ мизинца пепелъ своей сигары и, набравшись дыму, пустилъ его вверхъ тонкою струей...

— Вы были въ Вѣнѣ? уронилъ онъ лѣниво, съ видомъ человѣка, спрашивающаго о чемъ-то первомъ попавшемся, чтобы спросить что-нибудь, и нисколько не интересующагося имѣющимъ послѣдовать отвѣтомъ.

Но эмигрантъ какъ-то мгновенно почуялъ, что вопросъ имѣлъ значеніе и цѣль.

— Бывалъ, неопредѣленно отвѣтилъ онъ, зорко слѣдя за выраженіемъ лица своего собесѣдника.

Но лицо это ровно ничего не говорило ему: оно куда-то глядѣло вверхъ по направлевію церкви Святаго Марка...

— Давно? услышалъ онъ новый вопросъ.

— Н-нѣтъ, не очень...

— Не знаете-ли вы тамъ, спросилъ чрезъ мигъ все тѣмъ же лѣнивымъ тономъ графъ,—одного молодаго человѣка... по фамиліи (онъ какъ будто старался ее припомнить)... Зюдервейнъ, кажется?

— Арончикъ... чуть не вырвалось у того, — Ааронъ Зюдервейнъ? спросилъ онъ громко.

— Его зовутъ „Ааронъ?“ Я не зналъ... Онъ дѣйствительно по типу Еврей, но совершенно Русскій по языку, показалось мнѣ... и по способности увлекаться, добавилъ красивый старецъ съ улыбкой.

— Я тамъ тоже Квицинскаго знаю, проговорилъ вдругъ смѣло Поспѣловъ, какимъ-то внезапнымъ, внутреннимъ откровеніемъ почуявшій вдругъ опять и готовый теперь побожиться въ томъ, что говорившій съ нимъ зналъ „всю подноготную“ не только объ „Арончикѣ“ и Квицинскомъ (носившемъ въ *партіи* кличку „Полячка“), но и о немъ самомъ, Поспѣловѣ, и о такихъ лицахъ, принадлежащихъ къ *партіи*, о которыхъ самъ Поспѣловъ до сихъ поръ не имѣлъ понятія.

— Квицинскаго, равнодушнымъ тономъ повторялъ между тѣмъ графъ,—нѣтъ, я не знаю такого („ты врешь, навѣрное врешь!“ пронеслось тутъ же въ головѣ эмигранта)... А съ господиномъ Зюдервейномъ имѣлъ удовольствіе встрѣтиться

у одного моего вѣнскаго знакомаго: онъ показался мнѣ очень способнымъ... хотя и съ слишкомъ горячею головой... Это вообще недостатокъ, сколько я могъ замѣтить, нынѣшняго молодаго поколѣнія.

— Вы находите? пробормоталъ Поспѣловъ, не отрываясь отъ него любопытствующимъ и нѣсколько тревожнымъ взглядомъ.

Графъ Тхоржинскій принялся смѣяться какимъ-то тихимъ и чрезвычайно благодушнымъ смѣхомъ.

— Я питаю нѣкоторую слабость къ молодежи, признаюсь вамъ. Человѣкъ я одинокій, старый, давно простился съ волненіями свѣта и, „забывъ его, забытый и имъ", по выраженію Горація, — oblitusque eorum, obliviscendus et illis, проскандировалъ онъ даже съ видимымъ самоуслажденіемъ, — живу себѣ въ сторонѣ, ни во что не вмѣшиваясь и слѣдя издали за тѣмъ, что происходитъ въ мірѣ, въ родѣ стараго моряка, знаете, давно отказавшагося отъ плаваній, но котораго все тянетъ на берегъ глядѣть на эволюціи проходящихъ мимо кораблей. Изъ любопытства живу, можно сказать, — время теперь такое интересное... Das alte stürzt, какъ сказалъ Шиллеръ,

es ändert sich die Zeit
Und neues Leben blüht aus den Ruinen, *)

и вотъ эта именно молодая жизнь, побѣдно проростающая сквозь разваливающееся старое, имѣетъ для меня, старика, неотразимую притягательность. Я предпочитаю общество молодежи всякому другому... и даже, скажу съ гордостью, имѣлъ случай замѣтить, что не всегда наскучаю ей моимъ... И знаете, что я вамъ скажу, примолвилъ онъ полушопотомъ, словно собираясь сообщить какую-то тайну,— болѣе всѣхъ нравится мнѣ нынѣшняя русская молодежь...

Онъ поглядѣлъ на своего собесѣдника, словно ожидая отъ него выраженія благодарности за проговоренное имъ, но тотъ не нашелъ ничего сказать на это, и графъ Тхоржинскій началъ опять:

---

*) *Vilhelm Tell.*

— Ее окрестили, да и сама она, кажется, гордится этимъ прозвищемъ, „нигилисткою“, а между тѣмъ я не знаю натуръ, болѣе безкорыстно, болѣе самоотверженно идеальныхъ въ своихъ стремленіяхъ, чѣмъ эти русскіе *нигилисты*... Оттого мнѣ ихъ такъ и жаль! совершенно нежданно для Поспѣлова заключилъ онъ.

— Чѣмъ же заслужили они это ваше сожалѣніе? нѣсколько обиженно спросилъ тотъ.

Графъ Тхоржинскій вздохнулъ опять:

— Потому, что знамя, подъ которымъ шли они до сихъ поръ, должно привести лишь къ полному краху надеждъ ихъ вообще и къ гибели каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

— „Знамя“, то-есть, что̀ вы подъ этимъ понимаете?

— Соціальный переворотъ à tout prix и немедленно.

— Наша молодежь не можетъ отказаться отъ принциповъ, которые восприняла она себѣ въ плоть и кровь! съ горячимъ эмфазомъ въ голосѣ протестовалъ Поспѣловъ.

— Для чего же „отказываться!“ возразилъ графъ медлительнымъ тономъ и снисходительно улыбаясь,—sed est modus in rebus, вы знаете; крѣпости не всегда штурмомъ берутся, ихъ можно и обойти, и обложить: результатъ выходитъ тотъ же, но вы войско свое сберегли... А иллюзій мы себѣ дѣлать не будемъ, войска-то *у васъ* не много!...

И такъ вѣско и увѣренно произнесены были эти слова, что молодой человѣкъ остался безгласенъ. Его даже будто и не удивило совсѣмъ, что этотъ совсѣмъ невѣдомый ему старикъ послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора прямо уже говорилъ ему „*вы*“, разумѣя подъ этимъ „войско *нигилистовъ*“.

— *Ваша* дѣятельность, все также говорилъ графъ между тѣмъ,—обречена на безплодіе, пока вы остаетесь изолированною группой мечтателей-теориковъ, сѣющею какіе-то умозрительныя сѣмена на пользу какого-то стада тупоголовыхъ—вы сейчасъ сами, кажется, выразились такъ?—и неумѣвшею или пренебрегавшею до сихъ поръ намѣтить себѣ ту ближайшую цѣль, достиженіе которой могло бы единственно обезпечить успѣхъ вашихъ же плановъ соціальнаго преобразованія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

— Ну да, знаю, промолвилъ свысока Поспѣловъ,—парламентаризмъ, говорильню, гдѣ засѣдали бы всякіе разжирѣвшіе буржуа, плутократы и адвокаты-либералы на розовой водѣ!...

— Начала представительное и федеративное, строго и внушительно выговорилъ тотъ,—при которыхъ всѣ различныя народности, входящія въ составъ Россіи, получили бы право свободно развиваться согласно своимъ особеннымъ историческимъ и бытовымъ условіямъ, каждая отдѣльная личность нашла бы для себя недостающія ей теперь гарантіи неприкосновенности индивидуальной и имущественной, а *вы*, благодаря полной свободѣ печати и ассоціацій, сопряженной съ такимъ порядкомъ вещей, возможность безпрепятственно, не боясь жандармовъ, распространять ваше ученіе и устною и печатною проповѣдью... во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ вашей страны, гдѣ оказались бы люди расположенными принять его...

Что-то какъ бы невольно презрительное послышалось эмигранту въ этихъ послѣднихъ словахъ, но онъ не успѣлъ на этомъ остановиться...

— Вотъ что слѣдовало написать на вашемъ знамени, и тогда вы увлекли бы за собою, такъ мнѣ это по крайней мѣрѣ кажется, со стороны глядя, невиннымъ тономъ вставилъ Тхоржинскій,—не однихъ такихъ же, какъ вы сами, молодыхъ идеалистовъ... Вы могли бы стать тогда дѣйствительно боевою силой прогрессивнаго движенія въ Россіи; ея апатичная интеллигенція, видя въ васъ истинныхъ представителей своихъ политическихъ стремленій, должна была бы, volens nolens, оказать вамъ активную поддержку, между тѣмъ какъ теперь... (онъ приподнялъ плечи), ибо вы не должны обольщать себя, скажу вамъ откровенно, относительно рукоплесканій оправданію Засуличъ, ни тѣхъ, которыя, можетъ быть, раздадутся, и тому, что было совершено вчера въ Петербургѣ. Русское правительство, какъ вы прекрасно сказали, оказывается теперь *не-со-сто-ятельно*, проговорилъ онъ по-русски, расчленяя слоги опять,—и всѣ рады, когда это тѣмъ или другимъ образомъ доказывается ему лишній разъ; но сочувствій къ *вашей* собственно программѣ едва-ли насчитаете вы

много и въ самой Россіи, а тѣмъ паче въ инородныхъ, гораздо болѣе цивилизованныхъ, чѣмъ она, краяхъ, подвластныхъ ея державѣ... А это, кажется мнѣ, могло бы быть *совсѣмъ, совсѣмъ иначе*, съ какою-то намѣренною тягучестью въ тонѣ и словно въ résumé всего выше имъ сказаннаго протянулъ польскій графъ, затягиваясь снова во всю грудь,—если бы *вы захотѣли* быть болѣе практичными!...

Поспѣловъ молчалъ... Онъ чувствовалъ, что весь разговоръ этотъ былъ начатъ не даромъ, что въ немъ заключались какія-то указанія, какія-то предложенія, быть можетъ весьма важныя для *партіи* въ эту минуту, которыя какъ бы ждали какого-то отвѣта... Но какого и на что именно отвѣта? Во всѣхъ этихъ рѣчахъ не было въ сущности ничего переходящаго за рамки „обыкновенной болтовни русскихъ либеральныхъ газетъ", но было что-то такое неуловимое, *настоящее*, „къ чему у меня ключа нѣтъ", говорилъ себѣ молодой человѣкъ, и сознаніе своей невидной роли въ *партіи* заскребло у него опять досадливо на сердцѣ, какъ утромъ въ разговорѣ съ Волкомъ.

— Я полагаю, надумался онъ сказать наконецъ,—что русское *движеніе* (онъ не рѣшился почему-то выговорить прямо „революціонное",) готово будетъ войти въ соглашеніе со всякою *дѣйствительною силой* для борьбы противъ общаго врага.

Графъ Тхоржинскій повелъ на него загадочнымъ взглядомъ:

— Вы скоро думаете въ Россію? спросилъ онъ прежнимъ небрежнымъ тономъ.

Поспѣлову стало опять неловко...

— Мнѣ придется еще нѣкоторое время пробыть здѣсь, отвѣтилъ онъ сквозь зубы.

— А—а!.. пріятно проводите время въ Италіи, какъ бы насмѣшливо сказалъ тотъ.

— Я живу уроками, поспѣшилъ заявить молодой человѣкъ, морщась.

— Много ихъ имѣете здѣсь?

— Нѣтъ... пока одинъ...

— У кого, смѣю спросить?

— У... у графини Драхенбергъ, слегка запнулся Поспѣловъ.

— Которая тутъ сидѣла сейчасъ?.. Очень пріятной наружности и любезная, сколько можно судить на первый взглядъ, дама...

Молодой человѣкъ не отвѣчалъ.

Собесѣдникъ его слегка зѣвнулъ, оглянулся кругомъ.

— Однако мы съ вами одни на всей площади остались; фонари даже потушили, засмѣялся онъ, подымаясь съ мѣста и протягивая руку Поспѣлову:—съ большимъ удовольствіемъ провелъ съ вами время, промолвилъ онъ уже (такъ показалось тому по крайней мѣрѣ,) не то скучливымъ, не то пренебрежительнымъ тономъ.

— А сами вы долго думаете пробыть въ этомъ городѣ? счелъ нужнымъ спросить эмигрантъ въ свою очередь какъ можно спокойнѣе.

— Не знаю... я еще не рѣшилъ, съ очевидною неохотой уронилъ въ отвѣтъ ему графъ Тхоржинскій.

— Вы должны еще явиться къ князю Іоанну? съ какимъ-то ребяческимъ намѣреніемъ уколоть его отпустилъ Поспѣловъ.

— „Явиться"? повторилъ графъ, и глаза его сверкнули.— Я не русскій чиновникъ, а вольный дворянинъ... (Un gentilhomme indépendant).

И быстрымъ вольтомъ измѣняя немедленно выраженіе своей физіономіи, онъ продолжалъ, уже улыбаясь: — Я давно знаю князя Іоанна и посѣщаю его (je vais le voir), когда нахожусь съ нимъ въ одномъ городѣ, какъ многихъ другихъ, такихъ же, какъ онъ, принцевъ, съ которыми знакомъ въ Европѣ; я люблю умныхъ людей, даже когда они принцы, ввернулъ онъ нѣсколько язвительно, — но не имѣю съ нимъ никакихъ дѣлъ и ни чѣмъ съ нимъ не связанъ... Я, повторяю вамъ, вольный гражданинъ (un libre citoyen) и ни отъ кого, какъ *и ни отъ чего* на свѣтѣ, не завишу! заключилъ онъ, весьма замѣтно напирая на эти послѣднія слова.

„Да", подумалось тутъ же нашему эмигранту: „тебя самъ чортъ на крючокъ не поймаетъ!"

Красивый старецъ усмѣхнулся еще разъ и, пославъ оконечностями пальцевъ нѣчто въ родѣ поцѣлуя по адресу все еще не двигавшагося со своего стула Поспѣлова, зашагалъ, слегка посвистывая, бодрымъ и быстрымъ шагомъ по направленію hôtel San-Marco, въ которомъ онъ занималъ нумеръ рядомъ съ „цвѣтникомъ леди Динморъ“, какъ выражался князь Іоаннъ.

VIII.

У насъ дома нездорово: тараканъ съ печи упалъ.
Поговорка.

Другаго рода разговоръ происходилъ въ это время на Riva dei Schiavoni, въ покоѣ, занимаемомъ въ нижнемъ этажѣ Hôtel Danielli четою Сусальцевыхъ.

Антонина Дмитріевна, простившись съ сопровождавшею ее компаніей (при семъ положено было, что на слѣдующій день „кузины“ будутъ „дѣлать князю Іоанну les honneurs de Venise“, поѣдутъ съ нимъ „повсюду“ и возьмутъ съ собою маркиза Каподимонте, такъ какъ „лучшаго *чичероне* князю конечно не найти“, на что̀ князь Іоаннъ со своей стороны изъявилъ полное свое согласіе,), прошла къ себѣ въ комнату и собиралась, при помощи нѣмой дѣвочки, Варюшки, привезенной ею съ собой изъ Россіи и состоявшей у нея на положеніи „второй горничной“ (*первая* была бойкая и ловкая Француженка, весьма расположенная къ „фамиліарству“, вслѣдствіе чего Сусальцева держала ее только „для большихъ оказій“,), приступить къ раздѣванію, когда дверь изъ гостиной въ эту комнату широко отворилась, и на порогѣ ея весьма нежданно для красивой барыни показался ея мужъ.

Онъ никогда до этой минуты (она пріучила его къ этому съ первыхъ же дней ихъ брака и пребыванія за границей,) не позволялъ себѣ входить къ ней, не постучавшись предварительно въ дверь и не дождавшись, пока она скажетъ: „entrez“! Что̀ же такое произошло, что̀ могло дать ему теперь поводъ „такъ забыться“? И полугнѣвно, полутревожно она съ

мѣста своего предъ зеркаломъ смѣрила его взглядомъ отъ ногъ до головы:

— Что̀ это за манеры? уронила она высокомѣрно,—развѣ такъ врываются въ женскую спальню порядочные люди?

— Ну-съ, насчетъ манеръ мы разсужденіе отложимъ пока въ сторону, рѣзко выговорилъ на это Провъ Ефремовичъ, рѣшительно входя въ комнату, — а мнѣ съ вами потолковать требуется.

— О чемъ это?

— А вотъ-съ услышите!

— И долго вы намѣрены „толковать"? язвительно спросила она:—я, предваряю васъ, умираю, спать хочу.

— Повремените крошечку, авось и въ живыхъ останетесь, отвѣтилъ онъ съ видимымъ въ свою очередь намѣреніемъ ироніи.

Онъ опустился въ кресло неподалеку отъ ея туалетнаго стола, уложивъ руки на колѣна и опустивъ голову, какъ бы собираясь съ мыслями.

— Варюшка, ступай! скучливымъ тономъ молвила Антонина Дмитріевна дѣвочкѣ, переобувавшей ей въ эту минуту ноги въ спальныя атласныя mules, — я позвоню тебя, когда нужно будетъ.

Дѣвочка приподняла отъ пола свое худенькое личико, обернулась на Сусальцева быстрымъ и вызывающимъ взглядомъ, медленно встала въ ростъ и также медленно, озираясь подозрительно на-ходу, будто хищный звѣрекъ, вышла изъ комнаты.

— Я васъ слушаю! произнесла вслѣдъ затѣмъ ея барыня, обращаясь къ мужу съ тѣмъ именно „величественнымъ" оттѣнкомъ интонаціи и головнаго движенія, съ какимъ на французской сценѣ королевы и принцессы говорятъ предъ ожидаемымъ зрителями монологомъ перваго сюжета: „Je vous écoute, parlez!"

— Вы это какъ же, Антонина Дмитріевна, началъ съ-оника Сусальцевъ,—во Флоренцію собираетесь?

— Да... А что̀? съ искреннимъ удивленіемъ спросила она.

— Ничего-съ, хихикнулъ онъ: — удивительно только мнѣ

это маленько показалось, что вы такъ при всѣхъ твердо объявляете, а я... вѣнчанный мужъ вашъ... со всѣми вмѣстѣ впервой объ этомъ узнаю...

Антонина Дмитріевна принялась смѣяться.

— Прежде всего, не „впервой", потому, что еще въ Люцернѣ, *при васъ*, собираясь сюда, мы рѣшили съ Elly и маркизомъ, что поѣдемъ потомъ во Флоренцію и Римъ. Во-вторыхъ, мнѣ очень хорошо извѣстно, что вамъ совершенно все равно, куда ѣхать.

— Почему же это можетъ быть вамъ такъ хорошо извѣстно? А если даже, напротивъ того, я полагаю такъ, что не только во всякія Флоренціи тащиться, а даже и совсѣмъ съ заграничнымъ вояжемъ покончить надо.

— Съ чего же это вы вздумали? испуганно воскликнула Сусальцева.

— А съ того, очень просто, что если въ нашемъ коммерческомъ дѣлѣ на чужихъ полагаться, а самому, вмѣсто призору хозяйскаго, однѣ денежки по чужимъ краямъ сыпать, — самымъ скоропостижнымъ образомъ можно въ трубу вылетѣть.

— Развѣ вы получили какія-нибудь нехорошія извѣстія изъ Россіи? съ новою тревогой пролепетала она.

— Извѣстія аль неизвѣстія—все равно-съ, досадливо возразилъ Провъ Ефремовичъ.—Человѣку на то мозги даны, чтобы самъ разсужденіе могъ имѣть: позабавились, мало не милліончикъ франковъ въ два года просвистали,—баста, клапанъ заткнуть пора!

Онъ, какъ бы намѣренно и даже усиливаясь, выражался теперь чисто „купеческимъ" пошибомъ рѣчи, отъ котораго со времени женитьбы своей и въ обществѣ благовоспитанныхъ соотечественниковъ, съ коими почти исключительно, благодаря женѣ, водился въ Парижѣ, успѣлъ было совсѣмъ отвыкнуть; внутреннему раздраженію его словно утѣшительнѣе было выливаться въ грубовато-энергическую форму выраженія той среды, изъ которой вышелъ онъ...

— Вы, кажется, *сами*, колко замѣтила Антонина Дмит-

ріевна на упрекъ, слышавшійся ей въ этихъ словахъ мужа,— не мало потѣшились на потраченныя вами за то время деньги.

— Извѣстно, хихикнулъ еще разъ Провъ Ефремовичъ,— за науку въ мои годы платить не дешево приходится.

— За какую науку? И брови у нея сжались.

— А то какъ же-съ! Съ князьями вашими и графами вожжаться умѣть, подъ ручку съ ними за панибрата по бульварамъ прогуливаться, безъ счету и отдачи имъ billets de mille *) въ видѣ якобы займа предоставлять, и все это *благороднѣйшимъ* манеромъ, иронически подчеркнулъ онъ,—чтобъ и тебя за чистокровнѣйшаго *жантильома* принимали,—наука тоже не маленькая для нашего брата!...

Ее всю коробило отъ этого „хамскаго" тона, какъ говорила она себѣ внутренно...

— Не я, конечно, съ едва сдерживаемымъ отвращеніемъ молвила она громко, — учила васъ ссужать деньгами встрѣчнаго и поперечнаго, а если вы, какъ говорите, выучились „держать себя" иначе... или умѣли прежде, такъ за это *порядочный* человѣкъ, вѣско подчеркнула она въ свою очередь,— можетъ быть только благодаренъ тѣмъ, кому онъ этимъ обязанъ.

Провъ Ефремовичъ слегка опѣшилъ: противъ этого возражать ему было нечего... А „сердце сорвать" все-таки на чемъ-нибудь нужно было... Онъ придрался къ ея же словамъ:

— Какъ если „порядочный", такъ и съ нимъ, полагаю, люди должны *порядочно* обращаться!

Она намѣренно и продолжительно зѣвнула.

— Для чего и на какомъ основаніи говорите вы мнѣ этотъ вздоръ? Какая васъ муха укусила сегодня?

Его такъ и взорвало вдругъ отъ этого пренебрежительнаго тона: щеки его раскраснѣлись, глаза запылали...

— А такая-съ, воскликнулъ онъ рѣзкимъ голосомъ,—что, каковъ я ни есть, а на роль *мужа пѣвицы* согласія моего не будетъ никогда!

— Это еще что̀ такое „мужъ пѣвицы"?

И глаза ея пытливо приковались къ его лицу.

---

*) Ассигнаціи въ 1.000 франковъ.

Но онъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы не давать ей читать на этомъ лицѣ, вспрянулъ съ мѣста и зашагалъ словно на пружинахъ по комнатѣ съ судорожнымъ подрягиваніемъ своихъ могучихъ рукъ и ногъ.

— Каковъ ни на есть, повторилъ онъ на-ходу,—а былъ я всегда, есмь и буду *самъ-человѣкъ*... и чтобы меня въ родѣ нерваго дворецкаго при красавицѣ-женѣ почитали—это дудки-съ, этому никогда не бывать!.. Очень я хорошо понимаю, что при вашей наружности и воспитаніи каждому лестно состоять съ вами въ знакомствѣ... а только опять полагаю я такъ, что, находись вы... въ обстановкѣ... *пониже* не чѣмъ въ какой находитесь теперь, число этихъ вашихъ ферлакуровъ и пріятельницъ изъ *знатныхъ* сократилось бы не на малую толику...

— Что̀ же, вспыхнула вся Антонина Дмитріевна,—вы желаете, кажется, уколоть меня тѣмъ, что взяли меня безъ состоянія?..

Она усмѣхнулась злою усмѣшкой, вскинула слегка плечами вверхъ и проговорила какъ бы про себя:—Это меня впрочемъ не удивляетъ.

„Чего отъ тебя, мужика, и ждать иного“, досказалъ себѣ за нее Провъ Ефремовичъ, и самъ покраснѣлъ до волосъ, не то отъ обиды, не то отъ „совѣсти“.

— Никакъ я и ничѣмъ не намѣренъ колоть васъ, началъ онъ, насколько могъ мягче и *приличнымъ* языкомъ,—а желалъ только сказать, что въ супружествѣ каждый свою долю приноситъ: одинъ—одно, другой—другое. Зачѣмъ же пренебрегать-то одному другимъ... и самимъ вамъ, примѣрно, можетъ-ли быть пріятно, если вашего мужа, при васъ же, ни во что̀ ставить будутъ?

Сусальцева потянулась съ папироской въ рукѣ къ одной изъ свѣчей, зажженныхъ на ея туалетномъ столѣ, и медленно заговорила:

— Съ первой минуты, когда вы такъ... *безцеремонно* ворвались ко мнѣ, я поняла, что вы чѣмъ-то оскорбились... и даже именно *чѣмъ*... Князь Іоаннъ сейчасъ недостаточно былъ любезенъ съ вами,—такъ?

Этотъ выраженный вслухъ чужими устами тайный мотивъ его раздраженія, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, смутилъ Прова Ефремовича.

— Никакихъ „любезностей“ мнѣ его не нужно, пробормоталъ онъ досадливо,—ни братъ онъ мнѣ, ни сватъ, и въ дружбу къ нему не прошусь. Высокихъ особъ, какъ онъ, не мало тоже перевидать успѣлъ, и Уэльскаго принца, и Голландскаго, и нѣмецкихъ всякихъ, и даже многихъ, какъ вамъ извѣстно, въ вашемъ салонѣ, у себя въ домѣ, значитъ, въ Парижѣ, принималъ. Такъ мнѣ не невидаль такое лицо, и очень хорошо я понимаю, какъ себя съ такимъ должно держать... И напрасно поэтому родственница ваша, графиня *фонъ*-Драхенбергъ, будто за стыдъ себѣ почла назвать меня ему, вырвалось у Сусальцева какъ бы противъ воли.

Жена его еще разъ приподняла плечи:

— И все-таки представила васъ,—чего-жь вамъ больше?

— Да-съ, и такъ, будто фамилія моя ей губы жгла.

— Ахъ, Боже мой, вскрикнула съ неудержимымъ глумленіемъ Антонина Дмитріевна:—вы бы еще хотѣли, чтобъ у нея фамилія *Сусальцевъ* медомъ истекла изъ устъ?

Провъ Ефремовичъ широко раскрывшимися зрачками глянулъ въ ея злобно сверкнувшіе глаза и поблѣднѣлъ, какъ полотно... Онъ какъ-то разомъ, всѣмъ существомъ понялъ въ этотъ мигъ, что эта женщина, его жена, ненавидѣла его...

При первомъ столкновеніи (онъ два года сряду, смутно предчувствуя это, тщательно избѣгалъ его,) это должно было обнаружиться. Она ненавидѣла его, его плебейскую фамилію, его „мужичество“, и не была въ силахъ преодолѣть въ себѣ этого чувства,—онъ это ясно увидалъ теперь... Мальчики запрыгали у него въ глазахъ.

— Напрасно въ такомъ случаѣ, заговорилъ онъ, скрипя лихорадочно зубами,—рѣшились вы такую зазорную фамилію на себя принять... напрасно!.. Вашей бѣлой кости не мало теперича молодцовъ по міру шляется, могли бы любаго боярскаго или княжескаго рода по себѣ найтить, — въ волостяхъ даже писарями иные служатъ, съ Юрьевымъ вашимъ по сосѣдству крестьянъ сосутъ, доходы тоже порядочные, жить

можно... А то вы ишь кого себѣ взяли,—нашего брата, сермягу сѣрую...

Онъ чувствовалъ, что „еще немножко“ — и онъ кинется на нее, “изобьетъ ее въ кровь„ своими огромными „мужицкими“ руками... Онъ сдержался, оборвалъ рѣчь, передохнулъ.— Толковать съ вами пространно объ этомъ предметѣ, полагаю я, незачѣмъ. А скажу я вамъ просто, съ чего началъ, опять: оставаться за границей я не согласенъ и даю вамъ потому три дня сроку на сборы, а затѣмъ—не угодно-ли домой, въ Россію?

— Не угодно! самымъ хладнокровнымъ тономъ молвила она на это.

— Чего-съ? какъ бы не довѣряя ушамъ своимъ, переспросилъ Сусальцевъ:—вамъ не угодно ѣхать со мною?

— Нѣтъ! повторила она тѣмъ же тономъ.

— Такъ что̀ же вы дѣлать полагаете? уже нѣсколько какъ-бы растерянно спросилъ онъ опять.

— Поѣду во Флоренцію, какъ сказала.

— *Съ чѣмъ* это, позвольте узнать?

— Вы мнѣ дадите денегъ, сколько нужно будетъ.

— Я дамъ!..

Онъ захохоталъ, словно давился: — съ чего-жь это вы взяли?

Она повернула на него взглядомъ, выражавшимъ полнѣйшее удивленіе:

— Я не разведенная съ вами жена; вы обязаны давать мнѣ содержаніе соотвѣтственно вашему состоянію.

— Состоянія моего никто не считалъ, закричалъ онъ съ новымъ порывомъ гнѣва,—а содержаніе давать обязанъ женѣ мужъ, когда она *съ нимъ*, а не *врозь* живетъ.

— Я васъ отъ себя не гоню, а ѣхать съ вами не могу.

— Почему не можете?

— Мнѣ вреденъ холодъ въ Россіи.

— Давно-ли это?

Она только засмѣялась и закурила новую папироску.

— Ну-съ, это какъ вы себѣ знаете, отрѣзалъ Провъ Ефремовичъ, чувствуя, какъ поднявшаяся кровь билась стремительно

въ его вискахъ, — а только, если вамъ угодно оставаться за границей безъ меня, я вамъ гроша не дамъ.

— Не дадите добровольно—заставятъ! невозмутимо произнесла она въ отвѣтъ.

— „Заставятъ“? едва былъ онъ въ силахъ выговорить:— кто-жь это... и какъ... можетъ заставить меня?..

— Очень просто: я подамъ просьбу, куда слѣдуетъ, что вы, при вашихъ средствахъ, изъ злобы на меня оставляете меня умирать съ голоду.

— Вы... вы подадите?..

— Подамъ!

Сусальцевъ, не помня уже себя, ринулся на нее съ мѣста съ высокоподнятыми кулаками...

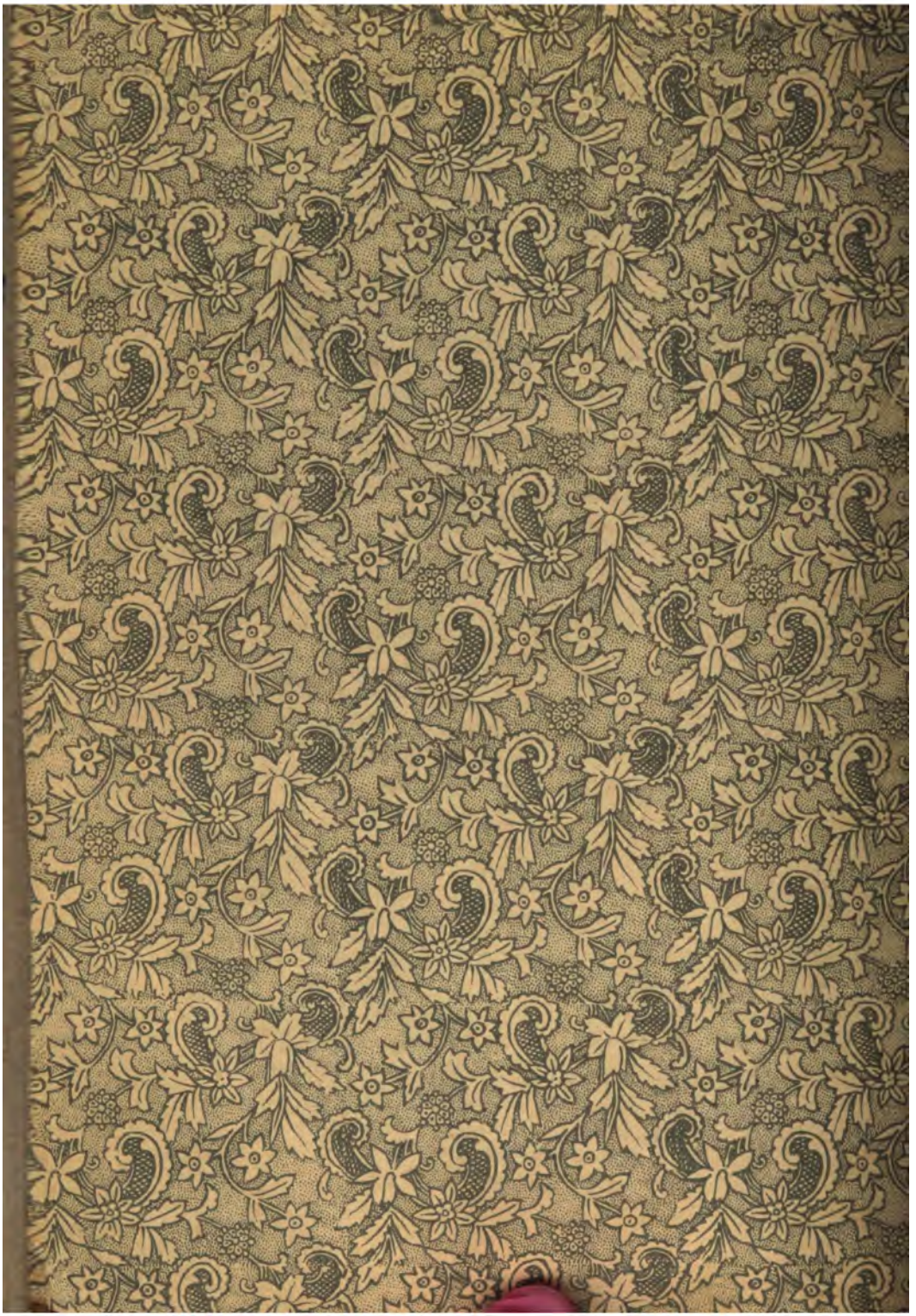
Но онъ не успѣлъ еще добѣжать до нея, какъ она стояла въ ростъ у стѣны, нажимая пуговку воздушнаго звонка, въ силу продолжительности котораго чуть-ли не весь отель долженъ былъ сбѣжаться сейчасъ въ ея покой.

И въ то же время изъ ближайшей комнаты выскочила очевидно все время подслушивавшая подъ дверью Варюшка и кинулась между барыней своею и ея мужемъ, готовая (онъ это видѣлъ,) вцѣпиться ему немедленно ногтями въ лицо.

Провъ Ефремовичъ вздрогнулъ съ головы до ногъ, плюнулъ во весь ротъ по адресу жены и бросился вонъ изъ комнаты...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

25P



3 6105 015 012 532

.M327
1885
v.8

STANFORD LIBRARIES

DATE DUE

SEP 16 1987

I. L. L.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305